

Юлия Флоренская

文武
II

КАЛЛИГРАФИЯ

Annotation

Добро пожаловать в сад сакур (или в академию Деви — тут уж как вам по душе)! Только имейте в виду, вас будут подозревать, за вами будут шпионить, вас будут преследовать, куда бы вы ни отправились.

Глава 1. Цветет и пахнет

Любовь растет иль вянет. Лишь застой
Несвойствен ей. Иль в пепел обратится,
Иль станет путеводною звездой,
Которой вечен свет, как вечен мира строй.

Байрон

Глава 1. Цветет и пахнет

На грязных улицах Бхалapura кричали и бранились торговцы, сновали по брусчатке рикши, жался к обшарпанным стенам бедный люд. И сквозь всё это столпотворение торопливо проталкивались чумазные мальчишки. Недавно они играли в мяч, но сейчас им было не до смеха.

— Быстрее, быстрее! Догоняют ведь! — торопил друзей Вазант. Позавчера ему исполнилось двенадцать, и он считал себя взрослым. Он думал, что уж теперь точно сможет за себя постоять и выпутаться из любой ситуации.

Из любой, да не из этой.

Стояла вонь и духота, над городом висел туман, и дышалось с трудом. Но ребята были до того напуганы, что остановиться и перевести дух просто не могли. Две черные машины, словно гигантские хищники, неумолимо следовали за ними по пятам. Народ расступался, лавочники умолкали, извозчики сворачивали в безлюдные проходы, куда и Вазант с товарищами непременно бы свернул, если бы не наказ матери: «Как заметишь погоню, постарайся слиться с толпой, но ни в коем случае не прячься в закоулках. Это подлинные мышеловки для таких мышат, как ты».

Убогие домишки без стекол буквально наседали друг на друга, поэтому стиснутые между ними горожане были вынуждены нырять в подвалы и канализационные люки, чтобы не попасть под колеса иностранных автомобилей. Эти автомобили не так уж и часто жаловали в зловонные кварталы.

— Богачи приехали, да, бабушка? Они будут раздавать сладости? — спрашивала какая-то девчушка, высовываясь из окна и показывая пальчиком на дорогу.

— Тише, тише, иди сюда, — испуганно говорила старушка, отстраняя внучку от проема и прижимая к иссохшей груди. — Да, богачи, — прибавляла она ласково, не решаясь дать им иное наименование: работоторговцы.

Вазант бежал без оглядки. Толпа поредела, и он слышал рядом учащенное дыхание товарищей. Они уже почти отчаялись найти выход из этого нескончаемого каменного лабиринта.

— Куда ты нас завел?! — внезапно воскликнул его приятель. — Здесь же тупик!

И правда, тупик. Кирпичная стена, усеянная объявлениями и плакатами. Они пытались стать друг другу на плечи, чтобы перебраться на ту сторону, но им не доставало роста.

— Пропали! — захныкал малыш Джей, завидев вдали «вестников гибели» с тонированными стеклами. Мама малыша Джея говорила, что внутри у металлических чудиш — кожаные сидения, вентиляция да благоухание, а за рулем сидят те, в ком едва ли осталось что-то человеческое.

— Нет, не пропали! — храбро крикнул Вазант. — Помните про Волшебные Деревья!

— Волшебные Деревья — миф! — шмыгая носом, возразил кто-то.

— Если веришь всем сердцем, будешь спасен! — с горячностью ответил юный индеец.

Вдруг из барачков в ребят полетели камни, и один больно ударил вдохновителя в лоб.

— Убир-райтесь, убир-райтесь! — зашипели оттуда. — Вы накликали беду, и теперь нас тоже схватят.

— Кому нужны бродяги вроде вас?! — с вызовом бросил Вазант. — Они охотятся только на крепких и здоровых, а не на тех, у кого кожа да кости!

— Вс-сё равно, убир-райтесь, — И град камней возобновился. Между тем «черные тучи» на колесах приближались, зловеще шаря фарами в смрадном тумане. Путь к отступлению был отрезан.

«Что скажет отец, когда узнает о моем похищении?! — с содроганием подумал малыш Джей. — Каково будет моей младшей сестренке?!»

И тут его красное, заплаканное личико озарилось светом надежды. Как неистовый, бухнулся он на колени прямо перед машинами и стал шептать:

— О, Волшебные Деревья, спасите, спасите меня! О, спасите меня!

Его примеру последовали многие, но не все. Не все были так наивны, чтобы верить в «подобную чушь». Старшие метались, как куры в курятнике. И чувствовали себя соответственно: в следующее мгновение им посворачивают шею.

А Вазант умолял о спасении столь иступленно, что не воспринимал ничего вокруг. Прекратился каменный град, беднота затаилась в своих убежищах, когда дверцы машин распахнулись и из салонов выпрыгнули нелюди, о которых слышал малыш Джей. Сперва нелюди накинулись на самых суетливых.

— Не дайте уйти этим молящимся! — зарычал один из охотников. — Они вот-вот исчезнут!

Пророчество не замедлило сбыться: Вазант и несколько его друзей растворились в воздухе, и больше их никто не видел.

Кристиана порядочно утомляло втолковывать Джулии грамматику японского. Но, увы, он сам был виноват в случившемся, ненароком раскрыв свои выдающиеся познания в этом языке. Студентке второго курса Академии Деви, к тому же такой прехорошенькой студентке, он отказать никак не мог. Да и настойчивости Джулии было не занимать. Именно поэтому они сидели теперь в белой пагоде сада сакур, и девушка то и дело рвала рисовую бумагу сильным нажатием кисти.

День подходил к закату, и сад снаружи затих, как бы готовясь к этому прекрасному времени суток. Только пчелы по-прежнему гудели, да робко стрекотали сверчки. Повсюду — ни ветерка.

— Совсем я с тобой замучился, — вздохнул Кристиан, усталым движением расправляя складки плаща на коленях. — Напиши это предложение еще раз.

Джулия с удвоенным рвением принялась выводить иероглифы и тут же посадила кляксу.

— Ничего, я научусь! Ведь с первых занятий не прошло и недели, — поспешно сказала она.

— Вам чаю? Или, может, sake? — поинтересовалась вошедшая Аризу Кей. На ней было дивное светло-голубое кимоно и легкие туфельки. Свои черные волосы она собрала в пучок на затылке, и лишь несколько прямых прядей свисало со лба. Хранительница сада лучилась добротой, а ее цветущее лицо было лицом самой очаровательной японки на свете.

— Не издевайся, пожалуйста, — раздосадовано промолвил Кристиан. — Завари нам чаю. Да погорячее.

— Мне, если можно, с листочками мяты, — осторожно попросила Джулия.

— Вижу, у вас не очень получается, — участливо заметила японка. — Я могу сменить тебя, Кристиан.

— Да уж незачем. Лучше вот ее смени, — И он указал на незадачливую ученицу. — Уже вечер, а мы ни на шаг не продвинулись.

— Но вы сами вызвались меня обучать, синьор Кимура! — возразила та. — Не бросать же начатое! Тем более, здесь кругом такое спокойствие и безмятежность. Как хорошо, что в прошлом году мы с Франческо открыли это место!..

— ... Как сейчас помню, — продолжала она в беседке, где Аризуну Кей накрыла столик на троих. — Сначала темные коридоры Академии, пыльная комната с глобусом-телепортатором, преследователи за дверью... А едва мы прикоснулись к Японии на карте, как перенеслись сюда. Аризуну медитировала на балкончике, — Девушка усмехнулась и отпила из чашки.

— Теперь, кажется, глава Академии упразднил этот прибор, я имею в виду глобус, — мягко произнесла японка. Ее речь была подобна журчанию ручейка, что протекал под мостом с узорчатыми красными перилами. Кристиан, обыкновенно любивший слушать ласковый говор Аризуну Кей, сегодня явно был не в духе.

— Пойду, прогуляюсь вдоль моря, — сказал он, вставая из-за стола. Перебрался по мосту на противоположный берег ручья и двинулся по садовой дорожке всё дальше и дальше, через калитку к сосновому лесу, огибающему пустынный пляж.

На вечно цветущих ветвях сакур покоились предзакатные лучи, а источник их вяло клонился к горизонту, туда, где небо сливается с морской гладью. Джулия проводила взглядом удаляющуюся фигуру своего учителя, и разговор потек в прежнем русле.

— Слышала, профессор Деви, глава Академии, запретил пользоваться телепортатором, — сказала Аризуну Кей. — И правильно, очень правильно! Ведь, как я понимаю, с его помощью можно перенестись в любую точку земного шара... Что стало бы со студентами, изъяви они желание попутешествовать таким способом! Общежитие разом бы опустело! А так сад известен только вам с Франческо да синьору Кимура.

— Что бы мы делали без твоей веточки! — со смехом сказала Джулия, вынимая из-за пазухи цветущую ветвь вишни. — Нажмешь на эту кнопочку — вернешься в итальянскую *alma mater*. Нажмешь сюда — и ты в идиллическом мире. Нет, Аризуну, право, это изобретение гениально.

— Поаккуратнее с ней, — погрозила пальчиком японка. — Не демонстрируй телепортационную ветвь всем и каждому.

— О, нет-нет, уверяю, я храню ее в таком месте, что никто не догадается. Даже Франческо. Правда, тот редко ее одалживает. Весь погряз в учебе.

— Он является сюда лишь затем, чтобы поискать новых книг в красной пагоде-библиотеке, — подтвердила хранительница. Она достала из угла беседки саншин и принялась в задумчивости перебирать три его струны. Небо медленно насыщалось темно-синими тонами.

Идиллический мир, как выразилась о саде Джулия Венто, итальянка до мозга костей, весь первый курс служил для нее своего рода пристанищем, местом уединения, куда она сбегала из шумных комнат общежития. И только недавно, с милостивого разрешения

хранительницы, она ввела под кров деревьев Кристиана Кимура, преподававшего в Академии химию и биофизику. Его владение японским тотчас открылось и привело в восторг не только Аризу Кей, но и саму Джулию, которая, не долго думая, упросила человека-в-черном (ибо он неизменно носил черный, до колена, плащ) быть ее сэнсэем. Об этой, весьма своеобразной личности среди студентов ходили самые разные слухи. Многие утверждали, будто бы синьор Кимура — уроженец Кореи, что, вне всяких сомнений, являлось правдой. Его внешность говорила сама за себя: узкие глаза, тонкая линия губ, смуглая кожа, черные прямые волосы. Однако, не в пример прочим представителям этой национальности, он был высок и гармонично сложен. Некоторые необоснованно подозревали его в связях с масонами, а иные шептались, будто он принадлежит к особо опасной группировке, грозящей Академии Деви присвоением ее секретных технологий. Впрочем, последняя версия также доказательств не имела.

Джулия почитала его своим благодетелем, решительно отвергая нелепые толки и измышления о его персоне. Он вырвал ее из сумятицы враждебного Рима, он, а не кто другой, привез ее в рай недалеко от Генуи, в рай под названием Академия Деви (хотя ученики частенько в шутку использовали аббревиатуру А.Д., что никоим образом не соответствовало внутреннему укладу заведения). Девушка льнула к нему как к своему покровителю; Кристиан же держался холодно и неприступно.

О школьных годах в Риме она рассказывала с неохотой, всей душой желая, чтобы они стерлись из памяти как можно скорее. То, что претерпела она до поступления в Академию, не шло ни в какое сравнение с «муками» заурядных школьников: одноклассники помыкали ею, насмехались, а порой даже угрожали. Учителя же смотрели на всё сквозь пальцы. Как мечтала она тогда о настоящем друге, способном ее защитить! Особенно туго пришлось в последнем, выпускном классе, когда родители укатили за границу, оставив ее «на попечение» кошке.

Пропустив школьный бал и не получив аттестата, — «Да гори оно всё синим пламенем!» — Джулия с готовностью приняла предложение синьора-в-черном и, вместе с баловнем судьбы, Франческо Росси из Пизы, была вывезена за пределы Лацио. Так, в лице Франческо у нее появился друг, который, возможно, был и не мастер по части обороны, зато развеселить мог кого угодно. Вместе они и обнаружили портал в сад сакур. Обнаружили совершенно случайно: под Новый Год, во время маскарада, они удирали от странных субъектов, настроенных далеко не благожелательно и, по всей видимости, имеющих зуб против Джулии Венто (чем-то же она им насолила!). Запершись в одной из многочисленных пустующих комнат Академии и стуча зубами от страха, друзья принялись второпях перетаскивать к двери мебель, как вдруг взгляд Франческо упал на столик ручной работы. Всё на этом столе было пыльным. Всё, за исключением глобуса.

«Милая вещица», — проговорил паренек и без всякой цели ткнул пальцем в место, где располагался Японский архипелаг. Едва Джулия успела схватиться за рукав его маскарадного костюма, как оба они предстали перед пагодой Аризу Кей.

Японка была личностью весьма загадочной: непонятно зачем возилась с деревьями до позднего вечера, хотя, ребята подозревали, стоило ей прищелкнуть языком — и на ветвях сами собой созрели бы вишни. Но она так усердно присматривала за сакурами, окучивала и поливала их, что времени у нее оставалось разве что на получасовые чайные церемонии да на то, чтобы протереть в библиотеке полы. Ее нельзя было упрекнуть в неопрятности или небрежности: на удивление чистое кимоно (учитывая, что сменной одежды в ее гардеробе не

имелось), вылизанная кухонька на первом этаже белой пагоды, убранные аллеи, ровно подстриженные газоны. Создавалось такое впечатление, будто на нее трудится целый взвод слуг. Хотя на деле никого из посторонних ребята в саду не встречали. По крайней мере, днем. А вот ночью... Перед наступлением ночи Аризуну Кей мягко, но настойчиво выпроваживала гостей за калитку, где им ничего не оставалось, кроме как нажать на кнопку ветви-телепортатора.

В том, что сад находится вовсе не в стране восходящего солнца, но парит невидимым островком в атмосфере, признаваться она не спешила. «Толку от этой информации, что от опавшего лепестка», — была уверена хранительница и прилежно умалчивала о сем факте. На островке есть горы со снежными пиками, откуда стекает быстрая речка; море и лес, чудесный сад, разросшийся на много гектаров; две пагоды, где можно скоротать ночь.

Разве станут Джулия и Франческо счастливее, узнав, что эти гектары не принадлежат островам в Тихом океане? Разве переменится для них состав воздуха, напоенного хвоей? Разве прекратят плодоносить сакуры или ручей остановит свой ход?

Никто не мог судить, сколь могущественна Аризуну Кей, исходя из одной только ее внешности или характера. Даже проникательный Кристиан ломал голову над тем, как она в одиночку управляет со всеми домашними делами и как заставляет деревья цвести и плодоносить круглый год. И почему, едва сядет солнце, ей так не терпится с ним распрощаться? Он мог бы поклясться: хранительница ночью не спит.

Однажды — лишь однажды — Джулия застала ее в пагоде за выведением писем на деревянных табличках. Был поздний час, и обескураженная вторжением японка выронила кисточку, а потом молча указала на дверь. Ее работа требовала тишины и глубокой концентрации. Она занималась каллиграфией.

В то время итальянка-второкурсница лишь собиралась постичь эту науку.

«Здесь много ума не надо, — считала она. — Нарисовать на дощечках закорючки — е some bere un uovo! [1]» Но она поняла, что несколько переоценила свои способности, когда стала засыпать прямо на лекциях. И как ни расталкивал ее Франческо, всё напрасно. Профессора делали ей выговоры, а Кристиан смотрел с укоризной.

Утро в Италии начиналось тогда, когда в саду вечерело. Поэтому синьор Кимура был против того, чтобы засиживаться у Аризуну Кей до первой звезды, пусть и подкрепляясь бодрящим чаем. Но с каллиграфией у Джулии не клеилось, и «сэнсэй», запасшись терпением, обучал ее премудростям чистописания до тех пор, пока у него самого не начинали слипаться глаза. По возвращении в Академию он как бы перемещался в иное измерение. Там его ждали студенты, услужливые лаборанты и добродушный директор, Сатурнион Деви, который, впрочем, не упускал возможности встрять там, где заканчивается область его компетенции, и надавать советов, половину из которых пропустят мимо ушей. Сам он специализировался главным образом на микроорганизмах и мог с ходу перечислить все экземпляры своей обширной коллекции бактерий. Сторонний наблюдатель счел бы его эксцентричным, однако без его руководства Академия не являлась бы сейчас тем, чем является. Смекалистый и энергичный, Деви поставил свое детище на ноги, вскормил и одел, если так выразиться. Вот уже который год, к большому неудовольствию конкурентов, Академия успешно сбывала на мировом рынке свои изобретения. Вот уже который год сюда стекались лучшие умы человечества. Стекались благодаря упорству профессоров, которые, можно сказать, поднимали жемчужины с морского дна, разъезжая по самым отдаленным странам. Однако директор был охоч не только до «жемчужин», но и до «самородков» —

юных дарований (таких как Джулия и Франческо), которых привозили в Академию со всего земного шара. Там их шлифовали, обучали всевозможным наукам, чтобы в один прекрасный день они заблистали ограненными алмазами, мастерами своего дела.

Постепенно из скрежещущих зубами завистников соседние корпорации превращались во врагов, жаждущих любыми способами заполучить секреты Деви. Директор знал это и всеми силами старался им помешать...

Придя с прогулки, Кристиан не обратил внимания на озадаченный вид хранительницы, которая рассматривала рисунок из чайных листьев на дне чашки. Завидев его, она натянула на себя приветливую улыбку и напомнила, что гостям пора откланяться.

— Желаю вам удачного дня, — проговорила она, легонько хлопнув Джулию по плечу. — И не клюй носом на лекциях, дорогая.

— Постараюсь, — ответила та. — Как жаль, что приходится уходить... Вот если б ты позволила переночевать...

— Переночевать?! — в замешательстве переспросила Аризу Кей. — Но, в таком случае... ты ведь пропустишь семинары в Академии.

— Именно, именно, — подтвердил синьор-в-черном. — А до окончания третьего курса тебе желательно зарекомендовать себя как прилежную ученицу. Тогда в дальнейшем директор сможет давать тебе ответственные поручения, и ты получишь возможность выезжать за границу по обмену опытом. Поэтому поторапливайся, если не хочешь отчитываться перед лектором, где тебя носило.

Несколько мгновений спустя она уже бойко шагала по коридору общежития, построенного точно в центре крючковой буквы «сигма» — главного корпуса Академии, где проходили занятия. В гостиной четвертого апартамента сопела Мирей. Она сидела за круглым столом, уткнувшись лбом в учебник по математике.

Мирей была соседкой Джулии по комнате, и более принципиальной особы никто из студентов в жизни еще не встречал. Она отличалась редкостной исполнительностью, за что многие ее недолюбливали. Хотя сама она тоже многих недолюбливала. В основном, взаимно. Джулия осторожно потормошила подругу:

— Э-эй! Проснись и пой!

Та подскочила на стуле, сгребла в охапку свою тетрадь и стала что-то ожесточенно записывать.

Из смежной комнаты высунулась Роза.

— Последнее время это происходит с ней всё чаще и чаще, — сказала она, поправляя растрепавшуюся шевелюру.

— Может, это из-за моих ночных походов? — предположила Джулия.

Роза пожалала плечами, хитро подмигнула и скрылась в дверях. Она не имела представления, куда Джулия отлучается на ночь, однако предпочитала не влезать в чужие дела. Жизнерадостность Розы Соле более чем компенсировала угрюмый нрав ее сожительницы, китайки Кианг, имя которой в переводе также означало «Роза». После того как по литературе задали читать роман Стендаля, их прозвали «Красное и Черное», сообразуясь более с цветом их волос, нежели с содержанием романа. «Черным» была, разумеется, Кианг: дикая, колючая и ужасно вредная. Когда же в аудиторию врывалась Роза Соле, она была подобна солнечному вихрю: ее рыжая копна словно освещала всё вокруг, а сама она нередко покатывалась со смеху после очередной веселой истории, которыми Франческо так и сыпал в перерывах между лекциями. Этот задорный итальянец вообще был

не прочь пошутить. Он даже про Кристиана сочинял небылицы, хотя уж кто-кто, а Кристиан заслуживал более уважительного к себе отношения...

— Который час? — на ломаном итальянском спросила Мирей, откладывая тетрадь и протирая заспанные глаза.

— Время завтрака! — объявила Роза. Она прыгала в дверном проеме, натягивая на себя джинсы. Из третьей комнаты, где обитали розовощекая Лиза и меланхоличная Джейн, донеслось шуршание пакетов. — Вишь, как возьтятся! — заметила она.

— У них что, опять была пакетная вечеринка? — изумленно спросила Джулия.

— Угу, — сонно пробормотала Мирей. — Всю ночь галдели!

— Удивительно, каким плодотворным может оказаться тандем россиянки и англичанки! — воскликнула Роза. — Елизавета Вяземская, — произнесла она на итальянский лад, — родом из Петербурга, а петербуржцы народ особый. У них там свои причуды.

— Как-нибудь я объявлю третьей комнате войну, — пробурчала Мирей, чьи земляки-французы, может, и знали толк в развлечениях, но никогда не позволили бы себе нарушить покой соседей.

За завтраком Джулия не притронулась к еде. У нее попросту пропал аппетит, когда подруга-француженка сообщила, что за ее домашнее задание по математике даже не бралась.

— Обычно ты меня выручала, — потерянно сказала ей Венто.

— К сожалению, в этот раз мадам Кэпп взвалила на наши плечи непомерно тяжкие примеры... так што мне и шо швоими едва удалошь шправитша, — с набитым ртом проговорила Мирей.

На лбу у Джулии выступил холодный пот: преподавательница будет в ярости. А в Академии студентам не понаслышке известно, что такое ярость мадам Кэпп. Каждый, кто выходит к доске на ее уроке, выглядит так, словно его обдали ледяной водой, а теперь ведут на пытки. Когда она бушует, дрожат стены, с потолка сыплется побелка, а ученики вжимаются в парты и стараются не дышать. Не сделать домашнюю работу — значит навлечь на себя ее праведный гнев и кару в виде дополнительной сотни дифференциальных уравнений.

Мимо столика, за которым сидели подруги, продефилировала Аннет Веку, и Мирей при этом издала звук, похожий на рычание.

— Так ненавидеть свою соотечественницу! — изумилась Роза. — Уму непостижимо!

— Миротворцев прошу не вмешиваться, — процедила та. Она невзлюбила Аннет с первого дня, заявив, что вертихвостки вроде нее позорят честь нации. Хотя непонятно, чем именно они эту честь позорят. Со стороны Аннет казалась очень милой, улыбчивой девушкой, не лишенной грации и изящества. Душа компании, самая умная и популярная на потоке, она была бы, пожалуй, идеалом, если б не заостренные черты лица и излишняя худоба. Те из студентов, кто знал ее ближе, либо относились к ней с презрением, либо уверяли ее в вечной преданности. Равнодушными оставались редкие.

Кианг была среди приверженцев Аннет, в то время как Мирей готова была стереть отличницу в порошок. Из-за этого они с китайкой часто ссорились и рвали друг на друге волосы, катаясь по полу в гостиной. Вхожий в гостиную Франческо разнимал их, и Роза приступала к своим нотациям о том, как важно беречь дружбу. Вообще Аннет, сама того не подозревая, повсюду сеяла раздоры. Она привыкла ходить с гордо поднятой головой,

стрелять глазками и не видела в этом ничего предосудительного. А другие видели — и буквально шипели ей вслед. Не имея злого умысла, она могла обесславить кого угодно. Сострив, она, опять же, непреднамеренно сажала однокурсников в лужу. Как-то раз она нечаянно вылила Джулии на халат банку с соляной кислотой, после чего стала ее врагом номер один. Так уж вышло, что второй курс разделился на два лагеря, в одном из которых в Аннет души не чаяли, а в другом поносили, на чем свет стоит.

Но это еще полбеды. Осознав преимущества злосычия, она клеймила неудачников меткой фразой, и однокурсники еще долго могли над ними потешаться. Стоило кому-нибудь провиниться на занятии, как Аннет брала это на заметку. Поэтому на уроки к мадам Кэпп все шли с удвоенным волнением: оплошать там можно было легче, чем где-либо еще.

— Попадусь — ты будешь виновата, — предупредила Джулия подругу.

— Да ладно! Ты ведь почти последняя по алфавиту, — махнула рукой Мирей. — Глядишь, повезет.

Но сегодня грозной Кэпп отчего-то вздумалось начать опрос с конца журнала.

«Теперь мне от Аннет житья не будет», — сжимая и разжимая кулаки, думала Венто, в то время как аудиторию сотрясали волны негодования. У Кэпп из ушей буквально валил пар, а сама она так покраснелась, что походила на спелый помидор. В конце концов, она припечатала: «Сто примеров впридачу!» — и приступила к поискам новой жертвы.

Конечно же, Веку не преминула раструбить о провале Джулии на всё общежитие.

— Ух, как я ее ненавижу! — вгорячах воскликнула Джулия и в подтверждение своих слов швырнула учебник на пол.

— Не кипятись, — примирительно сказала Роза. — Аннет не так плоха, какой представляется. Она всего лишь подстегивает нас, чтоб мы не расхолаживались.

— Подумай лучше о том, что твоя успеваемость падает с каждым днем, — подхватила Мирей, — а ты ничего не пытаешься предпринять. Пропадаешь вместо этого неизвестно где...

— Тебя не касается, где я пропадаю! — огрызнулась Джулия.

— Тише, тише! — призвала к спокойствию Роза. — Девчонки из нашей гостиной уже давно на уроках легкости. Давайте решим, кто будет запирает дверь.

Погода выдалась солнечная, и уроки легкости проходили на свежем воздухе, в парке вокруг общежития. Под раскидистым дубом, репетируя позы тайцзи, тренировалась гордая Кианг. Чуть поодаль, у фонтана, улыбаясь самой себе, «поднимала луну» Джейн. Франческо неуклюже выполнял вращение тупу, а Лиза практиковалась в дзенской походке, специально для этой цели обув мягкие башмаки. Между группками студентов неторопливо прохаживался инструктор, кому-то надавливая на плечи, а кому-то давая ценные наставления. Нежно щебетали птицы, звенели струи фонтанов... и вдруг:

— Ну, это уж слишком! — процедила Джулия, побелев, как полотно. Она всегда бледнела, когда в воздухе веяло угрозой. — Что Веку забыла рядом с моим научным руководителем?!

Надо сказать, Кристиан Кимура был не только ее научным руководителем. Он курировал также курсовые Франческо и Джейн, которая появилась в Академии годом раньше. Но Аннет! Ее присутствие побудило Джулию к безотлагательным действиям. Тряхнув кудрями, она устремилась к поляне, где человек-в-черном безуспешно пытался позаниматься тайцзи. Подпав под обаяние отличницы, он вполне мог проговориться о волшебном саде, и тогда прощай счастливая жизнь.

— Коварная, хитрая bestия, — бормотала итальянка. Складка на ее переносице предвещала бурю, и подруги не посмели ее задерживать. Презрев дорожки, она отправилась к сэнсэю напрямик, через кусты и, встряв в разговор, спровадила Аннет в самой грубой манере, после чего застыла, сведя брови и вперив взгляд в землю.

— Так-так, — промолвил Кристиан. — Чем тебе не угодила эта милая особа?

Джулия состроила недовольную гримасу.

— Милая?! Да она... Она со свету нас сжить хочет! Никакая она не милая!

— Вообще-то, я за тобой пришел, — признался Кристиан. — Нужно закончить опыт в лаборатории.

Лаборатория биофизики пропахла хлороформом и органическими кислотами, а вытяжка работала на последнем издыхании. Вдоль полок высились штативы с пробирками, колбы и мерные цилиндры.

— К обеду директор обещал прислать рабочих, чтобы произвести здесь капитальный ремонт. Так что нам предстоит небольшой переезд, — сказал Кимура. — А пока надо пересадить культуры клеток на свежую питательную среду и процентрифугировать остатки крысьей печени из холодильника. Справишься?

— Угу, — кивнула девушка, теребя полу лабораторного халата.

— Только сперва сложи все эти штативы в коробку.

Она бросилась исполнять поручение, но потом вдруг стала, как вкопанная.

— О чем вы разговаривали? — с места в карьер спросила она, не поднимая глаз.

— Не понял тебя.

— Вы не разболтали Аннет о саде?

Кристиан подбоченился.

— Посмотри на меня. Разве я похож на того, кто способен выдать тайну?

Пробирки в руках у Джулии задребезжали.

— Вы не должны с ней общаться! Она наш враг!

— Ваши разногласия меня никоим образом не касаются, — отчеканил Кристиан, берясь за дверную ручку. Внезапно он обернулся. — А уж не ревнуешь ли ты?

— Еще чего не хватало! — вспыхнула Венто. — Это я-то?!

Потеряв самообладание, она выронила штатив, и плитчатый пол усеялся осколками стекла. Синьор-в-черном слегка улыбнулся.

— Дело не в ней, а в тебе, — мягко сказал он. — Лаборантку я звать не буду, приберешься сама.

Дверь за ним захлопнулась.

[1] Проще пареной репы (ит.)

Глава 2. Разоблачение

Вазант сделал глубокий вдох и попытался разомкнуть веки. Но на глаза ему словно была надвинута пленка, ресницы слиплись, а кожей спины чувствовалось что-то рыхлое и влажное, как губка. Он запустил пальцы в эту массу, вырвал клочок податливой ткани и, поднеся к носу, уловил обостренным обонянием аромат свежескошенной травы.

— Как странно, — проговорил он, ощупывая свое тело. — Здесь крошечная тьма, — Его голос впитали скользкие стенки кокона, и эха не последовало. — Неужели я внутри Волшебного Дерева? Неужели...

Только сейчас он различил слабое журчание нисходящих и восходящих токов в окутывающей его оболочке. Казалось, весь кокон дышал, пульсировал, как сердце, и убаюкивал, убаюкивал... «Тук-тук, тук-тук, шшш. Тук-тук, тук-тук, шшш».

— Я в безопасности, — прошептал Вазант. — В безопасности.

Мышцы его расслабились, голова упокоилась на небольшой складке растительной плевы, и он забылся бестревожным сном.

— Та-ра-ра, та-ра-ра... — Красуясь перед зеркалом, Франческо примерял галстуки один за другим. — Я попрошу подругу взять меня с собой, нарву в саду неувядающих цветов и преподнесу ей, самой красивой девушке в Академии.

Его сверстник прыснул и ненароком свалился с кровати.

— На тебя без слез не взглянешь! — сказал он, оправляясь. — Вот угораздило же! Позволь поинтересоваться, кто она, твоя избранница?

— Кто же еще, как не Аннет Веку?! — Франческо пригладил волосы и вздернул подбородок.

— Любовь зла, — подытожил собеседник. — Представь, какую отбивную из тебя сделают девчонки из четвертого апартамента, что в левом крыле!

— Кто, Мирей? Или, может, Джулия? Но ты ведь им не расскажешь? Эй, кончай зубоскалить!

Но тот, кому были адресованы эти слова, стал просто невменяем. Он катался по ковру и дрыгал ногами, надрываясь от смеха.

— Сейчас как запусти в тебя статуэткой! — разозлился Росси, срывая со шкафа скульптуру Немезиды. Весельчак тотчас овладел собой.

— Хорошо, хорошо, извини. Обещаю, что никому не проболтаюсь. Мертвецы — хи-хи — не говорят, — и, в восторге от своей шутки, он вновь расхохотался.

— Пр-рекрати! — взревел Франческо, схватив его за ворот и как следует встряхнув. Привыкший к собственным остроумиям, он, как выяснилось, не терпел легкомыслия со стороны товарищей.

Лицо собеседника окаменело, и он многозначительно поднял указательный палец.

— Я не разглашу секрета только в том случае, если ты мне скажешь, о каком саде идет речь.

Книга предсказаний являлась неотъемлемой принадлежностью Академии, инструментом, с помощью которого директор принимал важные решения относительно рынков сбыта продукции, поставщиков необходимых запчастей и материалов для

конструирования новых изобретений. Пролистнув страницу-другую, он мог кардинально изменить свои планы и отправиться, скажем, в Мадрид, чтобы лично встретиться с главой какой-нибудь компании, производящей редкий вид топлива или синтетического волокна. Поначалу Деви думал пользоваться книгой единолично. Но не тут-то было. Студенты бастовали три дня и за эти три дня даже успели перетянуть на свою сторону некоторых преподавателей. Директор сдался, однако поставил условие: не более визита в сутки.

Он распорядился, чтобы никто, ни при каких обстоятельствах не притрагивался к чудо-книге, назначив на должность «листателя» некоего Рафаэля с кафедры лингвистики. На вид книга была самым заурядным справочником с потрепанными желтыми листами и рассыпающимся переплетом. Толщиною в тысячу страниц, она вмещала гораздо больше информации, чем можно было себе представить, причем эта информация постоянно менялась. Никто не знал, какой механизм лежит в основе подобных метаморфоз, но бытовало мнение, что на справочник наложено древнее колдовство.

Неудивительно, что златокудрый Рафаэль с превеликим трепетом касался помятых страниц, переворачивая их с той осторожностью, какую проявляет завзятый филателист при просмотре своих коллекций.

Книга хранилась в отдельном помещении, недалеко от выхода из внутреннего двора Академии. (Заворачиваясь греческой буквой «сигма», старинное здание Академии имело всего один выход, впрочем, как и вход. Наружный двор, усаженный пальмами и цитрусовыми, был окружен высокой, в три человеческих роста, стеной. Стена была увенчана башенками, и оттуда охрана могла наблюдать, что творится окрест.)

— Терпение, подруга, — проговорила Джейн, допивая чай. — Итак, — Она выдержала паузу, а Лиза заерзала на стуле и сощурилась.

— Ну?

— Сегодня вечером... Мы идем читать книгу предсказаний! Я записала нас с тобой еще неделю назад.

— Умопомрачительно! — прошептала Лиза. — Мы с тобой, сегодня? — Она перегнулась через стол, и ее взгляд был красноречив как никогда. — Боюсь, я не доживу до вечера.

... Черная металлическая дверь с ручкой в виде кольца протяжно заскрипела и отворилась с таким трудом, что обе девушки переглянулись: какой силач сторожит книгу? Силачом оказался неправдоподобно худой, почти эфемерный Рафаэль.

— Милости прошу, — изрек он, проведя рукой по волосам. Снаружи редко капал сентябрьский дождь. Оранжевый фонарный свет причудливо скользил по ветвям близстоящих деревьев, стелился по аллее и расцветивал маслянисто-черную дверь, как будто сообщая: «Вот оно, вместилище тайн. Не проходите мимо!».

— Вскоре перед вами разверзнется будущее. Будет оно мрачным или сотканным из золота, покажет сей манускрипт, — словно по бумажке прочел Рафаэль и от себя добавил: — На какое будущее изволите загадывать?

— Эдак на годик вперед, — сказала Джейн, боязливо оглядывая помещение. При зажженной керосиновой лампе оно походило на комнату с привидениями в каком-нибудь средневековом замке: повсюду слои пыли, паутина по углам, обшарпанные стены со следами известки. Единственным, что выбивалось из всей картины, была аккуратная кушетка у стены. Вначале подруги ее даже не заметили.

— Вы здесь ночуете?! — удивилась Лиза.

— Звание обязывает, — смущенно ответил Рафаэль и, склонившись, старательно подул на книгу. — Странное дело, что ни день — на обложке скапливается вековая пыль! Я уже отчаялся привести ее в приличное состояние.

Действительно, казалось, что при всем желании манускрипт нельзя было сделать более ветхим, равно как и отреставрировать. Он выглядел как запущенный музейный экспонат, который и в витрину-то помещать совестно.

Юноша бережно развернул книгу посередине и отошел на задний план, уступив место посетительницам.

— Фу ты, — пробормотал он в волнении, — сколько лет на посту, а всё равно поджилки трясутся.

Девушки вдвоем согнулись над фолиантом, силясь разобрать рукописный шрифт. Но в тот же момент буквы на потертой бумаге зашевелились, бросились врассыпную, и начался такой лингвистический сумбур, что у Джейн зарябило в глазах.

— Ву golly! [2] — прошептала она. — Ну и кавардак!

Лиза дернула ее за рукав. Сумятица на страницах постепенно улеглась, и слова вновь выстроились в предложения.

— Читай!

— Вам предстоит путешествие, — произнесла по-английски Джейн. — Здорово! Написано на моем языке!

— Очень странно, — недоумевала Лиза. — Так как я вижу исключительно русские буквы. И мне пророчат местечко под солнцем. В прямом смысле. Вот тут и тут сказано, что меня распределят на кафедру, выше которой в Академии не существует.

— Смею вас заверить, что все кафедры равнозначны и нет такой, которая была бы выше остальных, — подал голос Рафаэль.

— Но что я могу поделать, коль книга так говорит! — возразила россиянка. — А что видишь ты, Джейн?

— Вам предстоит путешествие, — сосредоточенно повторила та. — На острове вам встретится человек, но берегитесь, чтобы не привязаться к нему, ибо вскоре его поглотит пламя... Несуразица какая-то! Чтобы мне — да в путешествие! И к тому же еще на острова! Нет, решительно, эта книга всё напутала.

— Может, потому, что ответа от нее добивались вы обе? — предположил юноша.

— А что, меня вполне устроило бы местечко под солнцем, — мечтательно отозвалась Лиза, чертя на пыльном столе свои инициалы.

Стоя у единственного в парке сандалового дерева, Джулия нетерпеливо вертела в руках веточку сакуры, в то время как Кристиан мерил шагами аллею.

— И где этот увалень запропастился? — раздраженно воскликнула студентка. — Сначала чуть ли не на коленях упрашивает взять с собой, а как подошел час, так его с собаками не сыщешь! — И она пнула ни в чем не повинный куст облепихи.

— Он придет с минуты на минуту, и окажется, что ты зря срывала злость на этом кустике, — сказал Кимура, возвращаясь к сандалу. — Слабо верится, что сегодня ты сможешь обуздать свой характер. В каллиграфии не годится спешить, а уж тем паче горячиться.

Она вздохнула и прислонилась к шершавому стволу. Рядом, точь-в-точь как полная луна, горел лампирон. Уже перевалило за полночь, а Франческо всё не появлялся. Когда-нибудь она

его проучит.

— Неважно ты выглядишь, — сказал Кристиан, приблизив к себе ее лицо. — Круги под глазами... И дрожишь явно не от холода. Сознайся, ты нарочно доводишь себя до полуобморочного состояния? Когда ты последний раз ела?

— Какая заботливость! — съязвила Джулия и отстранилась. — Вы мне не папочка, чтобы беспокоиться о моем здоровье.

— Ах, вот как? Ты, верно, забыла, кто вырвал твоего отца из лап бандитов? Забыла, кто в прошлом году умолял меня о помощи и ревел в подушку, когда пришло письмо с требованием выкупа? Могу освежить твою память. Кроме того, разговаривать с преподавателями в таком тоне просто невоспитанно! — сказал он и демонстративно отвернулся.

Извиняться Джулия даже и не думала.

«Если Франческо не явится сию же секунду, — решила она, — отправлюсь к Аризу Кей без него».

И Росси не замедлил явиться. Споткнувшись о высокий бордюр, он чуть не налетел на Кристиана (тот вовремя отступил) и с разбегу угодил в облепиховый куст, перепачкавшись в ягодном соке с ног до головы.

— Мы же договорились встретиться в одиннадцать! Потрудись объяснить, где ты слонялся! — накинулась на него Джулия.

— Я, видишь ли, я... — замямлил Франческо, приглаживая курчавые волосы. — Меня пытали, привязав к батарее. Щекотали до слез, поили молоком, которое я на дух не переношу. Но я держался из последних сил и не выдал им тайну. Честно-честно!

— Пстой, какую тайну? — насторожилась Венто. Вплоть до этого момента она слушала его рассказ как чепуху, как очередной вымысел юмориста, но когда речь зашла о тайне, наострила уши.

— Ну, понимаешь, — протянул юноша, — я ведь неумышленно упомянул о саде. Не подумай ничего такого! Сорвалось с языка, вот и весь сказ.

— Да ты под стать Аннет Веку! — рассердилась та. — Как вас обоих земля носит! Знаешь что, мистер-спонтанность, еще одна такая выходка, и я наложу вето на телепортатор. Кстати, что ты наплел этим своим дружкам-мучителям?

Франческо поковырял носком землю.

— В конце концов, я сказал им, что под садом подразумевал теплицу мистера Марра, ну, грибника того, что ведет микологию. Они и отстали.

— Нет чтобы соврать сразу, — проворчала Джулия. — А то дожидайся его битый час... — Человек-в-черном деланно кашлянул. — Да-да, пора.

Они взялись за руки и лихо перемахнули за грань привычного мира, очутившись на островке, где хозяйничала неутомимая японка. Она как раз поливала всходы недалеко от главной дорожки, а в траве, над тарелкой собранной вишни, деловито жужжали пчелы.

— О! Как я рада вас видеть! — сказала она с акцентом и, подобрав подол кимоно, вышла им навстречу. — Гляжу, Франческо тоже соскучился?

Тот отвесил ей глубокий поклон и испросил разрешения прогуляться по саду.

— Как, тебя больше не интересует библиотека? — простодушно удивилась Аризу Кей. — Что ж, погуляй, но недолго, потому что к обеду я пеку вишневый пирог.

Росси облизнулся и пообещал, что вернется к сроку. Ничто не имело над ним такой власти, как сдоба Аризу Кей. Упомяни при нем о пироге — и ты свяжешь его нерушимой

клятвой.

— В зависимости от того, как ты группируешь иероглифы, могут появиться десятки, а то и сотни новых значений, — наставлял Кристиан, сидя за низким столиком, на втором этаже белой пагоды. Джулия расположилась напротив и зачастую отвлекалась на вид из окна. Там, за спиной неумолимого учителя, на ветру колыхалась пушистая ветка сосны, а чуть правее выглядывал девственный побег сакуры с маленькими розовыми цветочками. Лазурные небеса, казалось, готовы были ворваться внутрь комнаты, стоило лишь пошире раздвинуть ставни...

— Ты меня не слушаешь! — возмутился Кимура.

— О, нет-нет, всё в порядке, — тихо проговорила та и быстро перевела взгляд на ханси [3], где неуклюже расплылся ее иероглиф «путь».

— Поэтому, чтобы правильно передать свою мысль, очень важно соблюдать расстояние на бумаге, — продолжал он. — Написанный текст должен доставлять наслаждение как автору, так и зрителю. Без первого не будет последнего. Решающую роль при этом играет сила мазка, твердость руки и внутренний настрой. Легким движением кисти великие мастера древности создавали шедевры, достойные восхищения многих и многих поколений. И если ты хочешь чего-то достичь в этом искусстве, приготовься к долгому, упорному труду.

Его слова текли рекой и, по всей видимости, текли впустую — Джулия витала в облаках.

— Не будешь ли ты так любезна растереть тушь? Старая уже непригодна, — распорядился Кимура в надежде хоть немного ее расшевелить: специальные камни для приготовления туши находились в другом конце помещения.

Проронив приглушенное «Да, сэнсэй», девушка лениво поплелась в указанном направлении, глубоко сожалея, что не может прямо сейчас завалиться спать. Пока она маялась с камнями, Кристиан над чем-то озабоченно размышлял, подперев голову и постукивая деревянным концом кисточки по столешнице.

— Вот что, — сказал он, наконец, — я попрошу Аризую Кей заварить тебе целебных трав. Не то ты совсем растаешь.

Все четверо собрались на кухне белой пагоды, отведать стряпни японки. Франческо уплетал пирог за обе щеки, лукаво поглядывая на однокурсницу, которая не проявляла ровным счетом никакого энтузиазма, ковыряя ложкой свой десерт. Ему не терпелось выговориться, но с набитым ртом разглагольствовать опасно: чего доброго подавишься. Кроме того, Аризую Кей не спускала с него глаз, ожидая, что он захочет добавки. А информация, которую Франческо жаждал сообщить, была строго конфиденциальна, поэтому он благоразумно молчал. Молчал до поры до времени, пока хранительница с Кристианом не удалились в кладовую. Тут-то он и подсел к подруге, стараясь говорить как можно тише.

— Я такое узнал! — дожевывая лакомство, объявил он. Джулия моментально оживилась. — Это касается нашей узкоглазой.

— Выкладывай, — сказала она, сторая от любопытства.

— В общем, прогулка по саду не прошла даром. Я обнаружил поразительную вещь! Имеешь понятие о бутылочных деревьях?

— Ага, только растут они в Австралии.

— А вот не тут-то было! — воспрянул Франческо, довольный, что может кого-то ошеломить. — Эти баобабы и у японки завелись! А цветут — цветут что твои вишни! Веришь ли?

— Отчего ж не верить? — отозвалась та. — Вот бы и мне на них хоть глазком взглянуть...

— Идут! — коротко шепнул Франческо и пересел на свой табурет.

На пороге появилась раздумывавшаяся Аризу Кей в сопровождении человека-в-черном. Ее прическа была растрепана и вся утыкана какими-то травинками да сухими веточками — как будто на голове свил гнездо коростель.

— Мы нашли листья, которые вернут нашей Джулии бодрость духа, — отдуваясь, проговорила она. — Сейчас заварю.

Девушка критически оглядела своего «добродетеля», который прислонился к раздвижной двери, и надула губы.

— Только они, по-моему, оказывают усыпляющее действие, — засомневалась Аризу Кей. — Ну, ничего. Здоровый сон еще никому не навредил.

«Ага! Усыпляют! — подумал Франческо. — Эх, хорошо бы и мне этого снадобья отлили...»

А у Джулии тем временем уже зрел гениальный план.

Спустя тридцать минут после глотка чудодейственного эликсира она забылась сном праведника, и ее уложили в гамак, подвешенный к двум старым вишням.

— Будем надеяться, что она проснется к тому моменту, как зайдет солнце, — пробормотал Кристиан. Уединившись, по обыкновению, на безлюдном пляже, он провел там остаток дня. Японку вдруг осенила какая-то идея, и она поволокла Франческо в библиотеку, не вникая его слабым протестам.

«Не удастся тебе побездельничать, милый друг», — сказала она и заставила его рассортировывать тома по алфавиту. Отчаянно зевая, он провел досуг за этим малоприятным занятием. Сама же Аризу Кей как в воду канула в своих насаждениях, выйдя к гамаку лишь затемно. Деревья в фонарном свете отбрасывали длинные, изогнутые тени, и в лице Джулии при таком освещении не было ни кровинки.

— Умерла? — испуганно спросил Франческо, наклонившись к гамаку.

— Сплюнь, — посоветовал Кимура. — Просто наша хранительница чуточку ошиблась в сроках. Скорее всего, действие трав еще не закончилось...

— А вам уже уходить, — подхватила Аризу Кей.

Кристиан был не на шутку встревожен.

— Что скажут в Академии, если увидят ее в таком состоянии?! — ужаснулся Франческо. — Да еще у кого-нибудь из нас на руках... Я ее точно не понесу, — тут же предупредил он.

— Они не увидят, — нашелся Кристиан. — Ведь не увидят же, а, Аризу?

Японка недоверчиво глянула на гостей.

— Вы на что намекаете? Оставить ее здесь на ночь?!

— А почему бы и нет? — обезоруживающе улыбнулся Франческо. — Ну, пожа-алуйста! На лекциях я лично сообщу профессору, что она приболела.

— Так мы избежим ненужных нам сплетен, — поставил точку Кристиан.

Аризу Кей помялась-помялась, да и уступила. В конце концов, «спящая красавица» не доставит ей хлопот.

Джулия не шевельнулась, пока Франческо рылся в ее сумке в поисках ветви-телепортатора, не проронила ни звука, когда Кристиан потрепал ее по волосам, и вскоре услышала, как прошелестели по траве и затихли мелкие шажки японки. Цветки сакуры над

головой источали сладкий аромат, кое-где всё еще свистели соловьи, теплый ветерок носился меж стволов и разбойничал в кронах, стряхивая пыльцу Джулии на блузку. Она приоткрыла глаза. Как разительно меняется сад с наступлением ночи! Тускнеют и перерождаются краски, смолкает жужжание насекомых. Лишь маячат в полутьме светляки, глядится в ручей бледный диск луны да тускло светят лампы. Что же скрывает хранительница под завесой ночи?

Гамак качнулся и скрипнул. Только не выдать себя, только не выдать! Осторожно, на цыпочках, девушка пересекла аллею и углубилась в малознакомую, более темную часть сада. «Франческо говорил про какие-то бутылочные деревья, а я даже не удосужилась поинтересоваться, где они растут!». Вдруг она различила голоса. Голоса! Неужели японка завела себе новых приятелей? Вот так-так! Двойная жизнь?

«Я разоблачу тебя, — пробираясь по зарослям, думала Джулия. — Время снимать маски». До нее донесся звонкий смех, а потом — «Бултых!» — кто-то плюхнулся в воду.

— Ах, до чего же хорошо! — крикнул тот, кто барахтался в ручье. Голос был высокий, даже писклявый. — Аризу-сан, а когда к нам присоединится Вазант?

— Он еще не готов, — кротко отвечала японка. — Пойди, дружок, обсушись у костра.

Прищурившись, Джулия застыла на краю светлой поляны. В центре действительно полыхало пламя, а вокруг, на земле, сидело не менее дюжины человек... детей!

Заметив ее, хранительница испытала некоторое разочарование.

— Я не предполагала, что ты станешь за мной шпионить, — сказала она. — Но, раз ты здесь, проходи, устраивайся. Мы пьем горячий шоколад.

Та нахмурилась и сжала кулаки. Ее итальянский вспыльчивый характер давал о себе знать.

— Что за спектакль ты устроила? Откуда все эти дети?!

Смуглый мальчуган у костра — она видела его исхудалую фигурку — напряженно внимал разговору, и вид у него был как у дикого зверька, готового в любой момент ускользнуть в свою норку. На нее смотрели с подозрением, она была здесь чужая.

Аризу Кей потупилась и едва слышно произнесла:

— Они беженцы. Сад — их временное пристанище.

[2] Чтоб мне провалиться! (англ.)

[3] Специальная тонкая бумага для каллиграфии

Глава 3. Истинное предназначение сакуры

— ... И знаешь, что мне захотелось сделать?

— Дай догадаюсь. Провалиться сквозь землю? — предположил Франческо, засовывая ветвь-телепортатор в верхний ящик лабораторного несгораемого шкафа. — Сгореть со стыда? Рассыпаться пеплом?

— Я же не феникс! — рассмеялась Джулия. Встав на табуретку, она сняла с шеи серебристый ключик и трижды повернула в замке. — Нет, мне безудержно захотелось подбежать к этому маленькому страдальцу, обнять его и заверить, что все несчастья позади.

— И ты расплакалась прямо на поляне.

— Да нет же! Я попросила прощения.

Вслед за ящиком она тщательно заперла и сам шкаф.

— Небось, оправдывалась, — Франческо явно стремился вытянуть из нее как можно больше фактов. — Как отнеслась к твоему появлению наша достопочтимая японка?

— Вначале с недоверием, а потом... — Она понизила голос и приставила ладонь ко рту. — А потом предложила мне стать ее правой рукой!

— Нячиться с детишками? Тьфу! — скривился Франческо. — И ты согласилась?

Джулия снисходительно улыбнулась в ответ.

— Разумеется, ведь самое интересное еще впереди...

Парень пожал плечами: что может быть интересного в воспитании малолетних проказников?

— Когда я за тобой пришел, ты была как зачарованная: на вопросы отвечала односложно, двигалась со скоростью черепахи, а выражение лица — ну прямо-таки комическое! Вот, точно как сейчас!

Согнув одну ногу, Джулия прислонилась к железной дверце шкафа и не мигая посмотрела на Франческо.

— Всё, ты меня вдохновила! — сказал тот. — Напишу твой портрет.

— Портрет? Кто хочет украсть мою славу? — осведомилась Роза, врываясь в лабораторию с осенним ветром. В Розе Соле талант художницы не дремал вовек. Она рисовала без устали, где придется и чем придется: карандашом ли, акварелью ли, маслом. Во всем общежитии не сыскался бы тот, чей лик она не успела запечатлеть. И чуть ли не у каждого в комнате висела картина с ее автографом. — Решили меня навестить? В таком случае, будьте как дома.

— Что выращиваешь? — любопытствовал Росси, вынимая из стерилизатора чашку Петри с лимонно-желтым гранулярным содержимым.

— Не трожь мои каллусные культуры, а то эксперимент рухнет, — сказала Роза и проворно отобрала у него чашку. — А ты, Джулия, не опирайся на шкаф, вдруг тоже рухнет. Ума не приложу, зачем его вообще здесь поставили. Никто ведь им не пользуется...

«Ага, как же, не пользуется», — подумала Венто, ухмыльнувшись.

— Гостеприимство из тебя так и хлещет, — сыронизировал Франческо. — Будьте как дома, будьте как дома! А сама: это не лапай, на то не дыши. Мы, между прочим, сюда не просто так заявились, а по делу.

— Вот как? По делу, значит?

Джулия была готова придушить болтуна на месте.

— Да, мы пришли взять займы немного твоего пресловутого моющего средства, — выкрутилась она.

— Что ж, берите, — благосклонно отозвалась Роза. — Завсегда пожалуйста.

С головой окунувшись в подсчеты и приготовления к опытам, она не видела, как шутника чуть ли не взащей вытолкали из кабинета, и уж навряд ли слышала те нелестные эпитеты, которыми его наградили. А нравоучительница, очутившись с Франческо на коридоре, разом припомнила и пустила в ход такие словечки, от которых у людей интеллигентных вянут уши.

Если бы только стены лаборатории генетики могли разговаривать, они бы, несомненно, подтвердили, что Роза, или «Солнечный цветок», как нарекли ее студенты, принималась за практику ни свет ни заря, потому что по утрам у нее бывало отличное настроение. И если бы они умели говорить, то обязательно поблагодарили бы ее за тот чудесный подарок, который она приготовила им сегодня...

— Умудрилась ведь прицепить разноцветных бабочек к шторам! А что это на обоях? Бумажные хризантемы? Сними сейчас же! Не позорь кафедру! — возмущалась ее руководительница. — Тебе нечем заняться?

— Но я думала, эти мелочи помогут разрядить обстановку, — пробормотала Роза, залившись краской.

— Тебе бы мыслить в другом ключе! Ах! — воскликнула женщина-ученый и, театрально всплеснув руками, куда-то убежала. У нее постоянно находились срочные дела.

Роза удрученно опустила на стул и вздохнула.

— Генетика — это совсем не мое... Почему я не стала художником? Почему?

Холодильная установка, которой, казалось, был адресован ее вопрос, безмолвствовала, хотя обычно издавала довольно экзотические звуки.

Не успел умчаться один «ураган», как через порог перескочила другая «стихия» — взмыленная, но не лишенная достоинства Аннет Веку с ведерком, где хранилась щелочь, и болтающимся в кармане шпателем.

— Мне нужно триста грамм едкого натра, ну просто позарез! Есть у вас весы?

— Там, — безучастно указала Роза.

— А ты что как в воду опущенная? — с сочувствием спросила Аннет.

В ответ последовала обтекаемая реплика.

— Солнечный цветочек — и вдруг хандрит? — Тут Веку обратила внимание на занавески и обомлела от восхищения. — Это твои бабочки? О, какая прелесть! Они как живые!

— Нравится? — приободрилась Роза.

— Шедевр! — запрыгала Аннет и, позабыв о щелочи, бросилась звать остальных.

Скоро в лаборатории столпилось несметное число ее поклонников и поклонниц, и они наперебой стали расхваливать бумажных морфид и махаонов. Хризантемы тоже вызвали бурю эмоций, и многие ратовали за то, чтобы сберечь их для будущих курсов. Потом из толпы выделился человек и заметил, что, в общем-то, неплохо было бы использовать их в качестве украшений к театральной постановке, а другие выразили твердое намерение пригласить Розу в сценическую группу с тем, чтобы сделать ее декоратором.

После этого предложения художница засияла, точно полированный янтарь, и даже волосы у нее на голове завились сильнее обычного. Она только и могла, что кивать в ответ да улыбаться во весь рот.

Но вот явилась ее руководительница, и почитателей словно метлой смело — так она на них зыркнула. Лишь Аннет, как ни в чем не бывало, примостилась за партой с весами и принялась насыпать на блюдечко щелочь.

— Спасибо тебе за услугу! — шепнула ей Роза, когда их оставили одних.

— Ой, да что там! — отмахнулась Веку. — Разве ж это услуга? А я смотрю, ты сегодня при параде — нарядная... Признавайся, где откопала модельера, который сшил тебе это платье?

— Одежду я шью сама, по выкройкам, а сегодня у меня день рождения, — смущенно пояснила Роза.

Над Академией сгустились сумерки, когда Кристиан кончил работать над диссертацией и выбрался из своего кабинета. Этот вечер был целиком отдан в его распоряжение: всем, даже учителям каллиграфии, положен отдых.

Не производя ни малейшего шума, он спустился на первый этаж и завернул в какой-то угрюмый проход. На потолке беспокойно моргали плоские лампы, и было слышно, как потрескивает проводка.

«Электрика бы сюда», — подумал Кимура, вставляя отмычку в щель устаревшего замка. Ветхая дверца подалась, словно признав своего хозяина, и пропустила его в чернильную тьму.

Не зажигая свет, он пошарил на полках и добыл огрызок свечи. Понадобилось несколько раз чиркнуть спичкой по отсыревшему коробку, прежде чем в помещении затеплился огонек.

«Здесь кто-то побывал и передвинул мебель, — отметил человек-в-черном. — Опасную игру я затеял, но отступать некуда».

Перестановку явно произвели с определенной целью. Может, чтобы запутать вражеских агентов, которые частенько взламывают сигнализацию и пробираются в здание, несмотря на расставленную повсюду охрану. Жадным до наживы, им, правда, и в голову не приходит быть осмотрительными. Так или иначе, они попадают на месте преступления и бывают немедленно ликвидированы.

С другой стороны, интерьер мог претерпеть изменения по прихоти директора. Кристиан обнаружил, что оба сейфа, которые всегда стояли рядом с дубовым бюро, пропали, а само бюро перекочевало в дальний угол, за вешалку. Факт общеизвестный, что Деви был падок до всякого рода старинных вещей, например таких, как этот дубовый секретер эпохи Людовика XV. Он любил самостоятельно наводить порядок и компоновать предметы мебели согласно их происхождению. Так, банкетка времен революции, заваленная, как ни парадоксально, одеждой нынешнего, двадцать первого века, помещалась под настенными часами в стиле Ампира, а магнитофон последней модели мирно пылился у противоположной стены, возле ноутбука марки Apple.

«Унесли сейфы — это верный знак, что они боятся вторжения, — рассудил Кимура. — Боятся, как бы их добро не попало в руки врагу. Но меня сейфы не больно-то заботят».

Ноутбук — вот, что самое ценное среди всего этого нагромождения предметов. Беззвучная клавиатура и доступ к интернет-сети. Директор был категорически против того, чтобы всемирная паутина оплела его Академию, поэтому строго-настрого запретил учащимся пользоваться какой бы то ни было связью. Позволялось слать письма, предварительно проверенные заместителем, упаковывать бандероли, отправлять послания голубиной почтой — но чтоб ни единого передающего устройства. Таков был устав.

Отодвинувшись от компьютера, Кристиан утер пот со лба и словно впал в оцепенение. Он прислушивался. Где-то наверху визжала дрель и стучали молотки — ремонт в его лаборатории шел полным ходом, и рабочим, похоже, было невдомек, что существует такое понятие, как перерыв.

Из крана в побуревший умывальник, тут же, в комнате, мерно капала вода. С некоторым запозданием этим звукам вторил маятник настенных часов.

Внезапно Кристиан поймал себя на мысли о Джулии: чем занята она сейчас? Дремлет или, может, готовится к зачету? А то, может, взялась штудировать учебники по каллиграфии?

Громкая поступь за дверью заставила его похолодеть. Кого сюда лихая принесла? Он вскочил, судорожно оглядываясь в поисках какой-нибудь ниши, и, не сообразив задуть свечу, нырнул за вешалку с продранными шерстяными пальто. Благо, он позаботился о том, чтобы не оставить отпечатков пальцев. Кожаные перчатки — спасение для любого шпиона.

«Молодец, Кимура! Ты неподражаем, — со злостью подумал он. — Спрятаться — спрятался, а свечку кто тушить будет?». Решив предоставить эту привилегию Деви — потому что именно директор ковырялся в замочной скважине, бормоча свой любимый стишок, — синьор-в-черном снял с тремпеля пальто и без промедления в него облачился. Теперь он напоминал скорее попрошайку с моста Фабриция, нежели преподавателя высшего учебного заведения.

Директор появился на пороге в уморительном спальном колпаке, запахнутом клетчатом халате и мягких тапочках. В одной руке он держал подрагивающий канделябр, другая же сжимала револьвер. Он был старомоден, этот Деви.

Завидев догорающую свечу, он подался было назад, но потом набрался храбрости и, взведя курок, визгливо крикнул:

— Выходи, подлец! А не выйдешь, так я тебя живьем из-под земли достану!

Кристиан затаил дыхание. Очень надо, чтобы его доставали из-под земли! Отворившаяся дверца выгодно скрыла его убежище, и когда трясущийся от страха Деви вышел на середину комнаты, «подлец» прощмыгнул в коридор за его спиной.

«Хорошо, что это был всего-навсего старый чудак, а не его заместитель Туоно, — с облегчением подумал Кристиан. — Тот ни за что не выпустил бы меня, не обследовав предварительно каждый сантиметр и каждую вмятинку у входа. С его феноменальной быстротой реакции я был бы уже трупом».

Последующие часы он провозился с единственной уликой — изношенным пальто, изведя на него уйму реактивов из вытяжного шкафа. В итоге, ткань изменилась до неузнаваемости, и можно было смело пускать ее на тряпки.

Развалившись на кровати, Кианг изнывала от безделья. Она уже десять раз за этот вечер расчесала свои волосы, перемерила весь гардероб Розы Соле, пока та отсутствовала, да и своим гардеробом не погнушалась, в результате чего пол был усеян одеждой всех цветов и фасонов, а виновница беспорядка лежала, закинув ногу за ногу, и плевала в потолок. Потом ей взбрело на ум перебрать содержимое косметички — и тени для век, три губные помады, пудра и румяна оккупировали туалетный столик соседки, потому что тумбочка китайки уже была завалена журналами мод.

Вернувшись с празднования своего дня рождения, Роза испытала настоящий шок при виде этого разгрома. Она чуть не лишилась чувств и на первых порах не могла вымолвить ни слова. Только открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Кианг оставалась

невозмутима даже тогда, когда в ее адрес была произнесена членораздельная обличающая речь, и только пожала плечами: мол, а что мне еще прикажете делать? Впервые в жизни Роза расвирепела. Она набросилась на лентяйку с кулаками, и с тех пор Кианг окончательно отбилась от рук. Теперь она не ладила ни с кем из четвертого апартамента, огрызаясь на робкие замечания Лизы и раздражаясь руганью в ответ на порицания Джейн. Она была потеряна для общества, а общество перестало существовать для нее. Мирей, как самая предприимчивая, решила не откладывать в долгий ящик и обратиться к психиатру с просьбой о проведении групповой терапии, так как полагала, что в «одичании» китайки свою роль сыграла каждая из жительниц апартамента.

Однако назначенный сеанс Кианг нагло прогуляла, и психиатр заявил, что случай чрезвычайно запущенный, а последствия могут быть непредсказуемы. Все пятеро, в конечном счете, усмотрели в этом угрозу для своих жизней и наскоро забаррикадировали окна и двери, чтобы защититься от вторжения «дикарки».

Но, к счастью, в планы «Черной Розы» нападение не входило. Теплые сентябрьские деньки вдохновили ее соорудить себе дом на дереве, где она и поселилась — без ведома директора. Преподаватели тоже ни о чем пока не догадывались. Только Донеро, географ и астроном в одном лице, регулярно наблюдал за ней в подзорную трубу.

Джулии не составило труда отпроситься с урока чистописания, чтобы подоспеть на помощь хранительнице. Японка и еще трое мальчишек-индийцев окружили внушительной величины бутылочное дерево с реденькой цветущей кроной и гадали, как бы так выгоднее сделать надрез на коре, чтобы и сакуре не повредить, и того, кто внутри, не поранить. Хранительница держала увесистый нож и уже замахнулась для удара, когда ее окликнули:

— Подождите! Без меня не начинайте! Можно мне попробовать?

— Ну что ж, режь. Вот здесь и здесь, — показала Аризуну Кей. Маленькие индийцы приготовились встречать друга по несчастью.

Кора поддалась на удивление легко, и из образовавшегося отверстия на траву брызнула жидкость. Джулия в испуге отшатнулась и выронила нож, а ребяташки захлопали в ладоши.

— Вылезай, Вазант! Вылезай же!

— Он там не задохнулся?

— Будьте покойны, милые мои, — заверила их Аризуну Кей. — Дерево обеспечивает плод всем необходимым, в том числе и воздухом.

— Как ты сказала? Плод? — переспросила Джулия. — Разве человек внутри рождается заново?

— Не совсем. Но его мысли обновляются, а от мыслей обновляется и организм. Это своеобразная терапия. Пострадавший помнит о своих злоключениях, но не так, как если бы пережил их наяву. Минувшие бедствия представляются ему не более чем сном.

— Но что же получается, деревья выхватывают беженцев из их мира, буквально как пылесос всасывает в себя...э-э-э... мусор? — Джулия устыдилась за свое неудачное сравнение.

— Именно, — подтвердила Аризуну Кей, и в этот момент из дупла высунулась чья-то взъерошенная голова. Потом оттуда собственной персоной вывалился Вазант и неуклюже растянулся на земле. Он был мокрый, точно искупался в Хуанхэ, и ошалевший, словно упал с другой планеты.

— Добро пожаловать! — ласково сказала японка.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — затараторили мальчишки и на радостях чуть не разорвали его на части.

— Я покажу тебе пагоду! — рвался один.

— А я — холм, откуда видны горы! — настаивал другой.

— Дайте же ему обсохнуть и прийти в себя! — возвысила голос японка. — Джулия, побудь с ними, пока я приготовлю Вазанту тонизирующий коктейль.

— А как же каллиграфия? — растерялась та.

— Ах, ну да! Я попрошу Кристиана присоединиться к тебе.

Пламенный монолог Джулии о том, как отвратительно похищать детей, прямо-таки обескуражил синьора-в-черном, который чувствовал себя не в своей тарелке под невинными, чистыми взглядами спасенных. Полная негодования речь, казалось, поколебала его основание — так он изменился в лице. Твердая самоуверенность пошла трещинами, и он попросту сник за какие-то пять минут гневного выступления.

— Что с вами? Вам дурно? — спохватилась Венто, когда он неожиданно сполз на землю по гладкому стволу. — Я, наверное, наболтала чепухи...

— Пустяки, — ответил Кристиан. — Мне уже полегчало. Ой, а это что? — Заведя руку за спину, он обнаружил квадратную табличку с черным витиеватым иероглифом. Табличка выпала из углубления в той самой сакуре, которая приютила Вазанта, и теперь на ее месте белела нежная ткань. Чтобы приладить ее обратно, надо было пригнуться к самым корням, но дерево раз за разом отторгало находку.

— Каково, а? — изумилась Джулия.

— Мне никогда раньше не доводилось сталкиваться с таким количеством необъяснимых фактов, — честно признался Кимура. — Это выбивает из колеи.

— Если чаша полна, в нее не добавишь вина, — пропела Аризу Кей, поднося Вазанту обещанную микстуру. — Понадобится какое-то время, прежде ты избавишься от балласта в своей голове, чтобы постичь нечто новое.

— Моя чаша переполнена, не так ли? — саркастически отозвался Кристиан.

— Увы, — сказала японка, глянув на него с грустью, так ей несвойственной. — Я видела, как ты занимался тайцзи на взморье. Ты стремишься усовершенствовать тело, а ум оставляешь напряженным. Так ты едва ли опорожнишь свою чашу.

— Стоит задуматься... — невзначай проронила Джулия.

— Лучше я пойду, — отчужденно сказал Кристиан, стряхивая с плаща лепестки.

— Куда? — опешила Аризу Кей.

— Совершенствоваться.

Джулия с хранительницей переглянулись.

— Он обиделся, — заключила студентка.

— Кто же любит, когда его поучают? Но без горьких пилюль болезнь не вылечить...

— Болезнь? Разве кто-то болен?

— Каждый страдает своим недугом, потому и пилюли нужны разные, — отвечала Аризу Кей. Ее философское настроение отчасти передалось и окружающим: детвора приутихла, а итальянкой завладела печаль. Но омрачения в волшебном саду непродолжительны, они проходят в мгновение ока.

— Пособирайте-ка, ребятушки, хворосту, чтобы нам вечером снова разжечь костер, — вкрадчиво проговорила Аризу Кей, а сама увела Джулию в сторону, чтобы кое-что ей доверить. — У меня к тебе просьба, можно даже сказать, поручение. Не надпишешь ли ты на

тех дощечках, что в беседке, имена будущих моих подопечных? О туши и кистях я позаботилась.

— Будущих подопечных?

— Ты не ослышалась. Табличка, которая выпала из ячейки в дереве, являлась как бы проводником, связующим звеном между Вазантом и «утробой» сакуры. Иероглиф — ключевая деталь, это его имя. Когда две недели назад ты нагрязнула в красную пагоду, оторвав меня от кропотливого процесса, знай: по твоей милости один из этих счастливицев, что бродят сейчас по саду, чуть было не лишился избавления.

— Я всё еще не понимаю, — пробормотала Джулия. — Разве от правильного написания иероглифов зависят судьбы людей?

— Хм, судьбы, — усмехнулась японка. — Точнее и не выразишься. А имена — ключи к спасению. Дощечки, с которыми тебе предстоит работать, вырезаны из древесной коры, и каждой сакуре соответствует своя дощечка. Нет ничего проще, чем перепутать таблички местами, поэтому-то я принимаюсь за письмо лишь на свежую голову. Мало лишь грамотно вывести символ, надо еще и безошибочно «привить» дощечку.

— Вот почему ты ежедневно медитируешь! — догадалась Джулия. — При выполнении обряда разум должен находиться в абсолютном покое. Но мой разум далек от того, что называется *mediis tempestatibus placidus*, [4] — поспешно заметила она. — А характер... кому как не тебе знать, что он неуравновешен?!

— Чем не повод укротить бурю? — пошутила Аризуну Кей. — Для почина дам тебе одно имя. Его мне прочирикала синичка. Клеопатра.

— Знатное имя! И ты доверишь мне такой важный шаг?

— Потренируйся-ка вначале на бумаге. Как осмелеешь, подзови меня, — сказала Аризуну Кей, вручая ей толстую кисть. — И не нервничай, тебе ведь не картину заказали! Куда хуже пришлось Монаху Шубуну из Киото. Прежде чем изобразить знаменитое «Чтение в бамбуковой роще», он провел вдали от родины долгие годы. Что такое, по сравнению с этим, два-три часа?

— Ты права, — вздохнула студентка, макая кисточку в чернила.

Она промучилась с заданием до зари, а хранительница то и дело подбегала и справлялась, как продвигается работа, на что Джулия мрачно показывала ей исписанные листки, и все вопросы тотчас отпадали. Она умудрилась испачкать тушью лицо, руки и даже блузку.

— Ничего, я отстираю, — утешала Аризуну Кей. — Ты, главное, не сдавайся.

Но после тысячной попытки она таки сдалась и с досады опрокинула чернильницу. Кисточка полетела в траву. Пыхтя, как паровоз, девушка откинулась на спинку бамбуковой скамьи и прикрыла глаза.

— Отныне меня будет мутить от одного только упоминания о каллиграфии, — объявила она сбивающимся голосом.

— Всё не так плохо, — прозвучало над ухом приглушенное сопрано японки. — Ты справилась!

— А? Что? — ословело спросила Венто.

— Твоя табличка! Она готова! А теперь следуй за мной: организуем (хи-хи) гнездышко для Клеопатры.

Итак, дерево приняло дощечку, и та намертво срослась с корой, как если б была промазана клеем. Воодушевленная событием, студентка открыла в себе второе дыхание и

небывалую прыгучесть. Она исполнила вокруг сакуры ирландский танец, и, ничуть не запыхавшись, сообщила, что с этого дня берет на себя ответственность по уходу за растением, после чего резво ускакала за ограду — оповестить сэнсэя.

Кристиан пытался обрести равновесие. Он был разбит, как погромсанный бурей корабль. Разломан на куски. Мысли толклись в его бедной голове подобно тому, как суетятся матросы, впопыхах покидая судно.

— Прекратится это когда-нибудь?! — простонал он, застыв в позе «Журавль расправляет крылья». И тут за соснами замаячила фигурка Джулии.

«Мой ненаглядный, иссушающий сирокко, — подумал он, завидев развевающиеся на ветру кудри ученицы. — Ведь ты виной всему, что со мной происходит».

Она выбежала на пляж, и ей в лицо дохнул вечерний бриз.

— Синьор Кимура! Я вас повсюду разыскиваю! Никогда не поверите! Это нечто грандиозное! — запрыгала она.

Человек-в-черном невольно заулыбался.

— Что ты еще натворила?

— У меня получилось, получилось! Аризу... посвятила меня в свою тайну, и теперь я счастливая хозяйка целого дерева.... дерева Клеопатры!

— А кто такая Клеопатра?

— Жертва работорговцев! — выпалила Джулия, и Кристиану сделалось не по себе. Ее слова обладали поистине магической силой!

— Ай-яй, вы снова увяли. Не к добру, — молвила студентка, утратив задор. — Сегодня вы мне определенно не нравитесь.

«Работорговцы... От них столько вреда, столько страданий. Зачем я связался с ними?!»

Внезапно Кристиан сжал ее руки и устремил на нее долгий, пронзительный и безмерно глубокий взгляд.

— Я бы так хотел быть откровенным с тобой, но... — он запнулся. — Вот что: если однажды ты намеришься отыскать логово этих преступников, можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Бесконечно вам признательна, — пробормотала Джулия, высвобождая руки. — Я и не помышляла об этом. Очистить улицы от мошенников, убийц и сутенеров... Знаете, вы подали мне блестящую идею!

Она оглянулась на море: солнечный диск утопал в невесомой дымке. Ярко-розовые облака — точно такие, как на одном из фотографических пейзажей Паулу Флопа, — застелили полнеба, а на сатиновый берег лениво напоззали потемневшие волны.

— День на исходе. Как бы не хватились нас в Академии... — сказала она, затрепетав под его пристальным взглядом.

[4] Спокоен среди бурь (лат.)

Глава 4. Выбор Лизы

Взмокшего и всклокоченного Франческо швыряло из кабинета в кабинет, в отведенной ему лаборатории штормило, а его самого видели то с огромным термометром в кармане, то с непомерного объема цилиндром под мышкой. В его калькуляторе села батарейка, часы барахлили, а крыса, которую он собирался зарезать в целях эксперимента, забила под громоздкую установку для получения дистиллированной воды и ни в какую не желала вылезать.

— Беда, ох беда! — бормотал Франческо, носясь по коридору, как полоумный. Он поднял на уши кафедру биофизики, а товарищей с кафедры генетики озаботил просьбой добыть ему длинную палку для отлова крысы. Несчастное животное скреблось по линолеуму и жалобно пищало, а через стойку от водяного фильтра булькала и плевалась кипятком кастрюля на электроплитке. Горе-экспериментатор забыл снять с водяной бани пробирки, и часть из них полопалась. В общем, ему ничего не оставалось, как сетовать на свою неорганизованность, с чем он успешно справлялся всю первую половину дня. А после обеда его стали атаковать тревожные мысли, среди которых непостижимым образом затесались мысли об Аннет. Выяснилось, что она вегетарианка.

— Ну и что с того? — недоумевала Роза. — Тебе-то какая разница?

— Мне?! Да как же? Я ведь...э-э-э...

— Не надо, не говори. Я поняла по твоему виду: ты потерял голову.

— Еще не потерял! — возразил было Франческо.

— Но всё к тому клонится. Здравомыслие, друг мой, это такая тонкая вещь, которая нет-нет да и просочится между пальцев, если ее не беречь. А Веку, будь она хоть сама Антонелла Муларони [5], не заслуживает твоих жертв.

— Да ладно, не преувеличивай! Я всего-навсего откажусь от своей любимой ветчины, куриных ножек, паштета, мясных рулетиков... пельменей... О-ох! — он чуть не прослезился. — Как тяжело-то!

Роза скрестила на груди руки и торжествующе откинулась на спинку стула.

— Хлебнешь ты еще с ней лиха, — авторитетно заявила она.

Франческо гордо выпрямился.

— Как бы ни так! К твоему сведению, у жителей Родоса в почете были именно любители рыбы. А охотников до мясных блюд без зазрения совести именовали обжорами.

— Но ты-то не житель Родоса, — съехидничала Соле. — Посмотрим, сколько дней ты продержишься на рыбе.

Франческо показал ей язык.

Спустя сутки он выглядел так, словно объелся кислых яблок, что, конечно же, не укрылось от всеведущей Мирей. Новость, облетевшая общежитие на хвосте сороки-Розы, потрясла и возмутила ее.

— Предатель! — бросила она Росси в лицо, когда тот заявился в гостиную четвертого апартамента. — Ты исключаяешься из нашего союза.

— Но ведь союз уже и так трещит по швам, — вмешалась демократичная Джейн. — Кианг мы выгнали, на Джулию ты злишься. Не удивлюсь, коль скоро ты одна в апартamente нашем воцаришься...

— Отставить пререкания! — вскипела Мирей. — А даже если воцарюсь, чем плохо?

Установлю строжайшую дисциплину, и будете ходить по струнке!

Не ответив, Джейн с силой захлопнула дверь в свой номер.

Франческо оказался между двух огней и не знал, куда себя деть. С одной стороны — непримиримая Джулия, подхватившая от француженки вирус под названием жестокосердие. С другой — Аннет Веку, гордая и неприступная, как крепость Фенестрелле [6]. Безбелковая диета подорвала его здоровье, и он шатался по коридорам, как подстреленный. На глаза научному руководителю он старался не попадаться, потому как побаивался дополнительной нагрузки на свои и без того хлипкие плечи. Товарищи от него отвернулись, а те немногие, кто составлял ему компанию дождливыми осенними вечерами, отзывались на его иеремиады дружным хохотом, чем повергали его в еще большее уныние. В итоге он задумал сделаться отшельником — его к этому, видите ли, вынуждало тоскливое существование. В последний (предположительно последний) день своего пребывания в общежитии он тайком пробрался на кухню, где услужливые поварихи загодя приготавливали мясной бульон, выхлебал этого бульона с полкастрюли и был таков. Надо полагать, прежний, вегетарианский, рацион больше не соблюдался.

Но самым примечательным стало то обстоятельство, что безутешный итальянец избрал местом своего отшельничества то же дерево, что и колючая Кианг. Звездочет Донеро понадеялся было, что среди ветвей гигантского вяза эти двое не уживутся, и, наладив подзорную трубу, приготовился насладиться зрелищем скандала. Но здесь он прогадал.

Они мирно поделили углый домишко, и теперь через дырявую крышу дожди щедро поливали их обоих. Однако, когда Франческо заикнулся о реконструкции их бедного жилища, Кианг внезапно открыла в себе дар убеждения и так заговорила нахлебнику зубы, что тот покинул древесный домик без всяких драк и распрей. В общежитие он вернулся с понурой головой, не представляя, как залатать бреши в отношениях с однокурсниками.

— Если б я строил дом, то сколотил бы его по аналогии с хижинкой Робинзона Крузо... — пробурчал Франческо, плюхаясь на диванчик рядом с Розой. К тому времени страсти поулеглись, и только Джулия да Мирей по-прежнему на него дулись.

— Пять дней! Ты отсутствовал целых пять дней! — воскликнула Роза. — Такого прецедента еще не бывало. И о каком доме ты говоришь?

— Как, вы разве до сих пор не в курсе перемещений Кианг? Она забралась на разлапистый вяз и прекрасно себя чувствует.

— На тот, что в парке?

— Ну, да! Я гостил у нее, и мы даже перекинулись парой словечек. Так что не такая уж она и дикая.

— С ума сойти! — воскликнула Роза, хватаясь за голову. — Куда загнала ее наша враждебность! Что, если она захворает?

— Здоровье отменное! — парировал Франческо.

— А пища? Откуда она берет пищу?

— Не припоминаю, чтобы мы испытывали недостаток в провианте...

— Но тетради, учебники! Они наверняка отсыреют!

— Как пить дать!

— Сообщу-ка я директору, — вознамерилась было Соле, но тут в гостиной без всякого предупреждения возник Кристиан. У Розы от волнения подкосились ноги, и она рухнула обратно на диван, а Франческо поледенел.

— Ах, вот вы где! Молодой человек, прошу за мной, — тоном, не терпящим возражений,

произнес Кимура. Тот кое-как поднялся и, содрогнувшись, засеменил к выходу. Надо было видеть его искаженную физиономию! В осознании своей незащитности он оглянулся, рассчитывая хотя бы на ободряющий кивок, но Розы уже и след простыл. Она сочла за благо обратиться подобру-поздорову.

Те, кто не ходил у Кристиана в учениках, старательно избегали с ним встреч, ибо он вселял в них ужас и какое-то смутное предчувствие скорой гибели. Во всем его безукоризненном облике, в отточенных движениях и кратких высказываниях, попадающих точно в цель, угадывалось влияние некой могущественной, неземной силы, способной свернуть горы и раздробить континенты. Нет, положительно, в Академию брали лишь студентов с богатым воображением и сверхразвитой интуицией!

Франческо отчитали по всем параграфам; его курсовая застоялась, сам он невесть где пропал, поэтому часть его обязанностей свалилась на Джейн. Бедная, безотказная Джейн! Она не упрекнула «отшельника» ни единым словом, хотя пахала, как настоящая ломовая лошадь, в течение почти целой недели.

— Я у тебя в долгу, — пристыжено пробубнил Франческо, представ перед нею в лаборатории.

— О, да что там! — снисходительно отозвалась англичанка. — Я приобрела ни с чем не сравнимый опыт. В кои-то веки научилась обращаться со спектрофотометром!

Затаившись в слоновой траве, девушка-ночь бормотала на суахили отрывки из молитвы к горе Кения. Белые туристы устроили себе сафари. Они решили поохотиться на нее, словно она была антилопой! Девушка-ночь в облаве — где это видано?!

— Меня выручат мораны, они уже наверняка пересекли реку, — думала она, даже не подозревая, что европейцев на нее натравил именно воин-охотник. Но разве мог ее преданный друг, ее Бапото, стать вдруг Иудой? Она не допускала даже мысли об этом. Нет, Бапото не продал бы ее за палку, извергающую огонь...

За панданусами, на западе, медленно катилось кровавое солнце. Белые люди с ружьями наперевес раздвигали высокую, трехметровую траву, продвигаясь наугад.

Девушка-ночь стиснула зубы: сейчас! Она вырвалась из зарослей и со спринтерской скоростью помчалась к реке, крича, что есть мочи:

— Па mimi, Kenya! Pero mba ya kutoka nchi yao! [7]

Кто-то выстрелил, и в тот же миг она почувствовала острую боль в плече. Второй выстрел повалил ее навзничь — оказалось, другие охотники сидели в засаде на противоположном берегу. Ее не собирались убивать, хотели лишь позабавиться. Позабавиться и пленить. Не так давно красавица Зери, самая миловидная из племени масаев, подверглась той же участи. В тот день, у колодца, девушка-ночь обнаружила ее сережку.

Ей вспомнилось, как когда-то племенной шаман читал над нею заклинания, дабы исцелить ее от смертельной болезни: «Будь храброй, впитай бесстрашие, как мох впитывает воду. Будь крепкой, как прядильное волокно джута. Живи, живи, живи!». Она выздоровела и с тех пор стала самой выносливой среди женщин масаев. Однако ей никогда не приходилось иметь дело с огнем, выжигающим плоть, с этими молниеносно поражающими орудиями. И если первая пуля впиалась в плечо, то вторая задела берцовую кость, лишив девушку возможности спастись бегством. Но она всё еще верила, всё еще надеялась...

Охотники взнуздали ее, как непокорного мустанга, и поволокли прочь. Она плакала, умоляла их на своем, дикарском наречии. Куда там! Чужеземцы видели в ней не более чем

зверя и ценили не больше, чем трофеей. И тогда изнемогшая пленница сообразила, что умолять следует совсем не этих бледнокожих, но ее божество, ее святыню. С новым тщанием направив свои мысли к горе, она неистово зашептала:

— О, приди мне на помощь, дух могучей Кении! Разорви путы, заживи раны! Oh, kuja na misaada yangu, roho ya Kenya hodari! — снова и снова, размыкая запекшиеся губы, молила она.

И вдруг — исчезла, разлилась в воздухе сумерек, растаяла, словно призрак. Добытчики потрясены, побеждены суеверным страхом: у них остались лишь веревки, а на веревках — кровь невинной. И кровавого солнца алеет след, погружается в ночь саванна...

Синьор Кимура сидел, подперев подбородок, и переводил задумчивый взгляд то на Джулию, то на стол, где разворачивалась настоящая баталия: иероглиф «судьба» упорствовал и ни в какую не желал отображаться на бумаге. Первый успех в написании заветного имени уже утратил для студентки свою значимость, поскольку сегодняшний иероглиф был на несколько порядков сложнее.

— Позволь, я покажу, — сказал Кристиан, мягко охватив ее руку. — Надо держать кисточку пустым, открытым кулаком, который не напряжен и не вял. Вот так, расслабься. Теперь макни ее в чернила, но так, чтобы все волосинки образовали острый кончик. Держи кисточку вертикально, перед собой, а теперь аккуратно опусти на полотно, — Он принялся водить ее рукой по бумаге, и злополучный кандзи мало-помалу вырисовался среди сонма исковерканных, корявых значков. — Повторяй за мной: «судьба» звучит как «ун».

— «Ун», — неохотно повторила Джулия.

— Если приглядеться, иероглиф состоит из двух частей: тележки, груженной всяческим скарбом, и дороги, по которой она катится. А поездка со скарбом во все времена была сопряжена с большими опасностями. Если купец и отправлялся в путь, то ему ничего не оставалось, как уповать на свою судьбу, потому что опасность подстерегала его на каждом шагу.

— Какое красочное описание! — подивилась студентка. — Слово вы и есть автор этого кандзи!

На лице Кристиана мелькнула улыбка.

— После того как Аризу Кей указала на недостатки моего тайцзи, я кое-что уяснил: нужно присутствовать здесь и сейчас, что бы ты ни делал, будь то опыты в ламинар-боксе или чтение лекций. Когда ты полностью поглощен занятием, когда отдаешься ему всецело, здесь и сейчас, оно становится легким и приятным, и ты чувствуешь себя в родной стихии. Поэтому-то и объяснения получаются исчерпывающими. Слейся с каллиграфией, постигни ее философию — и очень скоро из «гусеницы чистописания» превратишься в бабочку. Ты откроешь в себе такие дарования, о которых даже не помышляла, сможешь контролировать эмоции... и, кто знает, как повернется твоя судьба.

— А судьба Клеопатры? Я не перестаю думать о ней. Когда пробьет час? Когда заветная сакура сбросит листья, чтобы направить все соки к «плоду»? Я умираю от нетерпения!

— А я жду часа, когда ты научишься укрощать свои порывы и существовать в гармонии с природой, никуда не торопясь и поминутно не умирая, — усмехнулся синьор Кимура.

— Всё ваши шуточки, — проворчала Венто. — И всё-таки, схожу-ка я, проверю, как там мое деревце.

Ствол вишни заметно раздался вширь, и девушка вначале даже оторопела: а не обозналась ли она? Нет, ошибки быть не могло — это сакура, отданная ей на попечение. Это

ее Джулия поливала и окапывала, вносила в почву чудодейственные удобрения. Под ее кроной наслаждалась трелями азиатских лазурных птиц. Вокруг нее водила хороводы с маленькими индийцами...

— Я отправлю мальчиков назад, в их дома, — поведала студентке Аризу Кей за одним из чаепитий. — Как-никак, засиделись они в раю. Пора и честь знать.

— Что, даже не устроишь им прощального вечера?

— Помилуй! Они не должны знать момента своего отбытия! — всплеснула руками хранительница. — Однажды они проснутся в своих кроватях и решат, что им привиделся сон. Сон, понимаешь?

— Как это печально, — промолвила Джулия. — Печально вернуться в суровую действительность, пусть даже из сна...

— Если бы все, кого я уберегла от худшей доли, поселились здесь, то в один прекрасный день сад предстал бы перед тобой голым, вытоптаным и многолюдным. Он ведь не резиновый! А те, кто попадает сюда, далеко не ангелы, — сказала Аризу Кей.

— И ты не делаешь исключений?

— Никогда.

Затмение солнца — вещь редкая, что уж говорить о затмении в гостиной четвертого апартаментов? Елизавета Вяземская грустила! Ее привычным девизом было «Проснись и пой!», отнюдь не «Проснись и роняй слезы». Из ряда вон выходящее событие. Джейн присматривалась к ней всё утро и не могла взять в толк, отчего она не в духе. «Если ее кто-то обидел, то этому кому-то точно несдобровать», — подумала англичанка, намерившись отомстить задире, если таковой существует. Но прежде чем отработать кое-какие боевые приемчики перед вендеттой, Джейн подобралась к подруге и попыталась прояснить ситуацию.

— Почему у русских всё не как у людей? — всхлипнула Лиза. — Сентябрь подходит к концу, а я до сих пор не определилась с кафедрой. Беспризорная, ы-ы-ы... — взвыла она и разразилась потоками слез.

— Ладно тебе, не хнычь, — сжалилась Джейн. — Это далеко не трагедия. У нас в прошлом году бывали казусы и посерьезнее. Моя прежняя соседка, ныне проживающая на третьем этаже, как-то раз села в галошу, запутавшись с ответом на экзамене. А Декстер Декстер Уайт, — тот вообще завалил защиту курсовой.

— Куда вам, старшим, вникнуть в горе младших? — патетически изрекла Лиза, отирая слезы. — Вон, Франческо с Джулией уже с августа усердствуют под крылом человека-в-черном, Роза пристроилась у мадам Кэпп — нет-нет, я не утверждаю, что горю желанием разделить их участь. Просто мне тоже пора уж выбрать тему. Но в том-то и проблема: я вечно испытывала затруднения, когда предстояло сделать выбор, будь он неладен!

Джейн на минуту задумалась — и в эту минуту ее осенило:

— Я знаю, как тебе помочь! — воскликнула она. — Пункт назначения — Зачарованный неф!

— Что?! Туда? — струсила Лиза.

— Проверенный метод! — непринужденно отвечала Джейн. — В самый раз для таких нерешительных, как ты.

Зачарованный неф был не чем иным как концертным залом с колоннадами по обе стороны от зрительских мест. Над сценой тускло горели зеленые лампочки, неслышно

колыхался занавес, а из оркестровой ямы густо валил пар. Тонко позванивал трензель. Черный рояль укрылся в темноте от посторонних глаз и наигрывал какие-то мотивчики, сам, без чьего бы то ни было вмешательства.

Лиза застыла на ковровой дорожке, между рядами сидений и продолговатым шкафчиком, где на полках скопилось множество разных коробок. Здесь были и круглые шляпные картонки, и крохотные бонбоньерки, и плетеные корзинки, до отказа набитые гирляндами и блестками.

— Ущипните меня кто-нибудь, — замороженно прошептала она. — Я в стране грез...

— Всего лишь в Зачарованном нефе, — отозвалась Джейн. И голос ее прозвучал так, словно подул с набережной предгрозовой соленый ветер, словно зашептались на этом ветру кусты доцветающей сирени.

В глубине зала, за роялем, она различила барную стойку и несколько высоких табуретов. — Пойдем, позовем официанта. Я хочу пить.

Но за стойкой толкового официанта явно не хватало: белые голуби в забавных жакетиках да смышленный енот не в счет.

— Что будете заказывать? — по-итальянски осведомился енот, не переставая грызть крекер. — У нас есть свежайший мартини, греческий бренди, мерло и портвейн, а также несколько видов ликера и ламбруско. Чего изволите?

— А воды у вас нет? — по-деловому справилась Джейн. Енот аристократично развел лапами:

— Увы.

— Какое безобразие! Нет воды! Вы только подумайте! — принялась возмущаться англичанка. Лиза согнулась пополам и бесшумно затряслась от смеха.

— Очевидно, этот зал не предназначен для людей, — сказала она наконец. — Ни одной живой души!

— Ну, одна душа все-таки есть, — беззлобно раздалось из партера. Когда рассеялась очередная порция пара, девушки разглядели высокого господина весьма представительной наружности, который встал и снял котелок специально затем, чтобы их поприветствовать. Те, в свою очередь, поднялись, а Лиза даже присела в реверансе. Она не могла отделаться от мысли, что очутилась в сказке.

— Разрешите представиться, Донеро, — вежливо произнес господин. — Не правда ли, я элегантен? — тут же поинтересовался он, приподняв бахрому своего клетчатого шарфа.

Девушки обменялись недоуменными взглядами.

— Мне нравится этот зал, — ничуть не смущаясь, продолжил фронт. — Он дает пищу для размышлений и прямо-таки пышет загадками!

В этот миг из-за кулис вырвалась струя искрящегося серого дыма.

— Но кто-то ведь должен стоять за всеми этими спецэффектами! — воскликнула Лиза.

— По правде говоря, мне совсем не хочется разрушать таинственную атмосферу зала, — признался Донеро. — Искать причины, докапываться до истины, вытаскивать на свет мастера мистификаций... Да может, и нет никакого мастера!

Он придвинулся к стойке.

— Налейте мне бургундского, да поживее.

Енот повиновался и нырнул в погреб.

— А вы какими судьбами сюда забрели? — спросил щеголь, наматывая конец шарфа на палец. Между тем хвостатый бармен водрузил на стол бутылку и бокал. — Благодарю!

Джейн замялась.

— Ну-у, я думала, что визит поможет разрешить сомнения Лизы...

— Сомнения прочь! Они вредны, — принялся вдруг декламировать Донеро и нечаянно смахнул бутылку. Та разлетелась вдребезги, и на полу образовалась багровая лужа. — А в чем, собственно, состоят сомнения? — спросил он после неловкой паузы.

— Видите ли, — застенчиво сказала Лиза. — Слишком много кафедр, а я не могу понять, к чему лежит душа.

— Хм, — Донеро почесал в затылке, сдвинув шляпу на лоб. — А как вы относитесь к географии? Привлекают вас острова, океаны, рифы, глубоководные впадины?

Россиянка встрепенулась:

— Впадины? Рифы? Очень даже! Но я и не подозревала, что в Академии есть такая кафедра!

— Это потому, что она в глаза не бросается, — самодовольно отозвался профессор. — Если голову задерешь, и то не разглядишь. Поэтому о ней частенько забывают. Там она, — Донеро многозначительно ткнул пальцем в потолок. — Я вас проведу, если только вы согласны.

— Согласна! Согласна! — зааплодировала Лиза. Зачарованный неф оправдал себя, хотя отзывы о нем в основном отдавали ересью и мистицизмом, и большинство студентов панически боялось его навещать. Сложно было предугадать, что или кто встретится тебе в стенах этого капризного, изменчивого зала, у которого, словно у какого-нибудь привереды, было семь пятниц на неделе.

На восьмом этаже Донеро остановился, чтобы перевести дух. Его котелок съехал набекрень, а лоб покрылся испариной. Лиза опасливо глянула в пролет.

— А не высоко ли мы забрались?

— Хе-хе, это еще только начало, — ухмыльнулся географ. — Дальше — выше! Недаром мою кафедру прозвали вторым Эверестом!

«Самая высокая точка... — подумалось Джейн. — Значит, не погрешила книга предсказаний. Значит, и мне она всё верно предрекла».

Следующий ее шаг пришелся на изрешеченную металлическую ступеньку. Краска на стенах пооблезла, бетонная лестница осталась внизу. Из приоткрытого в крыше люка сочился дневной свет. Джейн держалась стойко, хотя ужасно боялась высоты. А Донеро чувствовал себя хозяином ситуации ровно до тех пор, пока взорам учениц не предстало его жилище. Первым, что сказала Лиза, высунувшись из люка, было:

— Ой! Вот те раз! Избушка на курьих ножках! — Произнесла она это с петербургским акцентом, ничуть не заботясь о слухе окружающих. Мнительный Донеро отпрянул от нее и, к величайшему удивлению Джейн, с тем же акцентом отпарировал:

— Чур меня! Если это изба на курьих ножках, то я, ни много ни мало, Бабка Ёжка! А коли так, то мне надо опасаться самого себя, что ни в какие ворота не лезет!

Джейн в русском языке аза в глаза не знала, поэтому их разговор привел ее в откровенное замешательство. «Главное, Лиза нашла свое призвание», — сказала она и бесшумно ретировалась, как принято у англичан.

Чтобы попасть в «избушку на курьих ножках», требовались скорее сноровка и недюжинное терпение, нежели сказочный призыв Ивана-Царевича. И усмирять следовало отнюдь не пресловутого змея, а всего-то веревочную лестницу. Но очень своевольную веревочную лестницу. Лиза одолела ее лишь после десятой попытки, с горем пополам

добралась до входа в маленькую шаткую будку, и на нее пахло древесной амброй. «Курьи ножки» представляли собой не что иное, как ввинченные в крышный настил толстые пружины, приплясывающие на ветру и немилосердно раскачивающие будку географа. Внутри будка была вдоль и поперек исполосована картами: физическими, политическими, экономическими. Ковер заменяла карта океанских течений, и при этом южное пассатное течение начиналось от входа, следуя красными пунктирными стрелками в гущу разноцветных подушек, сваленных под окном. Старый деревянный барометр показывал «переменно», компас, намертво приклеенный к столу, шалил. Любой здравомыслящий критик заявил бы, что в таких условиях невозможно работать, и оказался бы прав. Те, кто не знаком с Донеро, сказали бы, что он лодырь, и в этом имелась бы доля истины. Никто столько не отдыхал, как он. И в то же время никто так не погрязал в исследованиях, как чудаковатый географ. Он не отделял отдыха от трудов, ибо за работой он расслаблялся.

Донеро был субъектом во всех отношениях странным. Его поступки зачастую не поддавались логическому объяснению, и даже сам директор порой пожимал плечами. Лизе достался на редкость непредсказуемый учитель. То он впадал в депрессию и тащился в Зачарованный неф, чтобы там утолить тоску, то вдруг вскакивал и на всех парах мчался к книге предсказаний, то без предупреждения укатывал в заморские страны, предварительно запихав в чемоданчик для вещей всю свою коллекцию шарфов. Но, надо заметить, выносливостью он отличался непревзойденной: мог пролежать на холодном ветру целую ночь лишь потому, что так сподручнее высматривать созвездия. О морской болезни знал лишь понаслышке, а в существование гриппа и бронхита так и вовсе отказывался верить. В нем удивительно сочетались два несовместимых качества: экстремал, жадный до новых впечатлений, он был крепче самой стали и при этом любил изящество и утонченность. Его тонкостенный шкафчик просто вспух от обилия всевозможной одежды, хотя предназначался для хранения географической утвари, будь то компас, карты или подзорная труба...

Подзорную трубу Лиза заметила сразу, как очутилась в будке. Повертев ее так и эдак, пристроилась у окна и припала к объективу.

— Ты ее неправильно держишь, — прокомментировал Донеро, развалившись на подушках и прикрыв глаза. — Сейчас кратность увеличения в трубе максимальная, и велик риск того, что твой взгляд упрется в прилавок какого-нибудь китайского торговца.

Недоверчивая по натуре россиянка только хмыкнула в ответ. Но не успел советчик вынуть сигару из кармана, как раздалось дрогнувшее «Ой!» и студентка в потрясении отпрянула от окна.

— Там невесть что творится! Как в программе новостей! — сдавленно прошептала она, уступая прибор учителю.

— То-то же! Не послушалась меня, а я дело говорил, — веско отозвался Донеро. — Ну-ка, глянем... — И он нацелил объектив на восток, заняв позицию у подоконника. — О! Да на острове Хонсю опять землетрясение! Семь баллов по шкале Рихтера! Когда-нибудь вся эта островная цепочка пойдет ко дну... Зато в Иркутске праздник! А на Тибете тишь да гладь. Небольшой дождик над палатками кочевников и пара журавлей по курсу. Эх, до чего же пестра наша планета, до чего разнолика! — не удержался он от восклицания.

— Что же это за труба такая? — недоумевала Лиза. — Всё-всё показывает!

— Ты вот дивишься, а ведь если хорошенько почистить линзы, то куда больше увидеть можно! В них, в родимых, суть.

[5] Глава правительства Сан-Марино

[6] Крупнейшая крепость Европы, строившаяся с 1728 по 1850 годы на итало-французской границе, в Альпах

[7] Спаси меня, Кения! Изгони злых духов из своей земли! (суахили)

Глава 5. Пробуждение Клеопатры

— Ци-ци-кее-кее! — сказала гаичка. — Тиу-тиу-тиу! — и спорхнула в клевер. Теплый ветерок нежно скользил по траве и окутывал натруженные руки Аризун Кей, которая обсаживала маргаритками необъятную сакуру Джулии Венто. Погруженная в свои думы, она не обратила на пернатого никакого внимания.

— Ци-ци-кее-кее! — повторила гаичка. — Черри Блу! — И, взмахнув крыльями, исчезла в кроне.

— Что? — вздрогнула японка. — Черри Блу? Это же новое имя! Пойду, запишу, пока не выветрилось из головы.

Но по дороге она остановилась, чтобы прихватить лопату, забытую у стремянки.

— Зирр-зирр-зирр, — прострекотал на земле кузнечик. — Церамида Ру. Зирр-зирр-зирр.

— Еще одно имя! — подивилась хранительница. — Два в памяти я еще удержу, — И она с проворством устремилась к беседке, где лежал набор для каллиграфии.

Но не ступила она и двух шагов, как на нее со всех сторон посыпались всевозможные фамилии. Если раньше сад безмолвствовал, то теперь он буквально взорвался сообщениями. Имена шелестели в листве, булькали в ручье, мелькали в переключке птиц. Имена звучали повсюду.

— По очереди! Прошу, по очереди! — взмолилась японка.

В этот день она извела порядочную кипу рисовой бумаги, израсходовала с три дюжины дощечек и вконец вымоталась, бегая по саду да снабжая деревья «предписаниями» по вызволению страдальцев из горячих точек.

— Не нынче-завтра здесь будет аншлаг, — сказала она, в изнеможении растянувшись на циновке под сосной. — Уж больно утомительны эти хлопоты! Надо бы набрать помощников...

Девушка-ночь была не из тех, кто покоряется судьбе, и охотники поступили бы очень опрометчиво, если бы засадили ее в какой-нибудь ящик или клетку. Но, к счастью для охотников, кенийка испарилась прежде, чем они успели что-нибудь предпринять. Яростная жажда сражаться куда острее обычной жажды. В пленнице дерева бурлили соки гнева, и поэтому она не замечала тихого клокотания соков кокона. Она пришла к выводу, что бледнокожие поработили ее и везут на чужбину. Ох и злоба закипела внутри! Кокон не справился с ролью утешителя и примирителя, за что был жестоко наказан. Дерево сотрясли четыре последовательных удара, и окаймляющая его клумба оросилась обильным дождем из бледно-розовых лепестков. Наконец, от мощного толчка из сакуры, вместе с водянистым фрагментом ткани, стремительно вылетел участок коры. Так Клеопатра добыла себе свободу, а Джулия проворонила ее пробуждение.

Сколь велико было недоумение африканки, когда, выпрыгнув из дупла, она приземлилась на мягкую почву, где, под действием чар хранительницы, уже подрастали всходы маргариток. Раны от пуль заживились, и она была готова к поединку. Но враги куда-то подевались. Видно, трусили. Возликовав вдвойне, Клеопатра, эта дикая кошка, отправилась гулять сама по себе. Глубокие следы босых ног и изувеченная вишня явились первыми и неопровержимыми доказательствами, свидетельствовавшими явно не в пользу

Аризуну Кей: устоявшиеся в саду порядки были свергнуты, а нарушительница удрала. Было о чем погоревать. Раздосадованная японка подвела Джулию к попорченной клумбе и выразила сожаление по поводу сакуры. Потом вдруг приосанилась, глянула на свои ладони и, изобразив на лице глубочайшее умиротворение, прикоснулась к истерзанному растению. Что тут началось! Ее рука облеклась пушистой перчаткой, сотканной из нитей света, и этот свет разлился по коре, утекая в корни и поднимаясь к ветвям. Рассудив, что одного воздействия мало, Аризуну Кей приложила к пациентке-вишне другую ладонь, и дерево засияло изнутри. Восторг Джулии был неопишем. По мере того, как сакура наполнялась светом, ствол всё более истончался, разрыв в нем зарастал, а крона украшалась локонами цветов. Полянка близ вишни расцвела столь необыкновенными огнями, что узкоглазой садовнице позавидовал бы любой селекционер с Земли. Но вот, волшебное действие кончилось, и Аризуну Кей опустила руки, лучась такой радостью, как будто ей только что вручили Нобелевскую премию.

— Как... Как это у тебя получается? — ошеломленно спросила Джулия. За видимой простотой и непритязательностью хранительницы в действительности скрывалась несокрушимая воля, внушительная энергия и беспримерное могущество.

— Внутренняя тишина, — ответила та. — Она всему первоосновой. Пока ты суетлив, ты бесполезен и непродуктивен. Но если дать мутной воде в твоём стакане отстояться, вскоре покажется дно. В погоне за мнимыми ценностями многое ускользает от внимания, а уединение помогает восстановить гармонию. Лихорадка мегаполисов лечится уединением.

— Значит ли это, что каждый может стать таким, как ты? Таким... совершенством?

— О! Я далека от совершенства, — тонко улыбнулась Аризуну Кей. — Посвяти я всю жизнь бдению и практикам, я бы всё равно никогда не достигла идеала. Человеку это не по плечу. Уверена, что на земле не сыщется того, кто, полагаясь лишь на собственные силы, смог бы избавиться от своего ветхого естества. Поищи уж лучше иголку в стогу сена — вернее будет... Но кое-чему мы всё же можем научиться. Возьми хотя бы каллиграфию...

— Ага, Кристиан намекал, что освоив это мастерство, я поднимусь на новые высоты в своём развитии, — перебила Джулия. — Слабо верится. Но я бы всё отдала, чтобы уподобиться тебе.

— Мне импонирует твоя прямота, — сказала японка. — Но в том-то и соль, что всё отдавать не нужно. Ты мечтала постичь каллиграфию, так не бросай её лишь оттого, что она наскучила. Эдак ты ни в чём не преуспеешь.

— По-твоему, рисуя иероглифы день и ночь, я обрету внутреннюю тишину? — скептически отозвалась Джулия.

— Ну, уж не знаю, как тебя надоумить, — вздохнула хранительница. — Давай-ка отложим дискуссию. Надо разыскать Клеопатру, пока она не наломала дров.

В библиотеке красной пагоды витал аромат жимолости. Франческо методично обшаривал полки в надежде подобрать книгу, где бы подробно описывались этапы порученного ему задания. А ещё он рассчитывал хотя бы на захудалый экземпляр руководства по созданию неповторимого стиля, чтобы произвести впечатление на Аннет. И вдруг, к его вящему удивлению, в окно вломилась африканка.

— Есть хочу, — поведала она с затравленным видом. — От ягод уже живот пучит, а вот окорок сгодился бы вполне.

Юноша остолбенел. Перед ним стояла высокая, атлетически сложенная брюнетка с шоколадного цвета кожей и глазами, в глубине которых светилось два чистейших

аквамарины. Это невероятное сочетание заставило Франческо прирасти к полу и на несколько секунд отняло дар речи. Клеопатра бесцеремонно пихнула его в бок.

— Чего глаза пялишь? Давай уже, я тороплюсь!

— К-кухня там, — пролепетал Росси, абсолютно позабыв, зачем пришел в библиотеку. Позднее его поразила одна вещь: он так же отчетливо понимал африканку, как и она его. А всё оттого, что в саду стирались языковые барьеры.

Опустошив кухню, кенийка двинулась к ручью. Она просто не мыслила себя без купания, без этого ежедневного ритуала. Сбросив свой красно-синий саронг и сандалии, она медленно и с удовольствием совершила омовение. Клеопатра и еще бы поплескалась, если бы не спугнули ее голоса. Кто-то приближался к пагоде. Тряхнув шапкой отросших, мелко-вьющихся волос, она кое-как натянула на себя одежду и рысцой побежала под мост. Ручей, в отличие от пруда, хорош тем, что не выдает следов беглеца. Даже если тот только что омочил в нем ноги, ни кругов на воде, ни предательской ряби сыщик не обнаружит, ибо ручей искони беспокоен, он вечно в движении. Не то, что лежебока пруд.

— И как ты думаешь ее приручить? — донесся сверху голос Джулии. — Конфетами что ли выманить?

— Конфетами не конфетами, а пирогами попробовать можно, — сказала Аризу Кей. — Кстати, к ужину я собиралась приготовить баранину. Против нее твоя протеже точно не устоит.

— Протеже, — хмыкнула итальянка, — о нраве которой приходится судить лишь по обломанным ветвям да изрытой земле.

— Ты смеешься, а представь, каково ей сейчас. Не оправившись после стресса, она чувствует угрозу в каждом шорохе. Ее нервы на пределе, и санаторные условия — это именно то, что доктор прописал. Но какие, скажите на милость, могут быть санаторные условия, если она затаится пугливым зайчишкой в каком-нибудь окопе и просидит так до окончания времен?!

— Ах, почему в мире столько зла! — в сердцах воскликнула Джулия. — Почему чистоте не дано цвести, почему люди столь бездушны и корыстолюбивы?!

Клеопатра прислушивалась. Разговор велся явно о ней и о ее мучителях. Внезапно ей на ум пришла мысль, будто она умерла и всё это происходит с нею в горних селениях. Те две Медеи, чьи голоса звучали, как свирель, вполне могли сойти за ангелов. Обилие плодов, богатство красок и полное отсутствие вредителей также подтверждало ее догадку. Ни аспиды, ни жабы, ни комарика — лишь труженицы-пчелки да певчие. Казалось бы, чего же более? Расслабься, примостись под деревом и наслаждайся тишь. Ан нет, Клеопатра была начеку. Остерегаться неизвестного ее приучали с малых лет, и закоренелая привычка давала о себе знать. Разведать, разнюхать, прощупать почву — вот ее первейшая задача. Иначе насмарку вековой опыт предков и прахом наставления вождя.

Опьяненная цветочным благоуханием, хвойным воздухом и свежестью дня, она еле дотащила ноги к окраине сада, откуда открывался великолепный вид на горы. Там она не поленилась сделать себе шалаш. Сакурам, что росли поблизости, досталось изрядно.

Какие только уловки не перепробовала Аризу Кей, чтобы завоевать доверие африканки. Она даже — смешно сказать — пыталась организовать обрядовый танец, поручив маленьким индийцам бить в бубен и плясать вокруг костра. Пекла вкусные пироги, от которых у ребят текли слюнки, и оставляла на траве с таким расчетом, чтобы подманить негритянку к белой пагоде, где ее подстерегал Франческо, одержимый одним только желанием — выспаться. Ибо караульный пост нельзя было покидать даже ночью. Особенно ночью. Джулия же,

тайком от Кристиана, помогала парнишке с выполнением курсовой — очень уж был суров и требователен человек-в-черном. Когда же при нем упоминали о Клеопатре, он хмурился и уходил в себя. Стоило ему нечаянно встретиться с индийцами — он отводил взгляд. И чем чаще в его присутствии рассуждали об угнетателях бедного люда, о человеческом рабстве и деспотичности, тем более замкнутым он становился. Случалось, что после подобных разговоров он даже переносил уроки каллиграфии. Джулия начинала настораживаться.

Однажды, погожим ранним утром, над горной грядой появилось странное эллиптическое облако. «Пора», — смекнула Аризу Кей и вышла в сад. Франческо дремал на своем посту, пироги были съедены, вишневое повидло размазано по траве... Но не это занимало мысли хранительницы. Белое облако над пиками возникало приблизительно раз в три месяца, и уж если оно возникало, то игнорировать его было бы верхом неосмотрительности. Прямо на газоне, под сенью красавиц-вишен, легонько вздрагивая и смеясь, посапывал Вазант. Двое его товарищей расположились рядом, у затухшего костра, от которого к небесам тянулась тонкая бечевка дыма. Восходящее солнце распыляло над морем медную пудру, любуясь своим лучезарным отражением.

Склонившись над первым мальчиком, Аризу Кей прошелестела:

— Отправляйся домой, береги память об этом сне, — И поцеловала его в лоб. И тут он стал таять, исчезать, словно фигурка, нарисованная пальцем на заиндевелем стекле. Мгновение — и на месте, где он лежал, осталась лишь примятая трава. Запечатлев поцелуй на челе второго индийца, хранительница проводила и его. Проводила в мир страданий, где мечты несбыточны, а быт заглушает душевные порывы и тянет в трясину уныния. Вазант спал чутко, и когда Аризу Кей коснулась его лба, обнял ее крепко-крепко, надеясь хоть ненадолго задержаться в мире грез. Но чары было не разбить даже при всём желании, и японка с сокрушением ощутила, как распалось кольцо объятий на ее шее. Клеопатра шпионила за ней из кустов и напряженно думала: «Что означает эта вселенская скорбь у нее на лице? Почему дети растворились один за другим? Что станет здесь со мною?»

Внезапно сад озарился яркими, ослепляющими сполохами, и она пала навзничь, заслоняясь от нестерпимого блеска. Когда же она вновь оказалась на ногах, японки у кострища как не бывало. Чья-то рука легла Клеопатре на плечо.

— Прости, мне пришлось пойти на крайние меры. Ради твоего же блага, — покровительственным тоном произнесла Аризу Кей. — Тебе понравились мои пироги, не так ли?

Кристиан скрупулезно изучал справочник по органической химии... или только делал вид, что изучает? Директор не сводил с него глаз, одновременно отпуская едкие замечания в адрес молоденькой аспирантки, чье платье контрастировало со скромными костюмами остального женского персонала и абсолютно не вписывалось в дресс-код. В преподавательской царило оживление. У нескольких профессоров была форточка, и они самозабвенно предавались спору о том, какие из изобретений кафедры следует пустить в оборот, а о каких благоразумнее умолчать. Представительницы слабого пола пили кофе и шушукались, не иначе как перемывая косточки своим коллегам. То и дело нервно дребезжал телефон (раритетная, надо сказать, вещь; таких в корпусе Академии было раз, два и обчелся). Еще пара профессоров консультировала своих студентов, а на коридоре учащиеся старших курсов вели жаркую дискуссию... Кристиану хорошо думалось среди всего этого гама.

«Эх, Люси, Люси! — вздыхал он про себя, прикрываясь массивным справочником от

взвешивающего взгляда Сатурниона Деви. — Как мне ответить на твое письмо? Признаться, что я сыт по горло этой двойной жизнью, рискованно. Хотя я и могу полагаться на твою преданность, нельзя списывать со счетов пронырливость твоих приятелей, вездесущих мафиози, над которыми стоит сам Моррис Дезастро. Глупые марионетки, убежденные в своей независимости, исполняют его волю, разъезжая по Мексике, Индии, Китаю и даже США. Тысячи и тысячи семей терпят бедствия, горюют о похищенных сыновьях и дочерях, а этот кукловод нагревает себе руки. И я увяз в том же болоте. Я, который стремится к непорочности! Который поклялся соблюсти свою честь!

Ты пишешь, что не по нутру тебе его рабовладельческий бизнес? О, Люси, моя искренняя подруга! Как бы я хотел вытащить тебя из этой смердящей ямы! Но прежде мне самому надо очиститься... Говоришь, у Морриса всегда найдутся преемники? И ты права: убить его — значит лишь освободить дорогу новому кандидату. И пока не истреблена эта шайка, пока в жилах изуверов теплится кровь, нам с тобою грозит опасность. Мне, который по одну сторону баррикад, и тебе, которая по другую». Казалось, еще немного — и Деви просверлит его насквозь. Ух, дотошный!

— Ни за что не поверю, будто вам, синьор Кимура, благоприятствует сия обстановка, — проскрипел он, подперев рукой щеку. — Коль уж взялись за энциклопедию, так отдайте авторам дань и читайте ее в тихом месте. А вообще, начитаетесь еще. Подите-ка сюда, — И директор со слащавой ухмылкой поманил его пальцем. Эта ухмылка не предвещала ничего хорошего.

— Известно ли вам, что в архиве опять побывали воры? — поинтересовался он у Кристиана, который, несмотря на волнение, держался молодцом и не побледнел даже на полтона. — Вернее, вор, — вполголоса продолжил Деви. — Примечательный, надо заметить, тип. К сейфам не притронулся и ничего не взял, кроме, разве что, дырявого пальто на вешалке. Сдается мне, он нарочно запалил свечу, чтобы сбить с толку того, кто войдет. Представляю его смятение, когда в архиве появился ваш покорный слуга. Если б свеча не спутала мне карты, ох, как бы я его отделал!

— О, да! Несомненно! — подыграл Кристиан. «Несомненно, этот старый, замшелый пень показал бы, на что годен». — И вы не позвали охрану? — участливо спросил он.

— Какая охрана, какая охрана?! — затараторил Деви, выпучив глаза, как разбуженный филин. — Он ведь улился у меня из-под носа! Я даже опомниться не успел!

— Прискорбно слышать, — покачал головой Кимура. — Плохи наши дела, если воры беспрепятственно проникают в самые охраняемые части здания. Надо принимать решительные меры.

— И менять тактику, — отозвался Деви. Внезапно проникшись к Кристиану отеческим чувством, он выдал такое, отчего менее сдержанный человек разразился бы хохотом: — Что если вам на время переселиться в архив и посторожить, а? Я лично берусь организовать лабораторию напротив. Что скажете?

Синьор-в-черном сохранял хладнокровный вид, хотя перспектива подкарауливать самого себя очень его забавляла.

— Ничего не имею против. Буду ждать дальнейших распоряжений, — сказал он и почтительно откланялся. Допрос, поначалу грозивший обернуться катастрофой, завершился в его пользу: отныне доступ к ноутбуку открыт для него круглосуточно, и проблема с передачей данных разрешилась как нельзя более успешно.

Клеопатра рассеянно теребила браслет на запястье, пока хранительница заваривала чай. Кенийка находила этот обряд вульгарным и, как все в ее племени, относилась к «китайской травке» с презрением. Эка невидаль, заграничные обычаи?! Ей бы птичку сейчас поймать да принести в жертву Энгаю [8]. Но только вот ни одной священной смоковницы она в саду не обнаружила, а вулкан Ол-Доиньо-Ленгаи теперь, судя по всему, где-то на краю земли.

— Попробуй, тебе понравится, — предложила японка.

Девушка-ночь поморщилась. Она привыкла пить молоко с кровью быка.

— Я друг, понимаешь? Я — друг, — с расстановкой сказала Аризу Кей. — Не нужно стесняться.

Но Клеопатра точно в рот воды набрала. Будет она еще любезничать со всякими узкоглазыми! В ней вдруг проснулась расовая неприязнь.

— Уж и не знаю, как с тобой быть, — сказала хранительница. — На контакт ты идти не хочешь, моими снадобьями брезгуешь. Упрямисься, словно малое дитя!

Она впервые оказалась не в своей тарелке и уже была готова сложить оружие, когда в беседку заглянула Джулия.

— Ах, вот ты какая, моя Клеопатра! — вскричала она и уселась верхом на бортике. Та вздернула брови: она мгновенно признала в итальянке родственную душу.

— М-м-м, — сказала Венто, дотронувшись до бисерных колец, вдетых в уши кенийки. — Красота!

— Великий Энгай! — воскликнула в свою очередь негритянка, заприметив у нее на шее диковинный камень бирюзового цвета. — Кто дал тебе этот амулет?!

— Его подарил мне двоюродный брат Федерико, но, если хочешь, возьми его себе. Он так подходит к морской глубине твоих глаз...

Испытав несказанное облегчение, хранительница сообщила, что у нее неотложное дело, взяла руки в ноги и, путаясь в полах кимоно, засемила по направлению к медитативной площадке. Ей надо было срочно восстановить равновесие между инь и янь. Хрупкая экосистема сада пошатнулась, нити управления процессами поистерлись, а ведь всему виной ее расхлябанность. Нельзя принуждать к реабилитации гостя, если не реабилитировался сам.

С Клеопатрой не соскучишься — это было ясно, как день. В списке ее развлечений пунктов значилось немерено, и она сомневалась лишь в том, следует ли сперва научить Джулию их народному танцу или показать, как строится ёнканга [9].

— С танцем придется повременить, — деловито сказала она после раздумий. — Вдвоем исполняют лишь примитивные танцы, а для моего нужна целая деревня. Поэтому давай лучше наберем глины для постройки хижины. Я ведь здесь надолго. Если припустит дождь, где его переждать? Разве в том уродливом домишке, что за мостом?!

Джулия не стала ей перечить, хотя знала, что дождей в саду сроду не бывало, а возвращение африканки на родину уже предрешено.

Порыскав среди деревьев, Клеопатра посетовала на малые запасы глины и полное отсутствие навоза, которым у нее в селении укрепляют дома. Однако это не сильно ее расстроило, и она отправилась к молодым насаждениям сакур, оставив Джулию сторожить полянку. Ничтоже сумняшеся, негритянка выдрала с корнями гибкие деревца, связала в сноп и поволокла к месту будущего жилища. Страшно вообразить, что сделается с Аризу Кей, когда ее взору предстанет картина столь бессовестного вандализма!

— Следовало бы обнести мою хижину частоколом, — с натугой проговорила Клеопатра, чуть ли не надрываясь из-за тяжести снопа. Когда Венто разглядела эту

неподъемную ношу, ее едва не хватил удар.

— Numi del firmamento![10] Да это же сажены, над которыми столько тряслась хранительница! О, что теперь будет!

— Эка важность, какие-то растения! — небрежно бросила кенийка. — Кто, в конце концов, важнее? Растение или человек? Разве человек создан, чтобы ублажать растения?

Джулия подивилась столь мудрому высказыванию дикарки, однако не преминула изложить и свою точку зрения:

— Но уж, по крайней мере, человек должен уважать труд других.

— Я вам с сотню таких понасажаю, — дерзко отвечала Клеопатра. Итальянка совсем не хотела с ней ссориться, беря во внимание ее натренированные мышцы и превосходство в росте, поэтому без лишних слов включилась в работу. Скоро обе они с ног до головы перепачкались в глине: Джулия — по неопытности, а Клеопатра — из принципа. Она ненавидела аккуратность.

— Есть тут у вас тростник? — поинтересовалась она, утирая грязной ладонью пот со лба.

— Это вряд ли.

— Очень жаль. Потому что тростниковая крыша прекрасно пропускает дым от костра.

— И в твоём семействе не боятся поджариться заживо?! — изумилась Венто.

Кенийка скривила рот в усмешке:

— Да мы спим вокруг очага! И на моем веку еще ни разу никто не поджарился. А знаешь, чем славятся постройки масаев? Если возникает необходимость переместить деревню к другому пастбищу, мы просто обстукиваем дома палками, обмазка отлетает и хижины разбираются. Затем их можно перенести на новое место, чтобы опять собрать.

Аризу Кей мечтательно прогуливалась по аллее и, как всегда, наслаждалась необычайной синью небес, не утруждая себя смотреть по сторонам. Она добросовестно прополола грядки за пагодой и вскопала землю для будущих посадок. Качественная медитация помогла вернуть силы, подвигнув к активной деятельности в наскоро обставленной мастерской, где японка провела два часа за проектированием улучшенной модели телепортатора. В голове ее звучал симфонический оркестр, она плыла по дорожке грациозным лебедем, и его величество Удовлетворение владело ею безраздельно, пока взгляд случайно не зацепился за круглый пятнистый короб вышиною с трехдневный бамбук. Этот короб очень портил вид и внушал необъяснимое беспокойство. Подойдя поближе, хранительница моментально прозрела: кто-то позарился на молодые деревца, на объект ее чаяний и забот. Клеопатра! Ее не упрекнешь в несамостоятельности... Но это!

— Это выходит за грани допустимого! — не выдержала Аризу Кей. — Со строптивой девчонкой надобно быть строже. Придется вернуть ее в селение раньше срока.

С твердым намерением расставить все точки над «і» она направилась к громоздкой храмине. Однако, кроме засушенных корней и пары беличьих тушек, ничего и никого не обнаружила. Несчастные создания! В саду впервые свершилось убийство, но кто даст гарантию, что за ним не последуют другие, более изощренные злодеяния? Время бить тревогу.

Аризу Кей растратила слишком много энергии, когда позволила себе неожиданный маневр с тыла при «захвате» африканки. Повторить подобный прием у нее не хватило бы духу, и она решила действовать по старинке, а именно нагибаться и выискивать следы. Чтобы их обнаружить, не понадобилась бы даже лупа, потому что на коре каждого второго

дерева виднелась засечка (о, многострадальные сакуры!). Эти засечки вели в отдаленную область сада, где японка намеревалась вырастить кипарисовую рошу в окружении стройных эвкалиптов. Но ни кипарисов, ни эвкалиптов ей отныне не видать, если там обустроится африканка. Она будет ожесточенно защищать свою территорию до тех пор, пока хранительница не вышибет ее пинком. Разумеется, волшебным.

По-видимому, кенийка всё-таки отыскала священную смоковницу, а если и не смоковницу, то какую-нибудь священную ёлку или сосну.

— Да славится могучий дух масаев! Тебе приносим в жертву эти шкуры, — нараспев произносила Клеопатра, а ей — к прискорбию Аризу Кей — увлеченно вторила Джулия, которая, как представлялось японке, обладала критическим складом ума и ясностью мышления. Но вся правда заключалась в том, что негритянка вызывала у девушки симпатию, смешанную с чувством почитания, если не преклонения. Кто еще в Академии может похвастать знакомством с жительницей страны, где, в момбасской гавани, однажды высадился Васко да Гама?! История голодного детства и полного лишений отрочества окончательно покорила студентку: сострадание уступило место невольному восхищению выдержкой Клеопатры, неутомимостью духа, верностью себе и своим традициям. И Джулии, во что бы то ни стало, захотелось оградить ее от несправедливости.

Аризу Кей притаилась за деревом. Притаилась! Ах, если б она только видела себя в тот момент! Величавой, статной, ей подобало бы выйти на свет и объявить о своем присутствии. Но нет, она предпочла засаду.

Кенийка насторожилась и повела носом.

— Сматываемся отсюда, — сказала она шепотом.

— Почему? — удивилась Джулия.

— Я эту узкоглазую теперь за версту чую. Я нанесла урон ее драгоценному саду, и деликатничать здесь со мной не станут. Поэтому, повторяю, надо убираться.

— Аризу не такая... — начала было Джулия, но потом ей в голову пришла отличная мысль: — Я точно знаю, где тебе будут рады. Возьми меня за руку.

Порывшись в сумочке, итальянка достала телепортационную ветвь, и, прежде чем хранительница успела сообразить что к чему, обе девушки растаяли без следа.

[8] Энгай — бог масаев

[9] Ёнканга — хижина масаев

[10] Силы небесные! (ит.)

Глава 6. «Шестерка проныр и К.»

Джейн питала слабость к любовным романам, мыльным операм и просто операм. И от экрана, что горел в гостиной, ее было за уши не оттянуть. Поэтому Лиза решила не докучать ей со своими рассказами о достоинствах Донеро и не затрагивать тему предсказаний. Тем более, что герои телесериала рассуждали как раз об этом.

«Генри, вещунья пророчила тебе скорую гибель. Прошу, не садись сегодня за руль! На улице гололед. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится!»

«Успокойся, дорогая. Гадалка еще и не такого наговорить может, лишь бы денег содрать с честного человека. А ты и купилась».

И всё в таком же духе добрых сорок минут. Лиза еще кое-как переваривала российские сериалы, но вот от зарубежных ее мутило самым скверным образом.

— Подруга, раз ты здесь, принеси мне чего-нибудь попить, — попросила Джейн, не отрываясь от кино. — И присоединяйся, если хочешь.

Лиза фыркнула и ушла за чашкой. Когда она вернулась, англичанка явно кого-то хоронила, рыдая в три ручья и непрестанно хлюпая носом.

— Вот уж нашла, по ком слезы лить, — проворчала Лиза, поставив чашку с чаем на журнальный столик. — Наревёшься еще. Помнишь пророчество из книги?

Джейн откинулась на спинку дивана.

— Ах, нет! Я не воспринимаю подобные вещи всерьез. Ты только представь: путешествие на острова. Немыслимо! Я и так с величайшей неохотой покинула Лондон. Вояжер из меня никакой... Кстати, как первое впечатление от будки на пружинах?

— Это было великолепно! — оживилась Лиза. — Нас раскачивало, как на лодке в ветреную погоду. Донеро рассказывал о Марианской впадине и Большом Барьерном рифе, о превратностях в пустыне Гоби и загадках Амазонии. Я словно побывала сразу в тысяче мест! А еще... еще у него есть необычная подзорная труба. Думаешь разглядеть охранника на стенной башенке, а на деле выходит, что упираешься взглядом в Эйфелеву башню. Да-да, хочешь верь, хочешь нет, — добавила она, когда брови Джейн взлетели вверх. Выражение ее лица, казалось, вопрошало: «Зачем же столь гротескно приукрашивать правду?».

С мольбертом под мышкой и папкой картона в другой руке, в гостиную ввалилась Роза.

— Фу-уф! Ну и денек! — сказала она и с размаху плюхнулась рядом с Джейн.

— Творила? — поинтересовалась та.

— И весьма неплохо, — заметила Лиза, разглядывая эскизы художницы. — Уверена, эта осень будет твоей.

— Завтра даю мастер-класс по рисованию акварелью, — устало проговорила Роза. — Я здесь нарасхват. Но знаете, несмотря на всю эту суматоху, я чувствую себя одинокой.

— Одинока среди людей... Как лирические герои Лермонтова, — сказала россиянка.

— Не среди людей, а в своей комнате, — уточнила Роза. — И еще меня гложет совесть.

— Так уж прямо гложет?!

— Да, потому что Кианг ютится на дереве исключительно по моей вине. Кто на нее накричал? — Я. Кто поколотил? — Тоже я. И только представьте, каково мне занимать целую комнату, в то время как все вы живете по двое!

— Значит, тебе нужна компаньонка, — заключила Джейн. — Но такая, которая бы не прекословила и не устраивала беспорядков. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— А не лучше ль вернуть Кианг? — попыталась было встрять Лиза. Да только ее никто не слушал.

— На примете? — почесала в затылке Роза. — Так с ходу и не назову...

— То-то и оно. Займись пока что поисками сожительницы. Это тебя отвлечет, — посоветовала Джейн.

Джулия допустила грубейший промах, перенеся кенийку в непривычную для нее среду. Глухие, плотные стены здания Академии скрадывали пространство, и создавалось общее впечатление изолированности и безвыходности. Стены — это вам не слононая трава, сквозь них так запросто не пройдешь. Они-то больше всего и смутили Клеопатру. Когда же она попыталась высказать свои соображения по этому поводу, вместо членораздельной речи из ее уст вырвались слова, совершенно Джулии незнакомые. (Перешагнуть языковой барьер можно ведь было лишь в саду!) Поэтому пришлось им изъясняться знаками да междометиями.

— Ты, — сказала Венто, ткнув пальцем в грудь африканке, — будешь учиться вместе со мной. В Академии, — и она обвела жестом парк.

— Ёнканга, — сказала Клеопатра. — Я... строить... ёнканга. И жечь... пщщ... sadaka moto.[11]

— Нет-нет-нет! — воскликнула Джулия. — Никаких «ёнканга»! Никаких «жечь»! Будешь жить... там, — убеждающим тоном произнесла она, указав на дворцовый ансамбль. — В общежитии.

— В об-ще-жи-ти-и, — неуверенно повторила Клеопатра. — Sipendi! [12]-запротестовала она. — Не хочу!

— В таком случае, отправишься обратно в сад, к узкоглазой! — Для пущей выразительности Джулия оттянула уголки глаз. Этот жест подействовал на кенийку отрезвляюще. Возвращаться на небесный остров после всего, что она натворила?!

«Куда бы ее поселить? — размышляла Венто, шагая по аллее и не выпуская руку Клеопатры. — Да так, чтобы об этом не прознали ни преподаватели, ни студенты...».

Когда беглянки очутились в парке Академии, стояла ночь. Оранжевые капли фонарей высвечивали отвоеванное у темноты пространство и мерцали на фасаде главного корпуса радостными маячками. Аллеи были пусты, пустовали и скамейки у фонтанов. Только какой-то поэт-полуночник с пятого курса шатался среди насаждений. Но его не стоило опасаться — он был всецело поглощен собой и своими ощущениями.

Девушки миновали вяз, на котором храпела Кианг, и незаметно проскользнули в общежитие. По счастью, консьержа они не застали. Это был добрый знак.

— Не зевай! — зашипела на негрityнку Джулия. — Хочешь, чтобы нас увидели?

Они прокрались в гостиную четвертого апартамента и, не зажигая ламп, стали устраиваться на ночлег.

— На первый раз составлю тебе компанию, — прошептала итальянка. — Неохота будить Мирей. А завтра что-нибудь придумаем.

Клеопатра, разумеется, ничего из сказанного не поняла. Она сознавала лишь, что в ее жизни всё стало шиворот-навыворот и теперь ей, как никогда, нужна опора.

«Не сваришь со мной каши, — подумала она, засыпая. — Зато заварить кашу — в два счета».

Прибытие африканки произвело на студенток апартамента незабываемое впечатление, в

особенности на Мирей. Считая себя ответственной за всё на свете, она принялась опекать Клеопатру с тем жаром, какой бывал присущ разве что матронам викторианской эпохи. Не сказать, чтобы она перегибала палку, но для бедной девушки, не привыкшей к столь усердным заботам, ее самоотверженность была чересчур угнетающей. Трижды в неделю Джулия возвращалась с кенийкой в сад, соблюдая предосторожности, чтобы не попасться на глаза хранительнице. Там, под сенью вишен, она обучала дикарку итальянскому. В остальное же время над нею, как курица над яйцом, кудахтала Мирей. Это Мирей посоветовала (Да что там посоветовала? Настойчиво рекомендовала!) разместить Клеопатру в комнате Розы. Мирей взялась обеспечить ее канцелярскими принадлежностями и кое-какой одеждой. Именно Мирей занималась с нею алгеброй после пар.

Джейн с Лизой вызвались носить новенькой еду из столовой. А чтобы ни у кого не возникло подозрений, в первый же день взяли из питомника щенка колли. Теперь, если дежурный по кухне и приставал к ним с расспросами, у них всегда было наготове оправдание: для собаки.

Надо сказать, собака сыграла не последнюю роль в привыкании Клеопатры к новой компании. Этот маленький четвероногий друг помог ей освоиться куда больше, чем все испробованные хранительницей методы. И если бы кто-нибудь убедил Аризу Кей, что собака действительно необходима, по саду уже давно носились бы своры далматинов или спаниелей.

Франческо по-прежнему не был желанным гостем в апартаментах. Джулия терпела его только потому, что он приносил пользу хранительнице, и брала его в свои ночные путешествия исключительно по просьбам Аризу Кей. Что же касается Мирей, то при появлении Росси у нее возникало непреодолимое желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Роза уже не надеялась их примирить, но и тут на руку сыграл щенок. На одной из прогулок он в буквальном смысле опутал итальянца и француженку «веревкой дружбы», то есть своим поводком, и Мирей после такого столкновения даже растрогалась. «Как глупо было с моей стороны, — сказала она, — осуждать тебя за привязанность к Аннет! Наши симпатии, антипатии — всё это так условно и преходяще! Пёс и тот липнет к каждому встречному».

В отличие от француженки, Джулия не была столь отходчива. Она всё еще копила обиду, и в ее редких обращениях к Росси неизменно преобладали презрительные интонации. Задабривания здесь не помогали, а счастливые случайности, вроде той, что сблизила Франческо с Мирей, обходили ее стороной.

Червонно-золотой стрелой пролетел октябрь, стало заметно холодать, участились ливни. И о том, что сердце Джулии отгадет, можно было забыть. Она куталась в свитер, прятала руки в карманах и отзывалась о своем бывшем друге, не особо выбирая выражения. Клеопатру она держала в ежовых рукавицах, и та даже не смела рассчитывать на поблажки в виде сокращения уроков итальянского. Возможно, именно по этой причине уже через полтора месяца она могла сносно разговаривать на языке римлян. Первая победа была одержана.

Хранительница лишь единожды вскользь поинтересовалась, что же стало с африканкой, и Джулия заверила ее, что беспокоиться не о чем, ибо шефство над Клеопатрой взяли ее подруги из Академии. Она ни словом не обмолвилась о том, что посещает сад тайком. К чему Аризу Кей лишние переживания?! У нее и так хлопот немерено: приют обиженных и оскорбленных что ни день то пополнялся, и вопрос о размещении новопривыкших был как

нельзя более актуален.

— Сад не выдержит такого наплыва страждущих! — сказала как-то раз японка. — А на то, чтобы его расширить, уйдет много времени и сил. Судя по количеству беженцев, работорговля на Земле процветает.

— Может, сложишь с себя полномочия хранительницы, и дело в шляпе? — полушутливо предложил Кристиан, присутствовавший при разговоре. Обладая он в тот момент хоть долей здравого смысла, он бы держал рот на замке, ибо его реплика надолго отбила у Джулии желание посвящать его в свои замыслы. Она окончательно перестала доверять синьору-в-черном. Теперь уж если она и займется проблемой работорговли, то никак не при его содействии.

Промозглым ноябрьским вечером Венто собрала подруг в гостиной.

— У меня для вас объявление, — сказала она, обводя их пытливым взглядом.

— Устроят маскарад? — замирая от волнения, спросила Роза.

— Да ну тебя, маскарад же только зимой! — проворчала Мирей.

— Вы с Франческо наконец-то заключили мир? — предположила Джейн.

— Нет и нет! Кстати, вот и он, легок на помине! — сказала Джулия, когда в дверную щель просунулся любопытный нос итальянца. — Благородному мужу подслушивать не к лицу. А ну, давай, к нам! — И она ловко втащила Франческо внутрь.

— Я вовсе не благородный муж, — с легкой обидой в голосе произнес тот, расправляя на одежде несуществующие складки. Он тупил глаза, смущался и, вообще, вел себя как девица на выданье.

— Ты до сих пор сердисься на меня? — нерешительно спросил он.

— Сержусь, но меньше... Гораздо меньше. Я даже разрешу тебе участвовать в нашем предприятии.

— В нашем?! — подскочила Мирей. — Что-то не припомню, чтобы нас ввели в курс дела. Я уж точно не дам согласия, пока мне не разъяснят сути.

— Дело элементарное, — непринужденно сказала Венто и тотчас перешла в наступление: — Как насчет того, чтобы искоренить мировое зло? Я имею в виду торговлю людьми.

При этой фразе кенийка вжалась в диванную обивку, у Франческо вырвалось какое-то нелепое восклицание, а Мирей неодобрительно поморщилась, шепнув на ухо Розе:

«Она не из тех, кто разменивается на мелочи».

— Но бороться с преступностью отнюдь не легкая задача, — вмешалась Джейн, которой эта затея пришлась не по душе.

— Безрассудство! D;raison! — вскричала Мирей.

— Позвольте мне пояснить, — примирительно сказала Джулия. — У естествоиспытателей есть одно правило: сперва они проводят серию опытов *in vitro*, в лаборатории, а уж затем приступают к операции *in vivo*. Переводя на нормальный язык, следует вначале разузнать, где находится источник всех зол, откуда у мафиози растут корни и какой отравой их полить, чтобы истребить сорную траву.

«Изъясняется, что твой проповедник», — не удержалась Мирей от реплики в сторону.

— А я знаю того, кто нам поможет! — сказала вдруг Лиза. — Сатурнион Деви.

— Директор?! — как по команде воскликнули остальные. Джулии совсем не хотелось вмешивать сюда директора.

— Кто как не он? Ведь ему одному доступны все рычаги в Академии, он ведет переговоры с учеными зарубежья и наверняка состоит в дружеских отношениях с некоторыми представителями ООН. Деви непременно подскажет путь.

— А ведь верно! — заметил Франческо, который до той поры молчал. — Если заострить его внимание на проблеме, из твоего *d;raison*, Джулия, может, и выйдет толк.

— Коль вы, и правда, прибегнете к его помощи, то я, пожалуй, признаю, что идея эта не так глупа, — отозвалась Мирей.

Как и следовало ожидать, «бразды правления» перешли в ее руки. Теперь главным организатором была она. Франческо она поручила прозондировать почву в библиотеке, и когда тот заикнулся, что книгохранилище имеется также и в саду сакур, Джулия была готова его придушить.

— Вот, значит, откуда взялась Клеопатра! — сощурилась Джейн. — Невероятно, как вам двоим удавалось так долго скрывать от нас существование рая!

— Вход в параллельный мир! Феноменально! — воскликнула Лиза.

Джулия отнюдь не разделяла общего энтузиазма. Она была несколько удручена сложившейся ситуацией: из-за легкомыслия Росси двери в заповедный край могли навсегда для нее закрыться. Если уж Аризу Кей и берет с кого слово, то подразумевается, что слово это надо держать, а не трубить о саде на каждом углу. Если новость расползется по Академии, никто не поручится, что вскоре она не облетит весь земной шар. А против шестимиллиардного населения Аризу Кей вряд ли устоит...

— Внимание! — возвысила голос Венто. — Пока не случилось непоправимого... Обещайте мне... Нет, поклянитесь! Дайте нерушимую клятву, что ни при каких обстоятельствах не раскроете тайны сада. Поклянитесь держать язык за зубами. И ты, Франческо. Но тебя, боюсь, даже клятва не остановит.

— Там, где бессильно внушение, вполне сгодится скотч, — вставила Роза. — Или иголка с ниткой.

— Обойдемся и без варварских методов. Но учти, Франческо, если проболтаешься, не сносить тебе головы.

В тот знаменательный ноябрьский вечер Мирей присягнула на верность Аризу Кей, как если бы та была Людовиком XVI; Роза с жаром пообещала, что скорее позволит сварить себя в кипятке, чем обмолвится о Волшебных Деревьях. Джейн дала честное «космическое» слово (в ее понимании, беспредельно честное), а Лиза сказала, что у нее в роду сплетники и болтуны перевелись еще к началу девятнадцатого века.

— Нам нужно как-нибудь назваться, — скромно заметила Джейн, когда с клятвами было покончено.

— Зачем? Чтобы выделиться? — въедливо поинтересовалась француженка. — По моему, известности-то как раз и следует избегать. Мы же договорились действовать втайне.

— Так-то оно так, и всё же... Я не ставлю целью популярность. Название должно подбадривать нас самих. И пусть оно будет звучать только в нашем, узком, кругу. Знаете, как приятно...

— Ага, назовемся, к примеру, «Шестерка проныр и К.», — предложил Франческо, который с юмором всегда был на «ты».

— Ну, насчет «Шестерки проныр» всё ясно, а что такое «К.»? — удивилась Джулия.

— Да Клеопатра же!

— Остроумно, остроумно, — сказала Мирей, которая не упускала случая вставить в

разговор свои два цента.[13]

После того как были распределены обязанности, никто и думать не думал об учебе. Все беседы неминуемо сводились к предстоящей миссии, и старания, в прошлом направленные на выполнение практических работ в лаборатории, текли теперь в другое русло. Кристиан Кимура уже не раз замечал кого-нибудь из «Шестерки», бродящего по коридорам с многозначительным видом. Если ему попадались Джейн или Франческо, он приписывал их загадочность тем идеям, которые они, возможно, вынашивали, и очень надеялся, что идеи эти связаны с их курсовыми. С Джулией он виделся реже обычного, хотя под крышей белой пагоды встречи их были неизменны. Прежняя открытость ученицы уступила место отчуждению и холодности, и порой в ее речи звучали не нотки, а целые аккорды недоверия. День за днем она всё более отдалялась от синьора-в-черном, который никак не мог уяснить себе причину ее странного поведения.

— История японской каллиграфии восходит к той эпохе, когда в страну пришли иероглифы из Китая, — повествовал Кристиан, наблюдая, как сосредоточенно Джулия переписывает столбцы из свитка. Этот потрепанный свиток, принадлежавший некогда династии Тан, выудила из закров Аризу Кей.

Кимура с гордостью отмечал, как далеко его ученица продвинулась в искусстве письма, однако, казалось, Джулию его похвалы ничуть не трогали. Она обзавелась тем щитом равнодушия, каким время от времени прикрывался он сам, дабы не выдать своего истинного душевного состояния. Кристиан судил по себе: под восковой маской прячут чувства. Прячут замыслы и намерения. И только блеск в глазах способен эти намерения выдать...

— Принято считать, что вначале японцы своей письменности не имели. Периодически, однако, во времена подъёма национального самосознания в Новой Японии, в эпоху Мэйдзи и перед Второй мировой войной появлялись теории о существовании доиероглифической письменности, напоминавшей руническое письмо. Но подтверждения они не получили. Иероглифы попали в Японию через Корейский полуостров. Их проникновение началось в I–II веках нашей эры, однако достоверно говорить об использовании японцами иероглифов можно начиная с середины VI — начала VII веков.

Джулия кивала, делая вид, что слушает. Но, уж конечно, ее занимало другое. Кристиан всё бы отдал за то, чтобы проникнуть в ее мысли. Она никогда не была такой скрытной, она срывалась по пустякам, злилась, когда кисточка выскальзывала у нее из рук, а по временам вымещала гнев на рисовой бумаге. Теперь же ее словно подменили. Где та живость характера? Куда испарилась прежняя раздражительность? Положительно, если б она ничего не замышляла, это бы означало, что ее околдовали.

— Началом современной каллиграфии можно считать конец эпохи Тайсё, когда видные каллиграфы начали объединяться и создавать разные общества. Одним из первых и самым известным было сообщество «Нихон», во главе которого стоял Сёдо Сакусинкай. С него некоторые исследователи начинают отсчёт каллиграфии нового времени. И сейчас он ежегодно собирает у себя дома деятелей искусства, дабы приобщить их к своему мастерству. Не правда ли, замечательно?

— Да-да, — проронила Венто.

— Джулия! — воззвал Кристиан. — Джулия, — сказал он чуть мягче, — очнись! Сёдо умер в прошлом веке. Я нарочно переврал, чтобы тебя проверить.

Она вздрогнула и посмотрела на него расширенными глазами.

— Признаться, я чувствую себя третьим лишним, помехой, тогда как ты, похоже, испытываешь потребность побыть наедине со своими мыслями. Ты как будто меня дичишься. В тебе произошла какая-то перемена...

— Она вам не по нраву? — наивно спросила та. — Что ж, в таком случае, мы квиты. Ваша линия поведения меня также не устраивает. Вы корите меня за сучок, а бревна в своем глазу не видите.

— Объяснись, — потребовал Кимура.

— Очень просто. Почему вас гнетет присутствие детей в саду? Почему вы избегаете их общества? Почему вести о Клеопатре, которую мы, кстати, приютили в общежитии, вас тяготят? (И вы даже не пытаетесь этого скрыть!) Сознайтесь, вам не дает покоя чувство вины?

— Ты меня подозреваешь, не так ли? — ответил Кристиан вопросом на вопрос. Он догадася, куда клонит Джулия. — Полагаешь, что я замешан в зверских преступлениях? Так вот, должен тебя разочаровать. Я чист, как утренние небеса.

— Но солнце часто восходит в дымке...

— А тревожусь я из-за тебя не на пустом месте, — продолжал Кимура, обретая равновесие. — Со слов директора мне стало известно, что кое-кого (не будем перечислять поименно) тянет отнюдь не на безобидные приключения. Разыскивать гнездо мафии — это вам не в кошки-мышки играть. Это огромный риск!

Она вспыхнула, после чего медленно произнесла:

— А ведь не так давно вы сулили мне поддержку...

— Я был глуп и многого не предвидел, зато предвижу теперь.

— Вы опоздали. Я не отступлюсь, — сказала Джулия, складывая руки на груди. — И вам, хотите вы того или нет, придется принять участие в нашей игре, — ультимативно заявила она.

— Эка дерзость! — возмутился Кимура. — Но здесь ты права. Без меня вы сядете в лужу.

— Постарайтесь лучше сами не ударить лицом в грязь, — сказала она и вышла, невзирая на его протестующий жест.

Вскоре, тем же вечером, судьба снова свела их вместе, уже в лаборатории биофизики. Джулия вела себя на редкость непоследовательно и портила опыт за опытом. Конфронтация в саду, вопреки чаяниям Кристиана, не привела к какому бы то ни было утешительному результату, и он по-прежнему числился у нее в черном списке. Они готовили реакционные среды плечом к плечу и не сказали друг другу ни слова. Отчаянные попытки Кристиана расположить ее к себе потерпели полный провал. Что уж говорить, если даже его ничтожная просьба передать флакончик с индикатором была воспринята в штыки!

— Очень жаль, что вам так опротивело мое общество, — сказал он после затяжной бури молчания. — Но в нашем распоряжении, увы, всего один ламинар-бокс, одна раковина для мытья посуды и девять квадратных метров. Поэтому, если вы желаете закончить эксперимент сегодня, вам придется потерпеть мое присутствие.

— Да, увы, — подчеркнуто надменно отозвалась Джулия. — Наука требует жертв.

— Чтобы облегчить ваши страдания, отныне и впредь я буду держаться от вас на расстоянии вытянутой руки, — пообещал Кристиан.

— Что ж, прекрасно! — последовал вызывающий ответ.

— Однако это несколько не умаляет моей роли в миссии по обезвреживанию

работоторговцев.

— О, нисколько! — сухо подтвердила Джулия и, увеличив напор воды, с превеликим тщанием принялась оттирать грязь с чашки Петри.

Некоторое время спустя Кимура вновь засвидетельствовал свое почтение ноутбуку, не опасаясь быть застигнутым врасплох. Поскольку директор лично поручил ему охранять «комнату артефактов», торжественно передал ключ и успокоил тем самым свою совесть. Деви никогда не отличался нюхом на предательства, оттого старика можно было легко обвести вокруг пальца. Он не мог распознать в человеке худого, пока тот сам не обнаруживал какой-либо порочной своей склонности. И этим активно пользовались. Двух лазутчиков, предшественников Кристиана, выявили лишь благодаря пронизательности заместителя, Туоно, который обладал чересчур живым умом и поистине бесценной способностью «видеть» людей. Тот факт, что он до сих пор не вывел на чистую воду синьора-в-черном, можно было бы объяснить разве что милостью фортуны.

«Так-так, посмотрим... Новое указание от Морриса и два письма от Люси, — Кимура кликнул по первому сообщению. — Что же хочет от меня Дезастро, это ходячее бедствие? Ага, копии каких-то документов... С этим я разберусь. Чертежи новейших разработок? Ну, за мной не заржавеет. Странно, но с некоторых пор я стал воспринимать свою работу на два фронта как нечто недостойное и подлое. Нет, право, мне нужен отдых, хороший отпуск эдак на полгода, чтобы раз и навсегда определиться, на чьей я стороне.

А что слышно от Люси? На Крите бархатный сезон, волна туристов отхлынула. Море еще теплое, а солнце греет уже не так, как летом. Ха! Она пишет о шопинге, каких-то глупых скидках и распродажах, хотя прекрасно знает, как я этого не люблю.

Трижды каталась на яхте? Что ж, очень рад за тебя, Люси. А это что? — он развернул второе ее сообщение. — Ты поражена коллекцией награбленных самоцветов? По-твоему, один только блеск рубина или берилла оправдывает жестокость Морриса? Сейчас я не могу с тобой согласиться, дорогая Люси. Ни один камень не сияет так, как сияют глаза Джулии Венто в свете вечерних огней... А радужка глаз Клеопатры, африканки, спасенной из плена, и вовсе неповторимого оттенка. Ты спросишь, кто такая Джулия и отчего я упоминаю о ней лишь сейчас? Вредная, несносная девчонка, которая вечно себе на уме. По правде говоря, я не могу толком разобраться в своих чувствах к ней. Она приобретает надо мною всё большую власть, несмотря на то, что я ее учитель. Кажется, я уже и шагу ступить не могу без того, чтобы не подумать: а что скажет Джулия? Осудит ли она мой поступок? Одобрит ли?

Мне стыдно признаться (и делаю я это исключительно потому, что мы давние друзья), но я в растерянности. Раньше задания нашего шефа не шли вразрез с моей совестью, а теперь я стою перед дилеммой: продолжать ли шпионаж или же положить конец этому двуличию? К несчастью, в таких вопросах мы часто сами себе и советчики, и палачи.

Он выключил компьютер и провел пальцами по клавиатуре.

— Раз решился помогать Джулии, стало быть, ты на ее стороне. Тут и гадать нечего, — сказал он вполголоса. — Берегись, Моррис Дезастро! Отныне мы враги.

— Однако это не делает вам чести, — вдруг сурово произнесли у него за спиной.

[11] Жертвенный огонь (суахили)

[12] Не нравится! (суахили)

[13] inserer deux cents — вставить пять копеек (фр.)

Глава 7. Со студентов взятки гладки

Почему он не услышал, как заскрипела дверь? Или, быть может, в его отсутствие смазали петли? Между противниками вмиг завязалась отчаянная борьба, и кончилась она так же внезапно, как началась. Кристиан очутился на полу с разбитой губой, а сверху на него, хрипя и чертыхаясь, навалился Туоно. Грузный противник попросту придавил его к земле, не оставив возможности дать отпор.

— Я давно за вами присматриваю, голубчик, — процедил заместитель директора, скручивая Кристиану руки. — Вы давненько у меня под прицелом.

— Ваше положение не дает вам права калечить персонал, — с достоинством отозвался Кимура. — Не будете ли вы столь любезны, чтобы меня развязать?

Туоно больно пнул его под ребра.

— Будет мне тут всякая мразь рот разевать! Попался — так уж не отвертишься! Деви живо распорядится, где тебя сгноить. Завтра же состоится суд, а потом или каторга, или казнь.

Кристиан заметно присмирел. Только сейчас он в полной мере осознал, в какую угодил передрыгу. «Сопrotивление бессмысленно, оправдываться перед Сатурнионом и угождать мне претит, а на везение нечего даже и надеяться. Остается ждать скорейшего исполнения приговора, каков бы он ни был. Ко всему прочему, я смертельно устал».

Казалось, он готов был смириться, совершенно безучастно наблюдая, как Туоно отдает приказания стражникам и те подходят, чтобы взять его, человека-в-черном...

«Слабак, — подумалось ему. — Ничтожество. Ты и вправду ничтожество, если не можешь за себя постоять. Без меня ребятам ни за что не обнаружить осиное гнездо мафии, они только зря потратят время. Уж хотя бы ради этого следует побороться за свою жизнь! Ради замысла и ради... неё».

— Джулия, отчего тебе не спится в столь поздний час? — поинтересовалась Лиза, подавляя зевету и присаживаясь на диван подле подруги. Та одернула край своей шелковой сорочки, даже не взглянув в ее сторону.

— Голова трещит, в мыслях полный бардак, — пожаловалась она. — Попробуй тут, усни!

— Можешь поделиться мыслями со мной, — предложила Лиза. — Если переложить часть груза на другого, становится легче...

— Боюсь, я взвалила на свои плечи непосильную ношу. Того и гляди, раздавит, — Джулия стиснула виски и зажмурилась. — За какой конец потянуть, чтобы размотался клубок? Как вычислить координаты преступного штаба, если даже не знаешь, с чего начать?

Лиза оживилась. Так вот, за чем дело стало!

— А потом, — безотрадно продолжала Венто, — что-то неладно с моим научным руководителем. Если раньше я испытывала к нему симпатию, то теперь от нее и следа не осталось.

— Как корова языком слизала, — ввернула Лиза.

— Фу, какое гадкое выражение! — скривилась Джулия. — Но, в общем, так и есть. Между нами словно разверзлась пропасть... Нет, скорее встала стена. А построил ее не кто иной, как синьор Кимура. Только подумать, сам воздвиг, а бочки на меня! Мол, отчего это

ты меня дичишься, отчего смотришь как снежная королева... Тьфу, тошно! С большой головы на здоровую!

— У вас пропало взаимопонимание, — заключила Лиза. — Ты подозреваешь его, он недоволен тобой. От этого расстройтва есть хорошее лекарство. Правда, оно устраняет сомнения, а не горечь...

— О чем ты говоришь?

— О книге предсказаний, конечно! Мы с Джейн ее уже опробовали. Составит любой прогноз, хоть на месяц, хоть на год. Нипочем не ошибётся!

— Отведешь меня к книге? — в раздумьи спросила Джулия.

— Обязательно! Но завтра. А там я тебе еще кое о чем расскажу, — подмигнула Лиза. — О средстве по разматыванию клубков (хи-хи).

— Нет уж, пожалуйста, расскажи сейчас, — нахмурилась та. — Иначе я до утра глаз не сомкну!

— Ладно, ладно. Так вот, — с заговорщическим видом начала россиянка. — У Донеро, моего учителя, есть одна диковина: кеплеровская подзорная труба о двух линзах. А примечательна она тем, что через нее всё как на ладони видно. Я подозреваю, что с ее помощью можно даже рассмотреть, что делается внутри Бермудского треугольника! Кроме шуток.

— Это прямо какая-то ночь откровений! — воскликнула Джулия. И тут обе явственно различили, как в средней комнате кто-то бухнулся с кровати на пол.

— Клеопатра, — шепотом сказала Венто. — Никак не свыкнется с нашими «удобствами». А насчет подзорной трубы... Можно будет ею попользоваться?

— Думаю, с Донеро я договорюсь. Он уступчивый, — сказала Лиза и потянулась, заведя руки за затылок. — О-ох, ты как хочешь, а я отправляюсь на боковую.

«Счастливых редко посещает бессонница, — пробормотала Джулия, когда она скрылась в дверях. — А мне чувства подсказывают, что скоро я сделаюсь глубоко, глубоко несчастной».

Он мог бы расправиться с путами в мгновение ока, но отчего-то медлил. Следовало изучить противника, прежде чем кидаться на него с кулаками. Конвойных он в счет не брал. Эти бравых, мускулистых парней, которые сейчас так невозмутимо вышагивают рядом, можно только пожалеть. А вот с Туоно следует быть настороже. Его тучная комплекция не более чем прикрытие для мощных, развитых мышц. Кристиан по опыту знал, что соперника лучше переоценить, чем недооценить, а потому заранее просчитывал ходы. В этом поединке шах и мат должен объявить он.

От кабинета директора их отделяли считанные метры, когда Кимура нанес первый удар. Его охранники одновременно впечатались в стены коридора и обмякли, точно марионетки. Туоно, шедший впереди, резко обернулся и тотчас получил зуботычину. Обезумев от ярости, он набросился на врага. Но тот успел увернуться и наградил его ударом по предплечью, заставив взвыть от боли. Продолжительные тренировки в саду не прошли даром, и медитации принесли свои плоды. Кристиан атаковал соперника, оставаясь неуязвимым. Но кое-чего он всё же не учел: чудовищной массы Туоно. Когда кровь ударяла в голову, Туоно становился неуправляемым и именно в такие моменты был по-настоящему опасен. Буйвол, перед которым машут красной тряпкой, немногим отличался от него по свирепости. Когда заместитель сбил Кристиана с ног, исход поединка, казалось бы, стал очевиден. Кимура

отлетел к стене, и в этот миг силы изменили ему.

— Щенок! Артачиться вздумал?! — с пеной у рта прохрипел Туоно и вцепился неприятелю в горло. Ослабить эту мертвую хватку стоило Кристиану невероятных усилий, и, если бы не спасительный прием, жизнь его оборвалась бы в этом мрачном коридоре. Но теперь уж заместитель директора и не рад был, что связался с человеком-в-черном. Да тот крепко держал его за руку, где, чуть ниже локтя, под разодранной рубашкой, предательски темнела татуировка. Таким знаком отмечали приближенных Морриса Дезастро.

— Зачем? — с нажимом спросил Кимура. — Кой прок топить своих?

Вместо ответа Туоно заскулил, корчась от невыносимой пытки: еще чуть-чуть, и ему вывернут руку.

— Говори, чего ты хотел добиться? — упорствовал инквизитор, понемногу усиливая нажим.

— Ты двойной агент, ты же и двойной изменник. Погубив тебя, я возвысился бы в глазах Морриса и отличился бы перед Деви, — неестественно улыбаясь, проговорил Туоно. — Но если ты меня выдашь, — он бросил затравленный взгляд на дверь кабинета директора, — заруби себе на носу, я этого так не оставлю.

— Патовая ситуация, — пробормотал Кристиан, выпуская руку противника, который тотчас подхватился и отбежал от него на безопасное расстояние. На лице Туоно был написан неподдельный ужас: как в таком щедушном теле может таиться столько силы! Кимура был непобедим. В своем черном плаще, при блеклом свете ламп, он внушал тем больший трепет, чем в большем пребывал спокойствии, и казалось, с ним не совладать даже войску. Но то было обманное впечатление. Поразмыслив в одиночестве, Туоно быстро пришел бы к такому заключению. Но он редко размышлял, часто предавался слепому гневу и видел подвох там, где его не могло быть. Об этой слабости заместителя мало кто догадывался. Истории о его храбрости передавались из уст в уста, от одного поколения студентов к другому, и никто бы не подумал, что перед легендарным Туоно могут встать непреодолимые преграды. Тем паче, что эти преграды он выстраивал в своем воображении. Ему, как и всякому стратегу, надлежало бы держать воображение в узде.

— Знаете что, Кимура, — с внезапной учтивостью сказал Туоно. — Я считаю, нам незачем чинить друг другу препоны. Притворюсь, что не слышал вашей угрозы в «комнате артефактов». Полагаю, вы это не всерьез. А если и всерьез, то советую вам отречься от своих слов.

— Я бы на вашем месте не диктовал условий, — высокомерно отозвался Кристиан. — И не притворялся бы великодушным. Вы иной породы. Ваше племя — волчье. А с волками жить...

— Однако не забывайте, что именно волчица вскормила основателей Рима, — перебил Туоно, намекая на то, что по-волчьи выть следует скорее в чертогах Академии.

— Ваша правда. Но, держу пари, среди людей Морриса едва ли сыщется тот, кто не являлся бы хищником по натуре. Хотя к Греции ваша волчица не имеет никакого отношения, — черство заметил Кимура, отчего заместитель директора несколько оторопел. — Или вы полагали, мне неизвестно расположение штаба Дезастро?

— Вы не могли узнать самостоятельно. Кто-то сообщил вам эти сведения! — голодным волком оскалился Туоно. — И я выясню, кто.

— А вы не допускаете, что информировал меня один из ваших Самсонов, которые сейчас валяются на полу?

— Чушь! — вскричал заместитель и тут же воровато оглянулся. В кабинете директора стояла могильная тишина. А Деви спал чутко, и коридорная разборка уже тысячу раз подняла бы его с постели.

— Впрочем, делайте, что хотите, — с напускным безразличием сказал Кристиан. — Ваше право. Но сообщников у меня не было и нет.

Если бы Туоно порывлся той ночью в его электронной почте, имя сообщника, вернее, сообщницы, всплыло бы незамедлительно. Люси! Тайная переписка выдала бы ее с головой.

Едва прекратились препирательства и Туоно удалился восвояси, Кристиан помчался в «комнату артефактов» и только тогда перевел дух, когда сообщения из папки «входящие» были стерты, а почтовый адрес начисто изгладили из памяти браузера.

Деви не был ни поэтом, ни донкихотом, однако даже на таких прозаиков, как он, ночной воздух и мелькающий за тучами месяц влияли по-особому. В последние дни он всё чаще предпочитал прохладу парка затхлой атмосфере своего кабинета. Вот почему, к счастью для господ двойных агентов, их «дуэль» не повлекла за собой плачевных последствий.

Обмотав шею вязаным шарфом и нахлобучив излюбленный колпак, директор прохаживался по таинственным аллеям с таинственными фонарями, вглядывался в таинственные заросли и время от времени задирает голову, чтобы оценить всю таинственность крон. Перед узловатым вязом он замер. Кто или что издавало столь ужасающие звуки, было непонятно, но явствовало одно: им следовало немедленно прекратиться.

— Эй! — крикнул Деви. — Там, наверху! Будет вам храпеть!

Из убежища на ветвях высунулась китаянка, и близстоящий фонарь осветил ее неприветливое лицо.

— О, так вот оно что! — обрадовался директор. — Вы бы слезли, душенька! А то веде простудитесь, подхватите кашель... Холодает, как-никак.

— Liu xia wo yige ren, taoyan de lao nanren![14] — по-китайски сказала Кианг и запустила в него огрызком яблока.

— Бескультурье! — взвизгнул Деви. — Ух, я вам покажу, где раки зимуют! — погрозил он напоследок и торопливо зашагал прочь. Его таинственный вечер был непоправимо испорчен.

Наутро, в течение всей первой лекции, Аннет Веку вертелась, чтобы сосчитать присутствующих, и никак не могла уgomониться. Франческо с заднего ряда строил ей глазки, но всё впустую. Она не переставала удивляться тому, насколько снизилась посещаемость за прошедшие сутки. К примеру, из студенток четвертого апартамента ни одна не удостоилась прийти на пару. Какое неуважение к лектору! Какая распушенность! Их определенно подкосила тяжелая болезнь, иначе и не объяснишь.

А Лизу всё утро бил озноб. Она грела руки над свечкой, стучала зубами и жаловалась, что промерзла до костей. Что до Джейн, то она моментально смекнула, что из-под одеяла лучше не вылезать, и оттуда, для пущей безопасности укрывшись с носом, давала подруге «дельные» советы и уговаривала выпить горячего.

— Я обещала сводить Джулию к Донеро, а потом к волшебной книге, — бессильно проговорила Лиза. — И свожу, пусть даже окоченею... Брр! До чего же в этом году

промозглый ноябрь! И как жаль, что я не могу сделать его хоть чуточку теплее...

— Не в силах мы судьбой повелевать,

Но есть один закон, который вечен:

Умей следить, рассчитывать и ждать -

И твой успех навеки обеспечен! — процитировала Джейн из своего уютного «гнездышка».

— Что это за вирши такие? — спросила Лиза. — Пытаешься меня подбодрить?

— Байрон, между прочим! — хихикнула та и спряталась под одеялом по самую макушку.

Джулия читала в кровати. Ее длинные волосы струились каштановыми волнами и ниспадали на плечи, образуя нечто наподобие ширмы, где она могла побыть наедине со своим любимым романом.

«Но прежде всего, выслушайте внимательно, что я вам скажу в эти последние минуты: сокровище кардинала Спада существует. По милости божьей, для меня нет больше ни расстояний, ни препятствий. Я вижу его отсюда в глубине второй пещеры, взоры мои проникают в недра земли и видят ослепительные богатства. Если вам удастся бежать, то помните, что бедный аббат, которого все считали сумасшедшим, был вовсе не безумец. Спешите на Монте Кристо, овладейте нашим богатством, насладитесь им, вы довольно страдали».

«Ах, — подумала Джулия. — Кабы эти сокровища и вправду существовали! Ради них я бы не поленилась преодолеть пусть даже тысячу миль!»

Перед ней уже сияли богатства дальнего края, озарялся их блистанием гулкий грот, и она была хозяйкой целого клада, одна на всём острове... Как вдруг дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась Клеопатра. Она не могла связать и двух слов, хотя, впрочем, с этим у нее всегда было туго.

— Мне страшно, — сказала она, в отчаянии бросаясь к изголовью. — Предметы... много странных предметов. Рядом со шкафом завелась моя копия. Корчит рожи, повторяет всё точно за мной. И мигающий квадрат... Говорит множеством голосов и мешает спать. А еще, в пещере, где льется вода, огромный куб... жужжит, гремит и вертится... А сейчас какая-то гудящая штукавина пышет на Розу паром и собирается пожрать ее мозг. Великий Энгай, я так больше не могу!

— О, Клеопатра, не преувеличивай! Это всего-навсего фен! И на своем веку он не проглотил еще ни одной букашки, не говоря уже о мозге. Скоро ты привыкнешь ко всем этим вещам, и они больше не будут казаться тебе монстрами. Ни огромный куб, как ты назвала стиральную машину, ни зеркало, из которого выглядывает твое отражение, — растрогавшись, сказала Джулия и погладила ее по голове.

А Клеопатра так и не смогла признаться, что тоскует по дому.

Между тем в комнату заглянула Лиза.

— Донеро просил после обеда не беспокоить, поэтому резоннее отправиться к нему сейчас, — сказала она, поёживаясь. И при этом вид у нее был такой, словно она всю ночь напролет грузила кирпичи.

— Хорошо, я буду готова через десять минут, — откликнулась Джулия, распахивая одеяло и свешивая ноги.

— Ну-ну, лодыри. А на занятия кто пойдет? — подала голос Мирей с соседней кровати.

— А сама-то ты чего в постели валяешься? Небось, не из-за ангины, — съязвила Венто.

— Меня ждет многочасовой, занудный эксперимент. Уж кто-кто, а я могу сделать себе послабление, — заносчиво ответила француженка и перевернулась на другой бок.

Проверяя отчеты своих коллег-географов, Донеро был излишне придирчив и донельзя педантичен. Любая неточность вызывала в нем бурю эмоций, запятые в неправильных местах карались остриём его карандаша, а расплывчатые выражения приводили в негодование. В этом был весь Донеро. Невзыскательный к студентам, он не щадил младших сотрудников и соискателей. Студенты были для него всё равно что дети малые. Им он попускал, исполняя их самые безобидные капризы.

— Ну, надо же, перепутать Западно-Индийский хребет с Аравийско-Индийским! — возмущался географ, грызя мундштук курительной трубки, которая уже давным-давно потухла. — Наверное, автор этой статьи заложил свой мозг в ломбард...

— Да-да, войдите! — сказал он, когда в дверь его качающейся будки неуверенно постучали. Лиза еле удерживалась, чтобы не полететь кубарем с подвижной веревочной лестницы и, едва повернув дверную ручку, судорожно уцепилась за порог, как утопающий цепляется за корабельные обломки. Следом за ней по скользким перекладинам, как ни в чем не бывало, забралась Джулия.

— Здравствуйте, — беззастенчиво сказала она и уставилась на Донеро, восседавшего посреди разноцветных подушек.

— Я похож на новые ворота? — спросил он по-русски. — Иначе отчего бы вашей подруге так на меня таращиться?

— Вы уж не взъщитесь, здесь для нее всё ново, — извиняющимся тоном проговорила Лиза, одарив Джулию косым взглядом. Та пребывала в полнейшем недоумении: там, где больше двух, говорят вслух и не на тарабарщине невесть какой, а на доступном языке.

— Очень вас прошу, — взмолилась Лиза. — Позвольте ей воспользоваться вашей подзорной трубой!

— Хм, любопытно, зачем вам понадобился мой чудо-прибор? — оживился географ, вынимая трубку изо рта. На этот раз вопрос прозвучал по-итальянски, и Джулия поняла, что он адресован ей.

— Дело... в том, — сказала она с запинкой, — что нам нужно точно знать, где находится логово мафии.

— Ну-у, мафия бывает разная. Поди угадай, куда нужно целиться! Какая конкретно мафия вас интересует?

— Я... я не знаю, — смутилась Джулия.

— Выходит, вы не осведомлены, — заключил Донеро. — Но не беда, я дам наводку. Сицилийская «Cosa nostra» или неаполитанская «Camorra» вам о чем-нибудь говорят? Или, быть может, калабрийская "Ndraghetta"?

Девушка мотнула головой.

— По-вашему, эти группировки не заслуживают внимания?

— Они не похищают женщин и детей.

— Отчего же? «Camorra» похищает.

— С целью вымогательства. И не в таких больших количествах, — не уступала Венто.

— Тогда, может, речь идет о «Понтийской мафии»? — предположил Донеро. — Той, что на севере Греции? Насколько я наслышан, она ведет активную торговлю людьми.

— Кажется, мы близки к истине, — робко вставила Лиза.

— Кажется?! — взвился Донеро. — В таких важных вопросах, как этот, строить догадки недопустимо! Нужны доказательства, факты.

— Но у нас же есть труба, — заметила Джулия.

— Труба трубой, но если не сузить область поиска, вы проторчите у этого окна уйму времени, исхудаете и загремите в госпиталь от недоедания. Ладно-ладно, что пригорюнились? Сейчас установлю вам прибор. Обозревайте, пока я добрый. А после двух извольте проследовать на выход, так как я отправляюсь в экспедицию на острова Кергелен.

— Батюшки-светы! — всплеснула руками Лиза. — В этакую даль!

— Ерунда, — отмахнулся путешественник, настраивая подозрную трубу. — Мой летательный аппарат домчит туда всего за час... Вот, любуйтесь на здоровье, — сказал он. — А мне пора на свидание с Зачарованным нефом.

И, отдав честь, Донеро лихо съехал по лестнице на крышу здания Академии. Лиза могла бы поручиться, что переключившись он даже не коснулся.

Скоро Джулия пожаловалась, что ее укачало. Она сидела в одной и той же позе битый час, непрерывно жевала печенье и глядела в объектив. Прибор ей приелся, как приедается всякая диковина, если долго маячит перед глазами. Она вздыхала, передергивала плечами, но от подозрной трубы по-прежнему не отрывалась, меняя фокусировку и переводя взгляд с одного далекого берега на другой, с кипящего порта на тихую улочку. Лиза тем временем коротала досуг за весьма предосудительным занятием: шкаф Донеро оказался куда более вместительным, чем ей представлялось, и одежды там было видимо-невидимо, всё шарфы да кепи, жилетки да штаны. А еще коробка со швейными принадлежностями и фурнитурой.

— Поищи на островах Средиземноморья, — посоветовала Лиза, разбирая блестящие пуговицы. — Ого! У него даже синие есть! И алмазные, мои любимые!

— Как бы тебя не поймали с поличным, — сказала Джулия с набитым ртом.

— А у тебя крошки сыплются, — ответила на это Лиза. — Так что мы обе хороши.

Тут будку как следует трянуло, Джулия вместе с трубой повалилась на подушки, а коробка с пуговицами описала изящную дугу и шмякнулась на пол в самом центре комнаты. Пластмассовые сапфиры и алмазы проворно разбежались по углам.

— Эй! Мы так не договаривались! — обиженно крикнула Лиза.

— С ветром не договоришься, — сказала Венто. — Вообрази, как взвинтится Донеро когда увидит, какой здесь кавардак. По законам физики, энтропия в замкнутом пространстве должна возрастать...

— Ты что?! Совести у тебя нет, — с упреком сказала россиянка. — Когда с тобой по-доброму, ты тоже должен по-доброму.

— А что если так? — в глазах Джулии засверкали хищные огоньки, и она сорвала с южной стены физическую карту мира.

— Остановись, что ты творишь?! — схватилась за голову Лиза.

— И так! — оранжевая подушка затрещала по швам, обдав виновницу беспорядка перьевым душем. Потом настала очередь карты континентов Триаса: Гондвану насильно разъединили с Лавразией, и движение тектонических плит здесь было абсолютно ни при чем.

— Он меня убьет, — одними губами прошептала Лиза и набросилась на подругу, чтобы хоть как-то ее усмирить и спасти то, что еще уцелело.

— Эта труба бесполезная! — в слезах хохотала Джулия. — Она годится лишь на то, чтоб развлекать глупых детишек!

— Осторожнее, не разбей, — умоляла Лиза, хватая ее за руки. — Отдай сейчас же!

— И кругозор она расширяет не лучше энциклопедии!

— Если мы не нашли логова мафии, это может означать только одно, — возражала россиянка. — Оно надежно укрыто. Поэтому никакие приспособления и не помогают.

Наконец Лиза одержала верх и, завладев подозрительной трубкой, заботливо спрятала ее в футляр.

— Я не стану прибираться, — приподнявшись на локтях, изрекла Джулия. — И вообще, нечего нам здесь делать. Айда к книге предсказаний!

— Что я скажу Донеро? Как буду смотреть ему в глаза? — глухо проговорила Лиза, прислонившись к стене.

Но пускаться в рассуждения было некогда: географ вот-вот должен был вернуться, поэтому ученицы в спешке покинули «поле боя». И Лиза всё ломала голову над тем, как бы так исхитриться и сочинить более или менее правдоподобную историю да, не покраснев, изложить ее профессору.

[14] Отстань, противный старикашка! (кит.)

Глава 8. Угол зрения Кианг

Мирей пребывала в том расположении духа, когда все промахи и неудачи кажутся пустячными, а мелкие недовольства целиком растворяются в одной большой, несокрушимой радости. Она наконец-то получила посылку из Франции: теплое платье на зиму, пару перчаток и плюшевого медвежонка, к которому прилагалась записка. Эту записку Мирей прочитала трижды, с каждым разом всё больше заливаясь румянцем.

— От кого-то очень важного, да? — спрашивала Роза, норовя сунуть свой нос в сокровенное послание.

— Не вникай в чужие дела, мир потеряешь, — назидательно сказала Джейн. Она сидела в кресле, у окна, и, завернувшись в плед, обучала щенка колли разным фокусам. — Ну-ка, сколько будет три минус два? — допытывалась она у пса. Пес вилял хвостом, с надеждой поглядывая на пухлый пакет сухариков.

— Гав!

— А два минус три?

— Не знала, что ты такая садистка! — поморщилась Роза. — Вылитая наша математика! Джейн такое сравнение ничуть не покорило. Она скорчила рожу, точь-в-точь как у недовольной мадам Кэпп, и сердито поправила невидимые очки.

Клеопатра веселилась от души, в кои-то веки позабыв о страшных созданиях в ванной и о своем зеркальном двойнике.

В гостиной царил комфорт, тогда как парк пылал красно-желтой листвой, и затушить этот пожар было не под силу даже дождю. Где-то под этим дождем мокли Джулия с Лизой, неприкаянно бродил Франческо, шлепал по лужам директор...

Вот на директоре следует остановиться поподробнее. Дошлепав до архитектурного ансамбля в центре парка, он с горем пополам отворил тяжелую дверь с позолотой и барельефами, протиснулся в здание общежития, после чего побранил погоду, а вместе с ней и сапожника, который шил ему башмаки. Нахохлившись, точно старый ворон, Деви направился напрямик к четвертому апартаменту, благополучно миновав стенд с красочной стенгазетой, где крупными буквами значилось, что маскарад не за горами и костюмерная открыта для всех, от мала до велика.

Гипнотизируя своё письмо, Мирей никак не отреагировала на появление директора, зато остальных словно током ударило — так они подскочили. Пёс и тот забился в угол. Видно, сообразил, что нагрянуло лихо.

— Я к вам, собственно, по делу, кхм, — сообщил Деви, и это его «кхм» прозвучало столь выразительно, что по спине у Джейн пробежал холодок, а оптимизм Розы как в воду канул.

— Потрясающе! — воскликнул директор, резво засеменяя к африканке. — Откуда у вас дитя саванн? Хотя нет, это меня не волнует. Я к вам вот по какой причине: соседка ваша, из Пекина, зябнет на высоком дереве. Что загнало ее туда, также не моя забота, но каждому бриллианту в колье отведено свое гнездо, свой паз, и если он выпадает из паза, колье теряет в цене. По-моему, я выразился предельно ясно.

Девушки дружно закивали, только Клеопатра да Мирей не оценили символизма в его словах.

— Но как же уговорить ее вернуться? Она ведь и крепче, и ловчее нас, — потерянно

сказала Джейн.

— Придумайте что-нибудь, проявите смекалку... Мне вам что ли объяснять? — замахал руками Деви, словно Джейн была какой-нибудь назойливой мухой. — А вы, милочка, — сказал он, по-ястребиному нависнув над африканкой, — усвойте хорошенько: грешно занимать чужое место. Если память меня не подводит, у нас в Академии учится всего один эфиоп, один! Не знаю, откуда вы взялись, но условие мое таково: чтобы не позднее, чем завтра, ноги вашей не было в университете. Я проверю! — недобро прищурившись, пригрозил он и вылетел из гостиной. Этаким брюзжащий средневековый призрак. Увы, директору не приходило в голову, что каждый в свой час занимает свою и только свою нишу, ни в коей мере не вторгаясь в пределы чужой. Но он был приверженцем старых нравов, и мысль его никогда не вырывалась за установленные рамки.

Мирей, которая всё это время витала в облаках, очнулась лишь, когда он хлопнул дверью, и застала жалостливую картину: Клеопатра сидела на ковре и лила слезы, а Джейн с Розой утешали ее, как могли. Француженка машинально достала из кармана носовой платок и поднесла горемыке.

— Отчего она плачет?

— Как будто ты не слышала! — с укоризной ответила Джейн. — Деви прогоняет ее, потому что она, видите ли, присвоила себе место Кианг!

Тут Клеопатра разрыдалась пуще прежнего, и Роза, которая слыла знатоком древней мифологии, стала опасаться, как бы она не превратилась в дерево, подобно дочери царя Кинира. [15] Но кенийка не была обречена плакать вечно: скоро она успокоилась, поблагодарила за носовой платок и попросила уединения. Сердце ее разрывалось, тоска по родине накатила серым валом, а вслед за тем образовалась пустота. Всем известно, что волны отступают лишь для того, чтобы потом обрушиться на берег, и чем глубже уходят они в океан, чем дальше таятся в его лоне, тем мощнее и разрушительнее их новая атака.

«Отовсюду гонят тебя, Клео. Всем ты мешаешь. И что у тебя за жизнь такая?» — думала она, обхватив руками колени и прижавшись спиной к изножной доске. В комнате Красной и Черной Роз стоял полумрак, мерно тикали часы, а из гостиной доносились голоса.

«Наверное, обсуждают, как со мной поступить, — решила Клеопатра. Будь она в Африке, она бы, как пить дать, убежала. Из гордости бы убежала. Но в Академии совсем иначе: она попросту не знала путей к отступлению. — Вот дождусь Джулию, а там и разъяснится, куда меня определяют. Может, опять в волшебный сад. А то, быть может, в родное племя... Всё ж лучше, чем оставаться здесь».

Она изо всех сил противилась желанию мстить, хотя мысль о предательстве жгла ее каленым железом. К счастью, имени недоброжелателя Клеопатра не знала. Надеялась только, что это не Бапото. Но даже если б знала, разве мстить не ниже собственного достоинства? К тому же, вдруг завистник одумался, понял, какую совершил подлость? А если и не понял, его покарает Энгай.

С той поры, как Деви вынес свой приговор, Роза ни разу не заходила в комнату. Вероятно, из вежливости, а может, отправилась в студию, рисовать. Разговоры в гостиной умолкли, только Джейн тихонько всхлипывала перед голубым экраном и жевала лимон. Проносились минуты, Джулии всё не было, и Клеопатрой постепенно овладевало беспокойство...

— А я вам говорю, кто не записывался, того пропускать не велено! — упирался Рафаэль,

удерживая девушек на пороге. — ... Ах, так? Подкупить меня вздумали?! А если я вас запомню и всё директору передам?... Ябеда?... Ничего себе заявленьице! Так я, по-вашему, выходит, еще и подхалим?! Нет, уж этого я терпеть не стану!

Джулия признала поражение и обратила молящий взор к подруге.

— Ох, Лиза! Если ничего не предпринять, мы промокнем до нитки.

— Уже промокли, — констатировала та и, убедившись в несостоятельности Джулии как дипломата, сама приступила к переговорам.

— Не принимай ты ее слова близко к сердцу, — начала она со сладкой своей улыбкой, хотя и продрогла, и устала неимоверно. — Что поделаешь, обделили ее воспитанием. Только пожалеть остается, — шепнула она Рафаэлю на ушко. Тот заметно повеселел, а Джулия, напротив, стала мрачнее тучи. Ее поливало дождем, так чем худо, если для дела польют заодно и грязью? Она ходила взад-вперед по усыпанной листьями дорожке и, заложив руки за спину, исподлобья глядела на Рафаэля. При встрече он показался ей ангелом, сошедшим с картины Боттичелли, однако она обманулась. Рафаэль не слишком располагал к себе окружающих, хотя окружающие, спору нет, тоже были хороши. «Листатель» всего-то отражал их характеры, беспритворно, не приукрашая правды — как зеркало.

Наконец Лиза с ним сторговалась, приведя самый веский аргумент.

— Речь идет о жизни и смерти. Понимаешь, о ж и з н и и с м е р т и! — сказала она с расстановкой. И это подействовало.

— Так и быть, пропущу вас, — капитулировал юноша. — Но чтобы без глупостей!

Книга покоилась на столе, под толстым слоем пыли, хотя сам стол был безупречно вычищен, а подсвечники натерты до блеска. Джулия хмыкнула: она привыкла подвергать сомнению каждую мелочь, что уж говорить о магических свойствах книг! Но скепсис ее развеялся в мгновение ока, стоило древнему фолианту раскрыться. Зашелестели желтые листы — и Лиза ощутила запах корицы, а Рафаэля прошиб холодный пот.

— К-как это понимать? — выдавил он. — Мы ведь не прикасались к книге! П-почему она открылась?

— Я чувствую, — прошептала Лиза, — воздух заряжен волшебством. Что же ты медлишь, Джулия? Задавай свой вопрос!

Но, как и следовало ожидать, наступил самый ответственный момент, а Джулия даже не позаботилась о вопросе.

— *Testa busa!*[16] — тихо выругалась она, а потом задумалась. Шибко задумалась: «Что бы такое спросить, да при этом не промахнуться? «Действительно ли Кристиан похититель детей?» Или нет, лучше так: «Подоплека странного поведения человека в черном плаще»... Или «Какая роль в мафиозном гнезде отведена человеку-в-черном?» Да, точнее и не выразишься».

Пока она размышляла, облокотившись о стол, Лиза порядочно изнервничалась. Рафаэль выглядывал из тени угрюмой восковой фигурой, а в камине, напротив стола, металась языки ненасытного пламени.

Только врожденное чувство такта не позволяло россиянке поторопить Джулию, а между тем время поджимало... Никто не мог утверждать, что в следующую секунду книга не захлопнется, «устанет» от медлительности клиентки. У всякой волшебной книги свой нрав. Есть книги-лентяйки: они закрываются, как мальвовые цветки перед дождем, и попробуй их потом разверни. А другие мечтают жить полноценной жизнью, поверять читателю свои истории и уводить в иномирье. Какого рода была книга предсказаний, редкие брались

судить. Никогда до сего дня она не демонстрировала свой характер.

Наконец вопрос прозвучал, да так тихо, что Лиза едва его расслышала. Она полагала, что книга выдаст ответ в виде надписей, но не тут-то было. На шершавых страницах отобразился рисунок, точнее сказать, гравюра: сплошь чернота да желтые контуры персонажей. Для Джулии это изображение явилось настоящим ударом. Лицо ее исказилось, колени задрожали, и она выбежала на улицу, не удостоив Рафаэля ни словом признательности. А на гравюре, словно оживая под пляшущими отсверками пламени, жались друг к дружке дети, над которыми, как грозная скала, нависал мужчина в черной фетровой шляпе и угольно-черном пальто.

На полпути к общежитию Венто остановилась и, не имея сил сдерживаться, дала волю слезам. Моросило, сгущались сумерки, в парке было безлюдно. Она присела на скамейку, потому что у нее закружилась голова. Конец, *finita la storia*, крушение всех надежд. Что обелит имя Кристиана теперь, когда ей известна правда? Осмелится ли она когда-нибудь заговорить с ним вновь? Нет, она не признается, что прибегала к помощи книги, не станет выслушивать его нелепые оправдания. И каллиграфии отныне ее будет учить Аризу Кей.

«Аризу, — промелькнуло у нее в мыслях, — только ты способна утолить мою печаль, ты одна...»

Джулия нащупала в сумке ветвь телепортатора и в единый миг перенеслась туда, где боль и тоска исчезают бесследно, а невзгоды представляются сном.

В саду сакур брезжил рассвет, в кронах робко перекликались соловьи, хрустальный воздух бодрил. Уже одним этим воздухом можно было излечиться. Хранительница сидела на балкончике красной пагоды и медитировала, прикрыв глаза. Яркий луч неведомого происхождения окутывал ее голову трепещущим ореолом, скользил по плечам и льнул к груди, высвечивая на кимоно зеленые листья бамбука. Она блаженствовала, она упивалась утренней тишиной, возложив заботу о детях-беженцах на деревья. Сейчас, укутанные их ароматом и убаюканные ворчанием ручейка, дети спали.

Как легко Аризу Кей отрешалась от действительности и как легко в нее возвращалась! Завидев Джулию, она тотчас поднялась, скрылась в дверях-сёдзи и минуту спустя уже отвечивала ей поклон.

— Моя прекрасная подруга, отчего Амаэрасу[17] не осветила твой лик? Отчего ты бледна, как лотос, а взгляд твой непроницаем? Что творится в твоей душе? — участливо спросила японка, из-за чего девушка чуть не расплакалась. — Ну, пойдем, пойдем, за завтраком поведаешь мне, что с тобой приключилось, — сказала хранительница, беря ее под локоть.

В кухне красной пагоды протекал кран, но никто так и не удосужился его починить. «Дрип-дроп, дрип-дроп» — падали капли. Сквозь персиковые занавески пробивался слабый свет.

— Это ведь из-за него? Я сразу поняла, что из-за него, — сказала Аризу Кей, доставая из шкафчика чашки.

— Он... он был мне как друг, — всхлипнула Джулия. — Я считала, что могу на него опереться, хотя, признаться, вела себя с ним прескверно... Что это? — вдруг спросила она, указав на рукопись, переплетенную тонкими серебряными нитями.

— Перевожу древние китайские тексты, — пояснила Аризу Кей. — Здесь требуется недюжинное мастерство... Ах, но почему ты плачешь? Поверь, ничто не заслуживает наших сожалений. К тому же, возможно, Кристиан совсем не таков, каким его изобразила книга.

— Так тебе и о книге известно? — удивилась Джулия, размазывая слезы по щекам.

Аризу Кей ограничилась скромным кивком.

— Разочаровываться горько, — сказала она. — Но, как утверждают мудрецы, не ощутишь ты сладость чая, коль кислых вишен не поешь.

Джулия вновь захлюпала носом. Слезинка скатилась на рукопись, и иероглиф «счастье» растекся по бумаге.

— Ой, какая я растяпа! — раздосадовалась она. — Я всё исправлю.

— Не утруждай себя, — улыбнулась японка и, загадочно приподняв брови, подтянула манускрипт к себе. Ей ничего не стоило вернуть иероглифу четкость. Достаточно было лишь подуть на него. — Вот и вся недолга, — довольно сказала она.

— Это магия! — прошептала Джулия. — Но зачем, в таком случае, ты тратишь чернила, напрягаешь зрение, если можно перевести весь текст одним махом?

— Тренировка, дорогая моя, тренировка воли, — компетентно отозвалась Аризу Кей. — Смысл в ней.

— О, кстати, насчет тренировок, — вспомнила та. — Не поучишь ли ты меня каллиграфии?

— А как же Кристиан?

Лицо Джулии омрачилось, но не прошло и секунды, как оно прояснело. Так тучи набегают на солнечный диск при сильном ветре.

— Я не хочу его видеть.

— А вдруг ты ошибаешься на его счет? Вдруг еще не всё потеряно? Не руби с плеча. Дай ему шанс, возьми с собой в сад. Никогда так не думаешь о друге, как глядя на снег, луну или цветы... [18]

— Нет, поздно поворачивать вспять, — с мрачной непримиримостью отвечала Джулия.

Она не пробыла в саду достаточно долго, чтобы гнетущие ее чувства исчезли без остатка. И когда следующей ночью она вернулась в парк Академии, настроение у нее было довольно пессимистичное. По аллеям стелился туман, дышалось как в бане, а лампы на вернее напоминали заманивающие в топи болотные огоньки, нежели осветительные приборы. Китайку Кианг изводил жар и мучила бессонница, поэтому она перевернулась на живот, закуталась в покрывало и, упершись локтями в дощатый пол, принялась разглядывать подножье вяза. Вначале ничего особенного не происходило, однако, когда ближайший к дереву лампикон заморгал, случилось нечто такое, отчего Кианг мигом позабыла и про бессонницу, и про лихорадку. Восприятие ее обострилось, и она могла поклясться, что рядом с фонарем, едва тот кончил мерцать, возникла чья-то фигура.

«Для галлюцинаций рановато, — решила китайка, — зато в самый раз для Джулии Венто. Она у нас любит ночные прогулки. Ой, а это кто?» — заинтересовалась она, глянув чуть вбок. Приближение другой фигуры, в черном длиннополном френче, подогрело ее любопытство, и теперь уж ни директор, ни даже его заместитель не согнали бы ее с наблюдательного поста. «Надо затаиться, — подумала она. — Если попадусь, события примут совсем иной оборот». И Кианг втянула шею. Глаза же ее оставались широко раскрытыми, чтобы не упустить ни единой детали.

«О, если бы не туман!» — подумала она. И в это мгновение размытая фигура Джулии подалась в сторону. Ей явно не хотелось встречаться с человеком-в-черном. Но тот предугадал ее ход и метнулся к фонарю, схватив ее за руку. В руке она держала какой-то изогнутый предмет; Кианг толком и не разглядела, какой. «То ли ветка, то ли рогатка,

Гунгун[19] ее разберет», — рассказывала она потом Франческо.

— Зачем же ты убегаешь? — послышался голос человека-в-черном. «Чрезвычайно приятный голос», — отметила про себя Кианг.

— Ты боишься меня?

— Ни капли! — резко ответила Венто.

— Ты навещала Аризу Кей в одиночку, из чего я заключаю, что боишься, — возразил синьор Кимура. — Признайся, тебе наговорили про меня гадостей?

Джулия не снизолла до ответа и попыталась вырваться из железного кольца его объятий, но тщетно.

— Вы негодяй, синьор! — крикнула она, задыхаясь от ярости. — Пустите!

— Может, и негодяй, — жестко произнес Кристиан, — но ведь ты равнодушна ко мне.

Джулия рассмеялась ему в лицо.

Кианг снова залихорадило, однако кульминацию она не пропустила бы ни за какие коврижки. Стуча зубами и дрожа всем телом, она все-таки дождалась финала. И, несмотря на то, что днем позднее ее положили под капельницу, помнила подробности так четко, как если бы они запечатлелись на пленке.

— Ее обуревал гнев, но человека-в-черном, похоже, это не трогало, — замогильным шепотом делилась Кианг с Франческо, который регулярно навещался в палату. — И вот, лопни мои глаза, он ее поцеловал!

— А она? — допытывался Росси. — Что она?

— Вначале сопротивлялась, а потом затихла. И, веришь ли, оттолкнула его так безучастно, словно бы находилась в полусне. И пошла прочь. А синьор, имя которого я поостерегусь называть, застыл изваянием, даже не став ее преследовать. Это-то меня и поразило...

Вскоре, с легкой подачи Кианг, общежитие гудело, как огромный улей. Молва о романе облетела Академию на быстрых крыльях. Однако директор привык потворствовать подобным явлениям, иначе уже давно разразился бы скандал. Зато Туоно, к своему ликованию, наконец-то обнаружил у противника ахиллесову пяту и теперь гадал, какую бы для него приготовить западню.

Как это ни парадоксально, но больше всего новость потрясла Аннет Веку. Кто бы мог подумать, что «неприступная леди», безразличная к ухаживаниям многочисленных поклонников, в качестве объекта воздыханий избрала столь сложную и неординарную личность! Чтобы потерять разум, ей хватило всего нескольких лекций Кристиана Кимура. Вот почему был отвержен Франческо, вот почему она всегда завидовала Джулии и Джейн: их-то курировал Кристиан, а не дряхлый старикашка-генетик, страдающий, к тому же, болезнью Паркинсона.

Ревность и зависть таковы, что в первую очередь высасывают соки из собственных хозяев. И если раньше отличницей Аннет восхищались, то теперь ее стали избегать. Она исхудала, осунулась, сделалась раздражительной и молчаливой. Поблекла ее гордая красота, и теперь она более походила на чахлую Оруаль, нежели на светозарную Истру.[20] Но напрасной была ее зависть к Джулии, потому что с момента, как об итальянке разнеслась дурная слава, для нее настали не лучшие времена. За ее спиной перешептывались, гнусно хихикая вслед, и сплетни рождались чуть ли не ежечасно.

— А ты знаешь...

— А вы слышали...

Кривотолки выбили ее из колеи. Она даже порывалась сбежать от всего этого вздора в волшебный сад, обратиться к директору с просьбой назначить ей нового научного руководителя; в конце концов, отчислиться из Академии. Какие только мысли ни приходили ей на ум! Но благоразумие превыше всего, и она решила повременить с отчислением, тем паче что нашлась и другая причина, по которой следовало как можно скорее повидать Сатурниона Деви: африканка. Она не вкусила горечи рабства, ей не пристало падать на колени и молвить «Госпожа!», а манеры ее были весьма и весьма неуклюжи. Кроме того, она могла за себя постоять. Истинная студентка двадцать первого века! Поэтому Джулия надеялась замолвить за нее словечко. Но когда, предвкушая скорое возвращение в Кению, Клеопатра оповестила ее о приказе директора, Джулия поняла, что действовать надо безотлагательно. Ах, если бы она видела хоть чуточку дальше собственного носа! Но она тревожилась лишь из-за своего позора, эгоистично полагая, что свет сошелся клином на ней одной, и помощь ее грозила обратиться африканке во вред. Ведь вместо того, чтобы освободить Клеопатру из заточения в Академии, Джулия, похоже, вознамерилась приковать бедняжку к ее золоченым стенам.

«Я отстою перед директором ее права, и тот будет вынужден зачислить ее в университет наравне с остальными студентами», — думала она. Пересекла бойким шагом парк, уверенно поднялась по мраморным ступеням на самый верх отдела управления... и застыла на балюстраде, как вкопанная. Ей навстречу шел Кристиан. Лицо его, как всегда, выражало бесстрашие, однако на деле его переполняли крайне противоречивые чувства.

— Не ходи туда, — предостерегающе сказал он Джулии. — Тебе нечего там делать.

Та сделала вид, что не расслышала, и нарочно поднялась на ступеньку выше.

— Не ходи, — повторил Кимура, и, словно по мановению жезла, на площадке позади него возник Туоно, чей хищный оскал заставил Джулию прирасти к полу. Кристиан обернулся. «Он присутствовал при нашем с Деви совещании и непременно попытается нарушить мои планы», — пронеслось у него в голове, и он, ни слова не говоря, повлек строптивницу за собой, вниз по лестнице.

— Что на вас нашло?! — вне себя от негодования воскликнула Джулия, когда они спустились на первый этаж. — Я-то полагала, вы оставите меня в покое!

— Этот человек наш враг, — коротко информировал ее Кристиан. — И уж кто-кто, а я тебя в покое не оставлю. Обстоятельства не позволяют.

— Постойте-ка, вы сказали «наш»? Выходит, и мой тоже?

— Да, с того самого дня, как стало известно о... ну, ты меня понимаешь.

— О вашей слабости, не так ли? — колко заметила она. Кристиан нахмурил брови. Он был не из тех, кто с легкостью признаёт свои недостатки, и поэтому предпочел вернуться к теме.

— В общем, имей в виду, с господином Туоно следует держать ухо востро. Старайся не гулять одна по ночам, ладно?

— Этот господин... Туоно, он ведь заместитель директора, да? — недоверчиво спросила Джулия. — А раз он на стороне Академии, то почему его надо обходить за версту?

— В том-то и дело, что он предатель, — понизил голос Кристиан.

— Тогда что вам мешает донести на него? — с видом инженю спросила Венто.

Человек-в-черном виновато склонил голову.

— Если я выдам его, он выдаст меня. Понимаю, ты вольна питать ко мне

отвращение, — добавил он, наблюдая за ее реакцией. — Но выслушай, что я скажу: ты перевернула мою жизнь.

Джулия скривилась.

— И вот уже несколько недель я ищу способы порвать со своим преступным прошлым, — хладнокровно продолжал он. — Я договорился с Деви, и он дал добро лететь нам пятерым на Крит, якобы на стажировку, а в действительности затем, чтобы разорить мафиозную берлогу. (Ни директор, ни Туоно понятия не имеют о моих настоящих намерениях, хотя Туоно наверняка почуял неладное). Там, недалеко от Крита, есть островок, где расположился вражеский штаб.

— А «нам пятерым» — это кому? — поинтересовалась студентка, начиная постепенно оттаивать.

— Полетят также Франческо и Джейн. А Донеро будет пилотом, поскольку мои навыки владения штурвалом оставляют желать лучшего. До отъезда всего четыре дня, так что собирать вещи можно уже сейчас.

— А как же экзамены? — растерялась Джулия.

— Сдадите в летнюю сессию.

Для Джейн новость прозвучала, как гром среди ясного неба.

— На Крит? Под прикрытием?! Я... я не поеду! — заупрямилась она, готовая уцепиться за любой предлог, лишь бы только избежать путешествия. — Книга не предсказала мне ничего хорошего.

— Забудь о книге! Такой шанс дается раз в жизни! — убеждал ее Франческо. — Лично я всегда хотел побывать в Греции и отведать осьминога.

— Представь, мы втроем... то есть, впятером, — поправились Джулия, — будем встречать там Рождество!

— О, Рождество! — загорелась англичанка.

— С камином и подарками! — подхватил Франческо.

— И горячим шоколадом... — мечтательно проговорила Джейн. — Но позвольте, ведь точно так же Рождество встречают и в Италии! Зачем ехать на какой-то Крит?!

Ребята разочарованно вздохнули.

— Ну, по крайней мере, у меня есть время, чтобы взвесить все «за» и «против», — сказала Джейн. Хотя и так было ясно, что она согласится.

Откровенное признание человека-в-черном несколько смягчило его вину, и у Джулии отлегло от сердца. Но ей всё еще оставалось уладить вопрос с Клеопатрой. По здравом размышлении, она решила переправить кенийку в сад, так как угроза директора по-прежнему была в силе. Ему ничего не стоило нагрянуть в апартамент и избавиться от африканки своими методами, сослав ее в какую-нибудь провинцию, а то и вовсе посадив на пароход до южных земель. Едва ли на берегах Ливии или Египта ей оказали бы более радушный прием, чем среди сакур гостеприимной японки...

Но, как часто бывает, не успеваешь ты разрешить одну проблему — появляется другая.

С Лизой творилось что-то странное. Она ходила, словно тень отца Гамлета, смотрела уныло, а с Джулией вообще отказывалась разговаривать. За день до отъезда, когда ученики Кристиана уже сидели на чемоданах, в гостиной установилась особенно напряженная атмосфера: отчужденность, постные лица, скупые фразы. Мирей это порядком надоело, и

она отчаянно пыталась расшевелить подруг.

— Что вы как неживые! — взывала она. — Лиза, очнись! Какая муха тебя укусила?

— Я задаюсь тем же вопросом, — проворчала Венто, вяло листая журнал.

Джейн со скуки переключала телеканалы, Франческо ходил из угла в угол. Роза, которую покинуло вдохновение, комкала свои неудавшиеся эскизы и один за другим кидала в урну. Но когда у Лизы из глаз брызнули слезы, внимание всех без исключения обратилось к ней. Даже Росси перестал мельтешить по комнате.

— Вот так номер! — оторопел он.

— Ну, будет нюни распускать, — сказала Мирей, положив руку ей на плечо. — Объясни толком, что стряслось.

— Донеро, — прерывающимся от рыданий голосом произнесла россиянка. — С того дня, как Джулия устроила бардак в его кабинете, я больше не смогла к нему попасть. Он вечно отсутствовал...

— Или делал вид, что отсутствует, — с напором сказала Мирей, буравя Джулию взглядом.

— Полагаете, наш краевед обиделся на Лизу из-за моей проделки? — подскочила та.

— И двух мнений быть не может, — ответила француженка. — Ты должна немедленно оправдать ее и извиниться перед Донеро!

— Ну уж нет, — надулась Венто. — Мне еще на Крит с ним лететь!

— К-как? Разве он улетает?! — потрясенно проговорила Лиза, привстав с кресла и тут же шлёпнувшись обратно.

— А тебе разве ничего не сказали? — удивилась Джулия.

— О-ох! — простонала россиянка, заламывая руки. — О, я несчастная!

— Не страдай, через полгода получишь его назад, целого и невредимого, — сострила Джулия. — Я, так и быть, поговорю с ним после приземления.

— Да-да, лучше после, — вставил Франческо. — Сделай ты это в воздухе, он точно выпустит штурвал, чтобы тебе наподдать!

— А ты будешь изощряться в остроумии, даже если тебя подвесят над раскаленным жерлом вулкана! — не осталась в долгу та.

Мирей еще долго возмущалась по поводу их внезапного отъезда.

— Вы всё равно как от набега спасаетесь! — чрезмерно грацируя, говорила она. — Нет чтобы до весны подождать!

— Не забывай, мы имеем дело с мафией, и промедление смерти подобно, — отвечала Джейн. — Мы можем упустить единственную зацепку, единственную ниточку, ведущую к разгадке. Вероятно, у Кристиана веские причины на то, чтобы лететь зимой.

— А у него есть план? — не отступалась Мирей. — Как он рассчитывает обезвредить главаря? Неужто с вашей помощью? Что вы, горстка студентов, можете против банды вооруженных преступников? — разорялась она. — Я считаю, план синьора Кимура несостоятелен (если таковой вообще имеется). А на побережье Крита, простите, куда удобнее крутить романы, нежели охотиться за мафией.

Джулия в ответ только фыркнула.

[15] Дочь кипрского царя Кинира, Мирра, известна тем, что боги превратили ее в дерево, обреченное вечно плакать

[16] Дырявая башка! (ит.)

[17] Аматаэрасу в японской мифологии богиня солнца и прародительница японских

императоров

[18] Поэтическая фраза пера Кавабата Ясунари

[19] Разрушитель космического и социального равновесия, дух вод (кит.)

[20] Истра-Психея и Оруаль-Майя в романе Клайва Льюиса «Пока мы лиц не обрели» — две противоположности. Истра — воплощение красоты, мудрости и света, а Оруаль — уродства и приземленности

Глава 9. Взрыв над Албанией

В день отправления Сатурнион Деви собрал студентов и преподавателей на центральной аллее парка, взошел на шаткий помост и побарабанил пальцами по микрофону.

— Итак, кхм, попрошу тишины! — Он откашлялся и обвел толпу прищуренным взглядом. Малиновые и желтые шарфы, пестрые зонтики, капюшоны — настоящий осенний парад. Правда, совсем безрадостный и апатичный. Публика недоумевала, а некоторые не стеснялись выразить свое осуждение вслух. Покапывал редкий, противный дождик, и, кабы не навес над сценой, директор проявил бы к аудитории куда большее сочувствие.

— Сегодня у нас грандиозное событие! — важно изрек он. — Ровно через час группа молодых исследователей, которых мы все прекрасно знаем, вылетит в Грецию на аэроплане новой модели «Молния», конструктор которой также хорошо известен: мой незаменимый помощник, Туоно!

Послышались жидкие аплодисменты, и несколько голов повернулось в сторону легендарного заместителя. Тот улыбался, потирал свои холеные руки и больше всего походил на привередливого, откормленного кота.

— И хотя летательный аппарат впервые совершает столь длительное путешествие, нет никаких поводов для беспокойства. «Молния» прошла тщательную проверку, вся техника в исправном состоянии, а с управлением освоится даже ребенок. Не так ли, господин Туоно?

— Совершенно верно, — подтвердил тот.

— Не откажите нам в любезности, опишите машину поподробнее, — медоточиво произнес Деви, и надо было видеть, с какой неохотой Туоно сменил его у микрофона. Начал он издалека, с бесцветного очерка о воздухоплавании, после чего принялся излагать сухие факты о самой конструкции, периодически бросая тревожные взгляды на арку, откуда вскоре должен был выйти синьор Кимура в сопровождении своей малочисленной «свиты». Выражение сытого довольства постепенно сползло с его физиономии, толпа расслабилась и зашелестела, дождь заметно усилился. «Хлоп-хлоп-хлоп!» — пораскрывались зонты. У подстриженной туи, под черным зонтом, особняком от всех стояла Аннет Веку. Бледная, как полотно, с опухшим после бессонной ночи лицом... представители готической субкультуры приняли бы ее за свою.

— Уникальная экономичность, слияние фюзеляжа с крылом, — рассеянно повествовал Туоно. — Высокие аэродинамические показатели...

— Очень увлекательно, — не вытерпел директор и отобрал у него микрофон. — А вот и наши смельчаки!

Но те, к кому относились его слова, отнюдь не чувствовали себя смельчаками.

— Джулия, ты взяла теплые свитера? — спрашивала Джейн, убирая со лба мокрую челку.

— Угу.

— А лекарства?

— Угу.

— А про шампунь не забыла?

— Не забыла, не забыла, — раздраженно отозвалась Венто, волоча за собой тележку с саквояжем. — Полотенца и фен в сумке у Франческо.

Франческо плелся следом.

— К чему все эти церемонии, если студенты выезжают на стажировку чуть ли не каждый год! — удивлялся он.

— Церемонии не из-за нас, — сказала Джейн, — а из-за нового самолета. Туоно утверждал, что он испытан.

— Туоно?! — воскликнула Джулия и стала столбом посреди дороги.

— Что-то не так?

Не ответив, она расстегнула сумку и принялась рыться в вещах.

— Мне надо было кое в чем удостовериться, — объяснила она потом. — Если произойдет непредвиденная поломка, ветвь сакуры может сослужить нам добрую службу.

Франческо всполошился:

— Не хочешь ли ты сказать, что заместитель директора лжец и нашим жизням угрожает опасность?

— Меня предупредили, что он неблагонадежен, — ответила Венто. — Если бы имя инженера сообщили заранее, возможно, мы бы успели принять необходимые меры. Но теперь на попятную идти поздно. Отступать после стольких приготовлений и торжественных речей?

— Зачем же отступать? — вмешалась Джейн. — Сядем на другой самолет, да и дело с концом!

— О, так мы от него никогда не отвяжемся, — возразила Джулия.

— Если Туоно намерится свести с нами счеты, он нас и из-под земли достанет, — подхватил Франческо, — и в воздухе нагонит.

— Больше всего я боюсь взрыва, — проронила англичанка.

В этот момент к ним подоспел Кристиан. В отличие от ребят, он был налегке и взял с собой один только кейс.

— О чем толкуете, господа? — поинтересовался он, положив руку Джулии на плечо. Та вздрогнула. — Не пора ли нам на взлетную площадку?

Пока тройка путешественников совещалась, директор даром времени не терял. Он спустился с трибуны, вынул из кармана увесистую связку ключей на ржавом кольце и повел толпу к первым воротам, которые открывались лишь с его позволения, и то в исключительных случаях.

— Прибавим-ка шагу, — сказал синьор Кимура. — Донеро наверняка уже на испытательном полигоне.

Испытательный полигон занимал площадь в триста гектаров и располагался за толстой, высокой стеной, последней линией защиты Академии. В каменной кладке, заросшей Виргинским виноградом, пряталась старая решетчатая дверь, ужасно капризная и неподатливая. Когда Деви вместе с закисшей толпой вышел за ворота и показался на дорожке, окаймляющей Академию, на смотровых башенках, по всему периметру наружной стены, зажглись огни.

— Батюшки! Никак сумерки подступают! — спохватился Деви и поспешил к потайной двери. Но нашарить ее было не так-то просто. Цветистый занавес винограда поглотил директора целиком, и только по звяканью связки ключей да по сердитому бормотанию можно было определить, что в зарослях кто-то есть. Пурпурные и янтарные лозы изловчились и оплели не только стену, но даже один из наблюдательных пунктов, в связи с чем Деви часто созывал собрания, на которых раз за разом вставал насущный вопрос: как сдержать рост этого невозможного растения.

Пока он возился с дверью, скущая публика рассредоточилась по аллее, от края до края усаженной холодостойкими пальмами и цитрусовыми. Прогуливаясь вдоль главного корпуса, Аннет хмуро поглядывала на сводчатые окна фасада и прикидывала, какой кафедре принадлежит то или иное окно.

«Вот это, с лопнувшим стеклом, наверняка пострадало от химического опыта, а вот здесь явно постарались физики...»

— Никогда не выходил за первые ворота! Как входил, помню, а чтобы наоборот... — послышался звонкий голос Франческо. Аннет быстро укрылась за пышнолистой арекой, и в этот миг на дорожке появилась «славная» четверка. Джейн грызла ноготь, неся в другой руке свой багаж. Росси болтал, как заведенный, а человек-в-черном что-то сосредоточенно разъяснял Джулии. Ах, как бы Аннет хотела оказаться на ее месте! Ловить его томный, головокружительный взгляд, любоваться неотразимыми чертами, впитывать каждое сказанное им слово... Она стиснула зубы. Почему всё, о чем только можно мечтать, получают недостойные? Почему люди, которые заслуживают царских почестей, вечно остаются у разбитого корыта?! Сегодня, когда синьор Кимура улетит на Крит, ее шансы снизятся до нуля. «Проникнуть в самолет до старта? — мелькнула у нее мысль. — Ах, я не отважусь на это!». Ее душили слезы бессилия, и состояние было такое, что хоть в петлю полезай. «А может, и правда, в петлю? Чего уж там! — стал нашептывать чей-то мерзкий голосок. — Покончишь разом со всеми несчастьями...»

Но секундой позже коварные увещевания оборвались — дверь наконец-то дала слабину и сварливо заскрипела.

— Готово! Сюда! — позвал Деви, высунувшись из-за разноцветной драпировки.

— Так вот где вход! — изумился Франческо. — А я думал, за стеной густой лес...

— За другими стенами действительно лес, — сказал Кристиан.

Он сошел с дорожки между двумя лимонными деревьями и, чтобы срезать расстояние, двинулся напрямик, по мокрой траве. Джейн здорово вымочила ноги, так некстати обув замшевые ботинки.

— Авось, обойдется, — сам себя успокаивал Франческо, — и самолет не рванет в небе... — Но едва он очутился на полигоне, его глазам предстала замысловатая машина, которая совершенно не вязалась в его представлении с самолетом. — Да это же уменьшенная копия инопланетного корабля, не иначе! — воскликнул он. — А вместит она всех? Может, мне здесь остаться?

— Давай, не глупи, — подтолкнула его Джейн, настроение которой испортилось самым непоправимым образом. — Топай!

Скверная погода, скверные предвестия, скверное самочувствие... Ей тоже не хотелось уезжать. Зачем она только ввязалась в войну с работорговцами? Сидела бы сейчас в уютном кресле, попивала бы какао. Ан нет, всё туда же! Приключений на голову недостает.

Поравнявшись с «Молнией», Кимура провел рукой по металлическому корпусу, обследовал крылья и заглянул в кабину. Донеро там не оказалось.

— Запаздывает наш друг, запаздывает... — заметил директор, осторожно поднырнув Кристиану под локоть. — Но ничего, время терпит. Правда, сейчас вечерет ра-а-ано, — протянул он и вдруг запнулся. В пустом бассейне, который зачем-то вырыли на краю полигона, ему померещилось движение. Разные необъяснимые вещи Деви обыкновенно приписывал полтергейсту, но не успел он произнести слово «полтергейст», как из бассейна выпрыгнули два пухлых чемоданчика, оба красные, обклеенные заграничными марками и

рекламными листовками.

— Чтоб меня! — в смятении пробормотал директор. Вслед за багажом в свете прожекторов очутился Донеро.

— Безобразие! Подкоп средь бела дня! Ну, я ему устрою! — завелся Деви и, смешно размахивая руками, ринулся навстречу географу. Кристиан не удержался от улыбки.

— Понимаете, какая штука, — оправдывался Донеро. — Этот подкоп существует со времен создания Академии. Не я первый, не я последний им пользуюсь. А сколько еще других ходов!

Его ответ не на шутку огорошил директора.

— И много таких, э-эм, ходов вы насчитали? — потерянно спросил он.

— Да здание пронизано ими, всё равно что гигантский термитник! — ляпнул географ.

Самолет произвел на сонную публику магическое действие: она разом ожила, загомонила, и теперь уж на полигоне стоял такой шум, как если бы там справляли какой-нибудь грандиозный праздник.

— Сколько почета! — буркнул Франческо. — Как будто мы первые в истории авиаторы.

— Гляди, вон они, вон! — толкала Роза Елизавету. — Донеро оделся по всем правилам: и кожаная куртка, и лётный шлем. Хотя зачем ему шлем, если кабина всё равно закрытая? Ах, ну да, он же известный щеголь!

Лиза едва сдерживалась, чтобы не разреветься. Улетали-то без малого на полгода! Хорошо, если Джулия сознается в своем проступке и вымолит у Донеро прощение. А если нет? Разве осмелится Лиза, пусть даже через полгода, подойти к нему и, стыдно сказать, наябедничать на Джулию?!

— Франческо какой-то странный, — заметила между тем Мирей. — Его как будто колотит.

— Может, он высоты боится, — допустила Роза. — Меня, к примеру, в эту машину никаким пряником не заманишь.

Случилось так, что Аннет Веку, преодолев густые заросли винограда и протиснувшись сквозь толпу, оказалась плечом к плечу с заместителем директора. Тот щурил свои пороссячи глазки и что-то бубнил себе под нос. Он не перестал бормотать даже тогда, когда одному из чемоданчиков Донеро, не в меру располневшему, вздумалось явить миру свое содержимое: шарфы, множество изысканных шарфов самых разнообразных оттенков.

— Вы, никак, на показ мод собрались? — удивился директор.

— Оставьте, Сатурнион. У каждого ведь свои причуды, и я не вижу причины, по которой стоит запретить перевозку подобного груза, — сказал Кристиан, за что географ поклонился ему в знак глубочайшей признательности.

— Вы же знаете, как придирчив наш уважаемый директор, — говорил он потом, в кабине. — Если к чему прицепится, так намертво. А я коллекцию шарфов во все турне беру. Она мне приносит удачу.

— Весьма громоздкий талисман, — заметил Кимура. — Надеюсь, в управлении «Молнией» его содействие вам не понадобится?

— О, я опробовал этот аэроплан еще позавчера. Спасательная парашютная система, кондиционеры, кожаные сидения... А какая здесь удобная панель управления! Я уж не говорю о легкости маневрирования!

— О, пожалуйста, только не маневры! — хором взмолились Джулия и Джейн.

— У вас не найдется таблеток от укачивания? — на всякий случай попросил Франческо.

Когда зажужжал мотор и самолет стал набирать скорость, зрители затаили дыхание. Он был готов вот-вот оторваться от разгоночной полосы и взмыть в сиреневое небо, когда Аннет услышала слова, заставившие ее сердце дрогнуть.

«Летите, голубчики, скатертью дорога! — процедил Туоно. — Разорвет вас на клочки — косточек не соберешь».

Он не знал, что у них на уме, однако считал, что перестраховаться не помешает. Если смерть и не постигнет их в пути, то на Крите им придется несладко. «Уж я-то постараюсь, — думал заместитель. — Недаром прославленный полководец Помписк копал ямы на тех дорогах, которые вели к его лагерю. Враги шли этими дорогами и попадались в ловушку. А чем я хуже Помписка?».

«Неужели этот человек задумал их погубить? — спросила себя Аннет, услышав его полное ненависти напутствие. — А если так, на чьей я стороне? И каковы мотивы Туоно? Почему он желает им смерти?». На все эти вопросы она не находила ответа, однако вернее согласилась бы погибнуть вместе с Кристианом там, среди туч, чем влачить горькое существование в одиночестве. Джулии «везло» куда больше, но сейчас она была недосыгаема, а соперников Аннет предпочитала держать под боком...

«Вряд ли Туоно станет враждовать со студентами, — рассуждала она. — Вероятно, ему досадила кто-то из преподавателей. Донеро или синьор Кимура? Судя по отзывам старшекурсников, географ старается избегать конфликтов и ведет довольно тихую жизнь, если не брать в расчет его постоянные командировки. Следовательно, остается синьор Кимура. В чем-то они с Туоно не ладили... Только вот в чем? Будем, однако, надеяться, что ожидания заместителя не оправдаются и полет окончится благополучно».

Едва гудение «Молнии» затихло в отдалении, студенты стали разбредаться по полигону, точно беспризорные овечки. Профессора, напротив, объединились и начали что-то горячо обсуждать. Деви приструнил и тех, и других.

— Построиться! За ворота шагом марш! — скомандовал он, как заправский генерал. — Нечего здесь прохлаждаться! Для прохладений есть парк.

— Вишь, распетушился, — проворчал какой-то древний старичок, читавший лекции по техническому черчению. — Я в этот полигон, можно сказать, всю душу вложил и проект, как дитя, вынашивал, а теперь меня гонят. Никакого почтения к старшим!

... Поворачивая ключ в ржавой замочной скважине, Деви чувствовал себя отменно и весьма гордился тем, что обеспечил стажировку своим подопечным. Если бы он додумался хоть как-то связать просьбы учениц посодействовать им в поисках мафии и настоятельное прошение синьора Кимура, то ему, несомненно, открылась бы истинная цель путешествия. И не исключено, что дело приняло бы совсем другой оборот. Директор устранился бы идти на столь явный риск, а Туоно наверняка попытался бы испортить всю обедню. Однако на совещании Кристиан успешно уклонился от этого вопроса, что, впрочем, не избавило его от козней коварного заместителя. Он таки покопался в моторе.

— Как думаешь, с ними ничего не случится в пути? — беспокоилась Роза, обрывая кустик самшита возле скамейки в парке.

— Перестань калечить растение, — сказала Мирей. Она почему-то пребывала в твердом убеждении, что злоключения их минуют.

— Самолеты терпят крушение почти каждый день, — как бы невзначай проронила Лиза.

— Глупая! Типун тебе на язык! — перекрестилась Роза. — Это ведь не простой

самолет! Он оснащен по последнему слову техники.

— Как ты можешь говорить такое, когда в нем летят наши друзья? И твой Донеро, между прочим, тоже, — вознегодовала Мирей. — Ты, считай, только что вынесла им смертный приговор.

— Ничего я не вынесла, — обиделась Лиза. — С языка слетело, что ж теперь?

— Неосторожное слово сродни бомбе замедленного действия, — веско сказала Мирей. — Даже мысли имеют свойство воплощаться.

— Я в это не верю, — буркнула россиянка.

— Она верит в фатум, — тихонько подсказала Роза.

Углубившись в свои размышления, Мирей никак не отреагировала на ее замечание.

«На днях Джулия много нервничала, что я, по наивности, приписывала волнению перед отъездом. Мне и в голову не приходило, что она могла узнать нечто такое, отчего развеялись бы все ее радужные чаяния. Вдруг самолет действительно попадет в аварию?... Ах, нет, что это я? — опомнилась француженка. — *Laissez chat qui dort*». [21]

Джейн смотрела в иллюминатор, на проносившиеся мимо свинцово-серные ключья облаков, когда «Молния» внезапно вынырнула в чистое небо. Солнце спешило убраться восвояси. Оно послало ввысь свой последний лучик и скатилось за горизонт.

— Почему мы вылетели так поздно? — сетовал Франческо. — Бортовые огни в темноте лучшая приманка.

— А по-моему, что днем, что ночью, самолет отличная мишень, — высказалась Джулия. — Другой вопрос: кому понадобится в нас палить?

— Туono мог обо всем догадаться и снарядить своих людей, — сказал Кристиан. — В Академии довольно подсылных.

— Что вы говорите?! Этот милый толстячок? — подал голос Донеро. — Да он и мухи не обидит!

— Ему не пришлось бы никого снаряжать, — возразила Джулия, не удостоив реплику географа ни малейшим вниманием. — Достаточно было бы вывести из строя какой-нибудь механизм...

И тут, словно в подтверждение ее слов, на панели управления замигала красная лампочка.

— Керосин меня разбери! — выругался Донеро. — Неполадка в двигателе!

— Вы уверены? — встревожился Кристиан.

— Я не успел выучить, что означает каждый из индикаторов, но этот точно отвечает за состояние мотора.

— До него можно добраться изнутри?

— Думаю, да...

— Тогда не тратьте времени, мой друг! Я сменю вас!

Самолет накренился, но Кристиан тут же его выровнял, с усилием потянув штурвал на себя. Стрелка вариометра подрагивала на нулевой отметке, следовательно, бить тревогу было рано. Но когда всклокоченный Донеро примчался с вестью из топливного отсека, Кимура и его ученики ощутили запах горелой резины.

— Короткое замыкание! — объявил географ. — Молитесь!

— Так и знал, так и знал! — заныл Франческо, запустив пальцы в шевелюру. — Теперь нам всем крышка!

Джейн сжалась в комок и спрятала лицо в ладонях, а Джулия, не мешкая, бросилась в багажное отделение.

— Назад! — вскричал Кристиан, срываясь с места. Но он не успел ее догнать — из камеры для хранения багажа повалили клубы дыма. Пока Донеро сражался с рычагами, Франческо сбросил с себя оцепенение и вскочил на ноги, предполагая отыскать парашюты. Но и полки, и отделения позади сидений оказались пустыми, что привело Росси в еще большее отчаянье: «Как нам выбраться из этой штуки, прежде чем она развалится на части?!». Он сполз по стенке на пол, подле Джейн, а мозг сверлила неотступная мысль: «У тебя всегда есть выбор. Выбор сгореть в огне или же встретить свой конец, выбросившись из люка».

«Молния» стала терять высоту. Приборы приказали долго жить, а датчики словно обезумели, выдавая попеременно то одни, то другие цифры. Теперь панель управления больше походила на игровой автомат, от которого «азартный игрок» Донеро тщетно пытался добиться толку.

В глазах Джейн Кристиан прочел немой укор: «Вы должны были это предвидеть, предвидеть и предотвратить». Кабина наполнялась едким дымом, становилось жарко. Кимура знал: если откинуть люк в полу фюзеляжа, можно ненадолго отсрочить гибель — гибель от удушья, но, увы, не от взрыва. Он прогремит в положенный час, секунда в секунду... Мысли путались.

Резким толчком его швырнуло на приборную панель, и он чудом избежал удара о лобовое стекло. Боковым зрением он увидел, как исказилось лицо Донеро. Весь в испарине, белее мела, географ вел машину прочь от городов и сельских местностей, чтобы от взрыва не пострадали невинные. На то, чтобы спастись самому, он уже не рассчитывал.

Заходясь сухим кашлем, примчалась Джулия.

— Ты жива! — воскликнула Джейн. — Жива!

— Быстрее! Возьмемся за руки! — крикнула та.

— Керосин меня разбери, не умирать же нам поодиночке! — взбодрился Донеро и соскочил с кресла пилота. В этот миг «Молния» встала на крыло и перешла в пике. Никто не удержался на ногах. Франческо, однако, не выпустил руки Джейн, географ вцепился в плащ Кристиана, а Джулия почувствовала, как сильно синьор-в-черном стиснул ее пальцы...

Самолет разорвался где-то над пустошью в Албании, и ударной волной обломки разнесло на множество метров вокруг. Известие о катастрофе потрясло Академию до основания. Деви рвал на себе волосы, вместо того, чтобы допросить главного конструктора, который смылся, не дожидаясь разбирательств. Был объявлен двухнедельный траур, и в первый же день Аннет Веку слегла с горячкой. В бреду она часто поминала имя Туоно, однако подруги ее не придавали этому никакого значения. В тревожных видениях Аннет безостановочно шла какими-то подвалами и темными туннелями, ей чудились жуткие голоса, а по выздоровлении она помнила проделанный во снах путь так отчетливо, словно он существовал на самом деле. Слух о бегстве Туоно быстро достиг ее ушей, но она не сомневалась: далеко злодей удрать не мог.

Лиза, Мирей и Роза отказывались верить в произошедшее. Они скорее посчитали бы правдой новость о пришествии инопланетян.

— Это невозможно, невозможно! — твердила Мирей. — У них ведь была ветвь-телепортатор! Неужто они ею не воспользовались?!

Кианг, которую к тому времени выписали из лазарета, сидела в углу гостиной с

соболезнующим видом и старалась не болтать лишнего. Так или иначе, сейчас на нее обращали не больше внимания, чем на фикус у окна.

— Не будем хоронить их раньше времени, — говорила Роза. — Вдруг завтра окажется, что они уцелели?

— Уцелеть после такого взрыва?! Ах! — заплакала Лиза. — Кому было выгодно лишать их жизни? Ведь действовали они во имя добра, во имя справедливости!

— Тому, вероятно, кому добро и справедливость поперек горла, — хмуро отозвалась Мирей. — Вот хотя бы заместителю директора. Уж он-то наверняка руку приложил. Кто, как не он, главный инженер? И где он теперь, скажите на милость? В бегах! Уже одно это бросает тень на его репутацию.

Роза ударила кулаком по столу.

— Ах, негодяй! Да если это и взаправду Туоно, клянусь, он поплатится за свое преступление!

Мирей промолчала. Благородные порывы хороши лишь в союзе с умом, и уж если готовишь месть, следует сперва поразмыслить, как выкурить зверя из его логова...

Шансы выкурить Туоно сводились к нулю, ибо на помощь того, кто владел информацией о подземных ходах Академии, рассчитывать было нельзя: его прах рассеялся по албанской земле. Сколько слез пролила Лиза, оплакивая своего учителя! Сколько скорби вместило ее сердце! И лишь одно могло ее утешить: возмездие. Не имея возможности почерпнуть откуда-либо сведения о расположении ходов, она, вместе с Розой и Мирей, предприняла попытку отыскать ходы самостоятельно. Тогда же за поиски взялась и Аннет. Она, в отличие от трех подруг, по крайней мере, составила себе представление о том, откуда нужно начать. А начинать надлежало с цокольного уровня, где были проложены канализационные трубы и шныряли крысы. Высвечивая фонариком неровности кирпичных стен, Аннет спустилась в подвал без малейшего отвращения. О том, что понадобится за себя постоять, она не подумала. Захвати она хотя бы столовый нож, ей, возможно, не пришлось бы в дальнейшем подчиниться той силе, с которой она, на свою беду, вступила в противостояние.

Туоно действительно не ушел далеко. Его убежище располагалось в одном из подвалов, точно в таком, какой привиделся Аннет во сне. И, что самое ужасное, у Туоно были сообщники — шестеро человек из охраны. Двое дюжих парней связали ее и приволокли к своему шефу.

— Так-так-так, кто это у нас тут? — пренебрежительно произнес он, дымя папиросой. — Добровольцы пожаловали?

— Чтобы участвовать в преступлениях с вами заодно? — язвительно поинтересовалась Аннет. Несмотря ни на что, у нее всё-таки находилась смелость дерзить.

— Мы ведь где-то встречались с вами раньше, — прищурился он. — Ах, да! Припоминаю: испытательный полигон. В том самолете у вас были друзья, не так ли?

Он обошел ее кругом, словно купец при оценке товара.

«Жалкая противница, — заключил он. — О такую даже руки марать неохота. А отпустить я ее тоже не могу, донесет ведь».

— Заприте ее в чулане, — лениво распорядился он. — На что-нибудь девчонка да сгодится.

— Это меня-то в чулан?! — запротестовала Аннет. — Совести у вас нет! Я буду звать на помощь, вы так просто от меня не отделаетесь! Мошенники! Убийцы!

— Вишь, как разоралась, — сказал Туоно. — Заткните ей рот какой-нибудь тряпкой. Да, и стойте на страже на тот случай, если объявится кто-нибудь еще.

В кабинете директора царил полумрак, среди груд неразобранной документации остывала чашка кофе.

— Я им спуска не дам. Не на того напали, — бормотал Деви, ходя из угла в угол и морща лоб в тщетных усилиях распутать узел, который всё туже и туже затягивался на его собственной шее. — Туоно скрылся. Он затевал махинации у меня под носом, а я, слепой дурак, уши и развесил. Из-за моей халатности два грамотных специалиста уже отправились на тот свет! Два преподавателя и трое студентов! Почему, ох, почему я так недалновиден?! — Тут он притормозил и остановился в центре комнаты: — О чем я только думаю?! Беглеца нужно немедленно схватить, арестовать, устроить допрос! Грош мне цена, если бандит не получит по заслугам!

Он бросился к телефону, бумаги посыпались на ковер.

— Алло! Алло! Сантьяго? Что у вас с голосом? А, простуда! Срочно соберите людей и произведите обыск всех подвалов в Академии. Да-да, вы не ослышались: подвалов и переходов. Если попадется кто-нибудь подозрительный, тащите ко мне. И не забывайте, у него могут быть пособники.

— Ах-ах-ах! — передразнил Туоно, кладя трубку. — Вы слышали, «у него могут быть пособники». Умора! Перевести звонки на другую линию было, бесспорно, моей гениальной задумкой.

В его планы не входило прятаться остаток жизни. Где-то в необитаемых закутках главного корпуса, он знал, пылится запретный глобус-телепортатор. Вопреки распоряжению директора, его не уничтожили, не сожгли вместе со старым мусором во время ежегодного праздника Обновления, который, по традиции, отмечался в Академии сразу же после Рождества. Туоно дал себе срок, чтобы добраться до глобуса и через него улизнуть. Неважно куда, хоть бы и за полярный круг. Бездействие его угнетало.

[21] Не буди лихо, пока оно тихо (фр.)

Глава 10. Правда в бокале

Когда всё становится в тягость, осень приходит по-настоящему. Она закрадывается в сердца, стоит лужами в глазах и веет холодными ветрами неприятия. Вместо того чтобы сплотить студентов вокруг общего несчастья, нынешняя осень разъединила их, разбросала по разным углам, изолировала друг от друга. Розе, которая не мыслила себя без радости, теперь приходилось подавлять улыбки и изображать грусть. Не то, чтобы она не горевала о смерти товарищей, но горе это не отягчало ее дум. Мирей и Лиза, напротив, были слишком удручены, и смеяться при них значило попросту не уважать их чувств. Обе они пережили тяжкую утрату, обе ощущали пустоту, тогда как Роза ничего не потеряла, но даже и приобрела. Ее привязанность к Джулии не была столь велика, как у Мирей, руководительница ее пребывала в добром здравии, в отличие от начальника Лизы, и, ко всему прочему, вернулась в комнату ее соседка, Кианг (доводы врачей показались ей убедительными, и она решила более не искушать судьбу). Китайка, которая до сих пор не поддавалась никаким традиционным методам воспитания, была укрощена настроением своих соседей и теперь держалась тише воды, ниже травы. Прошлый опыт подсказывал ей, что Роза из покладистой Грации [22]запросто способна превратиться в фурию. Поэтому благоразумнее было не раздражать ее, дабы не попасть под горячую руку...

А Роза считала себя виноватой в том, что не может печалиться, как следует, отчего печалилась даже больше, чем ее подруги. Траурный цвет контрастировал с цветом ее рыжих волос, ей было тесно и непривычно в мрачной атмосфере общежития, а в лаборатории все разговоры сводились к тому, как беспечно вел себя директор и каких безответственных он нанял инженеров. Сотрудники генетической лаборатории по десять раз на дню обсуждали подробности катастрофы с тем неистощимым интересом, какой бывает присущ свидетелям аварии, но никак не потерпевшим, а Роза была вынуждена выслушивать их разговоры. И жизнерадостность ее постепенно увядала, как увядает цветок, пересаженный из богатой в бедную, безводную почву.

Иного свойства была печаль Лизы. Эта печаль побуждала ее к активным, хотя, порой и бессмысленным, действиям. Так, без всякой причины, она трижды в день поднималась на крышу Академии и по шатким перекладинам подбиралась к самой двери географической будки. Дверь, разумеется, была на запоре, но Лиза, тем не менее, продолжала настойчиво посещать «место под солнцем». Мирей никак не могла объяснить себе ее странное упорство, однако предпочитала не затрагивать болезную для всех тему. Болезную еще и потому, что попытки раскрыть местоположение Туоно не увенчались успехом, чему отчасти поспособствовала сама Мирей. Сохраняя трезвую голову, она не спешила кидаться в крайности.

«Без плана, — говорила она, — вы не продвинетесь ни на шаг. Необходима стратегия, четкий алгоритм! Туоно наверняка вооружен. Загнанный зверь выпускает когти, и если пойти на него с голыми руками, ничего путного не выйдет. Помните, что дал наш первый рывок? Мы проблуждали в здании до позднего вечера, так и не добившись результата». Ее логика была неоспорима, и Лиза молча соглашалась, а Роза кивала, только чтобы не оставаться в стороне.

В один прекрасный день (а дело было в воскресенье) Роза проснулась и обнаружила, что срок траура истек. С утра небо расчистилось, и в окно ее опочивальни били косые

солнечные лучи: Кианг опять забыла задвинуть шторы. Время было позднее.

— Эх, жизнь продолжается! — воскликнула Роза. Ей наконец-то не нужно будет притворяться, и первую улыбку она подарит солнцу.

— Надо же, как распогодилось! Ни дождинки, ни облачка! А ведь первый день зимы на дворе, — сказала она, сладко потягиваясь перед окном.

Китайка засопела в своей кровати и перевернулась на бок.

— Какое распогодилось! — пробурчала она. — В Лигурии холодрыга, всего восемь градусов выше нуля. Хочу на Фиджи!

— Кому ты нужна, в Тихом-то океане? — удивилась Роза.

— Кому-кому? Себе! — огрызнулась Кианг. — Вот чудная! Думает, будто ехать в другие края можно лишь тогда, когда ее там кто-нибудь ждет! — выпалила она и для пущей предосторожности спряталась под одеялом: вдруг снова поколотят. Но Роза пропустила ее высказывание мимо ушей. Она смотрела в окно.

Студенты на выходные не разъезжались, и парк был полон народу. Это был образцовый парк — с кряжистыми безлиственными деревьями, побуревшей травой, убранными дорожками и высоко бьющими фонтанами. Несколько учеников развешивали на ветках фонарики.

— Сегодня первое декабря! А это значит, что меньше, чем через месяц, Рождество! — чуть ли не пританцовывая, говорил один из бывших соседей Франческо. — Только бы карнавал не отменили!

Немного поодаль, в кипарисовой рощице, группа студентов затеяла игру в петанк, а правее, за массивной статуей Бенедикта пятнадцатого, громко совещались магистранты. Прежнюю унылость точно ветром сдуло.

«Весь этот траур пустая формальность, — подумала Роза. — Притворство. У оптимиста не отнять его радости, а пессимист найдет, о чем потужить, даже в самые светлые минуты. Никто по-настоящему не сожалеет о смерти путешественников... Никто, пожалуй, кроме Лизы».

Лиза как раз выбралась на улицу и двинулась к главному корпусу привычной обходной тропой. На лице ее была написана решимость, полы пальто колыхались от быстрого шага, нечесанные волосы сбились на затылке. Она шла к строго намеченной цели, а это могло означать только одно: у нее на уме очередная авантюра.

«Если уж Мирей не смогла на нее повлиять, у меня и подавно не выйдет, — вздохнула Роза, отодвинувшись от окна. — К будке Донеро она идет или разыскивать Туоно — меня это не касается. Попадет в переделку — пускай сама и выкручивается».

Но она сильно заблуждалась насчет Лизы: та вовсе не собиралась попадать в переделку, да и кафедра географии ее мало теперь привлекала. Что проку напрягать ноги и лезть на крышу, чтобы послоняться возле пустующей будки, если существует такое замечательное место, как Зачарованный неф? Ведь там, в этом феерическом, сказочном зале, она впервые познакомилась с Донеро. Оттуда следовало и начинать. Кто знает, какие чудеса таятся за портьерами, сколько неизведанного хранит оркестровая яма, какие действия репетируются за бардовым занавесом?

Лиза спешила, она очень спешила, боясь, что неф может быть заперт. Взлетела по винтовой лестнице — обитая войлоком дверь поддалась не сразу: больно уж тугой был замок. Навалившись плечом, Лиза кое-как сдвинула ее с мертвой точки. А дверь, казалось, только и ждала, чтобы наподличать: она вдруг распахнулась, да так широко, что девушка полетела носом вперед, в черноту. Первыми звуками, которые она услышала, было мягкое

шуршание сыплющегося конфетти. Оно падало с потолка, где, позванивая хрустальными капельками, висела многоярусная люстра. На одном из этих ярусов вполне мог бы поместиться человек.

Поднявшись с ковровой дорожки и отряхнув пальто, она огляделась. Сцена подсвечивалась красным, сидения были сложены, а из боковых лож струилось слабое сияние. В оркестровой яме взвизгнула спросонья скрипка, загудел и тотчас умолк контрабас. Слева от сцены слышалась какая-то возня.

«Вероятно, в баре», — подумала Лиза и осторожно, чтобы не споткнуться впотьмах, двинулась вдоль полок, уставленных коробками с мишурой. Глянцевый рояль безмолвствовал, его крышка была заботливо опущена кем-то, кто не желал показываться на глаза. Вряд ли в Зачарованном нефе хозяйничал енот-официант.

— До чего же странный этот зал, — пробормотала Лиза и на цыпочках приблизилась к барной стойке, за которой на сей раз не было ни души.

— Эй! — тихонько позвала она. — Э-эй!

В ответ ничего, только где-то совсем близко заплескалась вода. Лиза не удержалась от любопытства и перегнулась через стойку: внизу в передничке сидел енот и мыл посуду. Надо было видеть, как проворно работают его черные лапки. И тут — «Дзынь!» — десертное блюдо выскользнуло на пол.

— Вот так всегда! — пожаловался енот. — Что ни день, обязательно бьется какая-нибудь тарелка! — Он вскарабкался на высокий табурет и едва ли не нос к носу столкнулся с Лизой.

— А фужеры целы? — спросила она.

— Фужеры-то? Целы! О, я вас помню, — сказал зверек. — Вы навещали к нам месяцем раньше.

— Тогда мои друзья еще были живы... — проронила Лиза, и в ее глазах заблестели слезинки.

Енот обходительно пододвинул ей бокал с какой-то малиновой жидкостью.

— Ах, благодарю. Сейчас это как раз кстати, — Она собралась было пригубить, но официант ее остановил.

— Погодите, не пейте! Знаю, о каких друзьях вы горюете. Нет их ни возле Ахеронта, ни в водах Леты, ни на берегах Стикса.

— Конечно, их там нет! Они в раю! Ы-ы-ы! — заревела Лиза, роняя слезы в малиновый напиток. — Они были такими хорошими, особенно Донеро... Им нечего делать в царстве Аида.

— Да нет же! — уверил ее енот. — Они не погибли!

— Правда что ли? — всхлипнула девушка.

— Вы пришли за утешением и не обманулись. Гляньте-ка сюда, — И енот постучал тонким пальчиком по бокалу. Жидкость в нем мгновенно потемнела, сделалась рубиновой, и за стеклом, словно в прямом эфире, задвигались изображения.

— Ой! Джейн! Там Джейн! — воскликнула Лиза и жадно впиалась глазами в стеклянный экран. — Что это, если не мистификация?!

— У нас всё без обмана, — немного обидевшись, сказал полосатый бармен. — А чудеса всамделишные.

— Кто создал Зачарованный неф? — отвлеченно спросила россиянка, не отрывая взгляда от бокала.

— Этого я не знаю.

— А вино? Вы ведь не каждому посетителю его предлагаете?

— На самом деле на это вино наложен запрет, — заметил енот. — Я открыл вам тайну, которую открывать не следовало. И если слух о ней распространится, меня могут уволить.

— Как так уволить? — испугалась Лиза.

— Да очень просто. Стану обыкновенным пушным зверем, вернусь к своим дядюшкам и тетюшкам. За мной будут охотиться лисы, люди будут расставлять капканы рядом с моей норой, а на зиму я залягу в спячку.

— Нет, этого нельзя допустить! Я сохраню вашу тайну, честное слово! — пылко пообещала девушка. — А теперь, с вашего позволения... — И, залпом осушив сосуд, она рухнула на стойку, как убитая.

— Пускай поспит маленько, раз уж выпила то, что пить не положено, — пробормотал енот, бережно приняв бокал из свесившейся руки.

— Знаешь, Франческо, минутоу назад у меня возникло ощущение, что у этого ручья нет дна, — сказала Джейн, перегнувшись через перила горбатого мостика. — Мне показалось, будто под водой был бар из Зачарованного нефа, где мы с Лизой однажды повстречали географа.

— Как интересно, — промолвил Франческо. — Хотел бы я туда заглянуть...

— По прибытии в Академию обязательно устрой тебе экскурсию, — сказала англичанка. — Но, всё равно, в мире не сыщешь ничего прекрасней сада. Ты-то здесь уже, поди, не в первый раз. А представь, каково мне было увидеть всё это великолепие без подготовки! Я до сих пор не верю, что жива.

— Перестань, Джейн! Вторая неделя на исходе, как мы здесь торчим, а ты еще не обвыклась?!

— Неужели тебе наскучило? — изумилась та. — Правду говорят: один из ада рвется, а другому и в раю неймется.

Мимо мостика пролетела веселая стайка соек, и Франческо пригнулся, точно уклоняясь от снаряда.

— Что-то слишком много птиц тут развелось, — проворчал он и отправился в пагоду-библиотеку. А птиц, и верно, поприбавилось. Их чириканье, теньканье, трещание не умолкало в саду даже ночью. В кронах резвились иволги; ласточки повадились строить под крышами пагод гнезда, а два огромных попугая ара облюбовали древний пьедестальный фонарь.

Под ногами Джейн kloкотал поток, теплый ветер кружил в воздухе пыльцу, в вышине разлилось синее-синее небо, и грело полуденное солнце. За восточной оградой сада начинались Серебряные горы. Величественные и безмолвные, они вонзали свои снежные пики в самый небосвод, и от них веяло освежающей прохладой. А на западе, там, где обрывался сосновый лес, где с запахом хвои смешивался соленый запах моря, в дюнах отдыхал Донеро. На первый взгляд могло показаться, что он впал в полудрему, прислонившись к смолистоу стволу сосны. Однако он был бдителен и встрепенулся, как только слышал шаги.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказала Джулия, присев на колени с ним рядом, — но вы не сдвигаетесь с места вот уже седьмые сутки. Не многовато ли?

— Я ведь в раю, куда спешить?! — безмятежно отозвался Донеро. — При жизни я

слишком часто мотался по городам и странам, и мне давно следовало с этим завязать. К тому же, я не ощущаю хода времени...

— Вы не в раю, а в саду, — уточнила Венто. — А это, позвольте заметить, совсем разные вещи.

— Так я не бесплотная субстанция? — огорчился географ. — Какая жалость!

У девушки вырвался тяжкий вздох: похоже, все заверения Кристиана ни к чему не привели, так как Донеро вбил себе в голову, что должен был неминуемо погибнуть при взрыве. Джулия помнила, как они впятером, чумазые и напуганные, появились на дорожке возле красной пагоды и как при этом возликовал географ. «Я на небесах, на небесах!!» — вскричал он и, громко хохоча, принялся носиться среди деревьев. Насилу его успокоили. Аризуну Кей дала ему выпить какого-то снадобья, после чего он заявил, что в пище не нуждается, и отправился изучать окрестности. Всю первую неделю он бродил по отмели, исследовал подножия Серебряных гор и всё думал да гадал, что же лежит за этими горами и с какими берегами граничит море. В сад он захаживал изредка, да и то, чтобы сообщить о своих открытиях и умозаключениях. Донеро дал себе зарок, что избороздит «рай» вдоль и поперек, однако спустя некоторое время вдруг образумился, утомился и ушел на покой. Джулия удивлялась, каким образом он мог обходиться без еды все эти дни, и предполагала, что столь необычайное воздействие оказал на него напиток Аризуну Кей. Но беспокоить японку по такому несущественному вопросу она не осмеливалась, ибо сейчас перед хранительницей стояла весьма трудоемкая задача: сконструировать и опробовать в действии новую, улучшенную телепортационную машину, чтобы переправить друзей на Крит. От миссии своей они отступаться не собирались. Пусть Туоно заточит хоть тысячи кинжалов, пусть заготовит хоть тысячи отравленных стрел — Фемида свершит свое правосудие, и преступники будут наказаны.

Если кто и понимал, что Аризуну Кей нуждается в тишине, то только не Франческо. Со скуки он пролистал почти все тома в ее библиотеке и нередко досаждал ей самой, отрывая от важной работы. Японка посылала его присматривать за детьми. Впрочем, «дети деревьев» и без того находились под хорошей опекой — о них заботилась Клеопатра. Она, в конце концов, привыкла и к хранительнице, и к новым своим обязанностям, и стремление вернуться на родину постепенно ослабло в ней, как ослабевает в саду всё, что угнетает душу. В Кении ее ждали болезни, голод, черствость соплеменников, а, возможно, и еще одно предательство, тогда как среди сакур она не ведала ни нужды, ни бездоля. Она научилась ладить с детьми, полюбила их и уж не мыслила себя в иной роли, кроме как в роли воспитательницы. Джулию она встретила довольно сдержанно, хотя ее так и подмывало броситься итальянке на шею. Их словно бы связывала невидимая нить, они были как сестры друг другу, и обе отдавали себе в этом отчет.

— С самого первого дня моего появления здесь, — говорила Клеопатра, — я не переставала ощущать какое-то неизъяснимое томление, предвкушение чего-то необыкновенного. Со мной никогда не происходило ничего подобного. В Африке мои чувства были просты и однозначны, как цвета радуги. Радость была желтой, гнев — красным, печаль — синей, а спокойствие — зеленым (хотя, признаться, зеленого в моей прежней жизни очень недоставало). А в саду мне открылось великое богатство оттенков, я очутилась в круговерти самых разноречивых эмоций, и меня охватил ужас. Бежать! Бежать из этого хаоса! И тут я встречаю тебя.

— Ты была похожа на мою младшую нашкодившую сестренку! — хихикнула Джулия.

— Вообще-то я старше тебя на целый год, — с достоинством заметила Клеопатра. — Но вот ведь странно: в тот момент я пребывала в твердой уверенности, что между нами существует какая-то связь, хотя в действительности мы не сестры.

— Как знать? — пожалала плечами Джулия. — Ведь есть же города-побратимы, так отчего бы и нам не назваться сестрами? И росту мы одинакового, и волосы у обеих вьются, а цвет кожи и происхождение — мелочи...

— Я так рада, что ты спаслась, — говорила Клеопатра, прижимаясь лбом ко лбу Джулии.

— Нам предстоит сложная операция, и было бы нелепо погибнуть, даже не начав, — отвечала та, робко улыбаясь и прищуривая глаза.

Наблюдая эту трогательную сцену, Кристиан Кимура не мог не позавидовать африканке. Какая роскошь просто смотреть в глаза тому, кого любишь! Какая непозволительная для него роскошь! Джулия по-прежнему избегала с ним встреч, хотя, казалось бы, он полностью оправдался перед ней и сумел заслужить ее доверие. В течение их вынужденного пребывания в саду они лишь дважды сели друг напротив друга, да и то, чтобы обсудить кое-какие правила каллиграфии. В остальном же, будь то приемы пищи, чаепития или дружеские беседы, они не пересекались. У итальянки был свой распорядок дня: она предпочитала вставать ни свет ни заря, завтракать, пока все спят, заниматься правописанием тогда, когда этого никто не видит, и втихомолку практиковаться в тайцзи. Она любила подолгу гулять в одиночестве, купаться в море на закате и плести венки из цветов, что росли за пределами сада. Донеро, который в то время был поглощен идеей снарядить экспедицию в горы, часто присоединялся к ее прогулкам и вскоре зауважал ее за широту взглядов и стремление к самостоятельности. А Кристиан всё вспоминал день их прибытия после катастрофы, вспоминал, как вытер пятнышко сажи у нее со щеки, а она подала ему платок, обозвав трубочистом...

Он уже начинал бояться, что Аризу Кей так и не доведет до ума новый телепортатор и они никогда не попадут в Грецию, а следовательно, не столкнутся с опасностями. Последнее удручало Кристиана больше всего. Ведь, по его разумению, завоевать сердце своенравной итальянки можно было только в приключениях да передрягах. Джулию, напротив, вполне устраивала размеренная жизнь, какую вела хранительница, и если бы ей представилась возможность поменяться с японкой ролями, она сделала бы это без всяких колебаний. Пыл ее поостыл, и она уже не рвалась в бой, как прежде, хотя и понимала, что слов обратно не воротишь. Она дорожила своей честью не меньше, чем мушкетеры Александра Дюма, и спасовать для нее означало почти то же, что для Д'Артаньяна отказаться от шпаги. Поэтому миссия по обезвреживанию мафии представлялась ей как неизбежная данность, чего нельзя было сказать о предстоящей исповеди. Явиться к Донеро с повинной и выложить всё начистоту? Да уж лучше броситься со скалы в бушующее море!

Но и тут чувство чести одержало над нею верх. Она буквально принудила себя пойти к географу и покаяться во всем, что натворила. Донеро же, примостившись под сосной, пребывал в столь глубоком умиротворении, что поначалу и не уразумел, о чем она толкует.

— Корить за беспорядок в «доме на пружинах» следует меня, меня, а не Лизу. Лиза и пальчиком не притронулась к вашим драгоценным картам, — настойчиво и проникновенно говорила она, заглядывая ему в глаза. Ей долго пришлось объяснять, о каком «доме на пружинах» идет речь и что она подразумевает под «драгоценными картами». Судя по всему, память географа приземлилась приблизительно там же, где опаленная коллекция шарфов и

обломки самолета, ибо об Академии он сохранил крайне обрывочные сведения. Его фатовство испарилось в течение первых трех дней, профессорские замашки улетучились во время вылазок в горы, тогда как память сдала позиции совсем недавно. Словом, под конец внеплановых каникул от фата, профессора и здравомыслящего человека не осталось и следа.

— На вас плохо влияет морской воздух, — довольно неучтиво сказала ему Джулия. — Вот уж не думала, что с вами может случиться амнезия. Вы так быстро распрощались со своей кафедрой?! Вас больше не интересуют материки и океаны?!

Тут на лице Донеро отразился проблеск мысли: он наморщил лоб и стал что-то усиленно соображать.

— Ма-те-ри-ки, — сказал он по складам, — о-ке-а-ны... Я, кажется, когда-то был географом? Помню качку, нещадную качку и разлитые чернила. А из-под пола слышался скрип...

— Так это же ваша будка скрипела! — воодушевилась Джулия.

— Да, и, помнится мне, там были замечательные карты.

— Вот их-то я и порвала. На мелкие клочки, — выпалила та.

Донеро изумленно вскинул бровь.

— Я же вам битый час именно это и втолковываю! Лиза Вяземская здесь ни сном ни духом не виновата.

— А-а, — протянул географ. — Елизавета? Очень способная ученица... Я ее что, выгнал?

— Угу, — хмуро отозвалась Джулия.

— Что же делать? Что делать? — засуетился Донеро, взворошив песок. — Она ведь, чего доброго, найдет себе другого учителя!

— Найдет, и не сомневайтесь, — безжалостно подтвердила Джулия.

— Так когда, вы говорили, будет готов телепортатор?..

Аризугу Кей никогда не чувствовала усталости. Ей было невдомек, что значит выражение «трещит голова». Она могла просидеть в мастерской до утра, стуча своими молоточками и закручивая шурупы. Могла потратить сутки на копирование древних японских текстов, а завтра предстать перед друзьями свежей и безупречной, как распустившийся бутон. Клеопатра, которая по природе своей была очень наблюдательна, подозревала, что хранительница пьет чай и пробует рис не столько ради насыщения, но главным образом затем, чтобы не смутить гостей. Еще одной особенностью Аризугу Кей было то, что она почти никогда не применяла силу, хотя, бесспорно, обладала мощью героев Эллады, атлетов мира и тибетских монахов, вместе взятых. Назойливых визитеров она выпроваживала довольно-таки учтиво: если у нее над ухом жужжал Франческо, она, без лишних разговоров, поручала ему какое-нибудь задание, причем тот демонстрировал редкостное послушание и покорность. Географу, которого Джулия привела в чувство и который после этого кружил возле японки весь вечер, досталась работа по подметанию полов. И он удалился с веником, в глубоком убеждении, что оказывает хранительнице неоценимую услугу.

Предвидя нетерпение остальных, Аризугу Кей решила выйти на балкончик красной пагоды, где во всеуслышание объявила, что телепортатор будет закончен через двадцать четыре часа. Она не воспользовалась ни рупором, ни громкоговорителем, однако слова ее достигли ушей каждого. Деревья ли передали послание? Птицы ли? Еще одна тайна волшебного сада...

Любопытную Джейн новость застала за «добычей золота», которое она пыталась

выловить из ручья. Прогуливаясь вдоль ограды, как раз там, где ручей стекает с гор, она случайно заметила, как в воде что-то поблескивает. Оказалось — капельки чистейшего золота. Как тут не нырнуть за ними?

А Франческо весть настигла у садовой калитки. С полотенцем под мышкой и пляжным зонтом на плече, он как раз собирался на море.

— Удобно всё же иметь телепортатор! — сказал он сам себе. — С таким приспособлением и визы ни к чему.

Когда голос Аризу Кей достиг окраин сада, где подрастала эвкалиптовая роща, Джулия была целиком сосредоточена на выполнении упражнения «Веер в руке». Сквозь густую зелень пробивались солнечные лучи, на землю ложились причудливые тени, в ветвях щебетали соловьи, и она чувствовала, как в сердце постепенно вливается животворное дыхание свободы. Шаг — и ступня утопает в травяном ковре, шаг — и страхи покидают твой ум, а меж пальцев золотится воздух. В такие мгновения забываешь о себе, и создается ощущение, будто, соединяясь с природой, ты исчезаешь... Однако для некоторых ты никогда не перестаёшь существовать.

Кристиан уже минут пять любовался ее грациозными движениями, ожидая подходящего момента, чтобы выйти из тени. Наконец-то ему удастся поговорить с Джулией наедине, наконец-то он сможет просто побыть с нею рядом... Но как, когда успела она овладеть столь поразительной техникой тайцзи?! Войдя под сень эвкалиптов, он тихо-тихо приблизился к ней сзади — и незамедлительно получил кулаком в солнечное сплетение. Венто была настороже.

— Ах, это вы?! — в притворном изумлении воскликнула она. — А я было подумала, ягуар подкрадывается.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что ягуары здесь не водятся, — ответил Кристиан, потирая ушибленное место. — Сильный удар, доложу я тебе!

Джулия пробормотала извинение и уставилась в землю.

— Здесь чувствуется рука великого гуру, — сказал Кристиан. — Кто он?

— А почему вы не допускаете, что это не «он», а «она»?

— Потому что женщина вряд ли достигнет столь редкостного мастерства, чтобы обучать других.

— Только если эта женщина не Аризу Кей! — откинув волосы, смело парировала Джулия.

— Аризу Кей? — переспросил Кимура, бросая на нее косой взгляд и обходя кругом. — Я знал, что в арсенале хранительницы имеются различные снадобья, магические чернила, живая вода, но о том, что она владеет боевыми искусствами, слышу впервые.

— Магические чернила?! Вздор! Они не магические, а самые обыкновенные, — с вызовом сказала Джулия и повернулась к нему. — А вода, от которой растут деревья, берется из горных источников.

Синьор-в-черном лукаво взглянул на нее, изобразив некое подобие усмешки.

— Выходит, волшебством пропитана сама Аризу Кей?

— А вы не верите в волшебство?

— Я верю в безграничные возможности человека, — уклончиво ответил Кристиан. — Давай-ка, я научу тебя кое-каким тонкостям тайцзи. То, что я видел, было потрясающе, но тебе недостает сноровки.

— Буду рада перенять ваш опыт, наставник, — с иронией сказала Джулия и отвесила

ему шуточный поклон.

[22] Грации в римской мифологии — три богини красоты, изящества и радости.

Глава 11. В горах Пелопоннеса

Аннет изо всех сил пыталась ослабить узы. Ее ноги были крепко опутаны проводами, запястья — до крови истерты колючей синтетической веревкой. Приспешники Туоно на совесть привязали ее к стулу. Так что при любом резком движении она запросто могла очутиться на полу.

«Ах, кабы у меня был нож, — вздыхала она. — Почему я не чародейка?». В камерке, где ее заточили, стоял густой мрак, и разглядеть что-либо, что послужило бы ключом к вызволению, не представлялось возможным. Вероятно, ее исчезновение уже обнаружили и директор организовал поисковую операцию. Однако шансы на то, что помощь подоспеет, были ничтожны, ибо в свое время под Академией прорыли несметное число туннелей и нор, а охотников их исследовать каждый раз набиралось с мизинец. Что такое уральские пещеры по сравнению с этими бесконечными галереями?!

Аннет держали на скудном пайке, она почти не видела белого света, а клоунская гримаса Туоно неизменно преследовала ее в коротких и тревожных снах.

А однажды он вызвал ее к себе. Она была настолько слаба, что даже не думала сопротивляться, когда тюремщики развязали ее и куда-то потащили. В коридоре, из решетки на потолке, капала вода и пробивался бледный свет дня. Аннет возвела глаза к этой решетке, словно к какому-нибудь спасительному источнику, изнывая от тоски по небу и мечтая вырваться из пут, вырваться пусть даже ценою собственной жизни. Улететь бы птицей за серые облака, в голубую высь! А вместо этого — прогнивший воздух, сырость да холод.

Она предстала перед заместителем, когда тот заканчивал свой обед. Канapé, резные скамьи, орнаментный мильфлёр на стене, изысканные яства — он роскошествовал, как самый настоящий крез. Вытерев салфеткой жирный рот, он приказал стражникам удалиться и поманил Аннет пальцем.

— Ну-ну, не стесняйся. Что делали с тобой эти чудовища? Неужто голодом морили? Ух, негодяи! Я заставлю их уважать гостей! А ты бери, ешь вдоволь, — И он весьма любезно придвинул к ней огромное эмалированное блюдо с окороком и ветчиной. — Сегодня у нас праздник, — продолжал Туоно, между тем как Аннет жадно набросилась на угощение. — Больше не нужно носить траурные маски, и мы со спокойной совестью можем позабыть о наших доблестных путешественниках, которые так трагически окончили своё жизненное поприще.

У Аннет трещало за ушами, и она практически не обращала внимания на его монолог.

— Что есть окончание траура как не официальное разрешение предать забвению имена погибших? — рассуждал Туоно. — Адъёс, Кристиан Кимура! Адъёс, мой злейший враг! И да разверзнется под тобой ад!

Последнюю фразу он извергнул из себя с такой злобой и остервенением, что Аннет Веку даже поперхнулась.

— Чему удивляешься? Ты ведь знала, что я всё подстроил.

— Вся Академия знает, — прохрипела Аннет и затряслась в судорожном кашле.

— Да, в том-то и проблема, — протянул заместитель. — Теперь Деви за меня возьмется основательно. Будет травить, как собаку. Знаешь, почему я тебя кормлю? — вдруг спросил он. Пленница застыла с куском во рту. — Ты поможешь мне скрыться.

— У-у, — замотала она головой.

— Брось артачиться, — ровным тоном сказал Туоно. — Как только я переберусь в безопасное убежище, тебе будет дарована свобода. А иначе ты встретишь свою смерть в заколоченном гвоздями гробу. Будешь умирать долго и мучительно. М-да, изощренная казнь... Ну так как?

Глаза Аннет словно остекленели, и минуты две она не могла выдавить из себя ни слова.

— Как я понял, молчание — знак согласия. Хочешь быть погребенной заживо? Это я устрою.

— Нет-нет! — взмолилась студентка. — Нет, пожалуйста, пощадите! Я сделаю всё, что ни попросите, только пощадите!

— Вот, совсем другой разговор, — повеселел Туоно. — Выкрадешь глобус-телепортатор.

— Тот, который запретили? — съезжившись, спросила Аннет.

— Запретили? Не-ет, это громко сказано. Деви спрятал его в картонку, а картонку обвязал красной лентой, только и всего. Его постановления для меня детский лепет. Добудь мне глобус — и ты на свободе. Только не вздумай привести сюда стражей Академии! Мои люди будут следить за тобой, так что выверяй каждый свой шаг. А дашь маху — пеняй на себя.

... «Если бы я была глобусом, куда бы меня поставили? — рассуждала Аннет, крадучись вдоль колоннады, которая поддерживала массивный фронтон над центральным входом в корпус. — Поскольку приказ исходил от директора, то и подсказки следует искать у него в кабинете. По-моему, вполне логично...».

Позднее, при дознании, студенты заявляли, что видели призрак у статуи Каллиопы, то есть у самых дверей директорской кафедры. Причем некоторые утверждали, будто призрак имел поразительное сходство с Аннет Веку, а в руках у него была какая-то коробка. Деви рвал и метал. Расчетливого ловкача и убийцу упустить еще простительно, но ученицу, которая наверняка действовала по его указке и не проявляла должной осторожности, ученицу, которая могла бы вывести поисковую команду на его след... о, какой стыд!

— Что ж это получается?! — бушевал Деви, колотя линейкой по столу. — Часовые дремлют, а в мой кабинет заходи, кто хочешь?!

— Мы ведь думали, она к вам на консультацию, ну, или по вопросу какому, — смущенно оправдывался начальник охраны. На ковре у директора он неизменно чувствовал себя провинившимся школьником, которого отчитывают родители.

— А ничего, что эта девушка считалась пропавшей без вести? Ничего, что мы из-за нее всю Академию на уши подняли?! — кипятился Сатурнион. — В следующий раз смотрите в оба, иначе уволю без выходного пособия!

Сколь велико было его негодование, столь же велик был и триумф Туоно. Он закатил в своем подземелье настоящий пир, станцевал брейк, после чего торжественно вскрыл коробку. Да, глобус был там, без единой царапинки, без единого пятнышка. Все знали: если коснуться какого-либо места на этом глобусе, ты тотчас распадешься на миллиарды частиц и исчезнешь, а на том конце земли возникнешь из ниоткуда, и неважно, угораздит ли тебя попасть в сельву Амазонки, в кратер или в горное ущелье.

— Ну, мои хорошие, — приговаривал Туоно, вертя в руках телепортатор и не забыв предварительно надеть перчатки, поскольку прибор реагировал исключительно на человеческую кожу. — Кто хочет первым испытать его на себе? Может, ты, Андре?

Андре попятился и вжал голову в плечи.

— Что ж, ладно. Тогда, быть может, ты, Конрад?

Конрад прикинулся глухонемым, и Аннет показалось, что с ним вот-вот делается припадок.

— А давай-ка ты, Марко. Докажи мне свою преданность, в которой когда-то клялся.

Марко, слабосильный морщинистый старик, прокряхтел и поднялся со стула.

— Я тебя, можно сказать, в колыбели качал, на руках носил, а ты... Не ожидал я такой подлости, — проговорил он, подковыляв к шефскому креслу и вперив в Туоно укоризненный взгляд.

— Хватит сопли распускать! Полезай в глобус! — рявкнул тот. — Можешь считать, что это твой заслуженный отпуск.

«Так телепортатор не проверишь, — зашушукались его сообщники. — Он просто хочет от нас избавиться».

— Как будто я вас в пекло посылаю! — возмутился Туоно, который всегда обладал удивительно острым слухом. — Выбор за вами, любая страна на ваш вкус! Видно, я связался с настоящими олухами. Предлагаешь им бесплатную путевку — крутят носом, преподносишь Гавайи на блюдечке — поджимают хвост. Куда это годится?!

Аннет сидела в уголке, как забитая собачонка, и наблюдала.

— Я понял, — сказал Марко. — Мы тебе не нужны, теперь ты сам себе хозяин...

— Как и каждый из вас, — вставил Туоно, снова начиная горячиться. — Скоро сюда нагрянут карабинеры, и всем разглагольствованиям придет конец. Давай, старик, вперед! За тобой последуют остальные...

«Как бы ни так», — приглушенно сказал кто-то. В тот же миг защелкали затворы, запахло порохом, и Туоно оказался под прицелом сразу шести револьверов.

— Ну-ну, так-то вы платите за мою доброту? — с холодным спокойствием изрек он. — Учтите, господа, ваши пистолеты разряжены, а вот мои...

И у него в руках, откуда ни возьмись, завертелись два черных «Кольта». Дуло одного Туоно немедленно приставил к виску своего верного Марко.

— У вас по-прежнему есть выбор, — процедил бандит. — Махнуть в рай на земле или угодить в преисподнюю. Решайте.

Наступило озлобленное молчание, с каждой минутой приближая трагическую развязку.

Шум быстрых шагов и осыпающегося гравия уловила не только Аннет.

— Это люди из охраны Деви!

— Проклятье! — зашипели в зале.

— Надо сматываться!

И тут началась такая суматоха, что Туоно всерьез обеспокоился, как бы его не раздавили. Каждый норовил коснуться глобуса, причем именно в той области, где располагались Филиппины. Кто-то ткнул пальцем в Новую Гвинею и, скорее всего, отправился к папуасам. Марко, который покинул зал после всех своих товарищей, очень надеялся, что этот отчаянный парень не набредет на охотников за головами.

Скоро в подземелье остались лишь Туоно да его пленница. За большой дубовой дверью, установленной здесь испокон веков, топотали ноги и гремели голоса.

— Мы нашли их! Они не уйдут!

— Вышибите дверь! — прозвучал чей-то приказ.

— Ага, как только они вышибут дверь, я вышибу им мозги, — ядовито усмехнулся Туоно. — Патронов у меня предостаточно.

Аннет в углу зашевелилась.

— Прошу, не убивайте их! У вас ведь есть телепортатор!

— А, ты всё еще здесь? — Не вставая с кресла, заместитель лениво поворотил к ней обрюзгшее лицо. — Как и обещал, ты свободна!

— Ах, на что мне такая свобода, — заплакала Аннет. — Если меня видели, то уж точно схватят, а там и суд, и приговор. Всем известно, как расправляются с изменниками...

— Правда, правда, — пробормотал Туоно и с неожиданным великодушием предложил: — Бежим со мной!

Аннет только этого и ждала. Она буквально вцепилась в его пухлую руку, и через минуту подземное убежище опустело. Зря охранники надрывали силы, даром ломали дверь — пресловутый глобус Туоно прихватил с собой.

Весь вечер перед демонстрацией телепортационной машины Донеро не сиделось на месте. То он порывался на пляж, чтобы проводить закат, то вдруг впадал в болезненную экзальтацию, принимаясь ораторствовать без всякого повода, то сломя голову мчался к пагоде, вход в которую надежно стерегла Клеопатра.

— Я не хочу на Крит, не хочу, не хочу, — твердил он, точно умалишенный. — Верните меня в Академию, к моим картам, к моей ученице.

— Да будет вам, — успокаивал его Франческо, не имея понятия, отчего тот суется. Для кого-то телепортироваться — всё равно, что проехать в трамвае, а кто-то придает подобным путешествиям слишком большое значение и дрожит, как овечий хвост.

— Эдак и нервы могут не выдержать, — ворчливо сказал Росси и удалился, предоставив географа самому себе.

Джулия всецело пребывала во власти головокружительного оптимизма. Она успела попрощаться с детишками и вместе с африканкой уложить их на ночь, обогатилась тремя крупицами золота, о котором ей в конце концов рассказала Джейн. Как выяснилось, добыть сокровище в одиночку не смог бы даже самый предприимчивый золотоискатель, потому что японка вытворяла в своем саду, что ей заблагорассудится, и воду в ручье она подговорила отдавать золото лишь тому, кто поделится им с другом.

Как повеселились они, ныряя на дно, как отрадно им было сушить на солнце свои волосы! Джулия и сейчас испытывала радостное волнение, тогда как англичанку стала одолевать тоска. Что такое две недели «райских» каникул? Стрела, пущенная из арбалета; оттепель посреди суровой зимы. Джейн не могла смириться с мыслью, что придется вновь куда-то ехать, снова подвергаться риску, отбросив мечты о вожделенном покое.

«Растянуться бы под сакурой, заложить бы руки за голову да окунуться в вечность... — тихонько вздыхала она. — И пускай бы осыпались на меня лепестки, пускай бы чирикали птички. Почему, почему я не тот соловей, что поет свою песнь меж ветвей?»

Синьор-в-черном, как всегда, был бесстрастен, лаконичен и терпелив. На жалобы географа, который понадеялся было излить ему душу, он отвечал односложно, чем вскоре отбил у него всякую охоту сетовать на жизнь. Куда труднее было отделаться от Франческо, который донимал Кристиана расспросами об условиях на Крите и о том, кто будет их встречать. Если о первом Кимура имел вполне четкое представление, то относительно второго мог только строить догадки. Согласится ли Люси с ним сотрудничать? Помнит ли его давнишний друг Актеон?

Не приходилось также исключать и той вероятности, что в качестве гида выступит сам

Моррис Дезастро, препроводив путешественников напрямик в свое обиталище. На этот случай следовало бы вооружиться, поскольку всё то, что они везли с собой из Академии, было уничтожено взрывом. Но как с огнестрельным, так и с холодным оружием дело обстояло плохо: Аризу Кей сроду не держала в руках револьвера, а ножи у нее на кухне находились в весьма и весьма плачевном состоянии. Разве что заточить их о камень.

Однако, в результате тщательного обследования белой пагоды, которая в тот вечер пустовала, Кристиану удалось обнаружить два поржавелых клинка и металлический топорик эпохи Мэйдзи, что его несколько воодушевило.

Когда он прибыл на условленное место, хранительница как раз переходила мостик, держа в руках какое-то крошечное устройство.

— И это телепортационная машина?! — возмутился Донеро. — Машина?! По правде, я ожидал увидеть нечто более достойное.

— К вашему сведению, мы не в железном веке живем, — съехидничал Франческо. — Технологии ушли далеко вперед.

— Поверьте, прежде чем эта конструкция появилась на свет, мне пришлось изрядно помучиться, — извинительно сказала Аризу Кей.

— Но ведь тебе ничего не стоило применить волшебство, — заметила Джулия.

— На такие вещи мое волшебство не распространяется, — скромно отозвалась японка. — Да и, к тому же, полезно иногда делать что-нибудь самому.

Донеро по-прежнему был настроен критически, причем к нему окончательно вернулись все его старые манеры. Он окинул хранительницу придирчивым профессорским взглядом, небрежно поправил свой шарф и нагнулся над приборчиком.

— И как он работает? Тут же ни кнопочки, ни рычажка. По велению мысли, что ли?

— Не совсем.

— Тогда, может, он повинуется голосовым сигналам? — продолжал остроумничать Донеро. — Вот, например, прикажу я ему отправить меня в Академию Деви... — С такими словами он невзначай дотронулся до телепортатора и, ко всеобщему изумлению, тут же растаял в воздухе. Только следы от его ботинок да выпавшая из кармана бумажка свидетельствовали о том, что он недавно стоял перед хранительницей.

— Как же так?! — воскликнула Джулия. — Аппарат что, и впрямь реагирует на звуки?

— Только на определенные звуки, — кивнула Аризу Кей. — Он запрограммирован таким образом, что может воспринимать лишь названия географических объектов да кое-каких достопримечательностей. Академию я тоже внесла в базу данных, вот почему ваш непоседливый коллега так легко туда перенесся.

— А как это можно проверить? — встрял Франческо. — Почем знать, вдруг его забросило на ледник, а то и на вершину Джомолунгмы?

Хранительница пожала плечами.

— Сходите к ручью, проверьте.

Вода под мостом имела одно примечательное свойство: в ней отражался Зачарованный неф. Но попасть в неф через ручей было невозможно, в чем Джейн убедилась на собственном опыте. Предыдущей ночью она вымокла с ног до головы, а всё потому, что прыгала в воду с моста, надеясь таким нехитрым способом проникнуть в таинственный зал. Однако ее постигло разочарование: она лишь поцарапалась о каменистое дно да посадила пару незначительных синяков. Ручей ее не пропустил.

Той злополучной ночью Джейн долго ломала голову над вопросом, что же связывает

Аризуну Кей с Зачарованным нефом, и впервые в жизни задремала под сакурой, прямо на траве, так и не разгадав эту загадку.

А сейчас, сгрудившись на мосту, Франческо, Джулия и Кристиан вместе с нею глядели в прозрачную глубину, где темнел и переливался блёстками конфетти концертный зал. Джулия видела в текучем зеркале больше своё отражение, нежели обстановку нефа. Франческо охал и ахал, наблюдая, как тоненькая фигурка Лизы устремляется к другой, более плотной фигуре, на которой пестрел клетчатый шарф. А человек-в-черном выразил хранительнице своё искреннее восхищение, сказав, что сам бы он никогда не догадался так удачно поместить окно в Академию.

— Знали бы вы, как засуетился Донеро, когда я напомнила ему о Лизе! — усмехнулась Джулия, опершись на парапет. — То краснел, то бледнел, словно сигнальная лампа.

— Ученики для преподавателей всё равно что их возлюбленные. Ради учеников они жертвуют своим временем, из-за них порой лишаются и отдыха, и сна, — как-то вскользь проговорил Кристиан, и Франческо с Джейн многозначительно переглянулись за его спиной.

— Ваш черед, дорогие друзья, — робко вмешалась Аризуну Кей. Вдруг прибор у нее на ладошке засветился каким-то подозрительным светом и стал мигать. — Быстрее, быстрее! С ним что-то неладно! — забеспокоилась она и, спешно передав аппарат Кристиану, убежала в пагоду.

— Я за инструментами! — крикнула она у дверей. — Надо кое-что подправить!

— Если он выйдет из строя, то, боюсь, мы застрянем здесь еще на две недели, — проворчал Франческо. Что до Джейн, то ее вполне устраивала такая перспектива. И, если бы не напряженный вид учителя да постная мина Джулии, она непременно изложила бы свою точку зрения. Но вот Кимура вытянул руку с телепортатором.

— Итак, господа? Один за всех?

— И все за одного, — без энтузиазма отозвался Росси, накрыв прибор ладонью. Девушки последовали его примеру, и, когда Аризуну Кей примчалась из мастерской, на мосту не оказалось ни души.

— Ох, непослушные! — пожаловалась она хохлатой синичке, которая, ни о чем не подозревая, слетела на перила. — Просишь их подождать — всё без толку. Как бы худого не вышло...

— Ци-ци-пррр! — беззаботно ответила та и упорхнула в кустарник.

Франческо судорожно цепляется за край отвесного склона, Джейн осовело озирается в зарослях вереска. Джулия сидит поодаль и вытаскивает у себя из волос колючки какого-то безымянного растения, а Кристиан — тот уже спешит на подмогу незадачливому итальянцу.

— Еще н-немножко, и я бы сорвался! — причитал паренек, трясясь, как осиновый лист.

— Ну, теперь всё позади, — сказал Кимура, заглядывая в пропасть, где, далеко-далеко внизу, клочкотала горная река. Нахмурившись, он стряхнул с плаща пыль и помог Джейн подняться. Прогрохотал и скрылся за тучами авиалайнер, закачались редкие макушки сосен, стало накрапывать.

— Хорошенькое начало, — поморщилась Венто. Она извлекла из шевелюры последнюю колючку и, с пренебрежением оттолкнув руку Кристиана, вскочила на ноги. — Где это мы? Не похоже на солнечный Крит.

— В зимнюю пору Крит далеко не солнечный, — отрезала Джейн. — Но на меня эта

вершина действует удручающе.

— А мне холодно... — поежился Росси.

Так, неприветливым декабрьским утром, наши путешественники очутились на Аркадском плоскогорье Пелопоннеса.

Пока синьор-в-черном мерил шагами каменистое плато, куда они так неудачно приземлились, Франческо зализывал ранки на пальцах. Он умудрился здорово поцарапаться при падении и разодрал себе кожу в кровь. В участливом взгляде Джейн сквозило столько заботы и нежности, что для иного этот взгляд стал бы уже целительным бальзамом. Но только не для Росси: он сетовал на погоду, на отсутствие аптечки, на сломанный телепортатор — в общем, вёл себя, как кисейная барышня.

— Так и знал, что нельзя доверять этим новомодным штуковинам, — ныл он. — Вот что нам теперь делать? Назад-то не воротишься!

— Любишь же ты раскисать, — сказала Джулия. — Нет, чтобы взяться за ум да починить эту, как ты выразился, новомодную штуковину! Бери пример с нашего руководителя: он, может, и маячит почему зря, зато не падает духом.

Ее сарказм не остался незамеченным.

— Зря, значит, да? — поинтересовался Кимура, приблизившись к ней вплотную. Внезапно налетевший ветер разметал полы его плаща, отчего Кристиан на миг принял облик какого-то инфернального персонажа. Выражение лица его сделалось жестким, взор устрашающим, и Джулии волей-неволей пришлось отступить.

— Ой, я тут вспомнила... — проронила она. — У меня где-то была ветка сакуры.

— Давай, — потребовал Кристиан.

— Сию минуту!

Но вот истекла минута, две, а Венто по-прежнему рылась в рюкзаке без малейшего понятия, куда могла запропасться ветвь Аризун Кей.

— Должна вас расстроить, — сказала она чуть погодя. — Судя по всему, я забыла ее в беседе.

Франческо поджал губы: ему совсем не улыбалось заоченеть на ветру.

— Хорошо еще, что этот аппарат не отправил нас в Гренландию, — буркнул он.

— А что, если нам попробовать спуститься? — предложила Джейн. — Где-нибудь наверняка да найдется безопасная тропинка.

— Если мы станем спускаться по мокрым камням, то, не ровен час, разобьемся в лепешку, — возразил Франческо, который, может, и потерял остатки мужества, однако не лишился здравого смысла.

— Одно я знаю точно: внизу теплее, чем на вершине, — припечатала Джейн.

Все понимали, что, если дождь не успокоится в ближайшие несколько часов, о спуске можно будет забыть. Они рисковали застрять на плато до сумерек. Их вещевые мешки и съестные припасы разделили участь злополучного самолета, и если бы Аризун Кей не снабдила их провиантом, положение действительно стало бы критическим. Извечный вишневый пирог на четверых, бутерброды да крест-салат — что ж, на таком пайке они продержатся какое-то время... Конечно, если Франческо не разделается с пирогом самостоятельно. Он уже подбирался к рюкзаку, где, в бумажном пакете, остывало вишневое лакомство, и непременно запустил бы туда свои загребушие руки, не одерни его англичанка.

— На, возьми вот, лучше, пастилу. А пирог побереги на крайний случай.

Франческо недовольно хмыкнул: крайним случаем он считал урчание в животе.

День обещал быть пасмурным. По беспросветно-серому небу проносились тучки, а дождь то припускал, то вдруг прекращался, словно бы сомневаясь, там он льет или не там. Кристиан осматривал кромку гранитной площадки на предмет тропинок. Опоясанная с трех сторон цепью скальных стен да обрывов, на юго-западе она заканчивалась довольно пологим склоном, который прорезывало небольшое речное ущелье. Но, при всём желании, спуститься по этому склону можно было, лишь имея специальное альпинистское снаряжение.

«Попали так попали», — с досадой подумал Кимура и тут, к своему ликованию, обнаружил недалеко от ущелья едва приметную, заросшую ксерофитами тропу. Огибая глыбы мшистых камней, она уходила куда-то вбок и терялась из виду.

... Джулия спускалась вслед за учителем, подворачивая ноги в трещинах скал и придерживаясь за уступы. Франческо и Джейн чуть поотстали, однако решимости им было не занимать. Стиснув зубы и невзирая на усталость, путешественники двигались теперь уже не по тропе, а по бордюру, пролегшему вдоль отвесной стены. Под ногами простиралась пустота, слева распахивалась синеватая даль, и виднелись очертания ландшафта. Опасность подстегивала, ширь завораживала, а всепроникающие солнечные лучи наконец-то пробились сквозь серую пленку туч, отчего на душе вмиг просветлело, и к необозримой цели идти стало легче.

Вот, казалось бы, и конец злключениям. Но не тут-то было: Джейн, похоже, вообразила, что у нее выросли крылья, оступилась и с истошным воплем полетела в пропасть. Франческо едва успел схватить ее за руку и только чудом не сорвался сам. Как он перетрусил, когда перед ним разверзлась бездна! Сердце заколотилось где-то в горле, голова пошла кругом, ноги стали как ватные. А Джейн вообще была на грани обморока. Росси попробовал позвать на помощь, но голос ему не повиновался. Слова застревали в горле, а если и вырывались наружу, то не иначе как в форме нечленораздельного хрипа. Благо, Кристиан с Джулией не ушли далеко, и вскоре все четверо переводили дух на обширной травянистой поляне, которая расстелилась перед ними сразу, как оборвалась тропа.

— Чтоб я еще ступил на проклятый карниз! — вгорячах проговорил Франческо. — И врагу не пожелаешь почувствовать, каково это, когда земля уходит из-под ног.

— Дорога нам предстоит дальняя, — сказала Джулия, присев у валуна. — Так что не зарекайся.

С тех пор как развиднелось, солнце пригревало всё сильнее, силуэты соседних гор постепенно выплывали из серой дымки, и на горизонте всё ярче проступала голубая лента небес. Дождевой фронт уходил на север.

— А где-то там море... — мечтательно протянула Джейн.

— Ага, через которое придется переплывать, чтобы достичь Крита, — ввернул Франческо. — Конечно, если мы, и правда, на Пелопоннесе, — И он выжидающе покосился на человека-в-черном.

— Пейзаж полуострова мне более чем знаком, — невозмутимо ответил тот. — Несколько лет назад, на этой самой поляне, я обзирал виды. И надо сказать, что тогда, что сейчас — ландшафт нисколько не изменился.

— А каким ветром вас занесло сюда в прошлый раз? — заикнулась было Джулия и тотчас умолкла, устыдившись своего праздного любопытства.

— Ветром дружбы и авантюр, — без тени смущения отозвался Кристиан, и в его глазах заиграли огоньки.

— Пора бы и перекусить маленько, — заметил между тем Франческо. — Из-за этих

треволнений у меня сильно разыгрался аппетит.

Свою долю пирога он умял, не сморгнув и глазом, а потом всё поглядывал на кусочек Джейн, глотал слюнки да с ностальгией вспоминал волшебный сад.

Глава 12. Рандеву с ветром

— Кириэ Спиру, я, наверное, вас отвлекаю... — Женщина на пороге явно колебалась, а вид у нее был такой, словно через нее пропустили электрический разряд: прическа а-ля воронье гнездо, дрожащие руки, перекошенное лицо. Однако ее босс едва ли обратил на это внимание.

— Заходи, o fota mi![23] Для тебя у меня всегда найдется минутка, — Мужчина отложил бумаги, откинулся на спинку кресла и сплел пальцы в замок. — Как поживают наши поставщики?

Казалось, еще немного, и белокурая женщина лишится чувств. С трудом добравшись до шефского стола, она с тяжким вздохом рухнула на крутящийся стул и вперила в Спиру безжизненный взгляд.

— Мне стоило невероятных усилий отсрочить платежи и выпроводить этих кровопийц. На виноградных плантациях забастовка — рабочие чуть не сожрали меня живьем. Никак не угомонятся — требуют, чтобы им повысили жалованье. Да, к слову, с общественным транспортом тоже беда. Они все как стоворились!

— Ираклион переживает непростые времена, за чертой тоже бедствуют. Но мы с тобой как-нибудь выкарабкаемся. Кризис на то и кризис, чтобы его преодолеть, — сказал Спиру, качнувшись в кресле. — Рабочим я дам выходной, поставщики тоже не останутся в убытке. Вот увидишь, Люси, наш бизнес снова расцветет.

Тем же вечером, покончив с канцелярией, Люси покинула душный офис, чтобы побродить вдоль моря. Градусник во дворе показывал плюс пятнадцать, но что такое пятнадцать градусов тепла при непрекращающемся промозглом ветре? Поверх белого выглаженного костюма она накинула куртку, замотала шею шарфом, чтобы не подхватить простуду, и, сунув руки в карманы, двинулась к побережью через опустевший виноградник.

«Уж лучше пусть земля лежит невозделанной, чем на наши головы будут сыпаться проклятия, — думала она. — Пускай уж лучше мотыги простаивают в сарае, зато к нашему вину не примешается яд ненависти. А если понадобится, я и сама возьмусь за лопату».

Обыкновенно отдавая предпочтение конным прогулкам, на сей раз Люси изменила своей привычке. Покормив и расчесав скакуна, она решила не истомлять его сегодня и немножко пройтись пешком. С моря открывался чарующий вид на особняк Актеона Спиру, с его плантациями, конюшней и теплицами. А выше, на холмах, светились огни города, играли уличные музыканты и отдыхали в кофейнях критяне.

Мало-помалу Люси поддалась меланхолии: где-то там звенят струны, тешат свой слух горожане, а она на побережье одна, как перст. Там — радость и уют, а здесь — неизбывный ропот прибоя да завывания аквилона.

Ее взгляд невольно устремлялся к горизонту, где, на расстоянии многих миль от Ираклиона, лежал остров Авго, служивший в прошлом веке прибежищем пиратам и беглым каторжникам. Сейчас он по-прежнему пользовался дурной славой, и лишь отчаянные туристы осмеливались высаживаться на его берегах.

«Знай Актеон, кем я в действительности являюсь, у меня бы уже не было ни секретарской должности, ни крова над головой, — поёживаясь, думала Люси. — А сколько на Крите еще таких, как я! Не удивлюсь, если на службе у Морриса Дезастро состоит полгорода. Его притон разрастается, как гнилостная плесень, и, что ни год, находятся всё

новые и новые кандидаты, способные ради выгоды продать собственного отца».

Ход ее размышлений был прерван металлическим лязгом лодочной цепи, выброшенной на берег.

— Что, не сидится девице в господских покоях? — пошутил старик Аргос. — Тоже к морю тянет?

Непреодолимая страсть к просторам завладела Аргосом еще в юношестве, и с тех пор не прошло и дня, чтобы он не забросил в воды свою сеть. «Шторм рыбаку не помеха», — с хитринкой в глазах заявлял он, когда жена, крупная и отнюдь не сговорчивая гречанка, становилась со скалкой в дверях и принималась его отчитывать. Ему случалось ночевать в хлеву, на сеновале, а то и вовсе привалившись спиной к кирпичной кладке дома. Однако это ничуть не охлаждало его пыл, и он по-прежнему уходил в море с завидным постоянством.

Соседи нередко отпускали по этому поводу колкости и тонкие намеки, но Аргос оставался верен себе, своему призванию и придавал пересудам не больше значения, чем гордый олень сорочьей трескотне.

— Каждую пятницу, — прошепелявил старик, — я приплываю сюда, чтобы отведать метаксы [24] в городском кабаке, и каждый раз встречаю тебя. Уж не ходишь ли ты на randevу?

— Только если на randevу с ветром, — криво улыбнулась Люси. — Кстати, отсюда до Ираклиона путь не близок. Почему бы вам не высаживаться в бухте, что примыкает к городской границе?

— О, всё дело в том, что я, как и ты, люблю пройтись пешочком, по земельке. Земля и море для меня едины, они — две родины для моряка. А я, как знаешь, капитан в отставке. Вот эти кости, — ткнул он себе в грудь, — наполовину состоят из соли. В кругосветных путешествиях я грезил о земле, а как домой возвращался — целовал песок. Но стоило житейской тине затянуть меня, я вновь стремился к волнующейся, безграничной дали.

— Вы красиво говорите, — заметила Люси с грустью в голосе. — Я бы тоже хотела всё бросить и пуститься в далекое странствие, подальше от суеты и обыденщины. Мне так опротивела моя нынешняя жизнь! Иногда просто хочется получить хоть весточку из-за моря...

Старик хитро сощурился и обнажил в улыбке щербатый рот.

— Твоя весточка уже на подходе. Он скоро будет здесь.

— Кто «он»? — вздрогнула Люси.

— А то я не знаю, по ком вздыхают молодые, — прокаркал Аргос, и в горле у него забулькал неприятный смех.

Тут Люси вдруг почувствовала отвращение и к старику, и к его словам, но паче всего к себе. Отвернувшись, она тем самым дала ему понять, что разговор окончен. А тот вовсе и не возражал. Закрепив лодку у причала, он зашаркал к дюнам и вскоре скрылся из виду. Что ее так задело? Почему смутил ее этот смех? Неужто она действительно кого-то ждет? Неужто ждет е г о?

Парк Академии расцветился оранжевыми кляксами фонарей, а частые капли, как и прежде, танцевали в лужах да стучали по отливу. Ливень-барабанщик никак не желал угомониться — такого впору брать в оркестр Ла Скала.

Пристроившись в кресле у окна, Кианг мечтательно потягивала какао. Мирей скучала перед включенным телевизором, а Роза училась вышивать крестиком.

— Ой! — пискнула она, в очередной раз уколов палец.

— Я тебе говорила, возьми наперсток! — не выдержала Мирей. — И для кого вообще горит этот экран? — с раздражением добавила она, берясь за пульт.

— Стой, подожди! По программе, в семь часов будет двадцатая серия... ну, того сериала, который нравился Джейн, — смахнув слезу, попросила Роза.

— Ох уж мне эти сантименты! — сердито отозвалась француженка. — Посмотри, на кого ты похожа!

— А что не так? — подала голос Кианг, заворочавшись в своем кресле. — Друзей надо помнить. Даже если их с нами нет. Я вот жалею, что при крушении погибла такая великая любовь...

— О чем она говорит? — вскинула брови Мирей.

Китаянка с шумом втянула воздух и не менее шумно выдохнула.

— Удивительно, как быстро вы всё забываете! Разве история о Джулии Венто и человеке-в-черном столь незначительна?

— Пустые сплетни, не более того, — высокомерно отозвалась Мирей.

— Какие ж это сплетни, когда я видела собственными глазами! — разгорячилась та.

— В бреду еще и не такое привидеться может.

Кианг нахмурилась и бросила на француженку недобрый взгляд. Роза, которая никому не желала зла, вмиг очутилась меж двух огней.

— Ах, перестаньте, перестаньте ссориться! Я тебе верю, милая, — обратилась она к азиатке с нежнейшей своей улыбкой. — Но коль скоро персонажи уходят со сцены, то и сама сцена перестает что-либо значить... Для некоторых. А некоторым действие западает в душу. Для нас сей трогательный эпизод останется священным.

«Ветер западный, восемь метров в секунду. Переменная облачность, вероятны малочисленные осадки», — звенело портативное радио в кармане у Кристиана. За полдня путники пересекли несколько быстротечных речушек, миновали осыпную седловину и вышли на травянистый гребень, за которым тропа раздвоилась и повела к перевальному ручью. Там они сложили котомки, разбив небольшой лагерь. Вечерело. Франческо где-то раздобыл сушняка и, когда была изведена чуть ли не половина всех имеющихся в запасе спичек, на поляне заплясало пламя.

— Вот и славненько, — промурлыкала Джейн, приблизив руки к огню. — Хорошо погреться в дружной компании.

— Да уж, — успокоенно протянула Джулия. Лицо ее в отсветах костра казалось еще краше, чем при свете дня. В глазах трепетали неуловимо мерцающие искры, а волосы переливались медью. Кристиан поневоле засмотрелся на нее, и на ум ему пришли строки одного итальянского поэта:

Лесные дебри и громады гор,
Пещеры, недоступные для света,
Пугливая дриада, быстрый зверь...
Лишь там передо мной прекрасный взор,
Которым — пусть в мечтах — не то, так это
Мне наглядеться не дает теперь.

Джулию пронзило этим взглядом, как раскаленной стрелой. Она боялась пошевелиться, боялась сдвинуться с места, и, даже потупившись, ощущала магнетизм человека-в-черном.

«Не поддавайся, не поддавайся! — протестовало всё внутри — Провокация, искушение! Не поддавайся!». В какой-то момент ей захотелось просто встать и уйти; но, когда вокруг непроглядная тьма, а в нескольких метрах от стоянки крутой обрыв, далеко не уйдешь. Ее порядком раздражало столь явное внимание, какое обыкновенно туристы проявляют к музейным экспонатам, и потребность разрядить обстановку стала для нее более чем насущной.

— У вас плащ дымится, — без выражения заметила она. Реакция последовала незамедлительно: Кимура отпрянул от костра, словно бы тот кусался. Джейн не сдержала улыбки, а Франческо вздохнул с нескрываемым облегчением. Его, как никого другого, тяготило продолжительное молчание.

— Как будем устроиваться на ночлег? — поинтересовался он у Кристиана. — Я уже замерзаю.

— М-мне тоже зябко, — сказала Джейн, передернувшись.

— Если зябко, лучше вовсе не спать, — посоветовал Кристиан. — А завтра, глядишь, сойдем в долину.

— Сомневаюсь, очень сомневаюсь, — высказался Росси. — Нагорье — это вам не холмик какой-нибудь, с него играючи не прыгнешь!

— Вместо того чтобы философию разводить, давно бы уже подали сигнал бедствия, — с упреком вставила Джулия. — В школе выживания меня учили, что он должен быть тройным. Только тогда его поймут спасатели. Так что за дело, господа, пока вконец не окоченели!

— Тоже мне, раскомандовалась, — пробурчал Франческо, вставая со смятого рюкзака. — Пиротехникой не запаслись? Нет? А может, у кого-нибудь есть гирлянды, чтоб развесить их в буковой роще? Скоро ведь Новый год. Что, и гирлянд нет? Ну, тогда спета наша песенка!

Его неуместная ирония пришлась Джулии не по нраву, и та, вспыхнув, убежала к реке. Кристиан поспешил за нею, а Франческо посчитал себя обиженным, надулся, как мышь на крупу, и хоть бы слово вымолвил. Пришлось Джейн самой позаботиться о сигнале. Особого труда это не составило, и спустя полчаса на плато уже трещали три больших костра.

— Во мне дремал первопроходец, — с довольным видом сказала она, отдышавшись и скрестив на груди руки. — Может, на барсуков теперь поохотиться?

Из темноты доносились прерывистые рыдания, качались и скрипели деревья, да бурлила река. А по небу, застилая месяц, тянулись рваные лоскуты туч.

— Джулия, — позвал синьор Кимура. — Джулия, ты здесь?

Рыдания затихли, но где-то там, за горным выступом, она все еще продолжала всхлипывать.

Кристиан обогнул каменную громаду, на ощупь пробрался к руслу и оказался напротив Джулии, чей силуэт был едва различим на фоне чернильных монолитов.

— Ты продрогнешь, если пробудешь здесь долее, — сказал он как можно мягче. — Вернемся в лагерь.

Однако та не шевельнулась, несмотря на то, что у самой зуб на зуб не попадал.

— Мы все на пределе, — сказал Кристиан, обняв ее за плечи. — Даже Франческо городит окошечко.

— Чтоб ему пусто было! — со злостью бросила Джулия, вывернувшись из объятий. — Я не замерзну, оставьте меня!

Минуту-другую она постояла на ветру, после чего вновь ударилась в слезы, согнувшись пополам и сползши на землю по гладкой гранитной стене.

— Я не могу больше, я устала, устала! Бесполезные, бессмысленные блуждания, все усилия втуне. Этот поход с самого начала был ошибкой — нам ни за что не одолеть мафию!

Кристиану было недосуг выслушивать ее ламенты, поэтому он просто взял да и укрыл ее своим плащом.

— Что это? — удивилась Венто, поутихнув. — Греет!

— Здесь взаправду холодно, — сказал тот, потерев руки. — Как бы ты не заболела. Ну, пойдем уже, пойдем, — ласково и настойчиво проговорил он. Джулия подчинилась беспрекословно.

— Любопытный у вас плащ. Он будто с подогревом, — изумлялась она, переступая через камни и вересковые кочки, в то время как Кристиан шагал впереди, в одной только рубашке, которая едва ли могла защитить от переохлаждения.

— Да, в стужу этот френч генерирует тепло, но летом в нем тоже весьма комфортно, — подтвердил Кимура, поведя плечами. — В подкладку встроен специальный кондиционер. Техника!

— Однако разработчики не учли существенной детали, — заметила Джулия, запахиваясь поплотнее и вслед за ним углубляясь в буковую рощу. — Будь туда встроена хоть батарея, голову застудишь при любом раскладе.

— Действительно, в этом они оплошали, — усмехнулся Кристиан. — Попрошу их изобрести точно такой же капюшон.

Вдруг он насторожился.

— Слышишь? Слышишь этот звук?

— Oddio! [25] Не иначе, вертолет снижается! — воскликнула Венто. — А вон и костры! Глядите-ка, послушали моего совета! Может, я была несправедлива по отношению к Франческо...

— Франческо и палец о палец не ударил, да ты его не вини. Он и сам сейчас в расстроенных чувствах, — шепнула ей Джейн, когда они забрались в вертолет, чисто случайно пролетавший над плато и пришедший им на выручку. — Что поделаешь, некоторым не дано переносить суровые испытания природы, зато некоторые проявляют смекалку и не сдаются, какой бы сюрприз ни преподнесла им судьба.

Джулия закусила губу, вспомнив, как безвольно вела себя всего-то двадцать минут назад.

В кабину ввалился потный от усилий Франческо и принялся немилостиво ругать веревочную лестницу. Полный величественного спокойствия Кимура совещается с греческим пилотом. Грохотание винта в ночном небе, сидения с подлокотниками, яркие пятна прожекторов на поляне. Теплый плащ вместо одеяла... Чем не блаженство? Бугры и кручи позади, овраги, горы, реки, тропы. Конец утомительным переходам и сухим пайкам. Отныне не прельстят Джулию ни похождения альпинистов, ни восторги воздухоплателей, ни красочные отчеты последователей Амундсена. Теперь она знает цену мирной жизни.

Обсудив с летчиком маршрут, Кристиан возвратился в кабину экипажа. К тому времени Джулия уже задремала, и он, примостившись рядом, устало прикрыл веки. Какая огромная ответственность лежала на нем в течение похода! И какую легкость он почувствовал, когда их подобрал вертолет! Трое порученных ему учеников едва ли претерпели больше, чем он сам. Джейн отчего-то покашливает, Франческо всё возится с ремнем безопасности, а

Джулия... Сблизиться с нею ему так и не удалось, невзирая на то, что приключения, о которых он грезил, буквально столкнули их нос к носу. Пока она рядом, но это ничего не значит, ведь стоит ей проснуться — и между ними вновь развернется пропасть.

«Сейчас главное — миссия, — убеждал себя Кристиан. — Будем надеяться, Актеон проявит радушие и не заставит четырех путников обивать порог своей белокаменной виллы. Богачи бывают скупы, но уж он не таков. Сердце его, я верю, способно вместить куда больше, чем вмещают все комнаты его дома».

Сад тонул в неосязаемом море света, льющемся с небес, и, пребывая в этом море, Клеопатра ощущала невероятный подъем душевных сил. Аризу Кей с маленькими беженцами заменила ей семью, белая пагода — масайское каркасное жилище, а пагода-библиотека — с тех пор как африканка научилась читать — открыла перед нею двери в новые миры, со степями и горами, с канзасскими прериями и зелеными тропическими лесами. Книги хранительницы отличались от обычных земных книг тем, что могли в прямом смысле переносить читателя в такие уголки планеты, о каких заурядные туристы даже и не помышляют. Клеопатру эти книги приворожили, и если японка не заставляла ее за игрой с детьми, то, вне всякого сомнения, ее следовало искать в библиотеке.

«Плывете вы, например, по морю на плоту в компании попугая и пяти товарищей. Совершенно неизбежно, что в одно прекрасное утро, как следует отдохнув, вы просыпаетесь и начинаете размышлять» [26], — читала кенийка, уже представляя себя на бальзовом плоту в окружении кипящих волн. Вдруг огромная волна нахлынула прямо на нее, обдав холодом и намочив волосы, а по спине прокатилась огромная склизкая медуза. Горьковато-соленый вкус воды, ненадежная опора из древесных стволов под локтями...

— Милая, где ты это обнаружила? — вернул ее в действительность голос Аризу Кей. Та в недоумении покручивала в руках веточку сакуры, которую Клеопатра оставила на книжной полке.

— Ах, это? В беседке, на столе, — отозвалась африканка, подняв голову. С ее локонов медленно стекала вода. Аризу Кей нагнулась, собрала в ладонь немного жидкости и попробовала на вкус.

— Тихий океан? — полюбопытствовала она, взглянув на обложку книги.

— Угу, Тихий, — кивнула Клеопатра.

— Ну, читай, читай. Только не затопи мне тут всё, — улыбнулась хранительница.

— А почему, — неуверенно начала Клеопатра, — почему, когда Франческо читал, с ним ничего такого не происходило?

— Потому что он не углублялся, а лишь скользил по поверхности. Но если погрузиться на самую глубину, да еще с аквалангом, где вместо воздуха пуд воображения, тогда и волшебство проявится во всей своей силе, — И японка мелкими шажками направилась к выходу, хмуря свой ясный лоб и теребя рукав кимоно.

«Джулия забыла веточку, значит, свидеться нам удастся нескоро... Однако же рано отчаиваться. В моем распоряжении есть пуд воображения, и именно его пушу я в ход. Почему бы не послать телепортатор почтой? Пункт назначения мне известен, остается лишь пара нюансов».

Выступив на середину горбатого мостика, Аризу Кей возвела глаза к небу, расправила плечи и в секунду утратила свой человеческий облик. Упругим серебристым пучком света промчалась она через переплетенные ветви сакур и мерцающей точкой исчезла в бездонной

выси.

Те, кто видел ее перевоплощение, — а таких было лишь несколько малышей, соорудивших шалаш в кустарнике акации, — обомлели от страха, смешанного с удивлением.

— Она бросила нас? — пропищала девочка лет десяти, округлив глазки-бусинки.

— Вот еще! — отозвался мальчик посмышленнее. — По делам она полетела, только и всего. У волшебников ведь тоже дела есть.

— Значит, за нами теперь никто не следит? — обрадовался малыш-непоседа со смешным чубчиком на голове. — Айда к сосновому лесу! Всегда хотел узнать, что там, за ним.

— А ну-ка стоп! Даже не думайте об этом! — раздался измученный голос Клеопатры. Опутанную водорослями и мокрую с головы до пят, ее вынесло на порог красной пагоды невесть откуда взявшейся волной. Отфыркиваясь и отплевываясь, она держала в руках абсолютно сухую книжку о приключениях норвежского путешественника, и вид африканки производил на детей куда более устрашающее действие, чем ее слова. — Мне велено за вами присматривать, к тому же калитка на запоре. Так что идите, играйте, да чтобы тихо!

Когда дворик вокруг пагоды опустел, она перелистала страницы, желая убедиться, что текст не пострадал от воды. «Невозможно, — думала она, — чтобы простая фантазия могла натворить столько беспорядка!»

Тем временем над Средиземным морем занималось утро. Джулия спала, склонив голову Кристиану на плечо; черный плащ валялся где-то у нее в ногах. Франческо сопел и присвистывал, точно закипающий чайник, а Джейн, решив вести походный журнал, неразборчиво строчила у себя в блокноте.

— Приехали! — по-гречески объявил пилот, спрыгнув на посадочную площадку. Только сейчас Джейн рассмотрела его, как следует: спутавшиеся от ветра, темные прямые волосы; молодое совсем еще лицо, открытый и бесстрашный взгляд...

— Kalosorizma! [27] — сказал он, протянув ей руку.

— I... I don't understand,[28] — смутилась англичанка, однако тут же сообразила, что от нее требуется, и без колебаний воспользовалась предложенной помощью.

Джулия и Кристиан пробудились от дремоты почти одновременно и отпрянули друг от друга с такой силой, что, если бы не ремни, они непременно свалились бы с кресел.

— Вот, держите, — застенчиво проговорила Венто, подавая ему запачканный плащ. — М-да, изрядно я его по полу повозила.

— О, совершенные пустяки! — отвечал тот. — Эта ткань хороша тем, что ее не нужно стирать, — сказав так, он встряхнул френч и облачился в него, как ни в чем не бывало.

Оставалось растолкать Франческо, который упорно не желал просыпаться. Он отмахнулся от Джейн, пробормотал что-то нечленораздельное и перевернулся на бок, насколько позволяло жесткое кресло.

— Нет, кем он себя возомнил?! — воскликнула англичанка и взялась его тормошить. — Некогда в спячку впадать, эй, ты, лежебока!

Лежебока опять что-то промышчал, и стало ясно, что таким способом его вовек не дозовешься. Наконец подоспел с бутылкой минералки пилот, без зазрения совести вылил ее содержимое Росси на макушку и с невинной улыбочкой вручил итальянцу его вещи.

— Поливают тут всякие, — ворчал потом Франческо, плетясь по росистой траве. — Нет, чтобы подождать хотя бы пять минуточек! Непокладистый народ эти греки.

Джейн уже почти свыклась с мыслью, что не увидит Крит таким, каким изображают его на рекламных проспектах: страной лазурного моря и золотистых пляжей, щедрого солнца и оливковых рощ. В буклетах пишут, будто каждая пядь греческой земли дышит тысячелетней историей, а на деле от нее пахло сыростью да перегноем. Джейн впервые остро ощутила, сколь бесприютна она в этом мире: флаг старой доброй Великобритании последний раз трепетал для нее над лондонской ратушей, когда ей было двенадцать. Затем — переезд, странствования с родителями по Европе, бесконечные потери и лишения, не за горами смерть отца. Не вынеся горя, вскоре умирает и мать. К тому времени девочке исполняется шестнадцать, и ее раньше срока берут в Академию Деви. С тех пор она не смеет даже помышлять о том, чтобы навестить родину. Ее там не ждут.

Поездка на Крит — новый, неожиданный поворот в судьбе Джейн, и кто знает, какие рытвины поджидают ее на этом серпантине.

[23] мой свет (греч.)

[24] Метакса — греческое бренди

[25] Батюшки-светы! (ит.)

[26] Отрывок из повести Тура Хейердала «Путешествие на «Кон-Тики»»

[27] Добро пожаловать! (греч.)

[28] Я не понимаю (англ.)

Глава 13. Отравить Актеона

Приближалось лето. Декабрьское солнце Аргентины пекло невероятно, и Туоно, из-за отсутствия в номере кондиционера, плавился заживо, что, впрочем, отнюдь не умирало его гнева.

— Паршивый отель! Паршивое обслуживание! А тут еще эта скверная новость! Проклятье! — бушевал он, мотаясь по комнате и опрокидывая стулья. По каким-то лишь ему доступным каналам он узнал, что взрыв, так искусно и расчетливо подготовленный им взрыв, нисколько не навредил путешественникам, но даже, наоборот, поспособствовал их скорейшему прибытию на Крит. Он был в бешенстве и крошил всё, что попадалось под руку. Нужно было видеть, как изуродовал гнев его и без того непривлекательное лицо, как вздулись мускулы на его непропорционально длинных руках, какое звероподобное обличье принял он всего за несколько минут!

Аннет предпочла исчезнуть, не дожидаясь, пока очередь дойдет до нее. Выскользнув на улицу, она бросилась бежать по незнакомым ей улочкам, обмирая от ужаса при мысли об этом разъяренном орангутанге, о том, что случится, если Туоно ее настигнет. Но погони не было, и когда Аннет приостановилась, чтобы отдышаться, когда страх отпустил ее и она огляделась, она вдруг осознала всю свою беспомощность. Что это за город? Что за люди его населяют? И на каком языке с ними следует говорить? У нее не было ни гроша, ни даже черствой корки хлеба.

«Попала ты в переплет, теперь думай, как из него выпутаться».

Она затерялась где-то в центре городка, между музеем с невразумительным названием и рынком сувениров ручной выделки. Там было не продохнуть. Местные жители толклись и гомонили, из-за чего Аннет, которая сперва хотела устроиться на скамейке под навесом, вынуждена была изменить свое решение. Вдобавок ко всем бедам, к ней прицепился какой-то плохо пахнувший субъект и стал допекать своей болтовней. В результате, ей пришлось проделать два с лишним километра, чтобы от него отвязаться. Очувтившись вблизи от электростанции, мостом пролегшей между берегами, она принялась раздумывать.

«Мне нужны деньги, нужна карта и нужен друг, который помог бы сесть на самолет до Европы, — рассуждала она, кидая камешки в реку, чье название крутилось в уме, точно рулетка. — Парана, Парана... Я, конечно, была отличницей в школе и географию заучила назубок, но такого топонима что-то не припомню».

— Эх, хоть бы какой-нибудь ориентир, — по-французски пробормотала она.

— Вы приезжая? — любопытствовал некто у нее за спиной. Аннет стоило большого труда не соскочить тотчас с места и не пуститься наутек. Она уже вообразила, будто за нею пришел Туоно. Но зачем бы ему справляться, приезжая она или нет?

Обернувшись, она увидела перед собой человека лет тридцати, который галантно снял широкополую войлочную шляпу и обнажил зубы в блистательной улыбке. — Могу ли я быть вам полезен? — добавил он со смешным акцентом.

— О, благословенные небеса! — просияла Аннет. — Так вы говорите по-французски?!

— Отчасти, — прокашлялся незнакомец. — Мы с семьей бродячие артисты, — И он указал на группу людей неподалеку. Его жена — красивая смуглая женщина в цветастой юбке — не спускала с него глаз, а трое неухоженных ребятишек возились в траве. Четвертый, старший, настраивал мандолину и выглядел совсем как взрослый.

— Со мной приключилась такая нелепая история! — пожаловалась господину Аннет. — Меня привезли сюда против воли и держали взаперти, а потом я сбежала... Даже не позавтракав! — прослезилась она. — Скажите, это сооружение...

— Электростанция Ясирета, — перебил артист. — Но данный факт вряд ли вам что-нибудь даст. Идите лучше с нами, повыступайте немного, заработаете денег. У нас, в Посадасе, народ падок до зрелищ.

— Она? — поморщилась женщина, смерив француженку уничижающим взглядом. — Что она умеет?

Аргентинец перевел.

— Я? Ну-у, я... — И тут Аннет со стыдом поняла, что не умеет абсолютно ничего. Работа с центрифугой, смешивание реактивов, составление отчетов — разве ж это умения? В Академии как-то упустили из виду, что студентам нужно прививать не только профессиональное мастерство, но и навыки выживания. А иногда, чтобы выжить, требуется искусство, причем в буквальном смысле этого слова.

— Флейта! — брякнула она. — Я могу играть на флейте!

Жена аргентинца поджала губы.

— Нет, не годится, — сказала она по-испански и обратилась к старшему из мальчуганов: — Лионель, приведи-ка лошадь!

Тот отложил мандолину и бросился к кожаной, без единого гвоздя, повозке, какими в старину пользовались гаучо. За повозкой паслась гнедая кобыла, весьма безобидное, на первый взгляд, создание. Но Аннет, которая с детства недолюбливала лошадей, не посмела приблизиться к животному ближе, чем на метр.

— Aquí, [29] — не допускающим возражений голосом произнесла женщина. — Будешь скакать вниз головой, подымать с земли цветы и кидать их толпе.

— Estas loco?! [30]- возрился на нее отец семейства. — Она ведь не справится!

— Так что, задаром ее кормить? — перейдя на скандальный тон, возмутилась та. — Дармоедов нам только недоставало! Мы и вшестером-то кое-как перебиваемся!

Возразить на это ему было нечего, и он уступил, с тяжелым сердцем переведя для Аннет последнее распоряжение супруги.

— Что ж, выбирать не приходится, — измученно улыбнулась француженка, на минуту представив себе на месте лошади разъяренного Туоно.

«Нет, лошадь всё-таки лучше. С нею, по крайней мере, не нужно жить в одной комнате, и она не станет тягать тебя за волосы, если у нее вдруг испортится настроение. А цепкости, — Она пожимала кулаки, — у меня, небось, хватит».

В тот же вечер, под надзором Лионеля, она осваивала верховую езду. Переворачивалась в седле до боли в мышцах, рисковала пробороздить головой землю и после несчетного числа падений заработала мозолей на руках да краюшку белого хлеба Чимичурри.

«А ведь всё могло закончиться куда более плачевно, — думала она, сидя верхом на валуне, глядя на тихие воды реки и запивая свой скудный ужин. — Если так пойдет и дальше, скоро я насобираю денег на билет до Рима, а там и до Генуи рукой подать».

Актеон не вылезал из своего кабинета уже трое суток кряду. Он был прикован к креслу, точно к инвалидной коляске, и чувствовал себя соответственно. Обязанности по переговорам с клиентами и поставщиками были всецело возложены на плечи его служащих, а сам он разрабатывал проекты по вкладыванию средств, опасаясь, как бы его накопления не

пропали втуне.

«Кризис, — говаривал он часто. — А когда кризис, надо попотеть».

Люси позволяла себе читать Актеону нотации, называя его офисным пьяницей. А его пристрастие к сверхурочной работе сравнивала с наркотической зависимостью.

— Вся жизнь ваша, — говорила она, — пролетит мимо, а вы этого даже не заметите. Поймите, не в бумажках счастье!

Тот отмахивался, отшучивался и просил не мешать, будучи уверен, что без знания финансовой статистики и экономики успеха в этой жизни не достичь. А что ж такое счастье, как не успех?

В общем, Актеон погрязал в отчетах и таблицах, когда на пороге его кабинета возник секретарь:

— Кириэ Спиру, разрешите доложить! К вам четверо. Первый назвался Кристианом Кимура. Велите пропустить?

— Кимура?! — переспросил тот, роясь в памяти. Минуту он оставался неподвижен, а рука с авторучкой так и зависла в воздухе. С проверкой документов можно и повременить, когда к тебе из-за границы нагрянул старый друг.

— Пропусти, конечно! — очнулся Спиру. — Сколько, ты говоришь, с ним человек?

— Еще трое.

— Так передай поскорее горничным, чтоб организовали для гостей лучшие покои и накрыли стол в каминной зале. На шестерых!! И куда подевалась Люси? Когда она нужна, ее вечно где-то носит!

Люси, между тем, скакала верхом впереди кавалькады мужчин и женщин, объезжавших своих лошадей, и, несмотря на хмурое небо, была весела и беззаботна. Поравнявшись с виллой шефа, она шутя отдала приятелям честь и спешила. Кристиану надолго запомнился тогдашний ее образ: кожаные лаковые сапоги, серые бриджи, приталенный редингот, шлем с выбивающимися из-под него светлыми волосами, ясная улыбка...

— Я ждала тебя! О, как я тебя ждала! — воскликнула Люси, бросившись ему на шею.

— Я тоже рад тебя видеть! — сдержанно улыбнулся Кристиан. — Как ты изменилась с тех пор! Ты никогда не писала, что увлекаешься верховой ездой.

— А ты? На кого ты стал похож? Весь в черном, словно каждый день похороны. И где былой задор в глазах, а, монах-иезуит? Признаться, я удивлена. Неужели у вас в Академии такие строгие порядки?

— Нет, совсем нет. Просто людям свойственно меняться. Но давай не будем об этом. Если Актеон меня не забыл, то, полагаю, в доме сейчас жуткий переполох.

— Могу поручиться, ему теперь не до офисной рутины, — подмигнула Люси. — Ты, мой дорогой, настоящее спасение для нас обоих. Последний раз я была в отпуску... дай-ка подумать... в позапрошлом году. Да-да! С тех пор как начался кризис (пропади он пропадом!), мне никак не удается взять перерыв. Даже в выходные работаем! А по четвергам, — понизила она голос, — я выезжаю на остров.

В это время парадная дверь отворилась, и слуга жестом пригласил всех в дом. В процессе диалога Франческо стоял, словно его загипнотизировали, и слушал с отвисшей челюстью. Пришлось Джулии его толкнуть, чтобы он соблаговолил пройти. Сама она и виду не подавала, что сконфужена. А сконфужена она была чрезвычайно и в высшей степени заинтригована. Кто эта женщина? Какое отношение имеет она к синьору Кимура и, главное, не кроется ли за этими дружескими приветствиями куда более сильное чувство?

«О, разумеется, мне глубоко безразлично, что они значат друг для друга, но всё же, — думала Джулия, — не стоит пренебрегать тем фактом, что знакомы они очень и очень давно».

Их проводили в притененную гостиную с бежевыми гардинами на окнах, алебастровыми подсвечниками над камином и отцветшей в углу фуксией. Джейн всё не могла налюбоваться на лепнину вокруг люстры, а Франческо подсел поближе к камину, который в зимне-осенний период топился непрерывно, и принялся греть руки, время от времени поглядывая на гобелены, коими здесь были увешаны все стены. Люси убежала переодеваться.

— Добро пожаловать! Будьте как дома! — прогреготал Актеон у Кристиана над ухом, и тому безотчетно захотелось встать на боевую изготовку.

— Дружище, ты ли это?! — изумился Кимура. — Сколько воды утекло с тех пор, как мы катались на твоей яхте!

— И без спросу угоняли крайслер моего отца!

— Где он теперь?

— Отец? На пенсии, в Афинах. Снимает с мачехой пентхаус и потихоньку тратит состоянье. Ну, а как ты? Открыл какой-нибудь бизнес? Или подался в науку?

— Я репетитор, — соврал Кристиан. — Даю частные уроки, плюс ставка в био-медицинском институте.

Актеон сдвинул брови к переносице.

— Неприбыльное это дельце. Лучше бери пример с меня. Все умные люди рано или поздно становятся предпринимателями. Азам я тебя обучу без проблем. И главное — бесплатно! Ну, что скажешь?

— Обязательно подумаю над твоим предложением, — примирительно отозвался Кимура. — Вот честное слово.

— Узнаю этот тон, — с недоверием ухмыльнулся грек, и Джулия увидела, как дернулась черная щетка его усов. — Точно так же мальчишкой ты отказывал мне, когда я зазывал тебя в ночные клубы... Ах, что-то лакеи медлят. Им давно пора сервировать стол, — Он нетерпеливо потопал ногой по паркету. — Да, отчего ж ты не представишь мне своих спутников?!

— С удовольствием представил бы, но они не знают греческого.

— Не беда! Объяснюсь с ними на английском, — сказал Спиру, уткнув руки в бока и выпятив грудь.

При разговоре с Актеоном Джейн не знала, куда себя деть, и держалась, как на допросе во вражеском стане. Она боялась сболтнуть что-нибудь такое, что пошатнет «легенду» Кристиана о ставке в генуэзском институте, и путалась в элементарных вещах.

Зато Франческо за словом в карман не лез, отвечал пространно и мог сам кого хочешь запутать. Вдобавок, он не преминул поинтересоваться у грека качеством местного питания, ценами на товары и рождественскими традициями, чем привел его в совершеннейший восторг.

— Ну, этот далеко пойдет, — довольно потирал руки Спиру. — Хозяйственный парень.

С Джулией всё обстояло гораздо сложнее. От волнения она спотыкалась чуть ли ни на каждом слове, ее английский хромал на обе ноги, и Актеону стоило немалых усилий добиться от нее вразумительного рассказа. С горем пополам выяснили, какую она заканчивала школу; а когда приступили к ее научным предпочтениям, подоспели горячие

блюда. Спустилась к трапезе Люси, надевшая по торжественному случаю самое дорогое свое платье, расточавшее запах не менее дорогих духов, на которые у Франческо внезапно началась аллергия.

— Апчхи! — раздражался он. — А-апчхи!

Люси, меж тем, мило беседовала с Кристианом, а Актеон слушал краем уха да не забывал жевать.

— Надо обязательно познакомить тебя с нашей кошкой, — говорила она. — У нее уморительные повадки!

— Апчхи! — чихал Франческо. И Люси, не переставая кокетничать, мимоходом отмечала, что, если кто-нибудь чихает, это доброе предзнаменование. После чего принималась описывать Кристиану какую-нибудь потешную историю из своей жизни. Тот стал уже опасаться, как бы у него не разболелась голова.

— Да утомнишься ты когда-нибудь, трещотка?! — благодушно громыхал Спиру, сидевший напротив. — Понимаю, соскучилась, но ведь беспрестанными разговорами гостя и в гроб свести можно!

Люси, однако, не придавала его возгласам никакого значения и продолжала распространяться на несущественные темы, даже когда внесли напитки. Свой бокал она опорожнила не глядя, тогда как стакан Актеона пребывал под ее пристальным вниманием. Одновременно она умудрялась вполголоса делиться с Кристианом своими соображениями по поводу повышения налоговой ставки.

— Как?! Вы любите молоко?! — изумился Франческо, едва Спиру притронулся к напитку.

— Ну, а что тут такого, парень? Что особенного в молоке?

— Просто... Просто, я думал, — замялся Росси, — что греки отдают предпочтение винам и кофе.

— Э! Так я ведь не стопроцентный грек! — расхохотался Актеон, хлопнув себя по коленям. — Я ведь наполовину русский! А у русских в жилах молоко и мед, — пошутив так, он прильнул к краешку стакана.

Джулия, которая сперва повесила на него ярлык зануды и педанта, осознала, как заблуждалась на его счет. Взыскательный, слегка вспыльчивый, быть может, зато какая душа!

— Тьфу! Тьфу! Что за дрянь вы мне налили, сударь?! — гневно обратился он к слуге, отплевавшись без малейшего стеснения. — Это ж не молоко, а хлористый кальций! Если наши козы наелись полыни, впредь пасите их на другом участке. Но чтоб не было больше такого!

— Что вы, хозяин! Я лично проверял это молоко. Оно свежайшее и вкус имеет отменный, — развел руками официант. — Позвольте, я попробую...

Человек-в-черном был начеку, и не успел еще слуга осуществить свое намерение, не успел он сообразить, что к чему, как и стакан, и его содержимое очутились на полу. Кимура с облегчением спрятал бесшумный пистолет в карман.

— Как?! Ты выпустил пулю? Но зачем?! — изумился Актеон. — Разве непонятно, что молоко прогоркло? Прогоркло, только и всего! А ты чуть не продырявил моего официанта.

— Я бы не продырявил его. А вот выпей он твою полынную отраву, вокруг него уже суетились бы врачи. Ты-то сам лишь пригубил, но стоило тебе проглотить хоть каплю, и «Прощай, дружище! Вечная память!».

— Уж не хочешь ли ты сказать, что меня пытались убить? В собственном доме?! — вскричал грек, выскочив из-за стола и нечаянно ушибив табуретом слугу, собиравшего осколки. — Живу тихо, никого не трогаю. С чего бы им от меня избавляться? — плаксивым голосом спросил Актеон.

— Кому «им»?

— Ой, да не имел я в виду никого конкретного! — отмахнулся Спиру. — Вырвалось! «Ага, вырвалось. Держи карман шире!».

Кристиан вынужден был сдаться. Ничто так не вредит человеку, как его нежелание вникать в реальное положение дел. «Рано или поздно «они» — те, о которых ты упомянул, — заставят тебя снять розовые очки, — подумал Кимура. — Главное, чтоб не оказалось слишком поздно». Он взглянул на Люси: та сидела как неживая, как игрушка, у которой кончился завод. Теперь ее внимание было целиком приковано к луже, разлитой на полу.

— Ой, Электра! — вздрогнула она, когда с подоконника спрыгнула пушистая трехцветная кошка. Пока официант бегал за тряпкой, Электра слизала всё подчистую.

— Это с ней ты хотела меня познакомить? — поллюбопытствовал Кристиан. — Хорошая кличка.

Вместо ответа Люси пробормотала только: «Сейчас окочурится», — и ее предсказание не замедлило осуществиться. Животное забилося в предсмертных конвульсиях, после чего затихло и уж больше не двигалось.

— Электра, кисонька! Что с тобой? — испугался Актеон, который никак не мог поверить, что в его молоке содержался яд. — Кто-нибудь, — взмолился он, — позовите же ветеринара!

Вскрытие показало, что яд был крысиный, причем концентрация его во много раз превосходила смертельную дозу.

— Действовал явно не профессионал, — поделился заключениями Кристиан. — И под подозрение попадает практически каждый. Ты уже опросил слуг, Актеон?

Грек тяжело вздохнул:

— Опросил. Чисты они. Ксантия, кухарка, едва прознав о случившемся, ударилась в слезы. Она мне как мать родная. А Николете вчера исполнилось семнадцать. Простушка она, зла никому не желает. Остается секретарь, но он в городе, по поручению, а официанта, Джонаса я в расчет не беру. Он сам чуть не отправился к праотцам.

— А я? — выступила вперед Люси. — Отчего ты не допросишь меня?

Актеон нахмурился и взял ее руку в свои ладони.

— Я доверяю тебе больше, чем кому либо. Ты знаешь все мои тайны, все мои слабые места. Разве могу я усомниться в твоей добропорядочности?

— Ты прав, прав, — сказала Люси, успокоившись. — Я бы не отважилась на такую гнусность...

«... При свидетелях точно бы не отважилась, — подумал Кристиан. — А втихомолку — вполне. Но не тревожься, дорогая Люси. Я догадываюсь, откуда исходит приказ. И я приложу все силы, чтобы сохранить жизни вам обоим».

Едва ли он представлял, насколько трудно помешать волчице расправиться с ягненком, да так, чтоб не убить волчицу, а лишь обезоружить ее. Что может отрезвить Люси? Какие угрозы, какие доводы? Ведь Кристиан и сам порядочно завяз. Если Моррис пока и не знает о его пребывании на Крите, то очень скоро Туоно телеграфирует «крестному отцу», и сезон

охоты на человека-в-черном объявят открытым.

Собака тянула поводок с невероятной прытью, поэтому Кианг только и оставалось, что скрежетать зубами да упираться ногами в землю. Жребий по выгуливанию колли сегодня достался ей.

— Угомонись, тварь! Из таких, как ты, у меня на родине готовят шашлыки, — злилась она, когда ее нагнала раскрасневшаяся Мирей, потрясая студенческой газетой.

— Вот, читай! Они живы, жи-и-и-вы!

— Кто жив?

— Синьор Кимура, Джулия и Джейн! И Франческо, конечно, тоже. Целехоньки! Ух, счастье-то какое! — Расцеловав оторопевшую китайку в обе щеки, она потрепала пса по ушам и убежала вперед.

— Сумасшедшая, — буркнула Кианг. — Мертв у них кто, жив — какое мне до этого дело?!

Чуть не столкнувшись с Розой, которая рисовала пейзаж на парковой поляне, Мирей обняла ее, да так крепко, что у той даже дыхание перехватило.

— Радуйся, солнце! Они на Крите, все вчетвером!

— Как? Не может быть! — воскликнула Роза и выронила палитру. Минуту спустя они с Мирей кружились в танце, взявшись за руки.

— Сегодня утром, — кричала Мирей, — из Ираклиона пришло письмо! Где бы ни был теперь Туоно, он им не навредит!

— Надо сообщить эту новость Лизе! Ты ее видела?

— Она у Донеро! С тех пор как он вернулся, ее от учебников за уши не оттащить!

Прибыв в Академию, Донеро со всей ясностью осознал, что, если он расскажет директору о саде сакур, тот примет его историю за фарс, а может, и вовсе посчитает плодом психического расстройства. Поэтому географ не нашел ничего лучше, чем соврать, будто бы он прыгнул с парашютом и что судьба остальных ему неизвестна.

А Лиза, хотя и знала правду, открывшуюся ей в Зачарованном нефе, не решалась опровергать версию учителя, поскольку не могла быть абсолютно уверена в том, что путешественники благополучно достигли цели.

Сейчас она сидела над контурными картами, чиркая в них карандашом и изводя географа вопросами.

— А что это за точки? И почему они не отмечены в атласе?

— Это не точки, милая ты моя, а острова Клиппертон, — начиная терять терпение, объяснял Донеро. — Коралловое кольцо с единственным в Тихом океане источником пресной воды. В твоём атласе больно мелкий масштаб. Здесь не то, что острова не отыщешь, здесь и горных цепей-то половина отсутствует! Возьми-ка лучше мой, — И он подал ей увесистый зеленый альбом, изданный еще до Второй мировой войны.

— Скажите, учитель, а не жестокость ли с моей стороны утаивать истину от подруг? — подала голос Лиза из-за огромного атласа, заслонившего ее с головой. — Ведь они более, чем кто-либо, достойны знать, что их товарищи не погибли.

— Нет, отнюдь не жестокость. Необходимость, моя дорогая, — отозвался Донеро. — Мера предосторожности, если хочешь. Твои подруги сплетницы еще те, особенно китайка. С нею вообще следует быть бдительным. Да-да, и не смотри на меня так, — строго добавил он в ответ на вопросительный взгляд Лизы. — Я составил себе примерное представление об

этой дикарке, наблюдая за ней в подзорную трубу. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она за фрукт. Достаточно вспомнить, что именно она раззвонила на всю Академию о романе... кхм, обойдемся без имен. Поэтому-то я убедительно прошу тебя не делать секретную информацию достоянием общественности, что, несомненно, произойдет, если информация эта коснется ушей Кианг. Сам же я предпочитаю не вставлять никому палки в колеса и полагаю, что синьор Кимура оповестит коллег о своем приезде на Крит в тот день и час, когда сочтет уместным.

В продолжение всей сентенции Лиза честно пыталась сконцентрироваться на карте, но мысль ее невольно обращалась к той сцене, вокруг которой студенты раздули целую интригу. Что в действительности произошло между Джулией и человеком-в-черном? И что происходит между ними сейчас?

Джулия и сама рада была бы получить ответ на этот вопрос, но, сколько ни напрягала она ум, сколько ни призывала на помощь рассудок, приходила лишь в большую растерянность. Был ли тот поцелуй свидетельством импульсивности Кристиана или же выражением по-настоящему глубокого чувства? И что удерживает ее от встречного шага? Их разделяет какая-то непреодолимая преграда, и виной тому уж никак не синьор Кимура. Джулия неотвратно осознаёт, что готова бежать за тридевять земель, лишь бы только не отдаться в плен всепоглощающей страсти. И хотя покушение на Актеона позволило ей немного отдохнуть от внимания человека-в-черном, она очень опасается, как бы тот не возобновил свои попытки наладить с нею контакт...

— Видела, какое выражение лица было у Люси, когда кошка сыграла в ящик? — с видом заправского сыщика спрашивал Франческо, в то время как Джейн шарила по стене в надежде добраться до выключателя.

— Ну, и что особенного было в выражении ее лица? Я бы тоже огорчилась, случись такое с моей кошкой.

— Да нет, ты не понимаешь! Она вовсе не выглядела убитой горем! Ее как будто взяла досада, что яду наглotalся питомец Актеона, а не сам Актеон.

— Не мели чепуху, — раздраженно сказала Джейн, щелкнув выключателем. — О, а комнатка что надо! За отсутствие вкуса хозяина не упрекнешь. Хорошо же мы с Джулией здесь устроимся!.. А Люси мне показалась весьма приятной. К тому же, она красавица, а красавицам убивать не пристало. Это из-за них и драки устраивают, и глотки перерезают.

— Так-то оно так, но я, в отличие от тебя, более зоркий. После покушения Люси вся сжалась, сугулилась, как если бы хотела защититься. Держу пари, что, если бы у нее был панцирь, она бы непременно в него спряталась.

— А по-моему, это ни о чем не говорит, — пожалала плечами Джейн.

— Обывателю не говорит, а вот профессионалу... — И Росси с чувством собственной важности вздернул подбородок.

— Кто профессионал? Ты?! — покатила со смеху Джейн. — Животики надорвешь! А-ха-ха-ха! Шерлок Холмс недоделанный!

— И почему без сертификата никого не воспринимают всерьез? — обиделся Франческо. — Знаешь, сколько я детективов прочел? Тебе столько и не снилось!

Осмеянный, но убежденный в своей правоте, он гордо удалился из комнаты, тогда как Джейн всё не могла уgomониться и хохотала до самого прихода Джулии.

— Судя по физиономии нашего непризнанного гения, ты задела его за живое. Я

угадала? — поинтересовалась та с порога.

— Непризнанного гения? — удивилась Джейн, переведя дух. — Он и близко на гения не похож.

— Я столкнулась с ним в коридоре, и он что-то бормотал о бисере и о свиньях, — осторожно сообщила Венто. — Вы повздорили?

— Ничего личного. Просто я сморозила глупость, — призналась англичанка.

— Ну, смотри: теперь будет злиться на тебя до второго пришествия, — хихикнула Джулия, опершись рукою о тумбу у входа.

...Несколько месяцев спустя она практически в такой же позе и на том же самом месте доказывала подруге, что ни одно лекарство в мире не обладает столь благотворным действием, как свежий воздух и цветочные ароматы.

— Ты, — говорила она, — валяешься с температурой третьей сутки, комнату не проветриваешь, окна у тебя зашторены. А на улице весна! Весна!! Если хочешь пойти на поправку, советую не откладывать с принятием солнечной ванны.

— Угу, — вяло откликнулась Джейн, высовывая нос из-под одеяла. Она подхватила грипп незадолго до дня рождения Актеона, на которого к тому времени было совершено еще три неудачных покушения. И хотя Франческо по-прежнему склонялся к мысли, что здесь замешана Люси, озвучивать свои догадки он больше не решался. Будучи личностью легкоранимой и злопамятной, он дулся на оскорбление Джейн — немислимое, по его мнению, оскорбление, — до самого Рождества. А там его затянули праздничные хлопоты, покупки, знакомство с заведующим лабораторией, куда Спиру поставлял оборудование и реактивы. Эту биохимическую лабораторию в центре Ираклиона грек порекомендовал Кристиану из самых лучших побуждений, сославшись на высокоразвитую экспериментальную базу и массу научных проектов. Ни он, ни его помощница не догадывались о настоящей цели экспедиции, и Люси преспокойно продолжала химичить с ядами, флиртовать с человеком-в-черном и вести бухгалтерию Актеона, под ёлкой которого, наутро после Рождества, обнаружилась коробка отравленных конфет, отравленная свеча и мужской одеколон с примесями нервно-паралитических средств.

Очутившийся поблизости Кристиан сгреб подарки в охапку и, ни слова не говоря опешившему греку, отнес их на экспертизу. Теперь экспертизе подвергалась даже пыль на ночном столике Актеона.

Скоро Кимура научился безошибочно узнавать почерк преступлений Люси, жертвами которых чаще всего становились либо домашние питомцы, либо слуги. Ужасная смерть семнадцатилетней Николеты, случайно выпившей предназначавшийся Актеону сироп, вызвала в особняке небывалую суматоху: большинство служащих разбежалось кто куда, и только старая кухарка да управляющий преклонных лет пожелали остаться. Бизнес Спиру стремительно пошел под откос.

Несмотря на провалы, Люси и не думала унывать, обещая себе, что в ближайшем будущем непременно разделается с хозяином особняка. Зла на Кристиана она не держала, а тот с удвоенным усердием доискивался причин, по которым ей было выгодно устранить Актеона.

[29] Вот (исп.)

[30] Ты в своем уме? (исп.)

Глава 14. Заколдованная

Кристиану было куда отрадней думать, что Люси действует по указке Морриса, нежели по собственной инициативе, а потому серьезный разговор каждый раз откладывался на неопределенный срок. «Припереть ее к стенке? — думал Кимура. — Нет ничего проще. Не что, если она сознается? Что, если Моррис тут ни сном ни духом?»

Кристиан боялся разочароваться.

— Когда ты, — спрашивал он за чашкой кофе, — отвезешь меня в штаб? Я бы хотел лично засвидетельствовать Моррису свою признательность.

— Если он не пожелал открыть тебе места своего пребывания, разве посмею я это сделать? — отвечала Люси, искоса поглядывая на него.

Нет, ему решительно не удавалось выведать у сообщницы ничего толкового. О расположении мафиозного логова он знал лишь из ее слов, да и то поверхностно. Точные координаты, пароли, условные знаки — всё это от него благополучно утаивалось. Люси предпочитала не рисковать своей головой, понимая, чем может грозить послушание запретов «крестного отца». Однако и выслуживаться она не спешила. Ей были до отвращения противны льстивые угодничества пособников Дезастро, и она вернее согласилась бы вонзить кинжал себе в сердце, чем изображать перед кем-либо раболепную покорность. Впрочем, сердце ее и без того уже было пронзено.

Она по-прежнему продолжала приводить в исполнение свой план и безнаказанно вершила злодеяния до тех пор, пока кухарку, как главную подозреваемую, не увезли в тюрьму под вой сирены. В тот же день Кимура остановил Люси в безлюдном коридоре, твердо намерившись если не прочитать ей мораль, то, по крайней мере, вынести ультимативное предупреждение. Однако проявить характер ему так и не удалось: воспользовавшись моментом, она бессовестно обвила руками его шею и поцеловала прямо в губы. Негодованию Кристиана не было границ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А Люси так или иначе пришлось выйти из игры, поскольку после ареста кухарки в доме больше не на кого было повесить обвинение в убийстве. Разве что на управляющего. Но у него была отменная репутация и столь строгие принципы, что Актеон скорее отдал бы палачам свою «верную» помощницу, чем позволил бы себе усомниться в честности дворецкого.

— Поверни вправо, раскрой пошире, — по-деловому командовала Джулия, которой было лень залезать на подоконник, чтобы отворить огромное, на полстены окно. Этой проблемой она озаботила Франческо. И тот, кряхтя от натуги и проклиная все окна на свете, сражался с навороченным механизмом. Джейн лежала пластом, с влажными от слез глазами, руками под мрамор и температурой под сорок.

— Ну, уж если и к ее болезни руку Люси приложила, то не ровен час, мы перемрем друг за дружкой, как мухи, — мрачно предсказывал Росси, возясь со шпингалетом.

— Вот заладил, — отвечала Джулия. — С чего ты вообще взял, что убийца Люси?

— Интуиция, — глухо пояснял Франческо.

— А по-моему, наша Джейн просто подхватила вирус.

— Вирус?! Ой-ой! — вскричал Росси, чуть не полетев с подоконника кувырком. —

Почему меня не предупредила? Я бы... Меня в эту комнату и силком бы не затащили!

— Эгоист, — безапелляционно заявила Джулия, прислонившись к притолоке. Она поглядывала то на изнемогающую от жара Джейн, то на гардероб возле двери, и ее явно раздирали противоречия.

— Эй, не вздумай дезертировать! — испугался Франческо и повис на оконной раме. — С больной должна сидеть ты, а не я! Слышишь?

Но та уже нахлобучила на голову свою широкополую зеленую шляпу и, привстав на цыпочки, шарила на антресоли в поисках калейдоскопа, который Аризу Кей прислала ей на Рождество вместе с веткой-телепортатором и короткой поздравительной запиской.

— Всё, меня нет. Ты меня видишь, но меня здесь нет. Салют! — С такими словами Джулия упорхнула на волю.

— Вредина, — процедил Франческо, и у него из ушей чуть не повалил пар. Его подло обрекли на то, чтобы остаток дня провести у кровати Джейн. — Я тебя лечить не буду, так и знай, — на всякий случай сказал он и почти безотчетно приложил ладонь к ее лбу. — Ой, а ведь жар-то усиливается! — встревожено заметил он. — Ладно, ты лежи, а я сейчас. Я мигом!

И Франческо ринулся за дверь, да так, что только пятки засверкали. «В холодильнике на кухне, — судорожно думал он, — наверняка есть какие-нибудь таблетки. А если не таблетки, то порошки. Только б вода не была отравленной...»

По дороге на улицу Джулия едва не натолкнулась в коридоре на «сладкую парочку», когда Кристиан пытался вырваться из цепких объятий Люси. Сделав вид, что ее это не касается, Венто проشمгнула мимо, поставив обоих в нелепое положение. Кристиан пробормотал скомканное оправдание, Люси часто заморгала, и в итоге они разошлись, подавленные и рассерженные. Вернее, это Кимура был подавлен и рассержен, а Люси, несмотря на неловкость, светила, как отполированный чайник.

«Ну, а мне-то что? — думала Джулия, сбегая по ступенькам в розарий Актеона. — Какая мне разница, что там между ними вспыхнуло или погасло? Моя радость — в километре отсюда, с плывущими над головою облаками, с жужжанием шмелей в душистой траве, с пространством в тысячи акров». Она мчалась на луг, а теплый ветер задувал ей за воротник, свистел в ушах и ерошил волосы. «Весна! Весна!» — пело всё внутри. «Весна!» — заливались птички в кустах олеандра.

Ей в лицо пахло эбеном и чабрецом. Она остановилась... и шагнула в океан зелени и цветов, в иную вселенную, пестреющую мириадами оттенков, искрящуюся крыльями бабочек и стрекоз, звенящую перепевами жаворонков, полнящуюся гудением жуков и пчел.

Она вдохнула полной грудью, вдохнула так, как будто вынырнула на поверхность воды. Так, как вдыхала каждый день после душной лаборатории, после утомительных экспериментов и не менее утомительных чаепитий в доме Актеона. Последнее время и ее, и Франческо стали угнетать нудные и бессмысленные разговоры в гостиной, однообразие, с каким Актеон повествовал о прежних своих успехах и жалел о крушении бизнеса. У него созрел новый план: он вложит средства в больницы и детские дома, он посадит на плантациях табак, он продаст часть своих имений на севере Крита... Его многословные рассуждения нагоняли на Джулию тоску.

Она расстелила под собою кофту, улеглась на нее, чтобы не запачкать волосы, и устремила взгляд в бездонную синеву.

«Как же хорошо, как привольно!» — думала она, медленно втягивая носом почти

осязаемый воздух — так он был ароматен. Вдали от шума и суеты, вдали от срочных заданий и пустых разговоров... Ее окутывала нега.

Она приставила к глазу калейдоскоп, повертела так и эдак. Аризуну Кей изобразила на корпусе скрепленные печатями свитки, карты первых мореплавателей, компас и лупу, а в узорную камеру поместила янтарные звездочки, сердоликовые крупинки, изумрудные полумесяцы и голубые колечки аквамарина.

«А ведь я могу хоть сейчас отправиться к хранительнице в сад, — подумалось Джулии. — И Кристиан не станет меня преследовать, как делал это всего месяц назад. Конечно, в саду он обучал меня каллиграфии и боевым искусствам, в которых я весьма преуспела... Но порой так хочется побыть в одиночестве, и сейчас это «порой» случается всё чаще. Если синьор Кимура переключил свое внимание на Люси, тем лучше. Я наконец-то могу почувствовать себя свободной...».

С тех пор, как Франческо размахивал топором, рубя пресловутое рождественское дерево на мелкие поленья, с тех пор, как Джейн на пару с Люси распевала песни у камина, с тех пор, как были вручены подарки и зажжены ароматические свечи, прошла, казалось, вечность. Попав в дом Актеона, друзья словно забыли о своей миссии. И розыски мафиозного убежища к весне не продвинулись ни на йоту. Отчасти из-за того, что Кристиан был втянут в расследование преступлений, потрясших виллу, а отчасти из-за уроков греческого и лабораторных занятий, которые отнимали драгоценное время и которые из троих студентов не жаловал никто. Прибавить сюда болезнь Джейн, бездействие Джулии и, как она подозревала, увлечение Кристиана помощницей грека — и можно смело составлять отчет о том, почему операция по обезвреживанию мафии потерпела фиаско.

Но если оттепель на Крите и расхолаживала, то в волшебном саду, где всегда стояла одна единственная пора года, о миссии помнили и не уставали напоминать Джулии. Хранительница утверждала, что еще немного — и сад лопнет, как ореховая скорлупка, а Клеопатра делала такой жалостливый взгляд, что сердце кровью обливалось.

— Число спасенных детей, — говорила она, — растет не по дням, а по часам. И у меня попросту не хватает энергии, чтобы за всеми уследить.

На летучем острове Аризуну Кей уже нельзя было расслабиться, как прежде: то тут, то там из-за ствола или в зеленой листве возникала черная мордашка, виднелась пара смысленных глаз или чей-то любопытный носик. И постоянно слышалась возня: кто-то сколачивал себе домик, кто-то рыл лопаткой землю, а кто-то карабкался на вишню.

— Ни одно волшебство с ними не совладеет, — качала головой японка, и Джулия возвращалась на Крит в самом мрачном расположении духа.

«Сегодня, — думала она. — Сегодня я освежу память Кристиана». Но каждый раз у нее на пути вставало какое-нибудь препятствие, и только проницательный Франческо видел, кто ко всему этому причастен.

— Люси здесь постаралась, я уверен. За нею нужен глаз да глаз, — глубокомысленно говорил он. — Руку даю на отсечение, скоро она себя покажет!

И нет, чтобы остальным последовать его примеру и приступить к слежке за этой эксцентричной особой!

Но Джулия слежкам предпочитала поля и луга, а Джейн, по-видимому, доставляло удовольствие валяться с температурой. Кристиан же вышел из строя по необъяснимым причинам, и теперь от него было не больше толку, чем от дворецкого: он вроде бы и присутствовал при разговорах, но витал где-то в своих мыслях. От него, может, и исходили

мудрые замечания, но, как поется в известной французской песне, то были лишь "Paroles, paroles, paroles".[32]

«Завтра в лабораторию, — думала Венто, не отнимая от глаза калейдоскоп. — Завтра... Опять эти холодные стены, сумрачные коридоры и работники им под стать. Куда приятней выполнять курсовую в Академии».

Она хорошо помнила, как впервые оказалась у заведующего: ту отстраненность, с которой он принял ребят, ту безучастность, с которой он направил их к старшей лаборантке, и ту скупую лаконичность, с которой последняя провела с ними инструктаж по технике безопасности. Хотя, возможно, на впечатление Джулии повлияло своеобразие греческой речи.

Она мысленно представила себе образ Аризун Кей. «Что понапрасну суетиться? — любила повторять та. — О каждой минуте довольно своей заботы. Волнения о грядущем не дают в полной мере насладиться настоящим».

«Аризун, — думала она, — как удастся тебе сохранять ум ясным, несмотря на все трудности твоего дела? Ты и каллиграф, и спасатель, и садовник в одном лице. Как великие каллиграфы древности, ты окружена почетом и уважением, а в твои чудодейственные силы верит всякий, кто с тобой знаком. Имея в руках одну лишь кисточку, японские мастера на столетия определяли развитие культуры, а ты одним росчерком кисти способна возродить надежду и обновить самого человека! Как бы я хотела быть твоей и только твоей ученицей...» — Она замечталась и закрыла глаза. И в тот же момент кто-то заслонил ей солнце.

— Вы?! — подскочила она, увидав над собою Кристиана. — Что... Как вы обнаружили мой луг?!

— Вообще-то, луг не только твой, — сказал Кимура. — Не нужно жадничать.

— Зачем вы здесь? На Актеона опять было покушение? — в притворном опасении спросила Джулия.

— Нет.

— Тогда, вероятно, Джейн сделалось хуже?

— Франческо не отходит от нее ни на шаг.

— О, знаю, знаю! У Люси весеннее обострение, не так ли?

— Именно об этом я и пришел поговорить. То, что ты видела...

— Не хочу ничего слышать! Меня это не касается! — отмахнулась Джулия. — Разбирайтесь сами.

— Между нами ничего не было! — не сдавался Кристиан. — Ничего!

— Меня это не касается, — нараспев повторила Венто. — Сегодня выходной, и я имею право отдохнуть, в том числе и от вас. Будьте добры, уйдите с моего луга.

Она встала и собралась уже покинуть излюбленный пригорок, когда Кимура схватил ее за руку выше локтя.

— Мне не нравится твоя интонация, — угрожающе произнес он. — Не забывай, с кем разговариваешь!

— Я полагала, что разговариваю с умным, целеустремленным человеком, который не бросает задуманного на полпути! — дерзко отозвалась Джулия. — Кто храбрился, что расправится с мафией не позднее весны?! А весна, вот она, привечайте!

— Не припоминаю, чтобы от меня исходила подобная глупость, — сквозь зубы сказал Кристиан. — Ты выдумываешь, моя дорогая.

— Я вам не дорогая! — вырвалось у Джулии. В спешке подобрав свою кофту, она стрелой взлетела на холм. — Я призываю вас к действиям! Пора, синьор Кимура! — крикнула она оттуда.

Со злости Кристиан топнул ногой, развернулся и зашагал прочь. Он и сам прекрасно понимал, что пора. «Люси играет со мной — от нее не добьешься результата. Но и недооценивать ее нельзя. Шутки с кошкой в темноте добром не кончаются...»

Мышцы сводило судорогой, Аннет задыхалась в пыли, но всё равно продолжала держаться за седло, к которому была привязана корзина с цветами. До дебютантки долетали аплодисменты, смех и крики — толпа рукоплескала, толпа веселилась, толпа ревела. И сквозь весь этот рев Аннет едва улавливала указания Лионеля, стоявшего в центре левады. Он сочувствовал ей, потому что сам не раз выполнял этот трюк, один из сложнейших трюков, которые ему когда-либо приходилось демонстрировать. Его мать расположилась в углу огороженной площадки, и на ее лице читалось удовлетворение. Аргентинец, напротив, переживал. Его черты скрадывались тенью от сомбреро, которое он специально надел в честь праздника.

«Если она не упадет, если продержится до финального свистка, — думал он, — мы соберем богатый урожай. Сегодня люди готовы раскошелиться, они щедры в преддверии нового года. Может, нам хоть раз в жизни удастся поужинать на славу...»

Аннет молилась, чтобы не подвести своих благодетелей. Ведь в какой-то степени эта семья облагодетельствовала ее, дав ей кров и, пускай скудную, но пищу. Без поддержки аргентинца она была бы сейчас попрошайкой, нищенкой, бродягой на грязных улицах, и уж тогда Туоно точно бы ее сцапал.

Но первому в ее жизни выступлению суждено было окончиться провалом. Кольцо толпы прорвалось, и к загону, яростно работая кулаками, приблизился заместитель директора.

— Ага! — вскричал он. — Я полгорода оббегал, а она вот где развлекается! — Этот голос подействовал на Аннет, как ружейный выстрел. Руки ее ослабли, подогнулись, и спустя несколько ужасных мгновений она барахталась на земле, корчась от боли в спине. Лошадь встала на дыбы, и, если бы не Лионель, размозжила бы ей голову. Туоно выволок почти бесчувственную француженку за ограду, невзирая на возгласы возмущения и протесты публики.

— Я тебе покажу, как удирать! — пыхтел он, таща ее за волосы по пыльной дороге. — Я тебе покажу, мерзавка!

Лионель плакал, порываясь броситься ей на помощь, но отец крепко держал его, а мать в смятении твердила, что человек этот сумасшедший, невменяемый и, к тому же, чужестранец. Если девчонка принадлежит ему, тут уж ничего нельзя поделать.

Очувтившись в безлюдном переулке, Туоно замедлил шаг и повернулся к Аннет, намереваясь ее проучить. Но та пребывала в столь жалком состоянии, что ее в пору было реанимировать: перепачканная, в рваной одежде, с окровавленными руками и разбитым коленом, она дышала хрипло и прерывисто, как будто ей не хватало воздуха. Серое лицо ее потеряло остатки всякой красоты, она исхудала и была похожа на высохшую иву со спутавшимися лозами волос.

— Ладно, своё ты получила, — смилостивился заместитель. — Через два проулка мой номер, приведешь себя в порядок, а там обсудим твоё задание. Вставай, доходяга! Пошла! —

Он еле удержался, чтобы не пнуть ее в бок.

Аннет хотелось умереть. Трижды она пыталась подняться и трижды падала, стоная от нестерпимой боли. Туоно, это чудовище, стоял позади и сверлил ее взглядом, а потом вдруг вздернул за воротник и поставил на ноги. Пошатываясь, как пьяная, она с величайшим трудом добралась до гостиницы, подгоняемая бранью своего истязателя.

Портье изумленно уставился на них, когда они появились в дверях, однако, ни слова не проронив, подал Туоно ключ от номера и углубился в чтение газеты. Он был трус, этот служащий, трус, наученный не вмешиваться в чужую жизнь, какой бы невыносимой она ни казалась.

«Семейные конфликты, провинившаяся дочь, — думал он, пробегая взглядом по строчкам в рубрике новостей. — История стара, как мир».

Не дочь и даже не падчерица — Аннет была рабыней, невольницей, которой предстояло провести взаперти еще очень долгий срок. Где бы ты ни был — в жарких странах с пальмовыми пляжами или же на поясе вечной мерзлоты, — ты пленник, если не имеешь возможности насладиться морским бризом или сиянием нетронутых снегов.

«Кимура и компания уже на Крите, — скрежетал зубами Туоно. — Хотел бы я знать, что у них на уме». Он поделился своими подозрениями с Моррисом, и получил незамедлительный ответ, в котором Дезастро просил его ничего не предпринимать, пока не поступит должное распоряжение. И тот вынужден был прокисать в своем заграничном номере, третируя персонал и держа Аннет в черном теле.

Какое-то время спустя, не мудрствуя лукаво, француженка опять задумала побег. Когда ее мучитель спал, мечась в постели, она, окрепшая и отчаянная, прокралась в коридор и забаррикадировала снаружи вход. На сей раз она утратила Туоно нос: ведь у нее и деньги есть, и глобус. Кто при деньгах, тому голод не страшен. А что делать с глобусом, она пока не придумала. Завернутый в пакет или в ткань, он не представляет опасности, но стоит снять защитный покров — и бед не оберешься. Кто поручится, что это чудо техники доставит тебя именно туда, куда следует? Что, если ты, дотронувшись до карты, провалишься в бездонный колодезь, канешь в неизвестность?

«Нет, с глобусом лучше поаккуратнее», — рассудила Аннет и решила до поры до времени спрятать его в сквере, на окраине Посадаса. После чего поймала попутку — и была такова, укатила из столицы в заросшие джунглями руины старых иезуитских миссий. Там местные жители приютили ее и напоили лапачо [33], поглядывая на толстый кошелек, который она сжимала в руке. Она пока и сама не знала, что в этом кошельке, и только потом, когда ее устроили на ночлег в одной из крестьянских хижин, зажгла свечу и вытряхнула его содержимое на кровать. Денег оказалось немного — порядка двадцати песо, а остальное — всё какие-то бумажки, чеки да смятые письма. Развернув первое попавшееся письмо, Аннет вздрогнула: речь шла о Кристиане Кимура, о том, кого она боготворила и за чью жизнь переживала не меньше своей. Когда пришло известие о его спасении, Туоно метал грома и молнии, а она ликовала. А теперь, в письме, этот изверг клятвенно уверял некоего Дезастро, что любой ценой отомстит человеку-в-черном за предательство. Предатель? Кристиан? Аннет перечитала строки послания.

«В голове не укладывается, — пробормотала она. — Если Кристиан с ними заодно...»

Ее воздушные замки медленно рушились.

«Необходимо доказательство, подтверждение, — думала она, комкая письмо. — Туоно должен сказать мне всю правду. Но как заставить его говорить? Как?»

Туоно был поглощен той же заботой: как заставить говорить Аннет?

— Куда она подевала глобус?! А кошель с бумагами? — орал он на сонного служащего, молотя кулаком по столу. — Не отель у вас, а воровской притон! Ничего не убережешь, всё унесут! — разорялся он, начиная постепенно понимать, что служащий, как на него ни кричи, не выведет его из затруднительного положения. Кругом была виновата эта гадкая девчонка, уродина, как он привык ее называть.

— Ну, попадись мне, душу вытрясу! — рокотал он, содрогаясь от гнева.

А «уродина» тем временем наблюдала из скошенного оконца за древним колдовским обрядом, который местные переняли у инков и проводили в день, когда среди них появлялся чужой. Ровно в полночь, под жуткие завывания шамана и не менее жуткие танцы у костра.

— Изгоняют злых духов, — на непонятном языке поведал ей мальчишка индейской наружности, который ночевал тут же, на соседней койке. — Отец говорит, в каждом приезде их пруд пруди. Но я в это не верю. Я думаю, ты хорошая.

Сказав так, он накрылся простынею и шумно перевернулся на бок. Аннет отчего-то было не по себе. Снаружи трещало пламя и улюлюкали туземцы, она слышала их возгласы через неплотно притворенную оконную створку.

«Что за странный обычай, — думала она, — жечь поленья и плясать, как дикари?.. Ой, а они ведь, и вправду, наполовину дикари. Занесло же меня в глухомань!»

Тут шаман испустил душераздирающий вопль, ударил своим посохом о землю, и тотчас установилась гробовая тишина. Вокруг поднялся сильный ветер, то раздувая, то угашая пламя. Люди во дворе не шевелились. Вдруг окно, за которым притаилась гостья, распахнулось настежь. Треснуло и рассыпалось стекло — Аннет едва успела отпрыгнуть от стены, как вихрь ворвался внутрь.

— Ой-ёй, — сдавленно прошептал мальчишка-индеец и медленно сполз под кровать. Натерпелся он от ураганов в свое время, когда жил с семьей на открытой местности. А тут — нате вам, опять ураган! Однако ветер его не тронул — даже простыня не колыхнулась, — а набросился он на француженку, да с такой свирепостью, что Аннет поначалу не могла даже дышать. И в нос задувало, и в уши. А потом, когда всё кончилось, у нее на зубах скрипел песок.

— Что ж, мы довольны. Ты очистилась, — сказал шаман, просунув голову в окно. Но девушка, конечно, ничего из его слов не разобрала, а если б и разобрала, то вряд ли бы согласилась: отмыться ей теперь от песка и грязи — три ушата воды извести...

... Уж и рассвет забрезжил, а она в деревне так и не появилась. Индеец, который делил с нею комнату, не покривил бы душой, если б сказал, что она малость помутилась рассудком, с тех пор как на нее налетел заколдованный ветер. То полдня плакала и что-то лепетала, то делалась буйной и необузданной, носясь по комнате и сшибая предметы. То садилась в угол, спиной к сожителю, и принималась отрывисто бормотать. Это бормотание отчасти напоминало обрядовые заклинания, только звучало оно еще жутче и неистовей, иногда вспыхивая громогласными тонами, а иногда пропадая в бессвязном шепоте. Порой она становилась абсолютно нормальной, и тогда с нею можно было как-то общаться. И недалеко от истины оказался бы тот, кто предположил бы, что она не помнила, какой была в минуты безумия.

При очередном приступе сумасшествия она запустила в индейца глиняной кружкой — тот насилу успел увернуться — и, выскочив из хижины, помчалась к развалинам на границе между деревней и джунглями. Помчалась, что было духу.

— Пропадет, — решил мальчишка. — Хорошая она, а пропадет. И всё-то из-за нашего шамана.

Но вопреки его предсказанию, Аннет не сгинула, и ни одна хворь ее не взяла, а сознание мало-помалу пришло в норму. Она научилась выживать в дикой среде, без людей, и природа ее исцелила. Донеро, на чей авторитет в Академии многие полагались, утверждал, что сумасшедшим можно считаться, лишь пока ты находишься в обществе. Удалишься от общества — и уже некому будет показать на тебя пальцем и заявить: «Вот, полоумный!». Вдали от общественного мнения, говорил он, исчезают всякие понятия.

Однако Аннет не исцелилась полностью: неутолимое желание мести возрастало в ней час от часу, и она не находила себе покоя. Необъяснимая жестокость укоренилась в ее душе и проявлялась даже по отношению к обитателям джунглей, маленьким, беззащитным зверькам, не говоря уже о растениях. Она мстила каждой веточке, каждой лиане, каждому цветку — благо, те были не ядовиты. Змей и пауков обходила стороной и приобрела потрясающую ловкость в охоте на рыжего печника [34]. Так, беспощадно проламываясь сквозь заросли и добывая себе пищу, по прошествии многих недель, она возвратилась в город. Туоно встретил ее с распростертыми объятиями и на радостях чуть не задушил — больно ему хотелось выведать, где спрятан глобус. Француженка тотчас всё ему открыла, а заодно отдала украденный кошелек, вскользь поинтересовавшись о принадлежности Кристиана к мафиозному клану.

— Да, — осклабился бывший заместитель директора, — он с нами. Но он здорово влип, этот перебежчик. Шеф уже отдал приказ о его ликвидации.

— Есть у вас план, стратегия? Как вы намерены вколотить его в гроб? — с крамольническим видом спросила Аннет.

— А-а! Я смотрю, ты хочешь быть в деле, — лукаво протянул Туоно, и они обменялись горящими взглядами.

— Я хочу быть в деле, даже если мне не заплатят, — подтвердила Аннет. — Как у вас принято поступать с предателями?

— Мы вливаем им в глотку расплавленное олово, выкорчевываем, как бурелом. Вот, что ждет нашего славного агента!

Вот, кому по-настоящему хотела отомстить Аннет! Кимура не оправдал ее чаяний и заслуживал смерти. Когда ее глазам предстала правда, он был уже обречен. Шпион, лазутчик, враг Деви! Она позволяла себе влюбляться лишь в героев, чьё имя не запятнано, чья репутация кристальна. И каково же было ей узнать, что предмет ее обожаний человек недостойный, двуличный, беспринципный?! Это был удар ниже пояса, и можно было не сомневаться, что она ударит в ответ.

Сколь глубокие перемены произошли в ней после второго ее побега! Сколь цепкие корни пустила в ее сердце ненависть! Туоно новая сообщница пришлась по вкусу.

— В Аргентине мне уже надоело, — сказал он, почесывая затылок. — Самое время переместиться в восточное полушарие. У них там сейчас весна...

— Ага, весна, — подхватила Аннет, — когда цветут луга и критяне распахивают ставни своих пропахших рыбой домов, когда у всех радужное настроение, а сезон пожаров уже не за горами...

— О, я, кажется, улавливаю, — коварно подмигнул Туоно. — Не знаю, что с тобой творилось, пока ты плутала по джунглям, но результатом я доволен. Моя фантазия, увы, уж не способна на такие пируэты.

[32] Слова, слова, слова (фр.)

[33] Лапачо — напиток из коры дерева *Lapacho tesome*, которое растёт в тропических джунглях Аргентины, Мексики и Перу. Живёт это дерево до 700 лет, а рецепт этого напитка был известен ещё инкам.

[34] Птица рода Настоящие печники, семейства Печниковые (*Furnariidae*). Относится к одной из самых больших групп птиц Южной Америки.

Глава 15. Симптомы сверхчеловека

По выздоровлении в Джейн открылась исключительная склонность к расточительству, особенно если речь заходила о покупках. Когда юные исследователи во главе с Кристианом и Люси выехали в город, это новое свойство проявилось в ней с небывалой силой. Ее притягивало к вывескам, как железную стружку притягивает к магниту; она прилипала к витринам, точно дрейссена к днищам кораблей; и от лавок с сувенирами ее было не оттянуть.

Пользуясь тем, что внимание надзирателей было целиком сосредоточено на неуёмной англичанке, Джулия пробежалась по бутикам, покрасовалась перед зеркалами и, наслушавшись от продавцов комплиментов, прикупила себе одежды.

С теми, кто потеряется или отстанет от группы, было условлено встретиться у входа в собор святого Мины ровно через два часа. По истечении двух часов Венто явилась к воротам собора и обнаружила там одного лишь Франческо, который ходил по тротуару взад-вперед с заложенными за спину руками, посвистывал и подбивал камешки носками ботинок. Вскоре подоспели остальные.

— Что это на Джулии за наряд? — завистливо спросила Люси и мельком взглянула на Кристиана, чья невозмутимость никак не давала поводов для ревности. — Помнится, когда мы собирались на прогулку, ты была в другом костюме.

— А ей идет это платье, — сказал Франческо. — Не правда ли, синьор Кимура?

Тот недоуменно пожал плечами:

— Что так, что эдак. Особой разницы не вижу.

— Неужели?! — разочарованно воскликнул Росси. Конечно, ему неоднократно говорили, что не одежда красит человека, но он-то был убежден в обратном. — По-моему, сидит, как на принцессе.

— Слишком длинное, — сказала Джейн, смерив подругу оценивающим взглядом. — Сгодится разве только для бала.

— Отправлюсь в нем в луга, — усмехнулась Джулия.

Люси раздраженно фыркнула. Рафинированная блондинка в белом пиджаке, белых, суженных книзу брюках и белых туфлях, она не видела смысла в перемене гардероба и придерживалась строгого стиля с минимальным числом аксессуаров. Пышные, а главное, неуместные костюмы вызывали в ней чувство отвращения и, по ее мнению, заслуживали помойного ведра.

К трико, в котором Актеон совершал пробежку вокруг виллы, она также отнеслась с презрением.

— Ну что, вы, кириэ? Зачем же вы вот в этом, да перед людьми?

— О, добрый день! — нимало не смутившись, воскликнул тот и широко улыбнулся, ошетилив усы. — Чудесный, замечательный день! Поздравляю с обновками! Отчего это Люси такая мрачная? — Он бежал на месте, двигая локтями и радостно отдуваясь. — Если вы не против, я сделаю еще кружок, и присоединюсь к вам. Располагайтесь в гостиной. Я хочу просветить вас насчет завтрашней поездки.

— Поездки? — ёрзал Франческо, пока Джулия подбрасывала в камин угли. — Синьор Кимура, какая еще поездка? Нас ведь ни о чем таком...

— Да-да, я не предупреждал, — отозвался Кристиан. — Предполагалось устроить

сюрприз.

— А я люблю сюрпризы, — оживилась Джейн. — Каков будет маршрут?

— Вот придет Актеон и расскажет, — буркнул Франческо, который в сюрпризах вечно чувствовал подвох.

Актеон ворвался в каминную залу, раскрасневшийся и счастливый.

— Когда долго бегаешь, — изрек он, — открывается второе дыхание. А там и третье, и четвертое!

— Ближе к делу, ближе к делу, — снисходительно посоветовала Люси, подперев рукой подбородок и принявшись изучать рисунок на ковре.

— Что ж, приступим, — сказал грек и без опаски плюхнулся на диван, из обивки которого раньше приходилось в большом количестве вынимать отравленные иглы и ядовитые шипы растений. Теперь, он был уверен, убийца отбывает наказание за решеткой. — Итак, завтра, после лабораторной практики, мы вшестером отправимся к достопримечательностям Ираклиона. Сперва посетим порт, где находится арсенал с длинной-предлинной аркой. Следующим пунктом стоит Венецианская крепость с искусственно насыпанным мостом, после чего запланирована прогулка на пароме.

— На пароме? — удивилась Джулия.

— Моя яхта сейчас в ремонте, поэтому придется нам довольствоваться паромом, — грустно вздохнул Актеон.

...Франческо утверждал, что на яхте им было бы куда комфортнее, чем на переполненной людьми посудине, которая, к тому же, не отличалась прочностью и слегка кренилась влево. Чтобы подняться на верхнюю палубу, он вынужден был отстоять свой ботинок у прожорливой лестницы, между ступеней которой случайно угодила его нога. Прикоснуться к полинялым поручням он отказался из брезгливости и в течение размеренной беседы Кристиана и Люси недоверчиво косился на доски настила, которые скрипели под нажимом и, вообще, вели себя очень ненадежно. Джейн же, ничуть не брезгуя облупившейся на перилах краской, стояла на корме и мечтательно глядела вдаль. Пилот, который доставил их на Крит и чье имя она узнала впоследствии, был не кто иной, как работник той самой лаборатории, куда определили четверых студентов. Анджелос — а именно так звали их спасителя — чинил аппаратуру и был у заведующего на побегушках: платил по счетам, привозил реактивы, договаривался с мастерскими о поставках мебели. Невзирая ни на его низкооплачиваемую должность, ни на его тихий нрав, а может, как раз благодаря этому тихому нраву, Джейн привязалась к нему всей душой и уже не мыслила ни дня без того, чтобы обмолвиться с ним хотя бы парой слов. Вскоре они стали так неразлучны, что без стеснения встречались по вечерам у калитки особняка Актеона. Франческо взял манеру подшучивать над англичанкой, которая на его колкости реагировала весьма сдержанно.

— Срослись, точно две мидии! — дразнился он, хохоча.

— Сам ты мидия, — отвечала на это Джейн и величественно удалялась.

Любовь делала ее сильнее, тогда как для Джулии любая привязанность или страсть была сродни удавке, мельничному жернову, повешенному на шею. Она не терпела ни притязаний, ни каких-либо намеков, а ухаживания так и вовсе почитала оскорбительными. Вот и сейчас Кристиан наблюдал, как один из пассажиров безуспешно добивается ее благосклонности, рассыпаясь в похвалах и возбужденно жестикулируя.

«Что за назойливый тип! — в негодовании подумал Кимура. — На ее месте я бы ему вмазал».

— Вы мне до смерти надоели, — жестко проговорила Венто, глядя куда-то в сторону и не вникая уговорам привязчивого господина. — Подите прочь!

Оставшись на нижней палубе, она намеревалась побыть в уединении и насладиться пейзажем. И тут к ней, как назло, прицепился этот южанин, причем был он отнюдь не в трезвом виде. От него пахло вином, с которым он явно переборщил, чесноком и еще какой-то гадостью.

— Послушайте, — мямлил он. — По-послушайте, у меня к вам предложение, то есть при-ик! — приглашение. Видите вон тот берег? Там, за лесом, мой дом. Оч-чень комф-ик! — ком-бельный... — произнести слово «комфортабельный» ему так и не удалось.

«Ну, почему, — с досадой думала Джулия, — почему, когда путешествие обещает быть незабываемым, к тебе обязательно пристанет тот, кто всё испортит?»

— Так вы согласны? — допытывался господин. — Да-давайте сойдем на ближайшей пристани. Я угощу вас мартини.

Джулия сделала нетерпеливый жест рукой:

— Проваливайте!

— Как? Что? — опешил южанин.

— Прочь! — повторила Венто, взглядываясь в горизонт и хмурия брови.

— Нет, вы пойдете со мной, и точка! — разозлился тот, опустив тяжелую ладонь ей на плечо.

— Запятая, — поправила она и резко повернулась к нему. Кристиан видел ее лицо: свирепо сведенные брови, мечущий молнии взгляд и подрагивающие, плотно сомкнутые губы.

— Сейчас ему не поздоровится, — проронил Кимура, и Люси, которая, по своему обыкновению, без умолку болтала языком, поняла, что человек-в-черном ее не слушает.

— О, какие страсти! — воскликнула она, перегнувшись через перила. — Ставлю десять к одному, что Джулии не выйти сухой из...

Как раз в этот момент произошло нечто, отчего Франческо ахнул, Джейн отвлеклась от своих мечтаний, а Люси застыла, так и не окончив фразы. Приподняв незадачливого ухажера над палубой, Джулия швырнула его в воду, как если бы тот был большой тряпичной куклой, а потом, словно бы она здесь вовсе и ни при чем, продолжила безмятежно любоваться морской гладью.

— Моя школа, — вполголоса произнес Кристиан, потирая руки. И Люси с неприятным удивлением отметила про себя, что он улыбнулся впервые с той минуты, как они сели на паром.

Люси не решалась выражать свою ревность открыто, потому что понимала, что на человека-в-черном не имеет никаких прав. Однако, когда в ее мозгу зародилась коварная мысль, она не отбросила этой мысли, а уцепилась за нее, словно утопающая за гнилую корягу.

В один из четвергов она не вернулась в особняк Актеона ни к ужину, ни даже к полуночи. И тогда усталый хозяин завалился спать, приказав мажордому сторожить вход на случай, если прогульщица вдруг заявится.

— Она ведь самым наглым образом прогуляла работу! — жаловался Кристиану грек, стягивая носки и зарываясь в одеяло. — Вот когда ты видел ее в последний раз?

Кимура прислонился к стене, заложив руки в карманы своего плаща.

— Хм, она везде и нигде одновременно. По-моему, в последний раз она штопала в

гостиной свою накидку. Ах, да! Потом я видел ее в розарии, а потом мы вместе с Джулией и Джейн ходили смотреть зарю.

— Проморгали, значит, — констатировал Актеон. — Ее уход проморгали, — добавил он, когда Кристиан в недоумении наморщил лоб.

А Люси тем временем попивала виски в компании Морриса Дезастро, чье «логово» изнутри выглядело не менее роскошным, чем вилла грека.

— Наконец-то мне удастся убить сразу двух зайцев, — говорила она, покачивая бокалом. — И Спиру в могилу свести, и с соперницей расквитаться...

— Ого, у тебя и соперница появилась! — крикнул Моррис, закинув ногу на ногу и стряхнув с сигареты пепел. — Поделись со старым другом, кто она?

— Джулия Венто. Едва ли вы о такой слышали. Кимура к ней неровно дышит, и это просто сводит меня с ума!

— Ой-ой-ой, сколько пылу! — поддразнил Дезастро. — Твоего приятеля, то бишь Кристиана, вскоре будут оплакивать, так что не усердствуй.

подавившись, Люси судорожно отставила бокал и схватилась за горло, будучи непрочь схватить за горло и Морриса.

«Ах, подлец! — думала она, откашливаясь. — Ах, змея! Я и тебя отравлю, будь уверен».

Между тем, Моррис поднялся, хлопнул ее по спине и сказал напоследок: — Не смешивай, Люси, работу и чувства. Как отдашься чувствам, тут-то и конец карьере.

«Карьера? — думала она, впивая ногти в ладони, в то время как моторная лодка везла ее к берегу Крита. — Карьера наёмного убийцы, или, быть может, бухгалтера-недоучки? А может, он имел в виду карьеру вора? Что ж, воровка из меня пока неважная. Но берегись, Дезастро: я и состоянием Актеона завладею, и твоим не премину. И ничего-то ты не получишь, ничегошеньки!»

«Этот простофиля-грек, — злорадствовала она, когда лодка подчаливала к суше, — завещал мне по своей смерти баснословную сумму, а ты простофиля не меньше него, потому что рассказываешь мне о своих планах столь же доверчиво, сколь и Спиру, а полагаешь, будто и умен, и всевластен».

Следующие несколько дней она провела взаперти, в своей комнате, сказавшись больной. Набрала из библиотеки литературы, подключила компьютер к сети и, скрючившись на полу, принялась наскоро переписывать формулы реагентов, названия ядов и прочих химических соединений. Она хотела не мешкая избавиться от главаря.

«Конечно, легче всего всадить нож в спину или оглушить чем-нибудь тяжелым. Существует уйма способов оборвать чужую жизнь. Но это как-то негуманно, — рассуждала она, виртуозно строя в тетради. — И да, ведь это ради Кристиана. Пожалуй, единственное полезное преступление...»

Бледная и изможденная, она появилась в вестибюле на третий день и сообщила, что ей нужно в аптеку, куда старый слуга отпустил ее без особого энтузиазма, настаивая, чтобы она передала список лекарств ему, а сама легла в постель. Но Люси была неумолима. Без зонтика — хотя шел дождь — и не накинув ничего поверх рубашки, она побрела вверх по дороге, и, пошатываясь, скрылась за можжевелевой рощицей. Джейн, которая на тот момент находилась в прихожей, сортируя купленные в городе туфли, проводила ее до поворота туманным взглядом, и только потом вспомнила про зонт.

— Ну, я и разиня! — сказала она себе. — Если Люси промокнет, то, чего доброго, снова

захворает.

— У меня нет и половины из того, что у вас здесь перечислено, — разводила руками аптекарша. — Пробовали обращаться в химические склады?

Клиентка не ответила, выстукивая рваный ритм ногтями по прилавку.

— Ладно, вот вам всё, что есть в наличии.

Та молча расплатилась и ушла, звякнув дверным колокольчиком.

— Странная, право, особа, — пробормотала продавщица. — Ох, чует моё сердце, натворит она бед!

А странная особа тем временем держала курс на причал, даже не подозревая, что за нею слежка. Взяла напрокат первый попавшийся катер, дернула за рычаг и, трясаясь от озноба, повела моторку в море. Преследователю пришлось изрядно потрудиться, чтобы разглядеть контуры лодки за пеленой дождя.

"Ну, милая моя Люси, давай же, раскрой мне свою «четверговую тайну». С кем ты в сговоре? На какой такой остров ты едешь?"

Злоумышленница направлялась к острову Авго, самому отдаленному, самому невзрачному островку в Критском море. Аптечные склянки позванивали в пакете, на заднем сидении; с собою у нее был припасен кинжал, однако она по-прежнему не представляла, что будет делать, когда войдет в покои Морриса. Ее наверняка проводят туда, если только...

Да, Моррис был отнюдь не легковверен и как раз вовремя принял меры предосторожности. Люси на порог не пустили, прогнав с издевками и тычками. Тот, кто следил за нею, прятался в кустах черной розы, коими было усажено всё пространство, начиная от узкой полоски пляжа и кончая мысом на противоположном берегу. Эбонитовые бутоны были крохотные, и если б Люси пригляделась, то различила бы среди зарослей темную фигуру, которая, пригнувшись, двигалась одновременно с нею, словно тень. Дождь нимало не ослаб: вода попадала в уши, стекала с волос, струилась по плечам и холодила спину.

— Всё потеряно, — в отчаянии шептала Люси. — Если он указал на дверь, жить мне осталось недолго. Такие, как Моррис, отсрочек не дают. И раз уж мне суждено умереть, то не лучше ль оборвать эту никчемную жизнь прямо сейчас, чем дожидаться, пока его головорезы прибдут на виллу?

Забравшись в катер, она откупорила наугад одну из бутылочек и уже поднесла к губам, как вдруг кто-то навалился на нее, придавив к сидению, и с силой сжал кисть. Бутылочка с ядом опрокинулась, а содержимое ее разлилось по резиновому коврику на днище. Свободной рукой Люси безотчетно выхватила кинжал. Она готовилась к нападению, она знала, что Дезастро скор на расправу, но и предположить не могла, что расправа эта последует столь молниеносно.

Маленькая и хрупкая, она одержала верх лишь благодаря своей ловкости и изворотливости. Когда, очутившись над противником и вцепившись в рукоятку обеими руками, она занесла кинжал для удара, ее глаза вдруг расширились, а с уст слетел возглас изумления.

— Кристиан!

— Ты достойный боец, и я бы сразился с тобой, но в другом месте и при других обстоятельствах, — произнес тот. — Не стоит принимать поспешных решений и расставаться с жизнью, чуть тебе отказывают в аудиенции.

— Но он хочет тебя убить! Он уже послал своих людей! — разрыдалась Люси, склонив

голову ему на грудь. — Я не могла допустить, не могла... — всхлипывая, пробормотала она. Повинуясь минутному порыву, Кристиан прижал ее к себе.

— Тише, успокойся. Всё будет в порядке. Мы победим, победим.

Ливневая завеса заслоняла от них пустую, омертвелую глазницу угольно-черного маяка, который простаивал без зрителя уже много лет подряд и под которым располагалось убежище Дезастро. Кимура приподнялся и осторожно, чтобы не оттолкнуть Люси, повернул ключ зажигания. Катер завибрировал и тронулся с места.

Никогда еще морская прогулка не казалась Кристиану столь медленной и унылой. Помощница Актеона повисла у него на плече, содрогаясь от немых рыданий и холода, а он вынужден был вести лодку в густой мгле, время от времени сверяясь с компасом и картой.

«Ну, вот, — думал он, — теперь мне известно точное местонахождение врага, однако что я один могу поделаться? Разбить их коронным ударом? Так бывает лишь в кино. Попробовать договориться? Ищите дурака! Натравить на них полицию? К тому моменту, как сюда прибудет патруль, преступников и след простынет...»

— Крис, дорогой, а как ты очутился на острове? — прервала его размышления Люси. — Ты следил за мной?

«Крис» — так его называли только самые близкие люди. Люси же попросту не терпела длинных имен.

— Я обязан был узнать причину твоих еженедельных отлучек. Между прочим, у Актеона из-за тебя началась бессонница.

— Ах, вы зря за меня переживаете, — без притворства сказала та.

— А по-моему, если бы не я, ты бы уже испустила дух на дне лодки. В том пузырьке ведь был яд, не так ли?

Люси ничего не ответила и только крепче прильнула к нему.

Пригнув нижнюю ветку и привстав на цыпочки, Аризу Кей понюхала крупный вишневый цветок.

— Ох, до чего хорош! А аромат! И лепестки что шелк!

Она аккуратно смахнула с тычинок немного золотистой пыльцы, проделала пальцами изящные движения, словно бы повелевая ветру разнести пыльцу по всему саду, и мелодично, по-японски произнесла:

— Будь везде, на каждой сакуре, белым, розовым, с прожилками. Я хочу, чтобы дети наслаждались твоей красотой.

Невзирая на однообразие дней, японка никогда не скучала и не предавалась праздности. Чтобы бездельничать, нужны великое самообладание и несокрушимая сила воли. Хранительница пока что не считала себя обладательницей этих качеств.

Клеопатра насквозь пропиталась волшебством. Она часами не вылезала из библиотеки, проглатывая один том за другим, и из дверей красной пагоды нередко выпархивали диковинные виды птиц, а порой хлестали воды океанов и даже сыпались золотые дублоны. Конечно, и животные, и водоросли, опутавшие горбатый мостик, и драгоценности из воображаемых сундуков вскоре таяли, истончаясь в воздухе, но, тем не менее, зрелище было захватывающее. Когда в сад прибыла Джулия, из пагоды доносилась пиратская ругань и лязг скреживаемых сабель.

«Ну-ну, — подумала Венто. — Увлелась наша африканка».

На берегу ручья, возле моста, стояла узкая лодчонка с веслом, которую Клеопатра

приспособила для водных спусков. Эту лодку без особого труда можно было привязать к спине и пройти с нею сколь угодно большое расстояние, ни капли не устав. Иногда кенийка доходила до самого края насаждений, где изгородь прерывалась, уступая путь быстрому ручейку. Там Клеопатра останавливалась, подолгу любясь снежными пиками непроходимых гор, холодной голубизною неба над ними и тем контрастом, какой составляли полный жизни сад и безмолвная каменная твердыня. А потом вдруг перекидывала лодчонку через голову и, вооружившись веслом, сплавлялась по небольшим порожкам к белой пагоде, где можно было ухватиться рукою за мост и выбраться на сушу. Ниже по течению находилась пагода-библиотека, а еще ниже — невозделанная земля, заросшая буйной травой и какими-то экзотическими цветами, которые распускались и благоухали сами по себе, без надзора Аризу Кей и восхищенных взглядов детишек.

Дети... Судьба этих вертких, неутомных созданий заботила японку больше всего. И когда Джулия явилась в сад для тренировки, то полагала услышать новую тираду по поводу медлительности предприятия Кристиана и тесноты, которая вынуждает ее, хранительницу, расширять площадь посадки деревьев. Но никакой тирады не последовало. Всё-таки, Аризу Кей знала меру не только в поливе и подкормке растений. Она мило беседовала с Джулией о погоде и выведенных сортах вишни, развешивая кремовые занавески на кухонном окне; спрашивала, не слишком ли горяч чай, и интересовалась последними событиями на Крите.

— Как? Неужели покушались на этого приветливого, добродушного господина, которого я мельком видела сверху?! — диву давалась японка. — Кому подобное могло прийти в голову?!

— Франческо с пеной у рта доказывал нам, что убийца — Люси и что вместо нее за решеткой сидит невинная. Но, я думаю, это клевета. А когда ты, позволь спросить, видела Актеона?

— В тот вечер, когда ты обнаружила у себя на столе рождественские подарки. Актеон в гостиную играл с Франческо в триктрак и был безмерно весел...

— Он перебрал, — вставила Джулия.

— ... А твой сэнсэй ходил повесив нос, — продолжала она. — Та белокурая особа, Люси, не сводила с него глаз.

— И почему только тебя не заметили? — недоумевала Венто. — Неужто ты, как призрак, витала под потолком?

— Так я же была невидимая! — всплеснула руками Аризу Кей. — Перевоплощения, знаешь ли, удаются мне даже лучше, чем каллиграфия.

— Кстати о каллиграфии, — встрепенулась Джулия. — С некоторых пор я... стала ощущать необъяснимую легкость во всём, за что ни возьмусь. Словно бы вырвалась из замкнутого круга и поднялась над тем, обо что спотыкалась и в чем не видела просвета. Все предметы, вот даже эту чашку, я вижу словно сквозь уменьшительное стекло и чувствую себя великаншей. Понимаешь, как будто голова моя среди облаков.

Аризу Кей участливо закивала.

— Дай мне хоть тысячу свитков — я скопирую их не позднее, чем к следующему утру! А силы, той, которая во мне, — спокойной, ровной силы — хватило бы, чтобы разбить и стотысячную армию. Я перестала утомляться, а когда сплю, то как будто парю в эфире. Что со мной, Аризу?

— Мудрецы называют это внутренним перерождением, хотя не исключено, что такое явление преходяще. Попробуй сперва осуществить часть своих предсказаний — скопируй

тысячу свитков. Правда, боюсь, тысяча в библиотеке едва ли наберется. И сколько потребуется чернил, сколько бумаги!... Ах, что это я? — Она небрежно взмахнула рукавом кимоно, и перед Джулией из ниоткуда вдруг появился набор кисточек и бочонок с тушью.

— А это свитки, — сказала японка, когда на чайный столик внезапно обрушилась груда скрепленных печатями сочинений. — Еда для сверхчеловека в холодильнике, — добавила она. — Если не справишься за день, не огорчайся. Всякое отклонение от нормы лучше диагностировать на ранней стадии, также как и развеять ложное представление о своих, якобы неограниченных, возможностях.

Венто покорно взялась за кисть.

Тень на солнечных часах, которые старшие беженцы установили у калитки на радость малышам, сместилась к отметке двенадцать. Перешептываясь и пересмеиваясь, дети улеглись рядом со своими спасителями-деревьями и заснули только вместе с певчими, которые еще долго прыгали по веткам, обмениваясь короткими трелями. Какая-то синица тенькала в траве и благоговейно замолкла лишь тогда, когда мимо, с ведром и лопатой, прошествовала Аризу Кей.

«Ну, — думала она, — Джулия сейчас, наверное, носом клюет. Мне бы и то не удалось выполнить такой объем работы в столь сжатые сроки».

Но, вопреки ожиданиям хранительницы, никто не лежал на столе, согнувшись в три погибели; не сопел перед лужицей разлитой туши и не почивал на груди, как она воображала, скомканной бумаги. На кухне вообще никого не было. А свитки... Сложенные аккуратными кучками вдоль стен, они были рассортированы по датам и могли бы оказать честь любому библиотекарю. Ошеломляющим сюрпризом явился для японки и тот факт, что на столе, абсолютно чистом и убранном, покоилась толстая стопка исписанной бумаги, да исписанной не лишь бы какими закорючками, а четкими и удивительно гармоничными иероглифами.

— Ни один каллиграф... — прошептала Аризу Кей и медленно опустилась на стул, всё еще не веря своим глазам.

Джулия сияла. Нет, не так, как сияют окрыленные удачей. Она сияла взаправду, словно бы ее насквозь просвечивало солнце, хотя солнце давно закатилось за лес. Японка заметила ее с балкончика красной пагоды и опрометью кинулась к ней, позабыв обувь туфли-таби. Та разминалась перед занятиями тайцзи, и на нее нельзя было взглянуть без слез — слишком яркое исходило от нее свечение.

— Это не сон, не мираж, не иллюзия! — восхищенно твердила Аризу Кей, пробегая по росистой траве и подхватив полы кимоно. — Свершилось, свершилось!

Как зачарованная, остановилась она поодаль, не в силах оторваться от мистического зрелища: вот светящаяся рука описала дугу, подался вперед светящийся корпус, расплылись в улыбке светящиеся губы.

— Луна сегодня ярче галогеновой лампы, — сказала Джулия. — Я тебя вижу, выходи.

Хранительница повиновалась. Она впервые ощущала себя не хозяйкой, а гостьей, которой милостиво позволили присоединиться к некоему священному таинству.

— Не луна, — робко произнесла она, — а ты, ты сама блистаешь звездой!

— Странно, — проронила Венто, опершись плечом о сакуру. — Да, очень странно, — отрешенно сказала она, а потом встряхнулась и добавила: — Но мне спокойней думать, что непорядок с луной, а не со мною. Отклонение от нормы, как ты выражалась, вещь далеко не из приятных.

— Как? У тебя что-то болит? Тебе плохо? — забеспокоилась японка.

— Вроде и не болит, и не плохо, но словно бы огромный факел зажгли внутри — так жарко. Мысли то проносятся одна за другой, как машины на автостраде, и все ясные, все стройные. А то вдруг пропадают, и тогда устанавливается чудесная пустота. И уже не факел горит, а лампада...

— Отдохнула бы ты, — сказала хранительница, окинув ее критическим оком. — А то, гляди, что и не факел, и не лампада в тебе горят, а всего-навсего свеча — оплавится и погаснет.

Позднее Джулия лежала в постели, которую Аризу Кей приготовила для нее в белой пагоде. Лежала и через раздвинутую клетчатую дверь смотрела на балкон, где под ветерком покачивалась цветущая ветвь вишни, кивая взгромоздившейся на перила пушистой ветке сосны.

Она проспала добрых трое суток, прежде чем свечение окончательно пропало. Клеопатра и хранительница поочередно дежурили у изголовья ее кровати, и африканка до того изнервничалась, что даже зажгла ароматические палочки в углах, полагая, будто курения пробудят спящую.

Сквозь сон Джулия слышала обрывочные фразы, голоса, среди которых непостижимым образом оказался голос Кристиана.

— Она больна...

— Вы пробовали положить ей компресс?

— ... Клео, раскрой пошире балкон. Ну и надымила ты здесь!

— ...Теперь операция спасения может сорваться? Поэтому вы так обеспокоены? Ведь из-за нее вы связаны по рукам и ногам.

— О, что ты, Клеопатра! Немыслимо так говорить! Ей же плохо, она страдает! — сказала Аризу Кей.

«Мне не плохо, и я вовсе не страдаю!» — попыталась возразить Джулия, но, по-видимому, у нее вырвалось нечто неразборчивое. Тяжелая рука легла ей на лоб.

— Холодный, — произнес мужской голос. — Если жар и был, то теперь прошел.

— Когда она светилась, мы и прикоснуться к ней не могли, — подтвердила хранительница.

— Пылала, точно раскаленные угли! — ввернула африканка.

— Перенесем ее в сад, — В этот момент чьи-то сильные руки подняли Джулию с кровати, смолкли голоса, и только эхо шагов еще некоторое время звучало у нее в ушах.

...Очнулась она в гамаке, подвешенном меж двух старых сакур. Стоял ясный, пронзительно солнечный день, и сквозь трепещущие кроны голубыми клочками проглядывало небо. Ей на щеку медленно упал лепесток.

— Ну, как тебе наш, райский, снегопад? — полюбопытствовал Франческо, высунувшись из-за ствола. — Выспалась, соня?

— Как долго?.. — только и смогла выговорить Джулия. Она приподнялась на локтях и стала напряженно озираться. Земля вокруг гамака белела, словно на рошу действительно обрушился снегопад. Трава утопала в мириадах лепестков.

— Четыре тысячи триста двадцать минут — ровно настолько задержалась наша миссия, — сострил Франческо, подбоченившись. — Мы охраняли твой покой всем миром. Джейн тоже здесь.

— А Актеон, а Люси?

— О, нет, — с нарочито важным видом заявил он. — Они не избранные. К тому же, Люси у меня под колпаком. Пусти ее сюда — и ты пустишь лисицу в курятник, гепарда — в загон с антилопами, тайпана — в детскую, слона — на рисовые плантации... — Франческо разошелся и, судя по всему, намерился ораторствовать, пока не иссякнет его богатая фантазия.

— К твоему сведению, слоны посевам ничуть не вредят, — осадил его подошедшая к гамаку Джейн. — Как ты, дорогая? Мне сказали, ты горела ярче диска Селены!

— Аризун Кей любит преувеличивать, — слабо улыбнулась Джулия. Внезапно она посерьезнела и нахмурилась. — Телепортатор! У вас ведь не было телепортатора! Как вы проникли в сад?

— Не знаю. Синьор Кимура сказал, что у него есть лазейка, — озадаченно ответила Джейн.

— Лазейка?! — вскричала Джулия и с таким ожесточением уцепилась за край гамака, что тот даже накренился. — Никаких лазеек быть не должно, иначе... — Она задыхалась от негодования. — ... Иначе в сад рано или поздно вторгнутся враги!

— Где Кимура? — грубо спросила она, спустив ноги на землю.

Уязвленный ее тоном, Франческо надул губы и раздраженно дернул плечом.

— В красной пагоде, пьёт с японкой чай, — боязливо сказала Джейн.

— Хоть и не светится больше, а злости хоть отбавляй. Уж лучше б светилась, — удрученно заметила она, когда Джулия скрылась за купой деревьев.

Глава 16. Донеро защищает неф

События в Академии Деви текли своим чередом. Лекторы нагружали студентов, студенты прогуливали занятия и рисовали на лекторов шаржи; кафедры закупали новую лабораторную утварь; директор дышал по ночам свежим воздухом, зевая на собраниях и в открытую храпя за столом в рабочее время. А четвертый апартамент прославился необыкновенными картинами Розы, которая теперь устраивала выставки в парке. Пользовалась популярностью и Мирей. Она настолько отточила свои интеллектуальные навыки, что умудрилась победить на международной олимпиаде по математике, снискав уважение мадам Кэпп и вызвав белую зависть у остальных «несчастных» однокурсников, ибо она до конца учебного года освобождалась от домашних заданий.

Для подруг настала пора покоя и процветания, и всё бы ничего, если бы Лиза не вбила себе в голову, что из Зачарованного нефа можно каким-то образом попасть в то чудесное место, которое она видела в бокале. Она буквально помешалась на этой идее, обсудив ее со всеми, начиная от Донеро и кончая китайкой. И если географ отнесся к подобной возможности с сомнением, помноженным на пессимизм, то Кианг тотчас загорелась азартом и страстно возжелала исследовать «кроличью нору».

— За нею нужно присматривать, — сказала рассудительная Мирей. — Я пойду с вами.

— А я что, рыжая что ли? — подала голос Роза, расчесывая перед трельяжем свою огненную шевелюру.

Так, к еноту-бармену вскоре нагрянула целая толпа любопытствующих, куда, по милости китайки, затесалось еще несколько незнакомых людей. Завидев в дверях ватагу студентов, тот немедленно ретировался, то есть попросту нырнул в погреб, предоставив голубям, беспечно клевавшим крошки, действовать по собственному усмотрению. И они не придумали ничего лучше, чем подняться в воздух, шумно хлопая крыльями. Лиза была уже в десяти шагах от заветного бара, когда птицы пронеслись у нее над головой. Тем, кто повыше, пришлось пригнуться, чтобы избежать столкновения с пернатой компанией.

— Вишь, дали тягу! — сказал кто-то.

— Струсили, — подхватил другой. — Ты заметил, они вроде как были во фраках?

— Ага, ни дать ни взять, голубиная делегация!

— Они здесь в роли помощников, — буркнула Лиза. — Надо же, все разбежались! Енота тоже след простыл, — вздохнула она, обводя взглядом полки с бутылками.

— Знаешь, а я ведь до последнего думала, что ты выдумщица и про енота, ну, того... насочиняла. Но после голубей во фраках я поверю во что угодно, — сказала Мирей. — Извини, что сомневалась.

— Да что уж там! — махнула рукой россиянка. — Всё равно от них теперь никакой пользы. А полосатый наверняка забился в подвал. Зуб даю, что он носа не высунет, пока мы отсюда не уберемся. Гром и молния!

— Еще немного, и она разразится матросской руганью! — шепнула француженке Роза.

— Неудивительно! Ее отец всё-таки служил во флоте! — вполголоса ответила та.

Отставив приличия, Лиза полезла на перекрытие, коим служила барная стойка, и вскоре очутилась на месте официанта.

— Так, — бормотала она, шаря в коробках и по шкафчикам, — где-то здесь должен быть волшебный бокал и вино, в котором отображается параллельная вселенная...

— Что? Параллельная вселенная? — насторожилась Мирей. — Наша подружка, похоже, маленько свихнулась!

— Тссс! — зашипела на нее Кианг, которая неотрывно следила за передвижениями Лизы. Вдруг из-за стойки послышался треск, и на пол с грохотом обрушилась хрустальная ваза, предварительно подмяв под себя пару бокалов. Россиянка в испуге отпрянула от шкафа и уставилась себе под ноги.

— Недурно, недурно, — прокомментировал кто-то. — Из этой вазы получится превосходное толченое стекло. Мне для эксперимента такое позарез нужно!

Будь эта реплика произнесена чуть тише, возможно, владелец нефа и простил бы студентам инцидент с разбитой вазой.

— По-за-ррез?! — взвыл он леденящим душу голосом, от которого стены зала затряслись, а никем не управляемые скрипки синхронно испустили звук, очень напоминающий крик мартовских котов.

Вместо того чтобы сплотиться, ученики бросились врассыпную. Роза нашла свое убежище между роялем и баром, где обнаружилось одеяло, которое как нельзя лучше подошло для маскировки. Мирей заползла под парту, заваленную реквизитом. Лиза затаилась в углу, под стойкой, а зеваки, которых пригласила Кианг, со всех ног помчались к выходу. Но двери захлопнулись перед самым их носом, и бедолагам не оставалось ничего другого, кроме как колотиться от страха под аккомпанемент жуткого, безымянного хохота.

— Ой, — сказала Роза, опасливо глянув вверх. С потолка со змеиным шуршанием посыпалось конфетти. — Если так будет продолжаться, нас заметёт!

А конфетти, и правда, всё прибывало. Оно падало и падало, так что вскорости им до отказа наполнилась оркестровая яма. Паутина из бумажных шариков и спиралек оплела мебель и затруднила всякое передвижение. Перестали различаться проходы между зрительскими рядами, а ковровая дорожка совершенно исчезла под блестящими пластинами серпантина.

Ошибся тот, кто подумал, будто на этом «представление» завершится. После бумажного дождя студентов здорово побило градом из прошлогодних карамелек, а напоследок зал обесточило: лампочки истерично замигали и погасли, все как одна. Заголосил ветер.

— Бутафория! — фыркнула Кианг, успев перебраться к Лизе в бар.

— Знать бы, кто за этим стоит! — приглушенно ответила та.

— Если он еще стоит, ему же хуже, — процедила китайка, хрустнув пальцами. — Он у меня ползать будет, на коленях, и молить о пощаде!

Вряд ли Донеро опустился бы до такого унижения, ибо виновником бед, обрушившихся на головы непрошенных гостей, был именно он.

«Задали они мне работенку! В любую щель нос просунут, особенно туда, куда их не просят! — вгорячах думал географ, вертя колесо, управлявшее софитами. — Хороша моя ученица: нет, чтобы втихаря сюда пробраться, так она с собой целую когорту притащила! Знайте же, господа: не видать вам портала, куда бы он ни вел! Я призван охранять тайны нефа, я же вас отсюда и выпровожу!»

Настроен он был весьма воинственно, и, если бы не Елизавета Вяземская, которая нужна была ему живой и здоровой, студенты очень скоро сделались бы заиками. Зал был буквально напичкан всевозможным оборудованием для спецэффектов, а воображение Донеро фонтанировало неиссякаемым гейзером, и полет его фантазии сдерживался одной лишь мыслью о Лизе.

А Лиза напрасно времени не теряла. Спрятавшись под барной стойкой, она наткнулась на деревянный ящик с бутылками, из которых откупорено было всего две.

«Этот запах... Его ни с чем не спутаешь, — подумала она. — Но вино пить нельзя. Тут хватит и капли, чтобы погрузиться в глубокий сон».

— Эй, Кианг! — окликнула она китайянку. Та с выпученными глазами слушала дикий вой ветра и бесшумно шевелила губами, не замечая ничего вокруг. Пришлось Лизе ее ущипнуть.

— Что ж ты творишь, лаомаоцзы![35] — выругалась Кианг. — Wo zheme huai! [36]

— Будь другом, помоги, а? — извинительно улыбнулась Лиза. Под люстрой нефа, между тем, загремели фейерверки. — Эти бутылки нужно донести до апартамента, я без тебя не справлюсь.

— Ого! — обрадовалась Кианг. — После маотай [37]красное вино снимает напряжение лучше всего! — С такими словами она вырвала у Лизы бутылку и опрокинула себе в рот.

— Стой, нет! Только не это! — простонала та.

— А что? — с вызовом спросила азиатка. — Какая разница, где нести — в руках или в животе?

Через минуту она уже всю храпела над ящиком, и на быстрое ее пробуждение можно было даже не рассчитывать. Лиза развела руками, вздохнула, после чего устроила китайянку на ворохе цветного конфетти и, когда последний фейерверк распался на бледно-синие ленты, тихонько позвала Розу.

Роза увлеченно доедала невесть откуда взявшуюся сахарную вату. Другая такая же вата красовалась у нее на шевелюре, а еще одна прилипла к крышке рояля. Россиянка осмотрелась: над сценой вновь зажглись лампочки, и зал был усеян белыми пятнами, точно поле созревшего хлопка.

— Такой обстрел мне ох как нравится! — облизываясь, сказала Роза. — Надо будет как-нибудь повторить!

— Ну уж нет, — перекрестилась Лиза. — Давай-ка лучше делать ноги.

Выбралась из своего укрытия Мирей и, кое-как преодолев мишурные заносы, присоединилась к подругам.

— От этих взрывов у меня порядком разболелась голова, — пожаловалась она. — Кстати, а где Кианг?

Все трое молча перегнулись через стойку.

— Ну вот, — сказала француженка. — А моя приятельница на днях убеждала меня, будто зло не дремлет. Дремлет оно, да еще как сладко!

Им удалось покинуть зал без серьезных происшествий лишь потому, что у Донеро истощились запасы пиротехники и снарядов. Сахарная вата была последним средством обороны, а производить обстрел дорогим швейцарским шоколадом географ посчитал накладным. Пока же он бегал в кладовую за «твердокаменным» грильяжем и шариками жвачки, все, кроме Кианг, благополучно улизнули, не преминув захватить с собой бутылки усыпляющего вина. На эти бутылки Лиза сразу наложила табу: не открывать, не пить и даже не нюхать. Огнеупорный шкаф послужил для них надежным пристанищем.

— Буду экспериментировать, — степенно сказала она и в тот же вечер без спросу оккупировала ванную комнату. Роза хотела принять душ, Мирей приспичило покрасить волосы, поэтому они долго и упорно стучались в закрытую дверь. Правда, без особого успеха. Лиза разбавляла вино водой.

«В каком соотношении, — гадала она, — нужно смешивать эти субстанции? Какова должна быть концентрация вина, чтобы выявилось четвертое измерение? И каковы шансы, что, нырнув в ванну, я перенесусь туда?»

— Я подозревала, что умопомрачение передается воздушно-капельным путем, — угрюмо произнесла Мирей, опершись о дверь. — Сначала буянила Кианг. Теперь вот Лиза. Как бы следующей не оказалась ты...

— Я? Это почему? — вздрогнула Роза.

— Видишь ли, просто моя психика устойчивее, — ухмыльнулась француженка.

Донеро проводил инспекцию Зачарованного нефа: пересчитал музыкальные инструменты в оркестровой яме, заглянул в самые потаенные, темные уголки за кулисами и направился напрямик к бару, где енот ретиво сгребал конфетти миниатюрными граблями. Он бросил на географа укоризненный взгляд, потоптался на месте и вновь принялся за работу.

— Не споткнитесь там, сэр, — мрачно предупредил он. — Одна из «этих» напилась моего вина, так что теперь ее даже с фанфарами не разбудишь.

Донеро издал неопределенный звук, поправил шарф и, приподняв подбородок, несколько минут разглядывал Кианг. Рядом с нею стояла полупустая бутылка.

— То самое вино, верно? — спросил он, нагибаясь к спящей.

— Вот именно! — отозвался енот. — Раритетное и очень, очень...

— Действенное? — подсказал географ.

— Ценное! — фыркнул зверек. — Его и на краю света не отыщешь! А они взяли и всё унесли. У, ворюги!

— Но как оно попало в неф? Откуда оно взялось?

— Когда неф находился на реставрации, (вы в те годы исследовали пустыню Калахари) бар и кладовую соорудили в первую очередь, — поведал енот, отложив грабли. — И вот тогда к нам пришел человек. Мужчина в черном плаще до колена и с абсолютно неподвижным лицом. Он принес пакет с дюжиной бутылок, которые нужно было пристроить. Я, понятное дело, согласился, однако человек потребовал, чтобы берег я этот пакет пуце собственного хвоста и никого, ни при каких условиях вином не угощал, потому что даже в малых дозах оно вызывает привыкание. Новая тайна, подумал я, и, пообещав хранить молчание, тотчас по его уходе стал экспериментировать, — он бегло огляделся по сторонам и шепотом продолжал: — Выяснилось, что напиток обладает удивительным свойством: при добавлении лишь нескольких капель любая прозрачная жидкость окрашивается в густо-малиновый цвет, и с жидкостью этой начинают происходить странные вещи...

— А человек? Ты его еще когда-нибудь видел? — допытывался Донеро, облокотившись о стойку.

— Да какое там видел?! Я же вечно в баре прозябаю! Кабы не голуби, помер бы со скуки!

Донеро погрузился в раздумья. Он знал всего одного человека с непроницаемым лицом, который в придачу носил черный плащ.

Кристиан и Аризу Кей пили чай на пригорке, за красной пагодой, и играли в сёги [38], лукаво поглядывая друг на друга. Сторонний наблюдатель мог бы заключить, что знакомы

они с незапамятных времен, и оказался бы прав.

— Мой серебряный генерал стреножит твоего коня в два счета! — смеялась хранительница. — Вот так. И так.

Щурясь под лучами закатного солнца, она отклонилась на спинку стула.

— Потеря коня ничто по сравнению с потерей ладьи! — парировал Кристиан.

— Ах ты, мастер комбинаций!

— Меня устроит просто мастер. Благодарю, — хитро улыбнулся Кимура. В обществе Аризун Кей он позволял себе расслабиться, и уж тогда от него можно было ожидать любых проделок.

— Скажи-ка, мастер, как Джейн с Франческо отнеслись к «винному порталу»? Это, хм... Это ведь не совсем обычный портал. Капля вина не техническое устройство. Ее в карман не положишь.

— Сдается мне, они вообще ничего не поняли, — ответил Кристиан. — Не успели понять. Всё произошло за считанные секунды.

— Эй, тебе мат, дружище! — воскликнула Аризун Кей, победоносно передвинув фигурку копя на клетку перед королем.

— Заговорила мне зубы! — с притворной обидой сказал Кимура. — Я так не играю! — И в отместку опрокинул шахматную доску японке на кимоно. Фигурки полетели в траву.

— Безобразничаешь, точно мальчишка! Вот иди теперь и собирай. Я одежду пачкать не стану.

Кристиан неохотно полез под стол, когда на горизонте появилась Джулия. Электрические разряды на фоне черных туч, торнадо в грязно-оранжевом небе, песчаная буря в отдалении — они и то производили бы меньшее впечатление, чем ее блистающий среди деревьев силуэт.

— Внимание, — объявила Аризун Кей. — Приготовься давать показания, потому что у твоей ученицы вид как у мирового судьи.

От неожиданности человек-в-черном даже ударился головой о столешницу.

— Если это была шутка, то очень неудачная. Изволь больше так не делать.

— Да не шучу я, сам посмотри: вышагивает, что твой генерал. А сияет, сияет-то почище шаровой молнии!

Когда Джулия поравнялась с пагодой, у Кристиана мелькнула мысль о бегстве, но он тотчас же совладал с собой, восстановив свое прежнее, невозмутимое состояние.

— Будем надеяться, что твой сад не сгорит из-за нее дотла, — обронил он.

— Всё-таки странно, что недуг овладел ею вновь, — проговорила Аризун Кей, нагнувшись за фигурками сёги. — Конечно, еще три дня в постели — и она будет как огурчик, но уж лучше бы не горячиться ей понапрасну.

— Не горячиться? М-да... Кстати, поторопись, если не хочешь, чтобы твои шахматы оплавилась. Скоро здесь будет жарко, — сказал Кристиан, ослабляя воротник плаща.

Когда Джулия предстала перед ним и, тыча ему в грудь светящимся пальцем, потребовала объяснений, японка сунула игральную доску под мышку и благоразумно испарилась.

— Что за лазейка, спрашиваю я вас? — напирала Венто. — Каким путем вы проникли в сад? И почему мои друзья не могут ничего толком рассказать?

Тот молчал, устремив на нее холодный взор. Она была охвачена огнем.

— Отвечайте! Отвечайте! — неистовствовала Джулия. — По вашей вине сад может

погибнуть! — Она трясла Кристиана за плечи, и ее жар опалил его.

— Послушай, ты не должна так напрягаться. Ты нездорова, — сказал он наконец.

— Нет, это вы послушайте! — Она перешла на угрожающий шепот. — Вы, предатель, изменник, вы поставили под удар Академию, а теперь подбираетесь к Аризу Кей. Но ничего у вас не выйдет! Я никогда вам не верила и впредь не поверю!

Поддавшись ярости, он резко отвел от себя ее руки и сжал, как ему показалось, с нечеловеческой силой. Однако, обжегшись, тут же отпустил, тогда как Джулия, похоже, совсем не почувствовала его железной хватки. Ее глаза пылали гневом, который делал ее столь же прекрасной, сколь и недосыгаемой.

— Ты судишь обо мне превратно, — сказал Кристиан, едва сдерживая эмоции. — Аризу Кей мне как сестра, а ты... — внезапно он оборвал речь, и взгляды их скрестились, словно рапиры на дуэли.

— Иди, собирайся, мы отправляемся на Крит, — выдержав паузу, добавил он, после чего отвернулся, оправил плащ и стал выжидать.

«Будь я мужчиной, — озлобленно подумала Джулия, — мы бы уже стрелялись».

«Будь ты мужчиной, я бы дал тебе пинка», — усмехнулся про себя Кимура.

Они поняли друг друга без слов.

Кристиан долго смотрел ей вслед, замечая, как мало-помалу угасает сияние.

— Ей нужно контролировать себя, — сказала хранительница, материализовавшись с ним рядом. — Иначе на Крите у нее будут проблемы.

— У нас у всех тогда будут проблемы, — невесело отозвался тот.

— Ты зря умолчал о вине, — вздохнула Аризу Кей.

— К чему ей знать о нашем с тобой давнем союзе? Ведь вместе с вином на поверхность всплывет и сей неизбежный факт. Пускай считает первооткрывательницей себя, пусть думает, будто знакомством с тобою я обязан ей. Ее опасно лишать розовых очков, по крайней мере, сейчас. В конце концов, правда не так уж и важна...

А правда состояла в том, что, помимо различного рода телепортаторов, к калитке на небесном острове существовал еще один ключ. До того как Кристиан увез Джулию из Рима, хранительница была помешана на виноградарстве. И ее кладовая просто ломилась от бутылок с волшебным кагором, когда, одним росистым утром, перед пагодой предстал незнакомец в черном плаще. Их встреча была подобна раскрывшемуся цветку пиона, майскому ветерку над лугом, радостному плеску волны. В те беззаботные, свежие дни их дружба цвела и крепла, как крепнет с годами вино. И хотя они не делились друг с другом своими планами, им было очень хорошо вдвоем.

О глобусе-телепортаторе знали лишь единицы, и он не представлял собою угрозы до той поры, пока до него не добрались студенты. Поэтому Кристиан беспрепятственно проникал в сад и возвращался в Академию, не вызывая подозрений. Джулия и Франческо всё испортили. Из-за них местоположение глобуса стало известно шпионам Морриса, и японке грозило серьезное вторжение. Поэтому Кимура вынужден был своими же руками разрушить мост, соединявший два измерения. Он рассказал о телепортаторе директору.

Во время последней прогулки вдоль побережья Кристиан с тяжелым сердцем поведал хранительнице о невозможности дальнейших встреч и выразил глубокое сожаление по поводу расставания. Аризу Кей была опечалена, однако после минутного раздумья она вдруг потащила его за собой, с вечернего пляжа, через лес, в сад. Она заставила его ждать возле пагоды и вскоре вернулась с увесистым подарком.

«Не пей, — коротко проинструктировала она. — Смешаешь с водой, коснешься пальцем — и ты снова здесь. Трех капель на стакан будет достаточно, но их действие завершится, не успеешь ты сосчитать до десяти. Поэтому будь бдителен. А теперь прощай!» — Сказав так, она взмахнула своим веером, и Кимура растаял в сумерках вместе с заветной ношей.

[35] Так китайцы называют русских за глаза

[36] Мне и так уже плохо! (кит.)

[37] Китайская водка

[38] Японские шахматы

Глава 17. Обезоруживающий свет

Под мостом бурлил ручей. Примыкавшую к пагоде рошу оглашали радостные крики и детский смех, и к этому звонкому, серебристому смеху изредка примешивался более низкий голос Клеопатры.

— Я обжегся сегодня, — немного помолчав, сказал Кристиан. — С Джулией творится что-то противоестественное, и, боюсь, ее превосходство надо мной очевидно.

— Да, — проронила Аризуну Кей. — Это как раз тот случай, когда ученик оказался способнее учителя...

— Но не допускаешь же ты, будто занятия каллиграфией и ежедневные тренировки пробудили в ней скрытую энергию? — с опаской спросил человек-в-черном.

— Я в этом уверена, — с достоинством ответила японка. — Как и в том, что через секунду зажгутся фонари.

Она простерла руку — и вдоль аллеи один за другим, точно передавая эстафету, вспыхнули лампы.

— Даю вам еще четверть часа, — сказала она. — Вы не должны оставаться в саду на ночь, иначе сон свалит вас с ног. Я договорилась с цветами, и теперь ночной порой они источают особый, дурманящий аромат. Многие из спасенных испытывают повышенную тревожность, и, вместо того чтобы спать, разгуливают по насаждениям, насвистывают, ломают ветки. Эдак невозможно медитировать! Вот я и придумала маленькую хитрость. На меня-то дурман не действует!

Джулию сложно было уговорить, а отобрать ветку-телепортатор и подавно. Она настаивала, чтобы Кристиан провел их «лазейкой», о которой он так упорно молчит.

— Лично мне, — говорила Джейн, нетерпеливо притопывая ногой, — совершенно безразлично, что синьор Кимура использует для прохода в сад. — Я не хочу валяться здесь до утра, а деревья вот-вот примутся расточать сонный газ.

— Пожалуйста, смилуйся над нами, о свет очей наших! — Франческо, который любил переводить всё в шутку, прибег к театральному жесту.

— Действительно, погасни уже! — взъелась на нее Джейн. — Анджелос говорит, что тот, кто не управляет собой, быстро скатывается на дно жизни.

— Что еще говорит твой Анджелос? — ехидно поинтересовался Росси. — Честное слово, она талдычит мне о своей новой пассии целый день без передышки, — поведал он Джулии.

Неожиданно та расхохоталась, и всё ее свечение как рукой сняло.

— Как ты сказал? Без передышки? Ха-ха-ха! Бедняга! — надрывалась она, согнувшись пополам.

Франческо не стал выяснять, кто же из них двоих бедняга — он или англичанка, потому что глубоко задетая Джейн насупилась и издала звук, отдаленно похожий на рычание.

...Ветвь сакуры лихо перенесла их к вилле Актеона, оштукатуренные стены которой подсвечивались яркими огнями. Солнце еще не взошло, однако Люси бодрствовала, поставив локти на подоконник и рассеянно глядя во двор из окна своей комнаты.

— Вовремя ты смилостивилась, — сказал Франческо, хлопнув Джулию по плечу. — А то меня уже стали одолевать снотворные пары. Хороший способ придумала японка, чтобы

нас выпроводить!

Человек-в-черном кашлянул.

— И вовсе не затем, чтобы выпроводить, — пылко возразила Джейн. — Ты же слышал, что сказал синьор Кимура: дело в беженцах.

— Пустая отговорка, — отмахнулся Росси. — Я-то знаю...

«Хм, любопытно, — подумала Люси, приспустив штору. — То они пропадают, то появляются из воздуха. Чудеса!»

«У них секреты, — думала она, застегивая блузку. — А я терпеть не могу, когда от меня что-то скрывают».

«Сколько лиц у Кристиана Кимура? — гадала Люси, подводя перед зеркалом веки. — Хоть мы друзья, он всё равно таится. Его, как книгу, и не прочитаешь. Не книга он, а запертый сундук. Сундук! Как метко! А-ха-ха-ха!»

Рассмеялась она вслух, да на удивление громко, и Актеон, который занимал комнату по соседству, недовольно заворочался в своей кровати.

— Какая рань, ох, какая рань! — зевнул он. — А помощница уж на ногах. Выписать ей, что ли, премию?

Белесый туман стелился по обочинам, скапливался в оврагах и напознал дырявой вуалью на луга, когда Люси, одна одинешенька на своем коне, выехала на дорогу. Прокукарекал петух; в псарне, за пышным особняком напротив, залаяли гончие, и в этот миг на востоке заблестала заря...

— Хотите верьте, хотите нет, а намедни я видела Аннет, — задержавшись на лестнице, сообщила Джейн.

— Где?! — хором воскликнули Франческо и Джулия.

— В лаборатории, той самой, куда мы сейчас направляемся.

— Невозможно, — отрезал Росси.

— Только этого не хватало, — проворчала Джулия. — Но... Может быть, ты обозналась?

— Ага, может, ты нанюхалась эфира и тебе померещилось? — поддакнул Франческо.

— Как бы ни так! — отозвалась англичанка. — Вытяжки у нас в кабинете работают исправно, так что версия с эфиром отпадает. К тому же, у меня острый глаз!

— Катастрофа, — заключила Венто.

По ее соображениям, Аннет Веку никак не могла оказаться на Крите. Будь поблизости Донеро, он бы подтвердил, что в момент отлета она находилась на земле, в толпе провожающих. Однако если принять во внимание ее умение завязывать знакомства и очаровывать людей, то новость Джейн не так уж и фантастична.

«Но с чего бы Аннет следовать за нами? — рассуждала Джулия, шагая с друзьями по глянцевым плитам коридора. — Видно, ей понравилось портить мне жизнь... Ох, нет, сама мысль о том, что она здесь, до ужаса абсурдна! Джейн нафантазировала, вот и всё».

Итак, последние сомнения с ее стороны были отмечены, тогда как Франческо отважился взлелеять в своем сердце мечты и воскресить столь нелепо угасшую влюбленность. Именно влюбленность, а не любовь, поскольку настоящей любви он ни к кому и никогда не испытывал.

«Я встречу ее и подарю ей огромный букет роз, — грезил он. — Ох, если бы она и вправду была на Крите!»

Джейн и Анджелос стали не разлей вода — в лаборатории о них шушукались все, кому не лень. Даже холодильники, казалось, гудели об этом; об этом распевали провода под потолками; об этом, а ни о чем другом, деловито жужжали центрифуги. Анджелосу грозили увольнением, потому что он чуть ли не каждый час отлучался с рабочего места. А Джейн страдала редкостной рассеянностью, путая реактивы и забывая выключать приборы. Эту «сладкую парочку» встречали повсюду. То их, непростительно счастливых, заставляли в вестибюле, то — шепчущихся — на лестничной площадке, то — умильно глядящих друг на друга — в буфете. Пресытившийся слухами, Франческо вел себя крайне раздражительно и ворчал на англичанку больше обыкновенного, не переставая думать об Аннет. Желание отыскать ее становилось всё навязчивее и несноснее, и чувство собственной ущербности лишь усугублялось, когда в лабораторию впархивала Джейн. Она пребывала на седьмом небе от счастья, тогда как Франческо варился в котле, где-то в седьмом кругу ада, и он умудрялся низводить ее до своего состояния всего-то набором отрепетированных едких фраз. Джулия была вынуждена слушать их пререкания и мелочные ссоры вот уже пять дней кряду.

— Можно подумать, ты ревнуешь! — говорила она итальянцу, надеясь его усмирить.

— Анджелос то, Анджелос сё! — передразнивал тот. — Этот Анджелос у меня в печенках сидит! Нет, чтобы помолчать, так она трещит, что твоя сорока! — спесиво добавлял он.

За время выяснения отношений Джейн успела разбить несколько пробирок, пару стеклянных стаканчиков и плоскодонную колбу, которую она изо всех сил обрушила на стол при последней размолвке.

— Ты ужасно склочный, тебя срочно надо женить! — взвизгивала она, выбегая из кабинета. Джулия могла почти с полной уверенностью предсказать, что точно так же она взвизгнет и завтра, и послезавтра, и через неделю...

«Какая жалость, — думала Венто, — что нам троим выделили всего одну лабораторию, куда и лаборанты-то захаживают нечасто!»

Когда ссоры затягивались, ее начинало мутить, и она с беспокойством замечала, как вспыхивает и распространяется по ладонным линиям золотое сияние, как начинают светиться ногтевые пластины на пальцах рук. Забывая об осторожности, она вылетала из кабинета и мчалась к своему учителю, который проводил эксперимент в предоставленном ему отдельном помещении.

— Сэнсэй! — вскрикивала она, задыхаясь. — Сэнсэй, я опять свечусь!

В его, лишь в его власти было остановить развитие недуга. При очередном «приступе» Джулия могла рассчитывать только на его помощь, поскольку все снадобья и эликсиры Аризу Кей оказались бесполезными. В обширной кладовой японки не нашлось ни травинки, ни листочка, которые устраняли бы симптомы этого диковинного заболевания, и, несколько разочаровавшись в себе, хранительница сказала Кристиану следующее:

— Известно, что от собственного яда

Не гибнут ни растения, ни гады.

А ветры, разгулявшиеся в шторм,

Как перестанут дуть, так шторм утихнет.

Кто направляет, тот отчет дает,

На том лежит ответственность и долг.

Ее болезнь — твой недосмотр, ошибка,

А ты ошибки исправляешь шибко.

В более простой формулировке это прозвучало бы как «сам виноват — сам и расхлебывай».

...- Рецидив? — осведомлялся Кимура, откладывая работу.

— Угу, — кивала Джулия. У нее пылали щеки, горели глаза и пульсировало в месте солнечного сплетения.

— Обязательно таким способом? — робко спрашивала она.

— Я пока не придумал ничего другого, — отвечал человек-в-черном, бережно заключая ее в объятия. — Часть твоей энергии перетекает ко мне, что предотвращает распространение света по твоему организму.

Джулия чувствовала исходивший от него тонкий аромат хвои, прохладу, идущую от плаща, и в бессилии смежала веки. Внутреннее горение изматывало ее, как изматывает пилигрима бесконечная дорога в дюнах под палящим солнцем. И будь вокруг нее хоть тысяча оазисов, они не смогли бы утолить ее жажду. Органы, сосуды, ткани — всё иссушалось зноем, который в ней воцарялся. И сколько ни противилась ее гордость, сколько ни восставал разум, она цеплялась за Кристиана, как за спасательный круг, и только рядом с ним находила отдохновение.

«Проклятушая болезнь! — досадливо думала она, прижимаясь щекой к его плечу. — Прогрессирует ведь! Эдак я сгорю, как сгорают в атмосфере метеориты».

Моррис Дезастро медленно спускался в подземелье, вода фонарным лучом по отсыревшим ступеням. В его катакомбах томились предатели, воры и «гости». Предателей он подвергал жестоким мучениям, после чего казнил на виду у своих единомышленников, чтобы тем было неповадно. Числившиеся в банде взломщики и карманники попадали за решетку в том случае, если имели несчастье польститься на добро крестного отца или же поживиться за счет его приближенных. С «гостями» Моррис тянул канитель, запугивая их пытками и выведывая номера их банковских счетов.

Гости на остров Авго допускались лишь по предварительно разосланным приглашениям, целью которых было заманить в ловушку богачей со всего мира. Причем приглашения эти составлялись таким образом, чтобы удовлетворить предпочтения и капризы каждого клиента. Сердобольным знатым дамам писали, что на острове такого-то числа пройдет благотворительная вечеринка. Зажимистые миллионеры-холостяки велись на предложение бесплатно провести вечер в компании вышеупомянутых знатных дам. Ценителям искусства предлагалось посетить аукцион, поклонникам спорта — похвастать кубками, пустить пыль в глаза или просто сыграть партию в гольф. Любителей вкусно поесть ждали кулинарные изыски греческой кухни, а зажиточным модницам предоставлялась возможность пощеголять в нарядах перед своими конкурентками.

Весь этот бомонд собирался в атриуме так называемого Моррисового особняка, связанного с маяком при помощи подземного хода. Снаружи особняк представлял собой памятник античной архитектуры, нежилое, полуразрушенное, однако не потерявшее своей привлекательности строение. Местная полиция не замечала, чтобы кто-нибудь входил или выходил оттуда, за исключением тех дней, когда на остров приезжала толпа разодетых, чванливых богачей. Фуршеты Моррис специально организовывал в туристические сезоны, дабы ни одна живая душа не заподозрила, что древнее здание является стратегически важным объектом. Там, внутри, он вытряхивал из посетителей деньги. Иногда сбор дани проходил без шума, а иногда приходилось прибегать к оружию, что незамедлительно

действовало даже на самых упрямых. Правда, находились и такие закоренелые сквалыги, которые дорожили мощной больше, чем собственной жизнью. Этих, последних, Моррис бросал в затхлые камеры подземелья, где проводились пытки.

Он не видел резона в том, чтобы оставлять после каждого пиршества горы трупов, а избавляться от «подержанных» клиентов в любом случае было нужно.

«Бескровный метод — метод безотказный», — посчитал Дезастро и приказывал никого из здания не выпускать до тех пор, пока каждому из гостей не будет сделана инъекция наркотика, воздействующего на память. По окончании вечеринки ничего не помнящих жертв погружали в катер и отвозили на какой-нибудь безлюдный берег. Когда же туристов находила полиция, они не могли толком объяснить, ни откуда взялись, ни куда держат путь, а вид их далеко не соответствовал их социальному статусу.

Продвигаясь вдоль обомшелых стен и пыточных камер, Моррис слышал чьи-то вопли, металлический скрежет, эхо изрыгаемых проклятий. Но его в катакомбы привело отнюдь не желание поприисутствовать на пытках, нет. Он шел к своим слиткам золота, к своим алмазным россыпям и платиновым залежам, к сундукам с чеканными монетами и сейфам с акциями. И жилка под шрамом у него на виске подрагивала вовсе не из-за угрызений совести, но из-за нетерпения поскорее увидеть, пощупать, окунуться в море несметных сокровищ. Он охотно подписался бы под словами «жизнь удалась», если бы не один прискорбный факт, осознание которого не давало ему покоя, а порой даже доводило до иступления, — похищенный бриллиант величиною с грецкий орех.

За этот бриллиант Моррис придушил бы собственную мать, а тут речь шла всего-то о молодом, неопытном мошеннике Федерико, который, однако, сумел пробраться в мафиозную сокровищницу, украсть камень и скрыться с ним в неизвестном направлении. Голова грабителя оценивалась в заоблачную сумму, и Дезастро тешил себя мыслью, что рано или поздно драгоценность вновь обретет своего хозяина. Вся эта груда металлов, пускай и благородных, не стоила ничего, по сравнению с пропавшим бриллиантом. «Королевская слеза», как называли камень бывшие владельцы, могла поднять из грязи и облагородить любого бедняка. Если Федерико продал «слезу», он уже наверняка сделался олигархом, купил себе самолет и был таков. Эта мысль так и зудела у Морриса в мозгу, и он был готов порвать на клочки любого, кто сообщит ему подобную новость. Но новостей не поступало: его люди по-прежнему прочесывали города и деревни, караулили аэропорты, справлялись о беглеце в гостиницах и госпиталях, однако без каких-либо ощутимых результатов.

— Небось, прячется в норе, где-нибудь на пустошах, — рокотал Дезастро, мечась по сокровищнице. — Ну, ничего, скоро я его выкурю, выкурю, как поганого вредителя!

Тут он достал трубку, нервно набил ее табаком и запихнул в рот. Он дымил, как паровоз, рискуя привести в действие систему пожарной сигнализации, чертыхался, а его аспидно-черное пальто угрожающе шуршало полами, следуя тенью за ним по пятам. Зачесанные назад лоснящиеся волосы, строгий профиль, острые скулы, искривленные в некоем подобии усмешки губы... Будь с ним сейчас Люси, она бы непременно отпустила замечание по поводу его внешности, не преминув пошутить, что с его фотографии вполне можно писать портрет Кристиана Кимура.

Помимо обширного виноградника и уникальных пород лошадей, особую гордость Актеона составляла его многоэтажная библиотека, вмещавшая в себя тысячи и тысячи томов, вышедших из-под пера, печатной машинки и клавиатуры представителей самых разных эпох.

Полки громоздились здесь друг на дружку, взбираясь до крыши, и важно глядели на читателей сверху вниз. Там, куда можно было залезть разве что по приставной лестнице, хранились наиболее редкие сочинения классиков, книги, уцелевшие после инквизиции, древние пророчества и раритетные труды ученых средневековья. Библиотека пропахла бумагой, как лес — грибами после дождя. Коричневые потрепанные корешки книг гармошкой опоясывали стены, украдкой смотрели из уголков, а в центре старинного зала стоял рояль. Актеон приобрел его у одного искусного мастера, изготовившего клавиши из слоновой кости, а сам корпус — из дорогой резонансной ели.

Теперь отчасти должно стать понятно, почему Кристиан избрал местом уединения именно библиотеку: рояль полюбился ему с первого аккорда. В отличие от большинства своих весьма посредственных собратьев, он звучал, как подобает звучать концертному инструменту, а Кимура в свое время закончил музыкальный колледж и был непрочь поразмять пальцы.

Клавиши отзывались на его прикосновения чарующим звучанием, и чувство единения с инструментом мало-помалу завладело всем его существом. Вот почему он не услышал, как в библиотеку вошла Джулия и на цыпочках подкралась к роялю. Довольно долгое время она неподвижно стояла у него за спиной, наблюдая, как он переворачивает страницы какого-то нескончаемого этюда.

«Ну, этюд — это скучно, — подумала она, зевнув. — Нам бы Баха или Рахманинова...» — Ее взгляд принялся блуждать вдоль полок, где в великом множестве теснились хрестоматии.

Финальное трезвучие заставило ее вздрогнуть. А потом Кристиан отвернул еще страницу и с невозмутимой легкостью исполнил новый пассаж длиной в несколько тактов.

«Аллегро Шнейдермана, — отметила Джулия. — Интересная вещица».

Она плавно под села к учителю на скамью и стала импровизировать.

«Ага, в четыре руки, значит», — подумал Кимура, скосив глаза в ее сторону.

«Вы уж не сердчайте», — мысленно обратилась к нему Венто.

«Да что там! Выходит ведь вполне сносно. У тебя получаются неплохие экспромты».

«А у вас непревзойденная техника. Где вы учились?» — не раскрывая рта, спросила его Джулия.

«Меня обучал один выдающийся корейский пианист».

Музыка разносилась по залу звонкими, неосязаемыми струями, стелясь по паркету и достигая выси. Этой музыкой упивался Актеон, разбирая бумаги в своем кабинете. Эту музыку ненароком услышала Люси.

«Здесь слишком много бемолей», — беззвучно пожаловалась Джулия.

— Сыграем что-нибудь попроще? — предложил Кристиан.

— Я видела на полке сборник романсов, — сказала та, всё еще сражаясь с бемолями на пятой октаве.

— В желтой обложке?

— Ага.

Кристиан поманил желтый сборник пальцем, и тот, послушно шелестя листами, вылетел из книжного ряда, опустившись прямо ему в руки. Романс некоего Серджио Эндриво был выбран наугад и, с точки зрения синьора-в-черном, выбран весьма удачно, поскольку являлся практически признанием в песенной форме.

— *C'e gente che ha avuto mille cose*, — на два голоса пели они. — *Tutto il bene, tutto il male*

del mondo.[39]

Джулия восторженно брала высокие ноты, воздух над нею звенел обертонами, и ей было всё равно, какой у этой песни смысл. Однако когда Кристиан бархатным баритоном затянул «Io che amo solo te!» [40], она вновь засветилась, но уже от удовольствия, а не от негодования, как в прошлый раз.

Спиру так увлекся их дуэтом, что даже начал подпевать им за стенкой своим могучим басом. Артистично сложив в стопку подписанные документы, он выскочил из-за стола и исполнил комическое антраша на ковре перед окном.

Во время игры Кристиан нечаянно коснулся руки Джулии и лишь тогда обнаружил, что его пациентка светится, как огромная лампа накаливания. Он резко оборвал мелодию.

— Почему остановились? Здесь реприза, — сказала Венто, разбирая такт. — Видите, «когда губы лгут, а сердце немо»... — И она попыталась солировать.

— Подожди, Джулия. Ты горишь! — в волнении проговорил Кимура. — Встань.

— Странно, я ничего не ощущаю.

— Глянь на свои ладони!

— Странно, — повторила та, щурясь от их сияния. — Раньше эта болезнь приносила мне одни страдания, а теперь... теперь внутри меня забил какой-то неведомый источник радости. Я не понимаю.

Ни слова не говоря, Кимура привлек ее к себе, и в этот самый миг дверь в библиотеку бесшумно приотворилась. Люси, чья белокурая головка показалась в проеме, едва сдержала гневный возглас:

«Эта девчонка — с ним?!» — Она стиснула кулаки, да так, что ногти впились в кожу, и, захлебываясь яростью, убежала прочь.

«Разлучить! — скрежетала она, взлетая по лестнице. — Раз-здавить! Уничтожить!»

Ворвавшись в свою комнату, Люси бросилась на кровать и зарылась лицом в подушки. Ее сотрясали рыдания.

Кристиану понадобилась целая четверть часа, чтобы перекрыть льющиеся через край потоки света. И хотя Джулия не выражала восторга по поводу такого метода лечения, протестов от нее тоже было не слышно.

— Знаете, я что-то почувствовала, — сказала она, слегка отстранившись.

— Да? И что же? — ободрился «целитель».

— Сквозняк. Вон, посмотрите! — указала она на дверь. — Я точно помню, что, когда вошла, щели не оставляла.

«Здесь кто-то был, кто-то нас видел, — пронеслось у Кристиана в уме. — Только б этот кто-то всё правильно истолковал...»

Справившись с приступом отчаянья, помощница Актеона прибегла к самому простому, что может изобрести обиженная женщина, — к мести. Средств для этого у нее было предостаточно, рвения тоже, ведь обиду-то она затаила смертельную. Поэтому ее сопернице грозило если не вечное забвение, то тюрьма, а если не тюрьма, то, по крайней мере, плохая репутация. Ядовитые иглы, концентрированные кислоты, разъедающие порошки и токсины у Люси не переводились никогда, и она задумала пустить их в ход, прежде чем Кристиан окончательно потеряет голову. В тот же вечер, сославшись на несварение, она поднялась из-за стола прямо посреди ужина. Новый повар Актеона пришел в бешенство: как это, от его стряпни — и вдруг несварение?! Он вихрем умчался на кухню и потом долго бушевал там, швыряясь черпаками и нещадно кромсая лук мясным ножом.

— Стоило бы ее проведать, больно уж она была бледна, — шепнула Джейн на ушко Джулии. — Анджелос говорит, что людей в таком состоянии оставлять негоже.

Услышав последнюю фразу, Франческо быстренько доел свою порцию, с набитым ртом сказал «Ха!» и отправился вслед за поваром.

Кристиан глубокомысленно молчал, сложив на груди руки и гипнотизируя висящий перед ним натюрморт; Актеон ругался по телефону с поставщиками. Девушки переглянулись и пожалы плечами: действительно, если Люси нездоровится, почему бы за ней не поухаживать?

Люси же, будучи в прекрасной форме, никак визита не ожидала, а потому направилась напрямик в их номер, вооружившись связкой отмычек и «набором юного отравителя», куда входили склянки с цианистым калием, героин, пузырек с раствором мышьяка, а также несколько пресловутых игл-убийц.

«Обойдемся покуда без смертей, — решила мстительница. — Посмотреть бы, как перекоится у Спиру физиономия, когда он обнаружит здесь улики... неопровержимые доказательства вины Джулии Венто!»

«Главное не ошибиться, — бормотала она, колдуя с замком. — Ведь живут они вдвоем, спят на двух кроватях. Которая из них — ее?»

«Ненависть глуха, любовь слепа, — рассуждала Люси. — Выходит, если ты одержим и тем, и другим, ты, почитай что, калека. И ни очки, ни слуховые аппараты тебя не спасут. Хотела бы я, чтоб у меня было каменное сердце».

... Внутри она сразу освоилась и первым делом обратила внимание на тумбочку у стены.

Там, среди предметов туалета, на салфетке лежала ветвь сакуры, живая, цветущая, словно только что сорванная с дерева.

— Ума не приложу, — пробормотала Люси. — Для чего здесь проводки и как они крепятся??

Заслышав шаги, она поспешно спрятала ветку за пазуху и повернулась к двери, готовая при необходимости напасть на того, кто войдет. С собой у нее всегда имелся кинжал, а сноровка подводила ее редко.

— Вы? — удивилась Джулия, замерев на пороге. — Мы с Джейн думали, вам плохо.

— О, нет, то была ложная тревога, — Люси выдавила улыбку и попятилась к окну.

— А что вы здесь делаете? Что за пакет у вас? Это для меня? Или, может, для Джейн? Если для Джейн, то она будет нескоро: в последнюю минуту ей позвонил Анджелос...

Помощница грека чувствовала себя ужасно глупо, у нее задергался глаз, а руки так и чесались, чтобы схватить кинжал и разом покончить с этой болтовней. Но что-то мешало, что-то, чего она сперва не заметила: легкое дрожание света у Джулии в волосах, которое можно было запросто спутать с солнечными бликами, если бы не одна деталь. Солнце давно перекочевало на западную часть неба, тогда как окно в комнате выходило на восток. Из ламп же горел только тусклый торшер.

По-настоящему Люси испугалась, когда дрожание усилилось и девушка стала напоминать огромный бенгальский огонь.

— Т-ты чего?! — не своим голосом проговорила воровка. Ее зубы выбивали дробь. — Т-ты это брось! — Она отступала, пока не натолкнулась спиной на шкафную стенку, и, едва не теряя сознание, сползла на пол.

— Что? Что такое? — взволновалась Венто. — Опять, да?! Проклятое свечение! Ах

когда же оно прекратится?! — Досадуя на судьбу, «бенгальский огонь» выбежал на площадку, нимало не озаботившись тем, чтобы закрыть за собой дверь.

«Обошлось», — с облегчением подумала Люси, закатив глаза к потолку. Ей так и не удалось подложить Джулии яды. С трудом поднявшись на ноги, она вперевалку добралась до своей опочивальни, безрезультатно задаваясь вопросом, что же привело ее в комнату для гостей.

[39] Есть люди, у которых тысяча вещей... всё хорошее и плохое, что бывает в мире (ит.)

[40] Я люблю лишь тебя (ит.)

Глава 18. Пожар

Донеро гулял по весеннему парку Академии, привычно обернув вокруг шеи клетчатый шарф и пыхтя трубкой. Несколько четверокурсников наблюдали за ним в окно биологической кафедры, шушукаясь о нем, о его ученице, а еще о том, что его будка чересчур неказиста и сам он старомоден. Географ же, задрав голову, на ходу любовался шоколадными почками с зелеными хохолками, темно-коричневыми почками, плачущими бриллиантовой смолой, белыми пушистыми котиками на темных, точно вычерченных тушью ветвях, и не было ему дела до пересудов да праздных разговоров, не чуждых и маститым академикам. Да что там, иной раз погрешал даже Деви!

Но не таков был Донеро: ему претила болтовня, а желторотым сплетникам он мог и вовсе уши надрать.

Но сегодня на него напала лень. «Никакой воспитательной работы — сказал он себе. — Занятия отменяются, — заявил он директору. — Меня замучает совесть, если я пропущу торжество Весны».

«Торжество? — оживился Деви. — Когда? Где?»

«В парке, от рассвета до заката. Я просто обязан на нем присутствовать».

«А, была не была! Я с вами!» — сказал директор, хватая свою шляпу и выволакивая оторопевшего географа из кабинета.

Прогулка в компании главного из главных в планы Донеро никак не входила, поэтому он решил потеряться, избрав для такого предприятия самый запущенный уголок парка. Сатурнион Деви был на редкость липуч и упорно не желал отставать, семена за географом, словно преданная собачонка. Но вот, наконец... Слава нерадивым садовникам! Слава безответственным вертоградарям! Донеро ускорил шаг, нырнул в заросли и потом, давясь от смеха, четверть часа кричал «ау!», заставляя эхо лететь в сторону, противоположную той, где он прятался. Однажды заключив сделку с эхом, он был горазд на акустические ухищрения.

Пошедший по ложному следу и порядочно уставший от бесплодной беготни, Деви кое-как добрал до ступеней центрального входа, уселся там и промакнул лоб платком. А довольный своей изобретательностью Донеро выбрался из укрытия и, посвистывая, двинулся к дворцовому ансамблю, попросту именуемому общежитием. В его светлой голове сами собой стали складываться стихи:

День свеж, день радостен.

Я думать не хочу.

Пусть прошлое останется за бортом.

А будущее, что мираж, растает.

Я лучше погляжу на облака.

В поля бы мне, в туманные луга!

Да мраморные стены не пускают...

Грезила о лугах и Джулия, сгорбившись над лабораторным прибором, который вышел из строя, едва она к нему притронулась.

— Допотопная машина! Не выдерживает ни малейшего напряжения! — досадовала она.

— А нечего было искры метать! — напустился на нее Франческо. — Угораздило же тебя светиться! Мне, между прочим, на этом спектрофотометре еще образцы мерить!

— Будет тебе, ворчун, — встряла Джейн. — Не мучь ее. Она же не нарочно! Всему

причиной особенностью ее организма или, лучше сказать, аномалия. У меня у самой нарушенное восприятие: утром опять видела Аннет. И вела она себя очень подозрительно...

— Я один среди вас нормальный, что ли?! — воскликнул итальянец. — Прибор барахлит, Венто искрит, что твоя проводка, у Грин галлюцинации! Пойду я от вас, — собрался было он и вдруг повел носом. — Горелым пахнет. Эй, это всё твои проделки, Джулия?! Надо было сразу за синьором Кимура послать, а не ждать, пока «оно» само пройдет. Теперь прибору точно крышка, раз он горит.

— Это не он горит, — обеспокоенно сказала Джейн, прижавшись лбом к окну. — Это мы горим! Посмотрите, этажом ниже настоящее бедствие!

— Что? Пожар?! — всполошился Франческо, хватаясь за голову. — Ой-ёй-ёй, что же делать, что делать?!

— Мамочка, — прошептала англичанка. — А что, если подвальные помещения тоже в огне? Там ведь Анджелос...

По всему периметру из здания валили густые клубы дыма; пожирая деревянные балки, безголосо ревел огонь. Люди звали на помощь, где-то от сильного жара лопнуло стекло. Скоро облако копоти заволокло тот единственный участок неба, который был виден из окна, и Джулии показалось, будто померкло солнце.

«Как это случилось? — оцепенев, думала она. — Почему?»

Тем временем Франческо, словно ошалелый, кружил по кабинету со своим бесконечным «ой-ёй-ёй», бросаясь то к холодильнику, то к раковине. Намочив несколько тряпок, он смастерил себе нечто наподобие респиратора и метнулся к двери. Однако, притормозив у порога, он вернулся за Джейн, которая к тому моменту потеряла остатки самообладания и, забившись в уголок, твердила, что боится и что готова сгореть заживо, если ее Анджелоса не спасут.

— Бежим! — прогремел на Росси ей на ухо и, бесчувственную, рывком поднял на ноги. Джулия отпрянула от окна, потому что воспламенились занавески, и поспешила покинуть лабораторию. В коридоре она столкнулась с Кристианом, который сгреб ее в охапку и увлек к пожарному выходу, невзирая на ее отчаянное сопротивление.

— Франческо! — кричала она. — Джейн! Их нужно догнать, слышите?! Что если они не смогут выбраться?

— Не волнуйся за них, — отвечал Кимура, кашляя от дыма. — Я видел, с какой прытью они пропустили. Будут на улице раньше нас! Поторопись, радость моя, не то мы с тобой поджаримся, как две индейки в день благодарения!

Люди спешно эвакуировались, сбегая по металлическим ступеням лестницы и высыпая из парадных дверей. Безостановочно голосила сирена. Сквозь охваченную паникой толпу продирался заведующий, проворно работая локтями и время от времени оглядываясь через плечо. Когда-то его предприятию сулили великое будущее, в его проекты вкладывались немалые средства. А теперь спонсоры потребуют всё назад — и прощай безбедное житье! Его капитал неотвратимо, дюйм за дюймом, превращался в обугленные развалины. Пожарную бригаду вызвали слишком поздно, и сотрудникам вместе с прохожими оставалось только смотреть на это огненное пиршество. Смотреть да ужасаться.

Джейн отчетливо запомнились те страшные мгновения, когда они с Франческо пытались высвободить Анджелоса из его удушливой камеры. В памяти раз за разом вставали неправдоподобные картины залитых пламенем кабинетов, рушащихся перекрытий и грязных облаков дыма, от которого щипало в глазах. Когда ребята примчались в подвал, грек изо всех

сил колотил в железную дверь, замок которой заклинило. Джейн плакала и причитала, пока Франческо, весь в поту, храбро сражался с препятствием. Храбро, но безуспешно. Анджелос начал ослабевать: кулаки разрозненно ударили по кованому железу, после чего по ту сторону установилась зловещая тишина. Огонь трещал и выл совсем близко — находиться в подвале становилось опасно.

— Нет, Анджелос, не-е-ет! — истошно вскричала Джейн, как будто себя из себя хотела выкричать, и ринулась в гущу пламени. Росси вовремя перерезал ей путь, но как она извивалась, как билась в его руках! Можно было подумать, она сошла с ума.

В ее воплях словно бы соединилось, слилось воедино всё страдание мира, и Франческо, который тянул ее за собой по безлюдному теперь коридору, представлялось, что этот скорбный плач вырывается из его нутра. Повсюду на стенах плясали огненные всполохи, дышать становилось всё труднее, а Джейн никак не унималась, рыдая в голос и выкрикивая имя своего возлюбленного. Имя, которое в прошлом так раздражало Франческо.

Ради кого он рисковал жизнью, бросаясь спасти Анджелоса? Ради самого Анджелоса? Ради себя? Он поразмыслит над этим чуть позже. А сейчас, когда едкий дым наконец заставил англичанку замолчать, когда она лишилась сознания и Франческо вынужден был нести ее на руках, когда его со всех сторон припекало жаром, ему хотелось лишь одного: выбраться поскорее на свежий воздух, напиться чистой воды и лечь на траву.

Позднее поговаривали, что очагов возгорания было несколько и что именно поэтому огонь в одночасье поглотил этажи. Бывший заведующий перебирал в уме возможные кандидатуры на места заключенных в ближайшей тюрьме. В своих лаборантах он не сомневался ни на йоту — они не могли совершить поджог хотя бы потому, что лаборатории они посвятили лучшие свои годы. Из новичков под подозрение попадали прежде всего подопечные Актеона, а также некая Прилла Айн, выдававшая себя за немку и объяснявшаяся с сотрудниками пока только с помощью разговорника. Эта Прилла приехала в Ираклион якобы по совету одного высокочтимого профессора, связаться с которым оказалось весьма и весьма проблематично. Так и не получив ответа по электронной почте, заведующий уже в десятый раз набирал его номер, когда поднялась тревога. Да, нынешнее происшествие говорило далеко не в пользу Приллы, чей заграничный паспорт, виза и рекомендательное письмо вполне могли оказаться подложными. И где она теперь? На улице? Под горящими обломками? Нет и нет. Он был почти уверен, что сейчас Прилла держит путь в аэропорт.

«Никогда, никогда не нанимай человека с бегущим взглядом, — вспомнился ему наказ старшего товарища. — У таких субъектов совесть нечиста».

— Вот ты и прошляпил, вот и проворонил! — в сердцах воскликнул экс-заведующий, и его голос влился в нестройный хор возбужденной толпы. — Чем мне теперь руководить? Горсткой пепла?!

Вдруг чья-то рука мягко опустилась ему на плечо.

— Не расстраивайтесь, дружище. Мы с Актеоном не бросим вас на произвол судьбы.

— Люси! Как я рад, что вы пришли утешить меня в эту тяжелую минуту! Актеон много сделал для меня, и моя благодарность к нему безгранична! Но, к сожалению, потери столь велики, что я не имею возможности расплатиться с долгами прямо сейчас.

— О, это потерпит. А вы не видели Кристиана? Я его ищу.

— В такой суматохе разве разберешь, где кто? — подавленно отозвался тот. — Если вы об итальянце с внешностью корейца...

Люси согласно закивала.

— ... то, увы, я его не видел.

Ее показное спокойствие улетучилось в мгновение ока. Быстрые, прерывистые языки пламени лизали карнизы, обгладывали крышные свесы и сплетались друг с другом, полыхая заревом на дымчато-белом небе. Бригада пожарных не без успеха атаковала огнедышащее строение, отфыркивающееся из-под крыши яркими искрами и плюющееся битым оконным стеклом. Люси пробиралась сквозь толчею, терзаемая скверными предчувствиями. Что, если Кристиану не удалось покинуть здание, что, если он сгорел, придавленный какой-нибудь тлеющей балкой? Нет, он не мог так нелепо погибнуть! Такая смерть не для него!

— Вы не встречали человека в черном плаще?

— Вам не встречался мужчина с восточным разрезом глаз? — с всё возрастающим волнением спрашивала она у прохожих. — Ах, Кристиан, Кристиан, только б ты был жив!

Надо сказать, во время эвакуации Кимура не получил ни ожогов, ни даже царапин. Зато порядочно обгоревшего Франческо приветствовали, как героя. Те, с кем он никогда не был знаком, теперь пожимали ему руку и наперебой предлагали свою помощь. Вокруг бесчувственной Джейн немедленно сгрудились добровольцы, и каждый был готов отвезти ее в свой дом, накормить и выходить. В общем, самоотверженность Франческо затронула сердобольных греков до глубины души. Предстань он перед ними в смокинге, надушенный да причесанный, эффект вряд ли был бы тот же.

Пока греки совещались, как поступить с Джейн, невесть откуда появился Кристиан — точно из-под земли вырос — и невозмутимо поднял ее со скамейки, приказав новоиспеченному герою следовать за собой.

Джулия ждала их в скверике, неподалеку от института, выводя иероглифы палочкой на песке.

— Нужно перенести ее к Аризу Кей, — решительно заявила она, когда Джейн устроили под деревом, уложив на плащ Кристиана. — В саду уж точно найдется какой-нибудь эликсир.

— Нет, с этим я сам разберусь, — сказал Кимура, доставая портативную аптечку. И едва он ввел англичанке инъекцию, как на него, со слезами и радостными возгласами, набросилась Люси.

— Где ж ты пропадал?! Я с ног сбилась, пока тебя искала! Извелась вся! А ты вон где, целехонек!

Судя по всему, Кристиану этот поток эмоций пришелся не по нраву, и, пока она изливала душу, повиснув у него на шее, он не проронил ни слова. Казалось, на свете для нее существует только он один: студентов она попросту не замечала.

Увидав кислую мину своего наставника, Джулия и Франческо обменялись недоуменными взглядами. А Джейн, щеки которой вновь порозовели, испустила глубокий вздох.

— Где Анжелос? — слабо спросила она, делая неуклюжие попытки подняться с земли. — Что с ним?! — задрожала она, со всей ясностью вспомнив недавние события. — Отведите меня к нему!

— Тише, тише! — взмолилась Джулия. — Побереги себя!

— Зачем? Что я без него?! Скажите, его спасли? Ну же, давайте, утешьте меня! Всё хорошо, да? Неприятности позади, не так ли? Что обычно говорят в таких случаях?

— Прости, — выдавил Франческо, тщательно избегая ее взгляда. Он отвернулся, чтобы собраться с духом и сообщить ей ужасную правду.

— Он умер, да? — истончившимся голосом спросила она. — Умер! Умер!

Внезапно она рассмеялась, да так жутко, что у Джулии и Франческо даже волосы на голове зашевелились.

— Предсказание!... А-ха-ха-ха! Поглотит пламя! — Она корчилась в припадке безумного, дикого хохота, и на нее было страшно смотреть. — Книга!... А-ха-ха-ха! Не в бровь, а в глаз!

Росси украдкой покрутил у виска.

— Бедняжка, — пробормотала Венто.

Джейн билась в истерике, безостановочно хохоча и катаясь по земле, и Люси, как бы ей того ни хотелось, не могла долее удерживать Кристиана.

— Ты на машине? — спросил Кимура, чуть ли не отлепляя ее от себя. — Боюсь, кое-кому скоро понадобится реанимация.

— Да, здесь, неподалеку... Я подъеду, я мигом!

Всю дорогу от института до Актеоновой виллы Люси, как ни странно, хранила молчание и выглядела чересчур уж серьезной. Джулия ловила ее взгляд в зеркале заднего вида — взгляд затравленной, напуганной кошки, кошки с выпущенными когтями, готовой прыгнуть в любой момент. И если бы не гудение мотора, шуршание колес да стоны надломленной Джейн, тишину действительно можно было бы назвать гнетущей. Франческо, который обыкновенно любил развесить уши и почесать языком, на этот раз язык словно проглотил. От заядлого шутника не добиться теперь было ни шуточки.

Припарковав автомобиль у ворот виллы и не вынимая ключа зажигания, Люси срывающимся голосом потребовала, чтобы студенты отправлялись в дом, так как их учитель задержится.

— Да, он задержится, — деликатнее добавила она, словно бы извиняясь за свою дерзость. — Но ненадолго. У меня к нему есть разговор.

Кимура вздернул брови, однако перечить не стал.

— Идите же, идите, — распорядился он. — И позаботьтесь о Джейн. Дайте ей успокоительного, пусть примет горячую ванну... На крайний случай вызовите врача.

— Будет сделано, синьор, — пообещал Франческо, покидая машину вслед за остальными.

Хлопнула дверца. Люси сжимала и разжимала кулаки, а потом вдруг резко нажала на педаль газа. Позади за клубилось огромное облако пыли.

Остановившись у ангара, который ввиду кризиса пустовал, она перевела дух.

— Если этот маневр нужен был, чтобы уйти от слежки, то ты преуспела, — иронически заметил Кристиан.

— Мне не до смеха. Мне, правда, сейчас не до смеха, — с горечью отозвалась та. — Дезастро застал нас врасплох. У института я видела двоих... Да, разумеется, там было много народу, но этих я сразу вычислила. Первый — Каско, известный у вас в Академии под прозвищем Туоно.

Кристиан мысленно проклял свою недалекость.

— Он отыскал бы нас и на краю земли!

— А второй, — продолжала Люси. — Вернее, вторая. Мне не удалось как следует рассмотреть эту особу. Лицо скуластое, сама она неказиста и угловата. А волосы цвета спелых колосьев.

— Ты льстишь ей таким описаньем. Это наша студентка, по фамилии, кажется, Веку.

Мои ученики ее не жаловали, а Джулия так и вовсе считала своим смертельным врагом. Видимо, неспроста...

— Крис, нужно немедленно что-то предпринять, иначе мы погибнем! Моррис не из тех, кто сдается, понимаешь?! Он пойдет до конца! И как бы мы ни уворачивались, как бы ни изловчались, он поймает нас, поймает и прихлопнет!

— Я уже обо всем подумал, — спокойно сказал Кимура. — Нам нужно съехать от Актеона.

— Ага, а еще сменить имена и сделать пластическую операцию, — От Люси повеяло скепсисом.

— Да нет же, нет! Привечая нас, Актеон действительно подвергается серьезной опасности, а уехав, мы отведем угрозу и от себя, и от него. У нашего друга и так сейчас нестабильное материальное положение — лишние рты ему только в тягость.

— Что верно, то верно, — пробормотала Люси, сплетая и расплетая пальцы. — Ко всему прочему, на вашем счету уже есть невинная жертва. Джейн упоминала некоего Анджелоса...

— Честное слово, на что рассчитывала эта парочка, устраивая поджог? — вознегодовал Кимура. — На то, что мы будем сидеть сложа руки и покорно ждать, пока огонь не превратит нас в барбекю?!

Люси промолчала, исподлобья взглянув на него.

«Что побудило Аннет Веку примкнуть к этому негодяю Туоно?! — гадал Кимура, погрузившись в раздумья. — Либо он ее запугал и она еще не поняла, какую учинила гнусность, либо у нее имеются собственные мотивы и она желает нашей смерти столь же сознательно, сколь и истово. А если так, то ни Моррису, ни Туоно не раздобыть средства более могучего и оружия более сокрушительного, чем Аннет. Человек, затаивший злобу и давший ей укорениться в своем сердце, в разы опасней человека хладнокровного и расчетливого».

Люси медленно вела машину по бездорожью, прямо к винограднику. Стелясь по капоту и поглаживая дверцы, зашуршали широкие шершавые листья лоз.

— Актеон не будет возражать, если я оставлю ее здесь, — сказала она, выключив двигатель. — Он даже и не узнает. Мы покинем это место завтра утром. Я напишу прощальную записку.

— Да-да, — безучастно проговорил Кристиан. Мысль о том, что придется уехать, впервые тяготила его. Будущее представлялось ему размытым и неопределенным. Им опять, как тогда, на плоскогорье, негде будет приклонить голову. В каждом рабочем, в каждом простолюдине им будет чудиться Туоно, и разящая десница рано или поздно занесет над ними клинок.

«Наши страхи делают полдела за наших врагов, — усмехнувшись, подумал Кимура. — Стоит поддаться страхам, как ты уже одной ногой в могиле...»

— Люси! — окликнул он, когда они продирались сквозь заросли. — Люси... Не говори никому, почему мы уезжаем. Если спросят, скажи, что долгие походы излечивают лучше всякого лекарства. И ни слова о мафии.

— Понятно.

Виноградник от виллы отделяла полоса плотно посаженных кустарников, гнутких фикусов и поросли дрока. Люси шла бойко, не озираясь, и ветки то и дело хлестали Кристиана по щекам.

«Я доверяю ей больше, чем кому-либо, а ведь и у нее-то рыльце в пушку, — думал он. — С таким же успехом я мог бы поведать о своих планах Моррису... Хотя нет, ей ведь тоже грозит расправа, оттого она и боится. Нет, она не предаст».

«Правда, она может приревновать к Джулии, — рассуждал он, пересекая площадку для мини-гольфа, — если уже не ревнует. Нужно объяснить ей, отчего происходит свечение и почему я прибегаю именно к такому методу врачевания; убедить ее, что между мною и Джулией ничего нет».

— Синьор Кимура! Она не сможет! Вы же видели, в каком она состоянии! — заступался за англичанку Франческо, споря с учителем на пороге. — Давайте повременим с походом.

— Никак нельзя. К тому же, путешествие пойдет ей на пользу, — возражал тот. — Я почти уверен, что сейчас она лежит там, у себя, уткнувшись в подушку, и предается беспросветному унынию.

— А как же сад? Разве сад не самое верное средство?

— Не вечно же нам сидеть на шее у Аризу Кей и вешать на нее свои проблемы! Поднимайся наверх и предупреди, чтобы завтра в шесть утра все были готовы. Актеона я извещу сам.

Актеон воспринял новость довольно-таки бурно и почти целый час допытывался у Кристиана, чем ему не угодил и в чем провинились слуги. Строил из себя обиженного и предрекал, что навсегда утратит репутацию гостеприимного хозяина.

— Кто, — вопрошал он, нервно тряся руками, — кто теперь остановится в моем жилище?! Все будут показывать пальцем и говорить: вот тот дом, откуда сбежали не только слуги, но и постояльцы. Не диво, если в скором времени я буду попивать кофе в компании пауков и моей верной Люси, а гостевые комнаты облюбует моль!

— Люси тоже уезжает.

— Как?! — пойдя пятнами, вскричал грек. — Она не может, не имеет права! Так и передай: никуда я ее не отпущу. Если вы заразились, как ты пошутил, духом путешествий, то извольте мою Люси в это не впутывать!

Кристиан решил, во что бы то ни стало, не открывать Актеону истинного положения вещей. Узнай грек о нависшей над его друзьями опасности, его бы не остановили уже ни просьбы, ни увещевания, и полиция уже была бы в курсе всех дел. А полиция мафию только раззадорит да заставит действовать сгоряча. Что Моррису запреты? Что ему угрозы? Люди в форме для него что садоводы-неумельцы: они землеройку лопатой, а землеройка — в нору. Выроет себе обходной путь и чище, и просторнее.

— Итак, ты по-прежнему настаиваешь на своем? — скривив губы, произнес Спиру.

— Это не столько моя прихоть, сколько желание Люси.

— Подтверждаю, — прозвучал металлический голос. Толкнув дверь ногой, помощница Актеона бесцеремонно вошла в кабинет. — Отправиться в путешествие изначально было моей задумкой.

— Что ж, самовольный уход с работы равнозначен прекращению трудового договора. Ты будешь уволена.

— Переживу, — вызывающе ответила та. — А вот Кимура и его студенты не переживут, если после первой трагедии произойдет вторая: Джейн срочно требуется смена обстановки, иначе она зачахнет от тоски. Я, как никто другой, знаю окрестности. Я проведу их самыми живописными маршрутами, познакомлю с утесом Вечности и покажу такие красоты, от которых захватывает дух!

— Ну, наверное... Наверное, ты права, — капитулировал Актеон. — Ай, ладно, да что там! Езжайте, коль вам приспичило! Но чтоб вернулись! Чтоб непременно вернулись!

В шесть утра Франческо был свеж, как огурчик. Дважды сбегал в ванную умыться, сделал гимнастику, уложил рюкзак и бодрым шагом направился в комнату к Джулии и Джейн. За день англичанка так исхудала, как не худеют ни от одной диеты, а бледна была, словно ее год продержали в мрачной пещере.

— Оставьте меня, — надтреснуто произнесла она. — Я никого не хочу видеть.

— Джейн, ты не должна упускать такой шанс! Хандра пройдет, а шанса может больше и не представиться, — сказала Джулия.

— О да, великий шанс! — подхватил Франческо, закусив в улыбке нижнюю губу. — С нами будет говорить сам утес Вечности! Само море нашепчет нам свои тайны! А ты будешь прозябать здесь, в четырех стенах, убиваться по тому, чего не изменить, и глотать чай из собственных слез. Зарастешь мхом, а там, гляди, и травка повылазит...

— Франческо, что за чушь ты несешь?! — вскинулась на него Джулия.

— Тсс! Я использую метод абсурда. Действует безотказно. Главное, чтобы чушь была качественной.

В конце концов, не выдержав под напором качественной чуши, Джейн прыснула со смеху, наскоро оделась и принялась упаковывать вещи.

Люси старалась выглядеть в глазах Кристиана беззащитной, взывая к его жалости и снисхождению, особенно когда речь заходила о Моррисе. Разумеется, они не затрагивали эту тему в присутствии ребят, а вот наедине Люси не гнушалась тем, чтобы смачно расписать, какие зверства ждут ее, обреченную, в пыточных камерах на острове Авго. Кристиан, казалось, проникался к ней сочувствием, однако не проходило и минуты, как лицо его светлело, а мысли уносились прочь от злополучного маяка. Люси наверняка могла определить, что думал он о Джулии.

С тех пор, как они, пробороздив изрядные колеи, покинули виноградную плантацию, прошло, ни много ни мало, полдня. И за эти полдня Люси несколько раз останавливала машину на пыльной обочине, чтобы размяться, или подкрепиться вином, или утолить любопытство ненавистной Джулии (она вдруг обнаруживала близ дороги диковинные цветы), или же унять беспокойного Франческо, который то и дело ссорился с Джейн. А однажды, уходя от мнимой слежки, Люси едва не сломала коробку передач.

К вечеру они были уже далеко от Ираклиона, и следовало подумать о ночлеге. Франческо расхрабрился, сказав, что будет спать на голой земле, в пустоши. Огни незнакомой деревни в сгущающихся сумерках мерцали не ярче млечного пути, а дорога начинала всё больше петлять и стлаться вдоль пропастей. Люси отказалась рисковать и предложила остановиться за купой невысоких, важно топорщившихся кедров. Напротив, у подножия крутого обрыва, усыпляюще шумело море.

— Знать бы, где мы находимся, — зевая, проронила Венто и, сунув руки в карманы своих широких брюк, зашагала по тропе к близлежащему холму. Она решила взобраться на самую его верхушку и, пока еще не совсем стемнело, осмотреть местность. Назойливо хрустел под ногами щебень, косые лучи солнца золотились в волосах, и подувал легкий ветерок.

— Мы тебе надоели, да? — послышался голосок взбиравшейся по откосу Джейн. — Сбежала от нас, стоишь здесь совсем одна, а одному ведь неуютно.

— Кому как, — пожала плечами Джулия. — Глянь, какой закат!

— Зарево, — ссутулившись, пробормотала та. — После пожара я как-то болезненно воспринимаю закаты, особенно такие алые, как этот. Если честно, мне очень стыдно за мое недавнее поведение, — вздохнув, добавила она. — Я была точно одержимая, мечтала, чтобы весь мир полетел в тартарары, чтобы все страдали так же, как и я. Скажи, это эгоизм?

— Наверное, — неохотно отозвалась Венто.

Воздух наполнился стрекотанием кузнечиков, жужжанием мух, шепотом отдаленного прибоя, и почти осязаемыми казались последние, малиново-красные лучи солнца.

— Да, эгоизм того, кто любит, самый страшный, — развила свою мысль Джейн. — Эгоистичная любовь обращается во вредоносное оружие. Это ли не парадокс?! А ведь я помнила предсказание, помнила — и всё ж пренебрегла им. Никто не заставлял меня бросаться с головой в любовный омут... Теперь, когда всё позади, и горестно, и легко.

Она еще что-то говорила, вздыхала, роняла слезы, однако речи ее постепенно отошли для Джулии на второй план. Великолепие вечера: кобальтово-красный шар заходящего светила, синие тона небес, шелест травы и ласкающий ветер — всё это очаровывало, запечатлевая в душе неповторимый облик тишины.

Глава 19. Названная сестра

Прилла Айн, она же Аннет Веку, без колебаний относительно участи своих недругов торжествующе предстала перед Туоно, когда тот, сидя за ресторанным столиком, ковырял вилкой греческий салат и с предвкушением поглядывал на кружку пенящегося пива.

— Моя роль в этой пьесе сыграна, — сказала Веку. — Я заслужила вознаграждение.

Туоно часто заморгал, поднял на нее свои свинячьи глазки, словно бы не понимая, о чем она толкует, и почти механически вручил официанту чаевые.

— Вознаграждение? — переспросил он, сощурившись так, что от глаз остались одни щелки. — Это что ж ты такого особенного сделала? Ты мстила, потому что так было угодно тебе. Разве ж я тебя принуждал?

— Не отрекитесь, не надо, — с нажимом проговорила Аннет. — Вы тоже были заинтересованы в их смерти.

— А доказательства? Где доказательства? — понизил голос Туоно. — Можешь ли ты утверждать, что кости наших врагов погребены под обломками института? Ведь нет! Я с самого начала был против. Поджог — палка о двух концах, но ты железно стояла на своем, так что теперь пожинай плоды собственной глупости. Вот, каково твое вознаграждение! Гадай теперь, спаслись они или нет, гадай и мучайся. Если Кимура избежал огня, на что угодно ставлю, в Ираклионе его уже не сыщешь. А прояви я инициативу, человек-в-черном валялся бы сейчас где-нибудь на окраине с пулей во лбу или корчился бы от колик, вызванных сильнодействующим ядом. Но ты, отличница, меня опередила. Хоть и медалистка, умишко всё равно куций. В одном ты права: здесь тебе делать нечего, так что возвращайся сию же минуту в Академию, да своим ходом. Вот, на авиабилет должно хватить, — Он небрежно отсчитал стопку купюр и, видя ее замешательство, продолжил: — Скажешь: так-то и так-то, негодяй Туоно держал меня взаперти, а я сбежала. Навешай Деви лапши на уши. Небось, экзамены только так и сдавала! На случай, если наши «славные» путешественники вернутся невредимыми, ты уж постарайся, представь их перед директором в неблагоприятном свете. Очерни хорошенько, так, чтоб не отмыть было.

— Будет исполнено, — вздернув подбородок, отчеканила Аннет.

Хранительница расчесывала свои длинные, блестящие волосы, чтобы уложить их в скромный пучок; улыбалась сама себе, погожему утру и прыгавшей по подоконнику птичке-пересмешке, когда клетчатая дверная створка вдруг отъехала в сторону и на пороге, переминаясь с ноги на ногу, возникла Клеопатра.

— Не стесняйся, проходи, дорогая! Не правда ль, цвет сакуры сегодня необычайно ярок?

— Да я как-то не обратила внимания, — призналась кенийка, глядя в пол. — Прости меня, Аризу-сан, всю ночь я промучилась, не давали покоя мысли... И пространен твой сад, и пригож, да только не могу я без Джулии. Всякий раз, как она приезжает, сердце радуется, а как прощаться пора, такая наваливается грусть, такая кручина! И ничего с этим не поделаешь. Мы словно сестры друг другу.

— Родных, пусть даже не по крови, негоже разлучать, — покачала головой японка. — Но и воссоединиться вы пока не можете. Твоя названная сестра сейчас на очень опасном задании. Кто знает, каков будет исход?!

— Не говори, не говори! Зачем пророчишь ты несчастья?! — Глаза Клеопатры

расширились, а смуглая, шоколадная кожа приобрела камелопардовый оттенок. — Она меня согрела, приютила, когда я в том нуждалась. Так неужели ж дожидаться, пока над нею грянет гром? И если уж грозит опасность, то пусть грозит обеим нам!

— Твоя готовность мне не чужда, я тоже буду помогать, но издали, не вмешиваясь в схватку. Похвально жизнь свою отдать за жизнь другого, но поразмысли: может быть, полезней ты в саду?

— Я поразмыслила, — сказала Клеопатра, надувшись, как индюк. — Хочу на Крит.

— Тебя удерживать, я вижу, смысла нет, — смиренно проговорила Аризу Кей, и на ее прекрасном лице мелькнула тень. Так легкая рябь пробегает по глади пруда. — Всё равно ведь не усидишь.

Внезапно она оживилась и взглянула на Клеопатру с хитрецей:

— Раз ты так рвешься в Грецию, не передашь ли Джулии кое-что? Самой мне отлучаться недосуг, поэтому, я подумала...

— Рада служить! — поспешно отозвалась африканка. — А что за бандероль?

— Телепортатор.

— Опять?!

— Нет-нет, то новая, усовершенствованная модель. В предыдущей версии обнаружались серьезные неполадки, и я корпела над нею семь ночей, прежде чем добилась более или менее сносных результатов.

— Давай, давай сюда скорее новую модель! — заплясала Клеопатра. — Эта штука несомненно облегчит Джулии жизнь, а то, может статься, и выручит когда-нибудь.

— Терпение, мой друг! Мне осталось наладить кое-какие механизмы и написать инструкцию, а тебе — убраться в библиотеке, потому как беспорядок ты там навела невообразимый. Запомни: после прочтения книжку нужно тотчас ставить на полку.

С такими словами Аризу Кей завершила, наконец, свою прическу и удалилась, увлекая за собой шейф накидки из тончайшего пурпурного виссона. Спорхнула с окна резвая птичка-попрыгунья, заколыхал занавеску ветерок. Слегка озадаченная, Клеопатра провела пальцем по гладкой дверной панели.

— Надо же, я-то полагала, что раз волшебница, то и комар носу не подточит. А тут — неполадки... Странная, всё-таки, хранительница: сил у нее, что воды в океане, а она эту воду экономит. Точно как у нас в племени: каждой капелькой дорожит.

«Милая Джулия, — писала японка, подложив под ладонь промокашку. — Надеюсь и верю, что вам сопутствуют добрые ветра, а неудачи обходят вас стороною. С письмом посылаю тебе сей миниатюрный телепортатор. Я мастерила его при луне семь ночей кряду, поэтому за его надежность ручаюсь. Иероглиф по центру корпуса береги от дождя — если чернила расплывутся, телепортатор утратит работоспособность. Я сконструировала его таким образом, что, помимо сада, ты сможешь перенестись в любое безлюдное место, будь то альпийский луг или заснеженная вершина Бирюзовой Богини. [41] Круглая кнопка, покрытая слоями золота вперемежку с пергою, та, что слева внизу, приведет тебя прямиком в сад сакур. А кнопка с алмазным напылением в правом верхнем углу действует как переключатель: нажми на нее, чтобы сбежать от городской суеты. Это устройство будет слушаться только твоего голоса, и произнесенное тобою название луга, леса, горы сработает незамедлительно. Плоская оранжевая клавиша под микрофоном вернет тебя в действительность. Не перепутай ничего, мой свет!

Искренне надеюсь и верю, что в свитке Судьбы ваши имена начертаны черным.[42]

Твоя Аризу Кей

P.S. Клеопатра выразила стойкое желание следовать за тобой, куда бы ты ни шла. Поэтому отправляю это послание с нею. Не отсылай ее, прошу, а, по возможности, обеспечь всем необходимым».

— Кошачий концерт, — ворчал Франческо, положив подбородок на согнутую руку и мрачно уставившись в дальний угол кафе. — Не голоса, а визги электропил!

Подняв попутчиков ни свет ни заря, Люси затащила их в этот трактир, намереваясь, вероятно, познакомить с местным колоритом и попотчевать деревенскими блюдами. Однако она не учла, что все четверо выходцы из интеллигенции, а интеллигенция подобные выступления переваривает со скрипом. На подмостках в национальных костюмах танцевали и пели артисты. Сцена трещала и прогибалась, настил был немыт, а портьеры, какие удалось раздобыть владельцам забегаловки, отдавали сырой рыбой.

— Безвкусица, — еле шевелил губами Росси. — От этой музыки я потерял аппетит.

На самом деле аппетит у него пропал гораздо раньше, когда он, бахвальства ради, расстелил спальный мешок на голой земле. Ночью его донимали насекомые, пугал писк каких-то тварей, тогда как Джулия и Джейн, не говоря уже о Люси и человеке-в-черном, видели десятый сон в теплом и уютном внедорожнике. Пробормотав что-то вроде «не так я представлял себе каникулы в Греции», Франческо рывком расстегнул спальник и, грузно ступая, направился к обрыву. К тому времени солнце только-только подобралось к горизонту, робко выглядывая за кромку неба, и Росси сумел отыскать более или менее пологий спуск. Освежиться, смыть с себя усталость — вот, о чем он мечтал, когда, съезжая по крошащемуся камню, ненароком порвал ботинок об острый выступ.

... Джейн с завидным усердием справлялась со взбитыми сливками, чтобы уплести затем бисквиты, которые Франческо не удостоил и взглядом. Зачем привезли их в эту глухую, неказистую деревеньку? Единственно ради утеса Вечности, обещанного сегодня пополудни? Цветы на балкончиках белых двухэтажных домов, словно некая претензия на роскошь; бездвижная морская гладь — лужа лужей; придорожный мусор, вездесущие кошки; концерты — жалкая пародия на культурность. Как угнетало его всё это! Какая-то всеобщая вялость, оторванность от пульсации большого города... На вилле Актеона, по сравнению с деревушкой близ Ретимно, было и то больше жизни! Здесь же, стоило поднять глаза от побитой уличной брусчатки, как взгляд упирался в гряду затянутых дымкой гор. А бесприютные холмы неизменно ассоциировались у Франческо с пустошами старой Англии, где Шерлок Холмс вел охоту на собаку Баскервилей.

Джулия видела иное. Она видела игру солнечных бликов на зеркальном полотне залива, величие в простоте людей и свободу, которой дышало всё вокруг. Холмы манили ее, призрачные горы сулили отдохновение и покой, а разбитые вблизи построек садики необыкновенно умиляли, напоминая о детстве, спелой землянике и теплых маминых руках...

«Хотела бы я жить так же беззаботно, как живут эти крестьяне, — думала она, поднося к губам бокал пузырящегося шампанского. — Или бродить по свету, как бродят цыгане, с песнями и танцами. Или сделаться вольным поэтом, гулять по освещенным фонарями улицам, декламировать и строчить, строчить в своем блокноте. А то, может, и вовсе поселиться в лесу, вставать рано-рано по утрам и, в прохладе, под зелеными кронами, воздевать руки к лучезарному солнцу...»

Ей вдруг стало до такой степени тоскливо и неудобно, что, оставив бокал, она выбежала

из кафе, преследуемая вечно пронизательным взглядом Кристиана. Выбежала на свежий воздух, под деревянные вывески, откуда виднелся бриллиантовый краешек моря. Она яростно пыталась совладать со своими чувствами, но слезы душили ее, а свечение, идущее из глубин ее существа, не на шутку встревожило судачивших напротив старушек.

Случались периоды, когда она рвалась ввысь, когда мечтала улететь, умчаться в необозримые дали, и именно такой период наступил для нее сейчас. Эта деревушка пробудила в ней воспоминания, заставив время словно бы идти вспять. Стрелки часов наматывали круги в обратном направлении, когда Джулия стояла там, у входа в кафе, и жадно впитывала глазами бирюзовое небо. Она запретила себе плакать и, стиснув зубы, с трудом уняла свечение. Болезненный приступ был побежден. Медленно, сдерживаясь, чтобы не пуститься бегом, она проследовала узкой улочкой к забору, за которым кончалось поселение и развевалась удивительная панорама. Вода цвета берлинской лазури с отраженными в ней лучами, казалось, была средоточием славы земной и небесной, а птичьи перепевы — хвалой творцу и гимном жизни. Освежающий бриз дул в лицо, расслабляя затвердевшие мышцы и разглаживая черты.

Ей значительно полегчало, и теперь она размышляла уже об этой незапланированной, спонтанной поездке, которая должна была якобы помочь страдальце Джейн вернуться в прежнее русло. Безусловно, причина веская, однако срываться с места вот так, без предупреждения, Джулия считала нелогичным и полагала, что для столь рискованного предприятия должны иметься более серьезные основания. Без провианта, без проработанного маршрута, они тронулись в путь, отдавшись на волю случая. Задавать вопросы не имело смысла: Люси уходила от темы, Кристиан ссылаясь на свою прихотливость, хотя подобного за ним не водилось вовек. Сплошь утайки да недомолвки. Конечно, студентов уверяли, будто поездка им же во благо, что нужно развеяться, разнообразить их пребывание на Крите. Но зачем, в таком случае, тащиться за сотню километров, да еще и петлять при этом, уходя от надуманной погони? Зачем снимать домик в деревне, не оговорив сроки? Почему им запретили заводить знакомства с местными жителями?

«Какая-то глупая игра в прятки, — подумала Венто. — Если они увозят нас, скрываясь от мафии, то, молчат, вероятно, затем, чтобы не травмировать и без того неустойчивую психику Джейн. Но мне-то уж могли сказать, я бы не разболтала... Интересно, удастся ли Франческо выведать у них правду? Он парень настырный. Кто-нибудь — или Кристиан, или Люси — обязательно сдаст».

Однако Франческо, несмотря на свою настойчивость, так ничего и не разузнал. За завтраком Люси специально набивала рот, чтобы не отвечать на его вопросы; Кимура, которому кусок не лез в горло, притворялся глухим. Какая-то певичка истошно вопила на сцене, когда он отодвинулся от столика, сухо произнес: «Не расходиться», — и стремительным шагом направился к дверям.

— Куда это он? — оторопел поначалу Росси. — Ах, да ведь наша Джулия уж пятнадцать минут как отсутствует! — ехидно добавил он.

При этих словах помощницу Актеона как-то странно перекосило. Точно ужаленная, вскочила она со стула, и, бросив мимолетом: «Встретимся на улице», — заторопилась к выходу.

— Эх, нипочем не расколется! — подсадовал Франческо, расслабленно откинувшись на спинку.

— Раскалываются только орехи, да и то если на них хорошенько надавить, — назидательно сказала Джейн, услышав его последнюю реплику. — А то ж люди! И чего ты от них добиваешься? По-моему, всё предельно ясно: после пожара нам нужна реабилитация, приятные впечатления, вот они и взялись нам эти впечатления обеспечить. Синьор Кимура и Люси настоящие ангелы во плоти!

— Э-э-э, кабы тут всё просто было! Тут далеко и всё непросто, — загадочно молвил Франческо.

Кристиан строго-настрого запретил ученикам гулять в одиночку, а потому был очень зол, не обнаружив Джулии снаружи.

«Если найду, непременно отчитаю, — сказал он себе, внимательно поглядев по сторонам. — Только найти бы...»

Старушки-сплетницы, гревшиеся на лавочке напротив кафе и работавшие вязальными спицами ничуть не хуже, чем языками, попросту обомлели при виде этой статной черной фигуры в длинном, как у клирика, плаще, с четко вычерченным профилем и острым, орлиным взглядом.

— Приезжие, — осуждающе выговорила первая.

— Ни дать ни взять, с другой планеты, — дребезжащим голосом подхватила вторая.

Слева деревенская улица визуально уводила в тупик. Многочисленные белые постройки там утопали в садах и лепились по обрыву, соперничая за лучшее место у моря. Справа же брусчатка вскоре заканчивалась, и за изгородью, вздымаясь и опадая, зеленели волны холмов, в их изумрудной оправе недвижно дремало берилловое озерцо, а на границе между небом и землею, в редящем тумане, проступала сизая корона горного хребта. Вот, где следовало искать Джулию!

Остановившись на том самом пригорке, где она несколькими минутами ранее любовалась морем, Кимура всем телом ощутил прилив восхитительного тепла и какой-то несказанной радости. Теперь он был уверен, что движется по горячим следам.

Люси догнала его на спуске к пустынному пляжу, чуть не промочив ноги в стекавшем с возвышенности ручейке.

— Он питается только эфиром.

Он думает только о зыбком тумане.

Выдающийся, знаменитый, он выбирает жизнь

Среди диких папоротников и горных ручьев, [43] — процитировала она, поравнявшись с Кристианом, и на лице ее обозначилась улыбка. — Променял наше общество на тишину и плеск прибоя?

Кимура собрался было возразить, но она приложила палец к его губам.

— Тсс, ничего не говори. Я знаю, кого ты ищешь, — шепотом сказала она, заглядывая ему в глаза. — Позволь девочке побыть в одиночестве. По-моему, это как раз то, что ей сейчас нужно. А мне хочется побыть с тобой.

Она помолчала в надежде увидеть хоть какие-нибудь признаки перемены, хоть какую-нибудь реакцию. Однако реакции не последовало: ничто не могло растрогать Кристиана, и он оставался всё таким же бесстрастным и равнодушным.

— Ты выбрал отличное место, мой друг, — переборов неловкость, выговорила Люси.

— Место для чего? — несколько удивленно спросил тот.

— Для нашего с тобой свидания, — по-лисы заискивающе произнесла она, кладя руки ему на плечи.

Кимура отступил на шаг.

— Не забывайся, моя дорогая. Ни о каких свиданиях речи не шло и идти не может.

— Но почему?! — вскричала та, побагровев от гнева и безысходности. — Неужели из-за нее?

— Не понимаю, о ком ты. А отношения между нами невозможны по той простой причине, что ты убийца. Именно ты покушалась на моего друга Актеона, и я прекрасно это знал. Знал с самого начала, с первой твоей неудачной попытки. Лишь память о том, что мы пережили вместе, удерживала меня от донесения.

— Как? Не может быть, не верю! Это ложь!

— Я очень хорошо изучил тебя в прошлом, чтобы судить о тебе теперешней, — хладнокровно парировал Кристиан.

— Ты лжешь, лжешь! — в припадке ярости вскричала Люси, принявшись колотить кулаками ему в грудь. — За тобою грехов не меньше! Мы все катимся в одну и ту же бездну!

— Прекрати! — процедил он сквозь плотно сжатые зубы. — Уймись! Если тебя увидят в таком состоянии...

— Ты беспокоишься за Франческо и Джейн... и за Джулию? Мне на них на-пле-вать!

Вдруг Кристиан схватил ее за руки, да так крепко, что она взвыла от боли.

— Пусти! — взмолилась Люси.

— Тогда обещай, что будешь вести себя тихо. Никаких скандалов, никаких претензий.

Та с готовностью закивала. В какое кроткое и послушное создание превратилась она всего за миг! Ее было не узнать.

— Возвращайся в кафе, возьми ребят и ждите меня в машине, — повелительным тоном произнес он. — И чтобы без глупостей!

Он прекрасно осознавал, что его влияние на Люси велико лишь до поры до времени. Стоило ему ослабить бдительность — и он тут же очутился бы на лопатках.

«Как с кошками, — подумал Кимура, прыгая с камней в рыхлый песок. — Они царапаются и кусаются, пока им не показать, кто в доме хозяин».

Он имел серьезные опасения относительно намерений Люси. Что, если она его раскусила? Что, если задумала погубить Джулию? Хотя открытой враждебности по отношению к ней Люси и не проявляла, назвать его тревогу беспричинной было нельзя. Этот напряженный разговор, вынужденная покорность светловолосой ревнивицы, ее манерность и угрожающий тон вполне могли служить признаками той злокачественной метаморфозы, которая рано или поздно должна была с нею произойти.

Кристиан ступил на галечный берег, отделяемый от моря широкой, светло-голубой лагуной, и, по наитию определив направление, зашагал вдоль воды. Джулия сидела на песке, прислонившись спиной к неровной скале, и швыряла камешки в бурлящие волны.

— В саду воздух настолько чист, что от него пьянеешь, — сказала она, не глядя на Кристиана.

— А здесь?

— А здесь пахнет кальмарами и тиной... Знаете, я так хочу улететь, куда-нибудь далеко-далеко, — с внезапной откровенностью прибавила она. — Построить воздушный шар и взмыть... эх... в бескрайнее небо!

Она умолкла, по-прежнему не достаивая учителя взглядом. Пенистые волны лениво вползали на берег, шипели и, распадаясь на дрожящие потоки, нестройно скатывались в лагуну.

— С воздушным шаром чуть позднее, ладно? А сейчас прошу, — И Кимура нарочито изысканно протянул ей руку. — Вставайте, синьорина. Я ведь просил не убегать. Но для вас мои просьбы, похоже, пустой звук.

Джулия посмотрела на него с укоризной и, отвергнув предложенную помощь, поднялась самостоятельно.

Прозанимавшись математикой всю ночь напролет и неприкрыто зевая теперь, Мирей рисковала пасть в глазах профессора ниже кайнозойской эры. Начитывать лекции по геологии к ним приставили Донеро, и он уже в который раз отходил от темы, пускаясь в рассуждения куда более увлекательные, чем основной предмет.

«Самой древней книгой, — рассказывал он, — считается так называемый папирус Присса, найденный в одной из пирамид города Фивы. Датой его написания считают три тысячи триста пятидесятый год до нашей эры. И вот что любопытно: автор древнейшей из рукописей затрагивает вопрос, актуальный даже по сей день! Он, представьте себе, жалуется на невоспитанность и порочность молодежи! Порицает лень и дурной вкус. Будь у меня эта книга, я непременно рекомендовал бы ее как пособие по этике. Из вас вышли бы первоклассные древние египтяне, мда... Так о чем бишь я?»

Мирей больше не могла сопротивляться: ее голову неотвратимо притягивало к парте. И Донеро уже бросал в ее сторону настороженные взгляды, покашливая чаще обыкновенного и нервно поправляя шарф. Когда на его лекциях засыпали, он выходил из себя.

Француженку беспардонно пихнули в бок.

— Эй, имей совесть! Дрыхнуть будешь ты, а двойное задание получит вся группа!

Мирей издала какой-то странный, лошадиный звук, после чего пихнула соседку в ответ.

— Позорище! — шепнула ей Роза с верхнего ряда. — Бери лучше пример с Елизаветы: какая осанка, какая сосредоточенность!

— Тьфу, — сказала Мирей. — Она в географе души не чает. Втрескалась, небось, по уши! А мы — простые смертные, нам бы хоть как-нибудь высидеть.

Донеро рассерженно кашлянул:

— Мирей Флори, встаньте! — визгливо потребовал он. — За болтовню на моих лекциях полагается штраф в виде доклада на десять страниц и получасового пребывания в вертикальном положении.

— О, загнул! — пробурчала под нос та. Нисколечко не стыдясь, она медленно поднялась из-за парты и обвела аудиторию надменным взглядом, с особой неприязнью уставившись в затылок Лизе. В последнее время Лиза почему-то очень ее раздражала: то ли оттого, что ходила у Донеро в любимчиках и, следовательно, могла рассчитывать на его снисхождение, то ли из-за так несвойственной ей показной утонченности. Русской, открытой душе не пристало напускать на себя многозначительный вид, а тут вдруг недомолвки, двусмысленные намеки, пренебрежительные позы. Лизе это не шло и, если она думала прослыть дамой из высшего общества или представительницей голубых кровей, то избрала явно неверный сценарий поведения. Мирей вспомнила маскарад, который из-за зимнего траура перенесли на более поздний срок, вспомнила, как прихорашивалась Лиза в костюмерной, как примеряла маски и придирчиво осматривала туники. Уже тогда в россиянке жило это чувство превосходства, эта неуместная горделивость и вызывающая самодостаточность. Весь праздничный вечер она протанцевала с одной-единственной маской, и студенты догадливые сразу смекнули, что к чему.

Географу и географии она уделяла гораздо больше внимания, чем своим подругам, и, возвращаясь с занятий за полночь, неизменно запиралась в комнате, откуда, как сумела подслушать Мирей, доносилось журчание воды и тихие возгласы. Любой другой на месте француженки уже вообразил бы себе невесть что, но она-то знала: Лиза экспериментирует. С тех пор, как в руках у нее оказались бутылки из Зачарованного нефа, она сделалась немногословной, стала таиться и, вообще, выказывать ко всем какое-то необъяснимое недоверие. Широкие, обильные потоки радости и дружелюбия, некогда проистекавшие из ее сердца, теперь истошились. И утрата была столь ощутимой, что Мирей невольно сравнивала Лизу с полноводной рекой, которая возомнила, будто способна пересечь пустыню, и русло которой, едва образовавшись, обнажилось под палящими лучами солнца. Замкнутая и отчужденная, она уподобилась китаянке Кианг. Роза, однако ж, надеялась, что явление сие недолговременно и что, по окончании своих опытов с вином, Лиза вновь станет милой и общительной.

Новым, пускай и неуклюжим, образом утонченной леди Елизавета была отчасти обязана именно опытам, занимавшим ее воображение с того дня, как Донеро произвел в нефти конфетный обстрел. Стремление проникнуть в неизведанное, преодолеть границу, отделявшую ее от сада, стало всё более умножаться в ней. И усердие, с каким она ежедневно штудировала старые библиотечные книги об измерениях, порталах и прочих несообразностях, привело бы в изумление не то что естествоведов-любителей, но даже и ученых с многолетним стажем, не имевших и десятой доли того рвения, с которым она отдавалась поискам волшебного прохода.

Эксперимент с принятием винной ванны успехом не увенчался по одной простой причине: Лиза струсила. Будь у нее в тот день чуть больше мужества, она, вероятно, уже сидела бы в тени какой-нибудь сакуры и лакомилась вишней. Но нерешительность, принятая ею за голос здравого смысла, подсказала ей иной путь: на подходящей поверхности винная кислота создаст дверь, вроде той обычной двери, которая закрывается на засов и противно скрипит, если не смазать петли. Внушив себе, таким образом, эту мысль, Лиза дрожащей рукою, не касаясь воды, вынула пробку из отверстия в ванне. Литры драгоценного кагора утекли в канализацию.

Пребывая в твердом убеждении, что исход близок, россиянка тряслась над каждой капелькой и берегла последнюю бутылку пуще конспектов по спецкурсу Деви. В комнате ее прочно установился характерный ягодный запах, поскольку Лиза запачкала вином абсолютно всё, начиная от стеклышка будильника и кончая балдахинном над кроватью. В погожий день, после семинаров, ее можно было застать в парке, колдующей над плиткой у фонтана, или рядом с полувековым дубом, ровесником директора (о чем тот заявлял не без гордости), или с пипеткой над чьим-нибудь лабораторным халатом. Ее увлеченность граничила с помешательством, а подчеркнутый индивидуализм отрицательно сказывался на отношениях со сверстниками. Замкнутый круг «Донеро — учеба — комната» стал для нее жизненной нормой, нелюдимость — чертой характера, и даже Кианг шарахалась от нее, когда они сталкивались ночью в гостиной четвертого апартамента.

Да, Лиза повадилась гулять под луной, а всё оттого, что однажды ей взбрело в голову, будто лунный свет может активировать вино. Сумасбродная, конечно, идея, но что только не изобретет пылкий ум, если другие способы уже не годятся. Однако разгадка лежала на поверхности — любая дождевая лужа, любая чаша действующего фонтана, любой наполненный водою сосуд сгодился бы для переправы в сад. Но то ли неоправданный

скептицизм, то ли закоренелый страх перед неведомым постоянно мешали ей приблизиться к намеченной цели.

[41] Гора Чо Ойю на границе между Непалом и Китаем. Название переводится как «Бирюзовая Богиня».

[42] Нельзя писать имя человека красным карандашом — накличешь на него беду (японское поверье). А черный цвет в Японии — цвет радости.

[43] Поэт эпохи Тан, Ту Фу

Глава 20. Похищение

Люси ни капельки не протестовала, когда Кристиан объявил, что за руль сядет он. Больно заманчиво следить за дорогой, да еще в такую, невиданную для критской весны, жару! Термометр на автомобильной панели показывал все тридцать, и Джулия ей одной известным способом умудрилась переоблечься в некогда раскритикованное «бальное» платье. Франческо долго и нудно ворчал, после того как она, переодеваясь, пихнула его локтем. А Джейн, прилепившись лбом к оконному стеклу, безучастно взирала на бегущие мимо зеленые холмы с вкраплениями желтых и лиловых соцветий.

— Скоро уже до Превели? — ныл неумный Франческо. — Я есть хочу!

— Совсем недавно же завтракали! — удивилась Джулия.

— От такого завтрака недолго и в ящик сыграть, — обиженно отозвался тот. — Средненькая деревенская стряпня в тандеме с бездарной музыкой отправят на тот свет кого угодно!

Кристиана, может, и позабавило бы такое умозаключение, если бы он не был полон тягостных дум. Его неотступно преследовала мысль, что, раз Люси молчит, а не тараторит, как прежде, раз она притихла, значит, обдумывает очередной план... План убийства? Мести? Зачем ей понадобился утес Вечности? Может, он не так красив и внушителен, как она говорила? Может, утес — это всего лишь приманка, этап Моррисовой игры?

Вентиляция в машине работала на полную мощность, однако ему всё равно было жарко. Снаружи, за плотно закрытыми окнами, клубились облака дорожной пыли.

— Остановите, синьор Кимура! Невмоготу уже! — взмолился Франческо.

— Пять километров осталось, потерпи! — рыкнула с переднего сиденья Люси.

«Вот вам и тихий омут, — подумал Кристиан, притормаживая на повороте, чтобы съехать в лес. — Вот вам и покорность».

Когда пыль осела, Росси с несказанной радостью вырвался на волю, и Джулия отпустила ему вдогонку ехидную шуточку, на которую он, по возвращении, ответил неумело сплетенным софизмом.

— Философ Зенон, между прочим, — добавил он, методично общипывая близстоящий куст, — тоже не любил, когда его окружали люди. Даже на скамейке старался сесть с краю, чтобы хоть с одной стороны у него не было соседа.

— А-а-а, — издевательски протянула Джулия. — Так это ты, значит, нашей компанией недоволен! Значит, не тряска тебя одолела и не объемы выпитого за столом!

Вдруг из-за куста, рядом с которым они обменивались любезностями, послышался странный шорох, и Франческо, опасливо заглянув между веток, оцепенел от ужаса: там кто-то прятался! Но его оцепенение длилось лишь секунду. Издав несколько сдавленных шепотков, он уже во весь опор мчался к машине. Джулия за ним еле поспевала — такую прыть он развил.

— Как бегут, как бегут! Пора вам переходить на марафонские дистанции, — смеясь, крикнула Люси. Опершись спиной о кузов внедорожника и скрестив ноги, она, казалось, веселилась от души.

— За нами... — впопыхах проговорил Франческо, — следят!

— Да с чего бы кому-то за нами следить?! — возмутилась Джулия, с трудом унимая свое болезненное свечение. — Небось птичка какая возилась, а ты и перетрусил!

— Да нет! Я вам говорю, это был человек! Понимаете, шпион! — настаивал Росси, заливаясь алым. — Мне даже почудилось, будто я его уже где-то видел...

— Вот именно, почудилось, — с нажимом произнесла Венто. — Если бы за нами действительно велась слежка, мы бы ее тысячу раз заметили.

Тот-кто-сидел-в-кустах с досады чуть не откусил себе палец. Это же надо было так себя выдать! Пустомеля-итальянец и светящаяся девчонка наверняка оповестят остальных, и тогда дело плохо. Стараясь как можно тише наступать на сушняк и воровато оглядываясь по сторонам, шпион вылез из кустарника, напоследок напоровшись рукою на здоровенный шип.

— Вы это слышали?! — с замиранием сердца проговорил Росси, когда из лесу до них донесся яростный вопль. — По-вашему, так может кричать птичка?

— Ун-носим ноги, — сказала Люси, переменявшись в лице. — Кимура, газу!

Кристиан, которому для передышки потребовалось всего несколько минут, ожидал попутчиков во внедорожнике, изучая островную карту с проведенными на ней магистральями и мерно постукивая пальцами по приборной панели. А Джейн так и вовсе не покидала салона. Ей хотелось поскорее очутиться на утесе Вечности, чтобы, глядя в морскую даль, вдоволь нагореваться о потерянном друге.

— Трогайся! — раздраженно повторила Люси, влезая на сидение. — Чего ж ты медлишь?!

Тут мотор как взреви белугой да как разразись пронзительным свистом — помощница Актеона по инерции отклонилась назад, Франческо больно ударился затылком об угол окна, Джулия ойкнула и вцепилась в дверную ручку.

Утес Вечности неспроста получил такое название: он высился над морем, точно безмолвный береговой страж; и ютившиеся у его подножия рыбацкие хижины казались разноцветными игрушечными кубиками. Поросшая вереском и обрамленная по бокам кустами нежно-розового тамариска, шапка могучего стража резко обрывалась, и взору представало необъятное, величественное море. Море без конца и краю...

Джейн всплакнула, вспомнив, в какой глухой, убогой камерке морили Анджелоса, который больше, чем кто-либо, заслуживал этой шири и необъятности.

«Птицы не строят ни машин, ни городов, — думала она, глотая слезы, — живут, где придется. А ведь и море, и небо, и леса со степями — всё принадлежит им. Человек же, венец творения, господин и хозяин на земле, добровольно налагает на себя узы, заковывает себя в цепи, а потом еще и ропщет на несправедливость! Он заточает себя в цемент и железо, возводит стены, прокладывает границы, а ведь ничего этого не нужно! Всё, что нужно человеку — свобода».

Что касается Франческо, то простор и свобода были созданы явно не для него — он изнемогал от скуки. Вволю насмотревшись на крошечные домики, на белые пенистые нити волн и чуть не кувырнувшись с утеса, он, как неприкаянный, ходил туда-сюда, посвистывал и поддевал однокурсниц едкими замечаниями.

— Джейн, — развязно говорил он, — почему бы тебе не разодрать на себе одежды, не посыпать голову пеплом да не нанять плакальщиц? Уж они бы повыли, как полагается.

Безнадежно испорченный эпиграммами Марциала и сатирой Ювенала, Росси имел прескверный характер и ничуть того не стеснялся.

— Я сейчас на тебе одежды разорву, — погрозила ему искрящаяся Джулия.

— А тебя, я вижу, закоротило не на шутку, — ёрничал тот. — Поди остудись! Благо, вода рядом, всего в каких-нибудь двух секундах свободного падения!

Будучи одарен испепеляющим взглядом, он беспечно удалялся, чтобы поиздеваться над кем-нибудь еще. Выбор, правда, был невелик: Кристиан стоял почти на самом краю утеса, заложив руки за спину, и вид его был столь суров, что Франческо счел опрометчивым приближаться к нему без должной экипировки. Люси также не была расположена шутить. Опасения за жизнь человека-в-черном возобладали в ней над неприязнью к сопернице, а потому она, как часовой на посту, в равной мере стерегла и предмет своей страсти, и одиозную итальянку, и тех, кто был ей абсолютно безразличен. Она высматривала шпиона — и шпион не замедлил о себе заявить. Прицелься он немного точнее, его противник был бы сражен наповал, а так... пустячная царапинка на виске, которую и смазывать-то не пришлось. Пуля просвистела у Кристиана над ухом, когда он, ни о чем не подозревая, любовался пейзажем. В следующее мгновение и он, и его подопечные уже лежали, припав к земле, а Люси, вероятно, потеряв сознание, опрокинулась навзничь.

— Синьор Кимура, что это было?! — хрипло спросила Джулия, оказавшись с ним бок о бок.

— Кому-то вздумалось побаловаться, — с едва уловимой иронией отозвался тот, опираясь на согнутую руку и вынимая из внутреннего кармана плаща миниатюрный револьвер. — Сейчас он у меня попляшет.

У врага было явное преимущество: он атаковал из маквиса, тогда как Кристиану приходилось обороняться вслепую. Однако последовавшая за краткой перестрелкой серия четких выстрелов из мини-кольта положила конец инциденту, и все, как по команде, бросились к Люси. Джулия была полна самых недобрых предчувствий.

— Что с ней, сэнсэй? Она не ранена?!

— Нет, всего лишь в обмороке.

У Джейн нашелся нашатырь, а Франческо в кои-то веки перестал валять дурака и помог перенести пострадавшую в машину.

— Вот негодяй, вот мерзавец! — возмущался он, потрясая кулаками. — Если узнаю, кто это был, непременно разыщу, и уж поверьте моему слову, начисто отобью у него охоту палить из пушки!

— Что, — уколола его Джейн, — небось, до смерти перепугался? Не отнекивайся, я видела: тебя чуть кондрашка не хватил.

— Кто такой?

Англичанка пожала плечами, сказав, что некогда так выражалась Лиза и что, дескать, это устойчивое русское сочетание.

«Охота началась», — удрученно думал Кимура, прохаживаясь в метре от машины и глядя на свои запыхавшиеся туфли. Он потирал царапину на виске, когда к нему присоединилась Джулия.

— Я всегда знала об истинном назначении нашей поездки, — сказала она вполголоса. — И вам незачем было скрывать... Мафия принялась за дело, не так ли?

Кристиан зажмурился, точно от стыда, и заслонил лицо рукой.

— Я должен был это предвидеть, — вздохнул он. — Сегодняшнее нападение — только начало. Мы еще легко отделались.

— Судя по всему, метили именно в вас, — сказала Джулия, привставая на цыпочки, чтобы разглядеть его царапину. — Да, действительно, легко отделались. Не представляю, как бы я жила, если бы вы погибли.

Недоуменный его взгляд говорил выразительнее всяких слов.

— Просто мы настолько свыклись с вашей постоянной заботой, что ваша смерть была бы воспринята как нечто из ряда вон выходящее, — поторопилась уточнить она.

Кристиан заметил, как в глубине ее зрачков подрагивает слабое сияние, как пульсирует свет на переносице, и хотел было предупредить, но Джулия уже научилась улавливать признаки обострений и устранять их усилием воли.

— Ну, попадись мне этот тип — дух вышибу! — ершился Франческо, держась за ручку над окном, пока машина скакала по рытвинам. Вся правда была в том, что он терпеть не мог, когда его вынуждали бояться, хотя боялся он практически всего, включая пауков и медуз. Теперь же, понося неведомого врага на чем свет стоит, он с каждым ухабом всё более и более убеждался, что одолеть неумеху-снайпера для него лишь вопрос времени. А снайпер, коим был не кто-нибудь из Моррисовых мелких сошек, но сам Туоно, беспощадно корил себя за промашку, зализывая раны в зарослях рядом с утесом Вечности. Обидная, унижительная промашка! Он готов был кусать себе локти, если бы не новый план, один из бесчисленных планов, которые гроздьями зрели в его голове. На случай полнейшего провала у него всегда имелась козырная карта, Аннет, на которую, однако, не приходилось полагаться всецело. А пока перед ним стояла иная задача, начертанный огненными буквами приказ уничтожить человека-в-черном и его верную команду. Пусть перестрелка и вывела Туоно из строя, оружия он не сложит. Он будет бороться до тех пор, пока Кимура не истечет кровью. Изрыгая ругательства, Туоно будет хоть тысячу раз перевязывать пробитое пулей предплечье или пить останавливающие лихорадку снадобья, но на попятный не пойдет — такова уж его натура. Всё на свете отдаст, чтоб увидеть противника поверженным.

— Неподалеку от Превели, говорят, есть пальмовый пляж, — проронила Джейн, когда они выехали на менее бугристую дорогу. — Говорят, это единственные пальмы на всём Крите.

Никто не ответил. Утомленная переживаниями, Джулия заснула. Франческо сидел с набитым ртом, откусив непомерно большой кусок капустного пирога. Люси дышала ровно, не подавая при этом никаких других признаков жизни. Кристиан почему-то решил, что она притворяется.

Деревушка близ Превели оказалась весьма представительной, с ее чарующими видами и бесчисленными лавками. И если бы не Франческо, который настоял на экскурсии по ущелью Куралиотико, они прибыли бы в деревню гораздо раньше. Теперь же добрая половина магазинчиков позакрывалась, а оранжевый шар солнца висел над клочком такого же оранжевого моря, освещая узкую двухполосную дорогу, зажатую между высокими фундаментами построек.

— Вот мы наконец и узнаем, какова она, ночная жизнь на Крите, — многообещающе сказал Кристиан, останавливая машину на парковке. — Латиноамериканские ритмы, джаз, бесплатные коктейли...

При этих его словах Люси шевельнулась и открыла глаза.

— Приехали? — сонно спросила она.

— Ты заставила нас поволноваться, — сказал Кимура, отстегивая ремень безопасности.

— Да, мы уж было подумали... — подхватила Джулия.

— Что? Что меня пришили? Э-э-э, держи карман шире! Глядишь, еще всех вас переживу!

Рассмеявшись как-то странно, через нос, она резко открыла дверцу и выпрыгнула на залитую янтарным светом мостовую.

Свернув на боковую улочку, путешественники некоторое время шли в полутьме. С балкончиков склоняли головки тусклые цветки бархатцев и пеларгоний. Примыкая к глухой стене, тянулась вверх каменная лестница; а впереди, за нечетко обозначившейся квадратной аркой, мигали разноцветные вывески да маячили силуэты. Солнце уже почти село, и из-за кровли двухэтажного белого здания лениво выплывала жемчужина луны. Очутившись в гуще веселья и праздности, Джейн немедленно прилипла к витрине безымянного бутика, досадуя на то, что он закрыт. Джулия приросла к тротуару перед виртуозом-гитаристом, а Франческо высмотрел вдалеке старинный подвесной фонарь и ринулся к нему со всех ног, чуть не сшибив какого-то почтенного грека с газетой и курительной трубкой.

Кимура ощущал себя пастухом, который вот-вот растеряет всех своих овец, и ему это не нравилось.

— Оставь, Крис. Пусть развлекаются, — примирительно сказала Люси и, взяв его под локоть, глубоко втянула ноздрями воздух. — Какая чудесная ночь! В такую ночь только гулять...

— Пройдемся, раз ты так хочешь, — скупно проговорил тот. — Однако ж следует держать наших друзей в поле зрения.

— Перестань, они ведь не маленькие! Если их вечно зажимать, загонять в рамки, они никогда не повзрослеют. Пора дать им чуть больше свободы.

— Но, — горячился Кристиан, — они не ориентируются в поселении. Если заблудятся, кого в первую очередь обвинят?!

Ему казалось, что Люси спит и видит, как бы побыть с ним наедине, и его это корбило. Навязчивая, двуличная особа, совсем не та, какую он знал прежде. За кого она играет? Чью сторону в действительности поддерживает? Нет, волшебные лунные ночи Крита не для него — он слишком напряжен, слишком встревожен. Не человек, а выцветший черно-белый фотоснимок. Задыхающийся от чада надуманных противоречий, оглушенный грохотом беспорядочных мыслей, он как солдат в окопе, он как на войне. Внешнее спокойствие — обман. Ему предстоит битва.

Затвердевшие черты его лица, в противоположность смягченным чертам Люси, скованные движения, в отличие от точеных и грациозных ее движений; зажатость там, где должна быть непринужденность, — всё это делало его чужим на празднике жизни. И его чуждались. Прохожие провожали странную пару опасливыми взглядами, а какой-то пьянчуга даже разразился им вслед неразборчивой бранью.

Люси же чувствовала теплые дуновения зефира на своих обнаженных плечах, медовый свет lantern на тонкой шее и истолковывала косые взгляды исключительно как дань собственной привлекательности. Под ручку с Кристианом, она неспешно проплывала мимо баров и дискотечных клубов, растрчивала звонкие монеты на милостыню беднякам, а напоследок упростила своего молчаливого спутника сфотографировать ее с одним арфистом, который пленил ее тем, что специально для нее исполнил песню о вечерних звездах и красных тюльпанах.

— Куда они запропастились? — вертела головой Джейн. — Где все?

Народу на улице заметно поприбавилось, многочисленные голоса слились в один сплошной гам. Музыка, быстрая и ритмичная, затянутая и плаксивая — на каждом углу своя — мешала сосредоточиться, и вскоре Джейн уже сидела на бордюре, хлюпая носом. Какой-то местный донжуан, в кожаной ковбойской шляпе и модных сапогах, бросил розу к ее ногам и, хохотнув, спешно удалился со своими приятельницами. А торговец сладостями, по всей

видимости, посчитал, что ему не сыскать клиента выгоднее, чем зареванная иностранка. Потом кто-то оттащил злополучного торговца за шиворот и, уперев руки в бока, стал прямо напротив англичанки.

— Ну, ты чего? — такой знакомый, домашний голос. Росси! Конечно же, это он! — Чего хнычешь? Потерялась?

— Франческо, родненький! — бросилась ему на шею Джейн.

— Сколько зим, сколько лет, — передразнил тот. — Тоже мне, нежности! Мы, между прочим, с Джулий полдеревни оббегали. Старших видела?

— Не-а.

Франческо озадаченно поскреб в затылке.

— И где их лихая носит?

Чтобы получить ответ на сей животрепещущий вопрос, студентам достаточно было лишь взять верный курс — курс на пристань.

Когда до пирса оставалось шагов десять, Франческо почувствовал дробные прохладные уколы дождя на плечах, и тотчас раздался недовольный возглас Джулии:

— Вот они где! Мы их ищем, ищем...

— Ух, ненасытная, — нахмурившись, пробормотал Росси. — Эта Люси никогда не вызывала у меня доверия. Я вам не говорил, но у нее уже давно были виды на синьора Кимура. Она ему проходу не давала, ей-ей, сам видел!

— А синьор Кимура... — Едва начав, Джулия осеклась, вовсе не желая посвящать друзей в свои далеко неоднозначные с Кристианом отношения.

— Да, синьор Кимура, не побоюсь этого слова, влип, — кисло отозвался Франческо. — Небось, Люси ему мозги прополоскала, раз он оставил нас без присмотра. Будь он в здравом уме, никогда бы так не поступил.

— В колчане дьявола нет лучшей стрелы для сердца, чем мягкий голос, [44] — философски изрекла Джейн, водя ножкой в сандалиии по натекшей к тому времени луже.

— Слушайте, мы скоро насквозь промокнем, — рассердившись, сказала Джулия. — Давайте поторопим наших «гидов».

Люси ненавидела неопределенность, безразличие Кристиана сводило ее с ума. И она не придумала ничего лучше, чем потребовать от него объяснений прямо на набережной, в столь неподходящей для ссор романтической обстановке, которая вполне могла сыграть ей на руку в деле оболъщения. Припасшись палитрой едкостей и коллекцией обвинительных речей, она отнюдь не предвидела, чем закончится этот тягостный для обоих разговор. А тут, как назло, припустил дождь, волосы ее слиплись, макияж растекся по щекам. Неудивительно, что она пребывала в состоянии крайнего раздражения.

— Тебе наплевать на меня! Это видно невооруженным глазом! — скрежетала она, сжимая кулаки, тогда как Кимура был безмятежен, словно гора Фудзи в ветреную погоду.

— Вовсе нет, — безэмоционально отвечал он.

— Ах, нет?! А почему ты сторонисься меня, почему смотришь, как замороженная рыба?!

Она кипела пуще парового котла, и, хотя сравнение с замороженной рыбой очень Кристиана развеселило, внешне он оставался невозмутим.

— Будь уверен, я на всё способна, — шипела Люси. — Твои любимые студенты еще не знают, кем ты являешься в действительности.

— Знают, знают, — снисходительно отозвался тот. — Злодей высшей категории,

обладатель пояса по кунг-фу, беспринципный вор и двойной агент.

— А похититель детей?

— К счастью, нет. Ты разве не в курсе, что Моррис меня отстранил?

— Но вначале ты ведь был с ним заодно! — вскричала Люси. — И даже выезжал на «операцию» в Кувейт! Слушай меня внимательно, голубчик, — сказала она, понизив голос. — Даю тебе день на размышления. День!

— Весьма благородно с вашей стороны, — попытался пошутить тот.

— Я хочу быть с тобой, но если ты пренебрежешь мною, не завидую я тебе. Отвергая мои чувства, ты обрекаешь сам себя!

Люси замолкла, сверля его пронзительным взглядом, хотя обыкновенно такое «сверление» было его прерогативой.

«Возомнила себя Эринией [45]? Что ж, в добрый час! — подумал Кристиан. — Я не боюсь клеветы, потому что даже если все и отвернутся от меня, Джулия не отвернется. Милая Джулия! Твой иммунитет к разочарованиям необычайно стоек. Ты возродила меня из пепла».

Мокрые и измотанные, Франческо, Джулия и Джейн никогда бы не посмели упрекнуть Кристиана в безответственности. Свались им на голову хоть тысяча несчастий, они не дерзнули бы обвинить в них своего учителя. Ворчать, дуться — пожалуйста, сколько угодно! Но бросаться обвинениями не решился бы даже вспыльчивый Франческо. Другое дело, если б согрешил кто-нибудь из его однокурсников. Тут уж он не стал бы размениваться по мелочам. Но совсем иное дело — преподаватель. Вот и сейчас они шли, все пятеро, под проливным дождем, и Франческо брюзжал, как столетний старик, Джейн вздыхала да поёживалась от холода, Джулия шагала прямо по лужам, рискуя застудить ноги, и для Кристиана их молчание было горше любых укоров.

Ливень разогнал жителей деревушки по домам, и улицы пустовали, если не считать нескольких загородивших дорогу грузовиков. По обтянутым пленкой кузовам — «плум-плум-плум» — размеренно стучали крупные капли.

— Худшее путешествие в жизни! — высказался Франческо, обходя фургоны.

— Не гунди, и без тебя тошно, — проговорила Джейн, шлепая следом. — Что-то наши проводники отстали...

— Не знаю, как вы, а я сейчас свалюсь, — подала голос Джулия. — Жуть как хочется спать!

В подтверждение своих слов она прислонилась спиной к виниловой стенке грузовика и широко зевнула. — Мне бы парного молока да... ой!

Она собиралась сказать «да горчишного мёду», но как раз в этот момент дверца кабины приоткрылась, и кто-то поманил ее пальцем.

— Не может быть! — с идиотской улыбкой пробормотала она, отстранившись от фургона. — Вот так встреча!

Она с живостью забралась внутрь кабины и помахала друзьям из окна.

— Мы немножко поболтаем, а вы, если хотите, полезайте назад. Там хотя бы сухо.

Джейн с Франческо изумленно переглянулись, не до конца понимая, что она делает и что требуется от них.

— Ну уж нет, — Из машины послышался смех. — Сперва я прокачу тебя с ветерком, а уж потом и поболтаем!

Взревел двигатель, и из выхлопной трубы повалили грязные клубы дыма. Самое время

для решительных действий. Но у Франческо начисто пропала охота связываться с владельцем автофургона, кем бы тот ни был.

— А что, если это один из мафиози?! — с содроганием предположила Джейн.

— Тогда Джулия не стала бы к нему садиться, — резонно заметил Росси, и он был прав.

Кристиан же, заподозрив неладное, ускорил темп, и, когда Люси попыталась его удержать, ухватив за обшлаг плаща, он довольно-таки грубо отдернул руку. Минутой позже он уже вихрем мчался к грузовику, потому что, судя по всему, его драгоценную Джулию намеревались похитить. Преодолев оставшееся расстояние в три прыжка, он с разбегу вскочил в кузов и, не устояв, повалился на ящики для перевозки фруктов. Машина была уже на полном ходу, и Кимура пожалел, что не дал ученикам толковых указаний.

«Будем надеяться, — сказал он себе, — что Люси, эта любительница разыгрывать драмы, сообразит, как поступить».

А Люси, растерявшись от его вопиющей наглости, остановилась на мостовой, под проливным дождем, и никак не могла уразуметь, отчего он так себя повел. Его побег был для нее ударом ниже пояса, вероломством из вероломств. И если б кто-нибудь притронулся к ней теперь хоть пальчиком, не исключено, что она, бесцветная статуя с остекленелым взором, взорвалась бы, как граната.

— Безумец! Идиот! — одними губами прошептала она, не замечая ни Джейн, ни Франческо, которые, точно бесприютные птенцы, слетелись к ней, едва грузовик скрылся из виду.

— Как он мог?! — спросила она, подымая глаза к беспросветному, низко нависшему небу.

— Там Джулия... — робко заметил Франческо. — Из-за нее вся катавасия и началась.

— А-а-а! — зловеще протянула Люси. — Так вот где собака зарыта! Джулия! Опять эта коварная тварь! Вечно наступает мне на пятки! Ну, погодите, я с ней еще расквитаюсь!

Ее лицо исказилось в чудовищной гримасе, а фигура скукожилась, как у древней старухи. Голос же сделался столь неузнаваемым и диким, что Франческо невольно припомнилась психиатрическая лечебница, куда он в прошлом навдывался к своей полоумной, однако весьма кроткой кузине. Ему вспомнилось, как проходил он по коридору и как, колотя в двери камер-изоляторов, орали буйные сумасшедшие.

— Чур меня! — перекрестился он, отпрянув от Люси.

Джейн втянула голову в плечи и тоже поспешно отошла в сторонку.

— Это какой-то страшный сон! — обратилась она к итальянцу. — Ночь, фонари, безлюдная улица и мы...

— Без крова, без пищи? — дополнил Франческо. — Ерунда, уверяю тебя! Случались вещи и похуже. Взять вон хотя бы пожар!

Джейн содрогнулась, однако его высказывание никак не прокомментировала.

— Ясно одно, — сказал Росси, тактично уводя ее от злобствующей Люси. — С нею нам связываться нельзя. Вот ведь гарпия! Такая со свету сживет, не успеем мы и пикнуть! Слышала, как она о Джулии отзывалась?! Даже повторять стыдно!

— Да-да, уйдем поскорее, — щебетала Джейн, преданно семеня за ним по тротуару. — Вот ведь гарпия! Вот ведь!...

Гарпия угомонилась не сразу. Ей нужно было как следует поразмять связки, потопать ногами и напоследок предать Кристиана анафеме, прежде чем осознать, что на улице она одна-одинешенька, а ключи от внедорожника благополучно остались в кармане у человека-

в-черном. В конце концов, дождь ее несколько остудил, и наступил черед серьезно озаботиться проблемой пристанища.

— Деньги, мне нужны деньги, — бормотала она, роясь в своей сумке, которую везде тягала с собой. — Есть у них тут, интересно, приличная гостиница?... Тьфу! А это еще что за дрянь?!

Аризуну Кей, несомненно, расстроилась бы, если б услышала, какого мнения Люси об ее телепортационной ветви, потому что при слове «дрянь» на мокрую мостовую полетела именно ветка сакуры. А Люси, в изумлении уставившись на ветку, мигом припомнила эпизод, в котором почти безотчетно прибрала ее к рукам. Неприятный, липкий эпизод, но всё же...

— Всё же не следует торопиться с выводами, — посоветовала она себе и проворно нагнулась за телепортатором. — Кто знает, как эта штука работает? И не испортятся ли от воды проводки?

В следующую минуту, позабыв о голоде и усталости, она уже вертела веточку в пальцах.

— Кнопки... Ха, дилетантство! В наше время кнопки делают более изящными, а провода никто не пускает снаружи... Этот дождь меня доконает! — посетовала она. — Пожалуй, ничего не случится, если я, ради интереса, проведу небольшой эксперимент.

Чем сей эксперимент закончится, страшно даже представить. Что будет, если в волшебный сад вторгнется персона нон грата? К чему приведет ее столкновение с хранительницей? И сумеет ли японка справиться с помощницей Актеона?

[44] Байрон

[45] Эринии — богини мести в древнегреческой мифологии.

Глава 21. Цивилизация, прощай!

Вешнее солнце прорвало пелену туч, когда Франческо и Джейн вышли на пустую дорогу. Дорога эта была очень привередливая и любила иной раз попетлять да погорбиться. То она взбиралась на холмы, то резко снижалась, словно бы устав красоваться у всех на виду. За Венецианским мостом она опять поднималась в гору. А вправо и влево от обочины, насколько хватало глаз, цветными коврами лежали луга, но на Джейн, прошагавшую всю ночь без остановки, они не производили ни малейшего впечатления. Где-то через пятьсот метров Франческо увидел зубчатые развалины монастыря. О том, что развалины именно монастырские, он догадался позднее, по очертаниям бывших келий, конюшен и кладовых. Джейн наотрез отказалась пережидать там жару, когда местный грек сообщил, что монастырь, именуемый в прошлом Като Превели, был сожжен турками еще в двадцатых годах девятнадцатого века. Ключевым было слово «сожжен» — оно-то ее и отпугнуло. Она ни за что не хотела прибегать под защиту обуглившихся стен и полуразрушенных крыш.

«Уж лучше в тени под деревом, чем на пожарище!» — категорично заявила она. Не устроил ее и пальмовый пляж, где некогда, в далекие девяностые, жили хиппи. Море ей, видите ли, солоно, река — мелка. Ей душ подавай, да накрытый стол, да мягкую постельку. Франческо скрипел с досады.

— Осталась бы ты с Люси. Вы бы нашли с ней общий язык. Как-никак, две гарпии.

— Гарпия гарпии рознь, — то ли серьезно, то ли в шутку говорила Джейн. — Хочешь, чтоб я вернулась в деревню?

— Баба с возу — кобыле легче, — неопределенно отвечал Росси.

— Это ты-то кобыла?! Да ты настоящий осел!

Так, огрызаясь друг на дружку, они по скользкой щебневой тропинке вновь вышли на дорогу. Джейн капризно заметила, что и пальмы, и море издалика выглядят куда более привлекательными, а река так и вовсе не рекою кажется, а серебряной нитью. Тогда Франческо с горечью сказал, что такому тепличному растению, как она, не стоит соваться ни к морю, ни к пальмам. И носик свой посоветовал беречь от неприятных речных запахов.

— Зануда, — сказала Джейн.

— Чистоплюйка, — последовало в ответ.

Им обоим напекло голову, у обоих урчало в животе, однако это не мешало им изобретать всё новые и новые обидные слова. И кто знает, сколько бы они еще препирались, если бы дорога вдруг не оборвалась у ворот очередного, на этот раз обитаемого, монастыря. Они наговорили друг другу столько гадостей, что постучаться в ворота было теперь даже совестно.

— Я прах и тлен, — сказал Франческо, — и этой тленной рукой нарушить мне святой покой?

— Кончай дурить, — вспыхнула Джейн, чья совесть не протестовала. — Я есть хочу, спала я мало. Не постучимся — всё пропало.

Им отворил седой монах и, справившись предварительно об их вероисповедании, повел их дорожкой, обсаженной шиповником, туями и кипарисами. Обитель стояла высоко над Ливийским морем, укрывшись от мирской суеты за надежными стенами, и контраст между тишиною этой скромной гавани и вычурно-торжественной атмосферой деревенского вечера ощущался бы сильнее, если бы не долгий путь. В утомительном странствии сглаживаются

любые углы.

— Паломникам обыкновенно предоставляется общежитие, — сказал монах. — Для особ мужского пола — на мужской половине, женского — на женской. Вам, — обратился он к Франческо, — разрешается участвовать в приготовлении трапезы и присутствовать на службах вместе с братией. Не благословляется загорать, ловить рыбу, громко разговаривать и кричать. Не должно входить в братский корпус без сопровождающего монаха.

— Так, хорошо. А ей что можно? — поинтересовался Росси, указав на Джейн.

— Вашей подруге выделяют юбку и платок, — скупой отозвался проводник.

Джейн, которая уже давно научилась понимать по-гречески, надулась. Выходит, ей тут не больно-то и рады. С другой стороны, от нее не требуется соблюдать устав. Валяйся себе в кровати, сколько влезет. Главное к трапезе не опоздать. Только потом она поймет, каково это «валиться в кровати», сиречь на твердой койке, в душевной комнатке с одним окном, и пытаться заснуть под дружный храп немолодых уже соседей.

— Мне здесь неуютно, — призналась она, когда их оставили у источника, вытекавшего прямо из стены. — Небо вон какое голубое, птицы поют, вода журчит, даже колокол недавно так приветственно звонил! А люди, куда ни глянь, все в черном, лица сухие, постные, — Она зачерпнула ладошкой из углубления, в которое стекала вода. — Хоть бы улыбнулся кто!

— Джейн, это же монастырь! У них так заведено. И раз тебе не понравилась пальмовая бухточка, изволь терпеть хмурых старцев. Правда, вы нечасто будете пересекаться. Скоро тебя отправят, хи-хи, на женскую половину, и я наконец-то смогу отдохнуть!

Проигнорировав его злорадный тон, англичанка устремила взгляд в небо, где на лазурном фоне отчетливо вырисовывался хребет далеких гор.

— Как там наша Джулия? — задумчиво проговорила она.

— Сама не евши, не пивши, а умудряется думать о других. Вот ведь мать Тереза! — всплеснул руками Франческо.

Джейн не отреагировала и на этот его словесный выпад.

— Если с нею синьор Кимура, — сказала она, — бояться нечего. Лучшего защитника и покровителя разве где сыщешь?!

Что касается самого Кристиана, то он на свой счет не обольщался. Когда грузовик миновал последний деревенский дом, началась несусветная тряска, фургон наполнился едким дымом, и мысли человека-в-черном были сосредоточены исключительно на том, как бы поскорее плотнуть свежего воздуха. С трудом удерживая равновесие, он нет-нет да и утыкался плечом в какую-нибудь стенку. Дорога нещадно виляла и бугрилась, вилась меж насыпей, и не было ей конца.

— Адская машина, — пыхтел Кимура, обнаружив вделанную в крышу скобу и уцепившись за нее из последних сил. — Теперь я знаю: чтобы вымотать соперника, устрой ему хорошенький аттракцион на бездорожье.

В голове его гудел рой неоформленных мыслей, и он беспрерывно задавался вопросом, что представляет собой водитель и зачем ему понадобилась Джулия.

«Неудивительно, — думал Кимура, — если этот тип подослан Моррисом. И какое счастье, что я не сижу сейчас в гостинице, бессильно сложив руки. Я могу вмешаться и сделаю это при первой же возможности».

Конечно, Джулия вполне могла за себя постоять, и если бы она дала отпор, противнику бы не поздоровилось. Однако человеческий фактор никто не отменял. Что если она

растерялась и не предприняла нужных действий? А дела, вероятнее всего, обстояли именно так, ибо в противном случае водитель грузовика уже валялся бы где-нибудь связанный, с кляпом во рту. Что-то подсказывало Кристиану, что подобной «чести» удостоили его ученицу, и он был намерен придерживаться этой своей версии, пока воочию не убедится в ее ошибочности. Он горел желанием вышибить из противника дух до тех пор... пока не услышал смех.

— О небеса! Им весело! — вскипел Кимура. — Им весело, нитрометан их разбери!

А он, глупец, мечтал проявить себя героем, встать между похитителем и Джулией, как грозный Персей, спаситель Андромеды, как карающий ангел, пусть и запыхавшийся, и без меча...

— Суши весла, дружок, — не без горечи вздохнул он, сползая по стенке фургона. — Тебя опередили. Тот хохотун-весельчак за рулем уж точно быстрее завоюет ее сердце, чем ты со своими нелепыми маневрами.

О чем разговаривал с девушкой мнимый похититель, расслышать было сложно из-за грохота колес, однако общую интонацию Кристиан уловил. Так могли общаться только давние знакомые, очень близкие давние знакомые...

Машину сильно тряхнуло на повороте, и Кристиана вновь неприятно поразил громогласный смех шофёра. Кто они друг другу? Жених и невеста? Муж и жена? Что-то мешало ему помыслить об их родстве. Приникнув к железному перекрытию между кабиной и багажным отсеком, он тщетно вслушивался в их живейший разговор, изнемогая от жажды и томясь смутным чувством потери, как если бы принадлежавшую ему драгоценность вдруг вырвали у него из рук.

Между тем наступало утро. Перехваченная цепью холмов, перед путниками расстилалась равнина. Где-то вдали синели зубчатые отроги гор, и Джулия не смогла сдержать возглас восхищения, когда первый, несмелый луч солнца пополз по земле, пересекая глиняную дорогу. Через мгновенье такая же ярко-желтая полоска легла ближе, подкралась к холмам и охватила их радостным сиянием. А еще минуту спустя целый сноп лучей ударил в боковое стекло грузовика, отчего водитель засмеялся пуще прежнего. Джулия запела, и, наверняка, как предположил Кимура, засветилась. Теперь она всегда светилась, когда ей было хорошо. Солнце постучалось в непроницаемую оболочку фургона, помедлило, распластавшись яркой кляксой по крыше, и с разбегу нырнуло в дремавшую справа оливковую рощу. И вдруг вся широкая равнина сбросила с себя сумрачное покрывало, вздохнула, точно пробудившаяся царевна, и заблестала росой. Зажужжали насекомые, весело зачирикали в кустарниках щелчки, а стрижи принялись усердно нарезать круги. Вспугнутая грузовиком стайка юрких бормотушек вспорхнула с земли и, издав резкое «чрек-чрек-чрек», скрылась в зарослях на противоположной стороне дороги.

— Не правда ль, чудесно? — спросил у Джулии незнакомец. — И это всё, с земляничными деревьями, шалфеем, чабрецом и розмарином, с шустрыми пташками и пугливыми сурками, — всё-всё принадлежит мне!

— А не преувеличиваешь ли ты? — с сомнением отозвалась та. — Ведь ты бедняк. Сам говорил, лачуга в чистом поле, четыре колеса да ящики с абрикосами. Разве ж тут разживешься?

— Ага! А это ты видела?! — залихватски вскричал водитель, доставая из бардачка завернутый в пожухлую бумагу предмет и небрежно покручивая руль одними кончиками пальцев. — На, гляди! С таким добром я приобрету вдесятеро против того, что имеют

миллионеры!

— Не хочу ничего знать! Что бы ни было в этом свертке!

— Ну, воля твоя, — сказал «властелин равнины», поспешно пряча предмет в карман. — Тпруу! Приехали! — шутливо объявил он, затормозив так, что Кристиан буквально впечатался лицом в стенку, у которой подслушивал.

«Они похожи на двух воркующих голубков», — ревниво заметил он, выглядывая из фургона. Энергичный молодой человек, соскочив на землю, оббежал машину спереди и подал Джулии руку.

Прошло немного времени, и на место утренней свежести заступил зной, роса испарилась, замерло гудение пчел. Воздух иссушился в мгновение ока. Даже трава поникла, а пышные, горделиво распустившиеся цветы стали еще старательней источать свои ароматы. Кристиан отряхнул плащ и мягко спрыгнул с подножки кузова.

«Обман, кругом обман, — думал он, подкрадываясь к платану, за которым, блеклое и покосившееся, стояло жилище похитителя. — Люси лжет направо и налево, Джулия недоговаривает. Не удивлюсь, если у нее роман с этим нищепродом!»

Он огляделся: буро-зеленое взгорье на юге, откуда они спустились в низину, граничило с бездонным голубым небом, а впереди, за покосившейся крышей хижины, лиловым цветом отливали зубцы гор. Моря нигде не было видно.

Дождавшись, пока Джулия с незнакомцем переступят порог, Кимура перемахнул через дырявый плетень из проволоки и вскоре поравнялся с одиноким, давно перегоревшим фонарем, который должен был освещать тропинку к дому.

Он не испытывал неловкости при мысли о том, чтобы выступить в роли незваного гостя, однако имел ли он право вторгаться в чужую жизнь столь грубым и опрометчивым образом? О да, имел! Полное, неоспоримое право! Ибо кто как не он отвечал за благополучный исход миссии? Кто как не он был обязан собирать под крыло непоседливых учеников и приструнивать их в случае непослушания?

«Работенка для наседки, ничего не скажешь», — проворчал Кристиан и направился к дверям лачуги. Как душно и уныло вокруг! Над крышей, плавно взмахивая крыльями, пролетел сокол, вернулся и повис в воздухе, словно бы задумавшись о бесцельности бытия, повернул затем от солнца и скрылся за рощей.

Кимура по привычке занес кулак, чтобы постучать, но потом опомнился и решил ворваться без всяких церемоний.

У паренька, который как раз потчевал Джулию чаем, при его появлении отвисла челюсть и хорошо, что не вывалился из рук заварник. Хотя одна капелька всё ж капнула гостю на ногу.

— Федерико, увалень! — зашипела не него Венто и вмиг притихла, увидав в проходе фигуру учителя. — С-синьор Кимура? — пролепетала она.

— Хотела от меня сбежать?

— Что вы! Как можно! Я... Я не подумав.

— Непреднамеренность действий — признак слабости натуры, — изрек Кристиан, облакачиваясь о высокую спинку стула. — Ты меня удивляешь.

— Кто это, Джулия? — спросил опешивший юноша. — И почему он тебя преследует? Ты только скажи, я с ним разберусь!

— Глупости! — фыркнула та. — Знакомьтесь, сэнсэй, это мой двоюродный брат.

Кристиан и Федерико неохотно обменялись рукопожатиями и оба сели за стол, вернее,

за шаткий, облупившийся столик с подгнившими ножками.

— В последний раз, — угрожающе проговорил Кимура, нороя просверлить ученицу взглядом.

— Что? — беспечно откликнулась та.

— В последний раз ты срываешь мои планы, понятно?!

Федерико нервно заерзал.

— О, у меня же угощение пропадает! Извиняюсь, глубоко извиняюсь! — И он резво вскочил со скамьи.

— Какое-такое угощение? — полнобопытствовала Джулия.

— Да так, пустяки! Чепуха на постном масле!

Пока он бегал в погреб, который представлял собой не что иное, как прикрытую досками яму на заднем дворе, в его лачуге происходил странный разговор.

— Выходит, он твой брат? — спрашивал Кристиан, выбивая пальцами ритм по столешнице.

— А вы что вообразили?! Что он из мафиозного клана?

— Всякое вообразишь, когда человека уводят у тебя из-под носа. Смотри, как бы я не пожалел, что взял тебя на Крит.

— Вот еще! — вспыхнула Венто. — Да если бы не я, вам бы и в голову не пришло заступаться за несчастных детей! Вам не кажется, что в таком деле лучшее — это спонтанность?

— Не кажется, — буркнул Кимура. — Без качественного плана нас ждет провал.

— Это вас ждет провал, а я преуспею!

— Самонадеянная девчонка! Ты преуспеешь только в том случае, если тебе не помешают ни Моррис, ни Туоно, ни Люси!

— Люси?! — оторопела Венто. — А она-то здесь при чем?

— Ее точит зависть, потому что ей я предпочел... — Тут он так взглянул на Джулию, что ее пробрала дрожь, — тебя.

Она инстинктивно отодвинулась от стола.

— Перестаньте, перестаньте сейчас же! Вот что действительно способно сорвать ваши планы, так это безрассудные чувства!

— Чувства всегда безрассудны.

— Тогда держите их под контролем!

«Ох, скорей бы Федерико вернулся! — подумала она, ощущая, как по спине бегут мурашки. — Я словно в клетке с тигром!»

Нет, ей определенно не следовало садиться к брату в грузовик. Ну и пусть, что родня, ну и пусть, что долго не виделись. Надо было внять голосу разума. А теперь что же, пожинать плоды собственной неосмотрительности? Меньше всего на свете ей хотелось остаться с учителем один на один.

— Я вам не блюдо и не цвет, чтобы меня предпочитать! — обидчиво прибавила она, когда Федерико протиснулся сквозь узкий проход, удерживая башню из непомерно больших кастрюль. Шатаясь, точно его подстрелили, он кое-как добрал до стола, куда и водрузил свою ношу.

— Так-так, — придиричиво проговорила Джулия, выглядывая из-за внушительного нагромождения. — Братец, ты, часом, не переработался, а? Нас-то всего двое, а еды здесь, похоже, на целую армию. Что там?

Вареная кукуруза трехдневной давности никого не прельстила, впрочем, как и овсяная каша, которая, как утверждал Федерико, была приготовлена лишь позавчера. Гости воротили нос и от затвердевшей халвы, и от козинаков, и от солений, что не могло не огорчить хозяина.

— Да, я бедняк! И что с того?! — воскликнул он. — Когда-нибудь я обязательно разбогатею, и это время не за горами! Обо мне заговорят, вот увидите!

— Хорошо, хорошо, никто и не сомневается в твоих способностях, брат, — поспешила умирить его Джулия. — А мы вовсе не голодны, правда, синьор Кимура? Чая будет вполне достаточно.

Кристиан утвердительно кивнул, предчувствуя, что сейчас начнется один из тех длинных, утомительных, а главное, пустых разговоров, какие любят вести родственники, встретившись на чужбине. И он не ошибся.

Не чуждый рисовки, Федерико с редкостным энтузиазмом принялся повествовать о своих злоключениях и так разошелся, что к тому моменту, как его рассказ подошел к концу, над равниной сгустились сумерки и небо окропилось непривычно яркими звездами. За окном всюду трещали цикады.

— Ну что, наш Чайльд Гарольд, — потягиваясь и зевая, сказала Джулия. — Так, значит, покинув Италию, ты все эти годы потратил на поиски Эльдорадо? И чем тебе родина-то не угодила? По-твоему, счастье в деньгах?

— Бездельник, развращенный ленью; как мотылек, резвился он, порхая; свой век он посвящал лишь развлечениям праздным; и в мире был он одинок, — поскучевшим голосом подытожил Кристиан, после чего занялся своим, уже остывшим, чаем.

— Я не таков, каким меня вы описали, — запальчиво возразил Федерико. — Хоть я и гол как сокол, оскорблений я не допущу! Так что, синьор, извольте драться!

— Драться на ночь глядя? — изумленно вскинул брови Кимура. — Что ж, ваше гостеприимство терпел я целый день. Пора и поразмяться.

— Прекратите, оба! — вскричала Венто, вскакивая с места.

Ее призыв остался без внимания, а дуэлянты в секунду освободили пространство, сдвинув в угол всю лишнюю мебель. На улице было слишком темно, чтобы устраивать там поединок.

— Мой стиль кунг-фу, — сказал Кимура, становясь в начальную позицию.

— Кунг-что?! — презрительно переспросил Федерико. — Ах, да! Китайские штучки у вас, узкоглазых, в ходу.

Как выяснилось, его хлебом не корми — дай побравировать да над соперником поглумиться. А соперник тот, что камень: не берет его ни меткое словцо, ни язвительная насмешка.

— Вы, синьор, похожи на борца с преступностью, — выдал Федерико, засучив рукава и приблизившись к противнику, помахая кулаками. — Больно уж мрачны.

— А я и есть, — сосредоточенно произнес Кристиан, принимая оборонительную позу. — За нами по пятам вот уже который месяц идет мафия.

— Что-о-о? — остолбенел искатель счастья. — Мафия?! Какая мафия?

Пользуясь случаем, Кристиан нанес ему один из своих обезвреживающих ударов, отчего тот с сипением отлетел в угол, где были сложены стулья.

— Мафия Морриса Дезастро!

— О горе мне! — простонал Федерико. — Ohime! [46]

— Что такое? — в один голос воскликнули Джулия и Кристиан.

— Моррис заказал мою голову на блюде под татарским соусом. И раз вы здесь, я больше не жилец, — сказал он, поднимаясь с груды поломанной мебели. — Дом наверняка окружен.

— Я бы не спешила со столь однозначными выводами. Хвоста ведь за нами не было. А если и был, с твоим виртуозным вождением мы от него наверняка избавились.

— Ты меня успокоила, сестричка, — Испустив вздох чахоточного больного, Федерико повалился на изъеденную молью перину. — Ваша взяла, синьор... как вас там... Кимура. Деретесь отменно, однако я бы посоветовал вам поизучать кулачные бои.

С такими словами двоюродный братец Джулии захрапел, как паровоз.

— Хм, и зачем это мафии понадобилась его голова? — проронила она, оттягивая пояс своего «бального» платья.

— По-моему, его беспокойство не стоит и выеденного яйца, — высказался человек-в-черном, расхаживая по комнате. — Меня больше тревожит, где мы переночуем. Твой кузен — настоящий грязнуля, доложу я тебе.

— Да-а, понятия не имею, где нам здесь примоститься. Пыль, паутина, какие-то ошметки... Фи!

— Точнее и не выразишься! — рассмеялся Кимура.

Они заночевали на открытом воздухе, выволочив из дома два более или менее приличных спальных мешка, и стрекот цикад представлялся им колыбельной мелодией, по сравнению с жутким храпом «Чайльд Гарольда».

— Будь я на месте Морриса, я бы тоже, наверное, потребовал его голову, лишь бы только никогда не слышать этих ужасных звуков, — сказал Кристиан сквозь сон.

Опрокинутое над ними небо мерцало мириадами ярких точек, и, вместо того, чтобы спать, Джулия выискивала созвездия да гадала, где сияет полярная звезда. Какой-то жук надоедливо жужжал у нее над ухом, из рощи слышалось уханье и запоздалая птичья возня.

«Не мог Федерико вот так взять и ни с того ни с сего отключиться, — подумала она внезапно. — Притворщик. Решил от нас отделаться. Интересно, чем он занят теперь».

А Федерико полежал-полежал, нащупал впотьмах свечку, да и стал собирать вещички, которых у него было раз, два и обчелся.

«Что делать с камнем? Что с камнем-то делать? — судорожно думал он. — Коль меня схватят, камень отберут, а самого в море потопят или пристрелят, как собаку. Э, так пусть им лучше ничего не достанется!»

«Сестричка двоюродная хороша стала, — облизывался он, приотворяя дверь. — В другое время, может быть, и приударил бы за ней. Да если бы не этот азиат, я бы уж давно что-нибудь предпринял... Достаточно ли в двигателе масла, а? — вдруг озаботился он. — Бензина-то пара канистр найдется, а вот масла... Ну, да ладно. В любом случае, голыми руками Моррис меня не возьмет! Не на того напал!»

Джулию, которая задремала к рассвету, разбудили громкие выхлопы, и, к тому моменту, как она протерла глаза, грузовик благополучно скрылся из виду. Ее спальный мешок был мокр от росы, а рюкзак, где она держала костюм для тайцзи, выглядел так, словно его основательно поваляли в грязи.

«Уехал... — пронеслось у нее в голове. — Стоп! Что значит уехал?!»

Потрясение ее было столь велико, что она на минуту забыла, где находится. Не удосужившись расстегнуть молнию на мешке, она вскочила на ноги, но, не устояв, упала носом в траву, и из ее уст сами собой вырвались слова, какие добропорядочной синьорине

произносить не положено.

— Ах негодяй, ах плут! Бросить меня наедине с этим... с этим... Ух, я ему! — негодовала она, сражаясь со спальником. В неравной схватке ее нарядное платье лишилось нескольких оборотов, измазалось в травяном соке и под конец дало по шву изрядную трещину.

— Всё наперекосяк! — всхлипнула она, неподвижно сев на земле. — Хоть ты плачь!

Она собиралась в точности осуществить сие намерение, когда сзади к ней подобрался Кристиан и опасно тронул ее за плечо.

— Ты опять светишься, дорогая.

— Я вам не дорогая, ясно?! — огрызнулась Джулия, исходя слезами. — И перестаньте уже ко мне цепляться! То я свечусь, то я убегаю, то смотрю косо! Вы мне опостыли!

Кимура стоически выслушал эти и прочие обвинения в свой адрес, отвел с ее лица слипшиеся пряди и проникновенно произнес:

— Твой брат уехал, но миссия не выполнена. Без твоей помощи мне нечего и надеяться распутать это дело. Посмотри, что оставил нам на прощанье Федерико.

Он раскрыл перед нею ладонь, где, в обрамлении коричневого пергамента, сверкая и переливаясь, лежал невероятных размеров бриллиант.

— О небо! — вскрикнула Венто, зажав руками рот. — Так вот, значит, о каком богатстве шла речь, когда он разливался предо мною соловьем! Хорошо же дельце, если нас порешат из-за какого-то прозрачного осколка.

— Из-за шлифованного прозрачного осколка, — поправил Кристиан. — Он стоит миллиарды.

Путаясь в спальном мешке, Джулия отпрянула от учителя с расширенными от ужаса глазами.

— Спрячьте! Спрячьте скорей! Он нас погубит!

Ее просьбе Кимура не внял. Сощурившись, он вскочил на ноги, и его взметнувшийся плащ на миг заслонил от девушки небо.

— К нам гости, — напряженно проговорил он, всматриваясь в даль. — Ибо полагать, что обыватели-греки увлекаются пробежкой в столь ранние часы, да еще в сотне километров от цивилизации, было бы неразумно.

— По нашу душу, да? Я так и знала, так и знала! — рассердилась вдруг Джулия и, встав, принялась стягивать через голову платье.

— Что ты делаешь? — удивился Кристиан.

— В отличие от моего бесхребетного братца, я не собираюсь сдаваться! — глухо отозвалась та, рискуя задохнуться в корсете. Минутой погодя она, согнувшись в три погибели, уже вытаскивала из портфеля белое боевое кимоно, поскольку другой одежды у нее с собой не было. А платье нашло свое место под забором в виде груды ненужного тряпья. — Они еще пожалеют, что с нами связались!

— Следует отдать должное тому, кто в столь краткие сроки после зимы сумел приобрести ровный шоколадный загар! — сказал Кристиан, различив фигуру одинокого спринтера. — И гидразин меня разбери, если это не женщина!

— Коль женщина, не жди победы легкой, — насупясь, прокомментировала Джулия. — Могу я собственноручно выцарапать ей глаза?

— Зачем?

— Моррис не глуп, он знает, кого посылать. А если бегунья лишь отвлекающий элемент, вы возьмете на себя главного противника. Не исключено, что он готовится к

прыжку, скажем, вон в тех зарослях. Там как раз нет ограждения.

— Да, ты права. Дезастро мастак организовывать засады!

Сражаться бок о бок со своим учеником — мечта любого мастера кунг-фу, однако если ученик горд и своенравен, никогда нельзя знать, что он выкинет в решающий момент.

Кристиан являл собою образчик бесстрашного воина. Он прокручивал в уме приемы и стратегические ходы, чтобы разом покончить с врагом, не оставив ему ни шанса на победу. А Джулия, в гордости и своенравии которой не приходилось сомневаться, обогнула сложенную у забора поленницу дров, отыскала в ржавой сетке дыру и пролезла в нее, нимало не заботясь о том, какова будет реакция учителя.

«Я хочу убедиться, — твердила она себе, — что это действительно женщина и что она чернокожая. У меня не такой острый глаз, как у сэнсэя. Мне бы лично взглянуть... Сперва взглянуть, а уж потом и поприветствовать».

Приветствовать посланницу Дезастро она намеревалась в своей, неповторимой манере. Она хотела заставить себя светиться.

«Мой свет, — полагала она, пробегая мимо цветущих кустов олеандра, — собьет ее с толку, после чего я собью ее с ног».

Овеваемая свежим ветром, она мчалась по росистой траве, а сердце так и прыгало в груди. Вот холм остался позади, вот козья тропка, вот молчаливая компания камней. Фигура темная летит навстречу, ближе, ближе...

— Уму непостижимо! Нет! — оторопела Джулия, убавив темп и проведя рукой по волосам. А потом как подскочит да как завопит: — Клеопатра-а-а!

Их ликование не было границ. Кристиан, который не сразу обнаружил отсутствие ученицы, нагнал ее, когда она уже вовсю отплясывала с африканкой.

— Слава существу! Это всего лишь наша добрая фея из вишневого сада! — с невероятным облегчением сказал он. — А мы уж было приготовились защищаться.

— Да, Клео, подумать только, — проговорила Джулия, смеясь, — я собиралась...

— Она собиралась выцарапать тебе глаза, — вставил Кристиан, блистая своей самой обаятельной улыбкой.

[46] Увы мне! (ит.)

Глава 22. Красный скорпион и синяя стрела

Бледные тени цветущих деревьев дремали на выложенной зигзагом дорожке, тянулись к многовековому пьедестальному фонарю и довольно-таки неучтиво напоздали на лоб Люси. Ей не были рады ни сакуры, ни птицы, ни бабочки. Из кустов на нее исподволь поглядывали детишки, а Аризуну Кей так и вовсе не знала о том, что в саду появился чужой. Одна из синичек взялась ее предупредить. Но в беседке обнаружилась лишь колеблемая ветром бумага для каллиграфии с подсыхающим столбцом иероглифов, а окна и двери обеих пагод были наглухо закрыты. Покачиваясь, под мостом нежно звенел колокольчик. Где-то стукнулась об изогнутый карниз и скатилась в ручей сосновая шишка. Всё дышало весной, дышало спокойствием и блаженством, однако на Люси эта атмосфера не действовала.

— Вот так веточка! — подивилась она, покручивая в руках телепортатор. — Доставила на курорт почище Крита! Хотя, по правде, мне никогда не нравились восточные традиции. Что у них там? Гейши, самураи, журавли... — В таких вещах она разбиралась с ограниченностью филистера, в чем едва ли могла себя упрекнуть. — Что-то вязкое и приторно сладкое, как неудавшийся заварной крем, который я однажды ела в Гуанчжоу.

Побродив у воды и обойдя вокруг красной пагоды, она даже не стала заглядывать внутрь, ибо ей было смертельно скучно.

— Здешние обитатели, вероятно, живут со скоростью опадающих лепестков! Хочу назад! Хочу на мой милый Крит, к лошадям и скиладико! И да, я просто обязана проучить Кристиана после всего, что он со мной сделал!

Она принялась нещадно давить на кнопку, которая предположительно должна была вернуть ее на остров. Но по какой-то причине ветвь сакуры отказалась ей служить, издав шипение и выпустив из листовой пазухи струйку пара.

— Ах вот, значит, как! — разбушевалась Люси и сломала ветку о колено. — Выходит, я в ловушке?! О, да я заставлю их исполнять кабриоли! Они у меня вверх тормашками полетят, и тогда узнаем, кто у кого в ловушке!

Заслышав шаги, она, однако, предпочла схорониться между кирпичными колоннами фундамента, готовая разорвать на клочки любого, кто обнаружит ее убежище.

А хранительница, как ни в чем не бывало, совершала дневной обход своих владений, неся ведро с дренажем и маленькую садовую лопатку. Она только что посадила несколько молодых слив, которые охотнее росли на незатененных участках вблизи ограды, научила детей пользоваться смешным, почти игрушечным колодцем на окраине сада, и теперь была непрочь помедитировать да предаться вольным размышлениям. Но тут ее настигла беспокойная синичка, принявшись оттягивать клювом батистовые рукава кимоно и громко чирикать.

— Ну, что еще? Что стряслось, Кихада? — спросила Аризуну Кей. Она поймала птичку в руки и погладила ее по пушистому боку, который был цвета амурского бархата. — Вторжение, говоришь? Кого-то видела?

— Ци-ци-фи! Ци-ци-фу! — ответила синичка, прыгая у нее на пальце.

— Она пришла не из сакуры, так? — озадаченно уточнила хранительница. — Это плохо, очень плохо. Я должна взять ситуацию под контроль, пока не стало слишком поздно.

«Поздно для чего?» — хотела было спросить синичка, но издала лишь звонкое «цирр», и, обидевшись, что на нее не обращают внимания, упорхнула в крону ближайшего дерева.

Люси каким-то третьим чутьем осознавала, что ее вычислят, коль скоро она будет сидеть в подвале таким сжатым комком нервов. Вычислят единственно оттого, что ее состояние не соответствует общему умиротворенному духу.

«Либо эта японка сумасшедшая, либо у меня не все дома», — подумала она, услышав, как хранительница рассуждает о своей власти над садом и о том, как бы эту власть упрочить. Она сидела в укрытии как раз позади Аризу Кей, и ничто не препятствовало ей сейчас же прибегнуть к помощи неприметного, зато отменно заточенного стилета...

— Берегись! — завизжал кто-то совсем близко, и, налетев на хранительницу, повалил ее в кусты. Тревожно зашелестели листья гортензий. А стоявшая рядом сосна в негодовании сбросила несколько шишек на голову помощницы Актеона, которая выскочила из-за моста с яростным воплем и кинжалом наготове. Внезапный поворот событий ввел ее в некоторый ступор, и когда она лицом к лицу встретилась с пышущей решимостью защитницей, то поняла, что себя выдала и что за покушение на священную особу японки ей, то есть Люси, воздастся сторицей.

— Брось оружие, не то тебе солоно придется! — пригрозила заступница, чьи розовые щеки, светлые завитки волос и алые, по-детски сжатые губки могли вызвать одно лишь умиление, а бесстрашие, с каким она бросилась наперерез врагу, — насмешить до слез. Кто еще со столь нелепой самоотверженностью станет испытывать судьбу ради спасения другого?

— Деточка, ты меня уморила! — презрительно-высокомерным тоном обратилась к ней Люси. — Да я с таким же успехом перережу глотки вам обеим!

Она уже занесла клинок для удара, как вдруг, с воем и свистом, на нее налетел свирепейший ураган и, оторвав от земли, швырнул на корявый ствол выдавшей виды сосны. Напоследок злодейку ослепила вспышка неизвестного происхождения. Эта вспышка так ошеломила спасительницу, что поначалу та не могла вымолвить ни слова.

Отсрочки, которую она обеспечила японке, храбро представ перед убийцей, с лихвой хватило, чтобы Аризу Кей собралась с силами и обезвредила противницу. Люси оказалась буквально пригвожденной к дереву, взгляд ее остекленел, конечности застыли, и можно было подумать, что ее разбил паралич.

— Нет, не волнуйся, скоро она придет в себя, — уверила девушку японка. — А тебя звать-то как?

— Лиза, — застенчиво проронила та. Чересчур уж застенчиво для человека, проявившего столь незаурядную смелость. — Я... Мне не следовало... увлекаться опытами с кагором, — виновато произнесла она. — Понимаете, я украла из бара несколько бутылок.

Хранительница просияла.

— О! Так вот в чем дело! Ты пролила свет на ниву моих недоумений! На богатую ниву, доложу я тебе. Феронии [47] ничего подобного и не снилось. Так ты из Италии?

— Из Академии Деви, — кивнула Елизавета. — А вот ее я никогда раньше не встречала, — призналась она, указав на бесчувственную Люси.

Слегка наклонив голову, хранительница подперла подбородок рукой.

— Знаешь что, солнышко, пойдём-ка мы с тобой, попьем чаю, а там и обсудим, как с ней поступить.

— А она за это время не...

— Не убежит, будь покойна, — усмехнулась Аризу Кей. — Дерево о ней позаботится. Ведь правда, Мацу-сан? — обратилась она к сосне. Та послушливо зашуршала ветвями. И

когда, уходя, Лиза обернулась, то с изумлением увидела, как старая сосна высвободила из почвы одревесневшие корни и стала чинно обвивать ими свою пленницу.

— Входи, располагайся, — пригласила хранительница Лизу. — Моя пагода — твоя пагода, так сказать.

Россиянка смутилась. Она никак не ожидала радушного приема и считала, что более заслуживает хорошей трепки, нежели чашки ароматного чая с бисквитами.

— Ну-ну, не робей! Ты здесь гость желанный. Ты меня выручила, — сказала Аризу Кей, ставя перед нею блюдо с угощением. — Расскажи-ка поподробнее, как к тебе попали бутылки с вином?

— Если честно, история немного запутанная. Однажды енот из Зачарованного нефа показал мне в бокале вина Джейн, мою подругу, чтобы я не печалилась понапрасну. Мы-то думали, синьор Кимура с учениками погибли в авиакатастрофе...

— Зачарованный неф? — перебила хранительница. — Значит, вот как называют в Академии Мазикохору! Изначально я спроектировала Мазикохору как связной элемент между садом и Академией, чтобы сподручнее было общаться с синьором Кимура, — пояснила она. — Но что-то в моем плане пошло не так, и мне не удалось приспособить зал для своих нужд. Тогда я и догадалась изготовить особое вино, а Кристиан не придумал ничего лучше, как спрятать его в баре Мазикохоры. Признаться, я рассчитывала, что он проявит в этом деле хоть сколько-нибудь смекалки... Впрочем, что я сетую? Не будь доступ к вину таким легким, мои охладевшие останки покоились бы теперь под сакурами. А без моего живительного волшебства сад превратился бы в гниющее болото!

— О, не говорите так! — взмолилась Лиза, не смея притронуться к остывающей золоченой чашке с изображенными на ней азиатскими мотивами. Она была немало удивлена, услышав, что японка знает человека-в-черном, однако с расспросами решила повременить.

— Я безмерно признательна тебе за то, что ты вмешалась. Твое появление было предопределено самой судьбой! Представь, что только вчера я послала свою помощницу Клеопатру на Крит со специальным заданием. И, если бы не ты, за меня некому было бы заступиться.

— На Крит? Скажите, у моих друзей неприятности? — обеспокоилась Лиза.

— О нет, нисколько. Просто Клеопатра почувствовала острую необходимость свидеться с Джулией, вот я ее и отпустила.

— Помню, как она гостила у нас в Академии, — сказала Елизавета, собравшись с духом и надкусив бисквит. — Славные были времена! Жаль, что директор оказался таким несговорчивым. А ведь на многие вещи он смотрел сквозь пальцы!

— Меня всё же интересует, откуда взялась эта белокурая особа, — сказала Аризу Кей, потирая переносицу. — Из нее информацию сейчас вряд ли вытянешь... Ой, я начинаю рассуждать, как полицейский инспектор! — спохватилась она. — Мне нужно обследовать участок вокруг библиотеки. Ты со мной?

Лиза не могла надивиться искусной резьбе на перилах лестницы и блестящей, точно лакированной, травке, по которой было так мягко ступать. Слух ее наполнился журчанием воды, щек игриво касался ветер, и она время от времени наклонялась к земле в поисках улики, следуя указаниям японки. Опасениям хранительницы очень скоро суждено было подтвердиться: рядом с одной из восьми граней массивного фундамента пагоды она обнаружила сломанную ветвь сакуры. Факт, говоривший ярче всяких предположений.

— Украла у Джулии телепортатор! — возмутилась Аризу Кей. — Какое бесстыдство!

— И как вы намерены поступить? — поинтересовалась у нее Лиза. — Не отправлять же ее обратно на Крит!

— Увы, хочу я того или нет, но я не в праве ее наказывать, а пребывание в саду станет для нее сущим наказанием, уж поверь моему опыту. Нашей славной команде, вероятно, придется испить чашу горестей до дна.

— Но почему?! Ведь кому, как не вам, понимать, что после покушения на вашу жизнь негодяйке ничего не стоит замыслить злое против моих друзей!

Выдержав долгую паузу, хранительница пообещала сделать всё от нее зависящее, чтобы усмирить нрав неистовой гречанки, не ручаясь, однако, за исход.

— Мои силы стали быстро истощаться, — поведала она Лизе, — что я не без основания связываю с истощением древесных соков. Я завишу от сакур не меньше, чем они зависят от меня, а в последнее время они отдают слишком много энергии жертвам работорговцев. Если Кристиан с Джулией не остановят мафию, то, боюсь, ничто уже не поможет Аризу Кей.

Едва ли подобное объяснение удовлетворило любопытство Елизаветы, но она, как и в предыдущем случае, предпочла не приставать к японке с вопросами, заранее осудив себя за дотошность и дерзость.

Когда Люси — в немыслимом для себя положении — смирилась с тем, что из корневого кокона ей не выбраться, она вновь предстала перед хранительницей, безоружная и до предела униженная. Несмотря на то, что руки были по-прежнему скованы корнями, язык ее был свободен. Поэтому, если уж ей и предстояло подчиниться, всю свою ненависть и злобу она могла, по крайней мере, облечь в слова. Аризу Кей вскоре убедилась, что никакими доводами ее не урезонить, и в тот день волшебный сад наслушался столько ядовитых фраз, сколько за всё существование земных красот не прозвучало ни на территории Бардини [48], ни у пруда в Коисикава Коракуэн. [49]

— Как некогда справедливо заметили философы, человека не переделать и на свой лад не перекрыть, — со вздохом сказала японка, входя на кухню, где Лиза рассматривала свитки. — Не так-то легко сбить с нее спесь!

— Э, да вам просто не приходилось бывать в исправительной колонии! — со знанием дела отозвалась россиянка. — Мой пропащий кузен частенько туда наведывался. Уж как их строят, этих жуликов, как строят!

Привычная к безоблачной и относительно беззаботной жизни, Аризу Кей с трудом верила, что при ней действительно употребили такое словосочетание, как исправительная колония, и что ей действительно нужно кого-то исправлять. С детьми всё обстояло гораздо проще: она кормила их и заботилась об их досуге, но о том, чтобы их воспитывать, речи не заходило. Здесь же воспитать требовалось взрослую, здравомыслящую женщину, выбить из нее корыстолюбивые помыслы, вытряхнуть сор мелочных обид, и, образно выражаясь, вогнать в ее голову нечто свежее, светлое, цельное. Пока Аризу Кей осмысляла, как осуществить эту операцию без хирургического вмешательства, да притом не наломать дров, у нее впервые закололо в висках и заныло в животе. А ее гармоничный мир впервые узнал, что такое увядание, когда на сакуре, ветви которой распростерлись над мостом, засохло сразу несколько цветков.

— Джулия бы справилась, — пробормотала она, опершись локтями на столик-котацу. — У нее призвание к исцелению людей.

— Что? Что вы сказали? — удивилась Лиза.

— Может, Кристиан немного и перестарался, обучая ее каллиграфии и возвращая в ней боевой дух. Может, и я малость переусердствовала. Но результат оказался столь непредсказуем и, к нашей радости, столь восхитителен, что мы расценили его как восьмое чудо света. Было решено не открывать Джулии правду о ее способностях. Однако, сдается мне, она и без того уже многое вокруг себя изменила.

— О каких способностях вы говорите?

— В критические минуты она начинает светиться, и свет этот особого свойства. Он облагораживает тех, кто находится в области его действия. Понимаешь ли, Елизавета, свет бывает разный. Бывает мертвый, как от лампочки или от свечи, бывает живой — солнечный или такой, какой испускают светлячки, а бывает живящий. Так вот, у нее, у Джулии, последний вариант. Я не стану пересказывать тебе всю волшебную энциклопедию, но знай, что живящий свет подобен эфиру, и всё, что с ним взаимодействует, незримо преобразуется... О, так вот он, ключ к победе! — вдруг воскликнула японка и, не удосужившись поделиться с Лизой своей догадкой, вылетела из кухни, точно стрела, пущенная из бамбукового лука-юми.

Франческо ощущал себя безмерно несчастным, чудовищно одиноким и всеми покинутым, невзирая на то, что был практически непрерывно окружен монахами и другими такими же незадачливыми паломниками, как он сам. Размеренная, однообразная жизнь была ему в тягость, и он даже не заметил, как захандрил. Его не вдохновляли ни цветники у монастырских стен, ни питомник, где разводили собак, ни кушанья, которые, хотя и постные, источали весьма притягательный аромат.

— Мы были сродни секретным агентам, — нередко жаловался он соседям, — нас ждали великие свершения, нам предназначались лавры борцов с преступностью! И что же? В итоге, судьба заносит нас в забытое Богом место!

— Не передергивай, дружище, — говаривал старший его товарищ. — Что-что, а это место никак забытым не назовешь. Оно — благословенное.

Франческо надувался, как футбольный мяч, и на том беседа обычно заканчивалась.

«Ну, уж Джейн-то, наверное, страдает не меньше моего, — злорадствовал он, когда его заставляли вместе с другими чистить картошку или лущить фасоль. — И нипочем ведь не догадается, что отсюда можно запросто смыться. А я смоюсь. Без нее. И она больше не будет мне докучать».

Но когда на следующее утро он подкрался к воротам, которые ежедневно отворялись для фургонов с провизией, то чуть не столкнулся с Джейн, бывшей под стать Моррисовым заключенным: бледной, осунувшейся, с темными кругами под глазами. За последние несколько суток ей так и не удалось хорошенько вздремнуть.

— Ну что, невмоготу стало? — съязвил Росси. — Здешние порядки не для изнеженных особ.

— Тьфу на тебя! — припечатала та, и они вместе притаились у ворот, чтобы дать тягу, как только представится возможность.

На самом деле Франческо был несказанно рад видеть Джейн, да и она не больно-то раздосадовалась, встретив его у стены. Однако оба отмалчивались, и никто не спешил кидаться друг другу на шею. Их традиционный обмен любезностями мог показаться вульгарным кому угодно. Но итальянец и англичанка не находили в подобном приветствии ничего вопиющего, и оно отнюдь не указывало на существование между ними вражды или

неприязни.

— Я за то, чтобы вернуться на Актеонову виллу, — решительно заявил Франческо, когда они отбежали от монастыря на «безопасное» расстояние.

— Будь по-твоему, — сказала Джейн, которая мечтала только о том, чтобы отмыться от пота и пыли и которой такая идея показалась самой рациональной. — Но хорошо бы определиться с направлением.

— Для Франческо Росси препятствий не существует! Мы будем ориентироваться по мху!

— Но здесь нет мха!

— Тогда по древесной коре!

— Но я вижу лишь кустарники да травяную поросль!

— Не беда! Годовые кольца на свежих пнях гуще с северной стороны.

— Единственный пенёк здесь — это ты! — едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, сказала Джейн. — Постарайся лучше вспомнить, где находился алтарь, когда вы были в храме.

— Алтарь? Минуточку!

Он повернулся на месте, ткнул указующим перстом в сторону гор и провозгласил «там!» своим непревзойденным комичным тоном, который сделался его второй натурой и пускался в ход независимо от серьезности положения.

— А ты, оказывается, тоже кое-что смыслишь в ориентировании! — сказал он, и тут Джейн покатила со смеху, предоставив ему теряться в догадках относительно причины такого ее поведения. Он вначале даже не понял, плачет она или смеется, и когда, встряхнув ее, поинтересовался, каких грибов она объелась, в ответ услышал лишь неопределенное хихиканье да смесь каких-то звуков.

— Сбрендил, — невесело заключил он и, навьючив ее на плечи, как вязанку хвороста, поплелся вдоль дороги. Он надеялся поймать попутку, следовавшую в Ираклион. Теперь можно было не сомневаться: если идти к северо-востоку, в обход небольшой горной гряды, рано или поздно прибудешь к пункту назначения.

Четверть часа спустя Джейн уже сопела у него над ухом.

«Заснула, значит, — сообразил Франческо. — Небось, в монастырской клетушке-то покоя ей не давали, извели, бедную. Так пускай хоть теперь выспится. Ничего, что тяжела ноша, мне не впервой».

Может, Кристиан Кимура и представлял собою предел мечтаний для многих впечатлительных особ; может, он и был олицетворением благородства, обходительности и безмерного терпения, но Джулию это несколько не прельщало. Ей кружили голову лишь благоухающие цветочными ароматами луга, теплый ветер да присутствие Клеопатры, а пьянил единственно восторг от дальнего путешествия. Она зареклась привязываться к кому-либо еще в ту зеленую пору, когда чувства зыбки и неуправляемы, ум рассеян, а любовь часто бывает безответна. «Если кто и станет благоговеть перед ним, — убеждала она себя, — то уж точно не я». Обогнав Кристиана и африканку, она бодро шагала по дороге вдоль полей с подрастающей пшеницей, вдоль оливковых плантаций и гудящих шмелями пастбищ, так что спутники еле за нею поспевали.

— Сначала увозят за тридевять земель, а потом, как хочешь, так назад и добирайся, — говорил Кимура, поглядывая на вспотевшую кенийку, которая была нема, как утконос, и

измучена, точно бежала Ватэрбергский марафон. — Удивляюсь, откуда у Джулии столько прыти!

Они шли уже без малого полдня. Весеннее солнце припекало не на шутку, и человек-в-черном непременно заработал бы себе солнечный удар, если бы не встроенная в его плащ охлаждающая система. Клеопатра пялилась на него, как на скудоумного, потому что только скудоумный, по ее разумению, мог нацепить осеннее пальто в такую жару. Встреченная бурными излияниями со стороны нареченной сестры, африканка совершенно позабыла передать ей посылку от Аризу Кей, и телепортатор беспризорно болтался в кармане ее холщовых шорт, пока не объявили привал.

— Синьор, а вы уверены, что город именно за теми холмами? — без всякого пиетета спросила Джулия, когда они присели на землю возле молодой кедровой рощи.

— Разумеется, — благосклонно отвечив тот, собираясь пуститься в объяснения и рассказать, чем он руководствовался при выборе направления. Однако ученица крайне его разочаровала, удовольствовавшись его кратким ответом и поспешив перебраться поближе к африканке. Новый телепортатор незамедлительно обрел свою хозяйку, и той пришлось изрядно повозиться, прежде чем разобрать инструкцию, которая целиком состояла из мелких витиеватых иероглифов. Отсутствие практики весьма ощутимо давало о себе знать.

— Наша хранильница просто мозг! — высказалась Джулия, перекладывая с руки на руку раскладную табличку со знаком розы ветров да черным маслянистым иероглифом на обратной стороне. Рядом с каждым углом розы ветров стояли иероглифические надписи, обозначавшие, вероятно, стороны света. Хотя одну из них итальянка расшифровала как «дань свободе», а другая живо напомнила ей о нагромождении туч и драконов — устойчивая ассоциация, возникавшая при написании кандзи «многозначный». — Она прислала тебя лишь в качестве курьера?

Кенийка помотала головой и смущенно заулыбалась.

— А-а-а, выходит, соскучилась! — протянула Венто.

— Я, может, еще пригожусь, — сказала Клеопатра, пряча глаза.

— Ты очень вовремя, доложу я тебе, — сообщила ей Джулия, ложась на землю. — Потому что синьор Кимура действует на меня, как стимулятор на кролика: хочется бежать во все лопатки.

Африканка посерьезнела.

— Я, конечно, в людях разбираюсь плохо, но, по-моему, он не так и ужасен, твой синьор Кимура. Станный — да, но ведь у каждого свои странности. Опасаюсь, как бы ему не сделалось дурно на такой-то жаре!

— Если ты о плаще, то на месте Кристиана я бы уже спеклась, что тыквенный пирог! — заявила Джулия и, обернувшись, встретила его обжигающий взор. — Брр! Как я рада, Клео, что ты здесь! Нам была просто необходима буферная зона, знаешь, какой-нибудь амортизатор. Иначе я бы не выдержала его напора.

Кенийка сочувственно кивнула и тоже улеглась на траву.

— Когда-нибудь твоя стойкость вменится тебе в праведность.

Над нею деловито пролетела пчела и, пожужжав возле Джулии, с размаху плюхнулась на желтую макушку одуванчика. Где-то в роще орудовал клювом неугомонный дятел, да пищала в кустах многострадальная пташка. Клеопатре было неприятно ощущать на себе лазерный взгляд человека-в-черном, тем паче, что взгляд этот предназначался явно не ей.

«Хороша же я, путь не в качестве курьера, зато в качестве защитного экрана! — серчала

она. — Любовное пламя — тоже огонь, и я меж двух огней». Ей отчего-то вспомнился рассказ почтенного племенного шамана, рассказ о гражданской войне, от которого кровь в жилах стыла. Припомнились ей также и беспорядки десятилетней давности, когда она вместе с братом и матерью вынуждена была прятаться в неприветливой саванне, чтобы не подвернуться под руку изуверам или не стать жертвой лихой пули. Брата зарезали, половину воинов истребили, а тех, кто не успел схорониться, заживо сожгли в ёнканге. Дикое было время... Чело Клеопатры омрачилось — не посещали ее такие мысли в саду.

А Джулия думала о бриллианте. Отчего вдруг Федерико захотел отдать его на хранение Кристиану? Лучше б уж сразу — в национальный банк. Ни один человек, считала она, будучи в здравом уме и трезвой памяти, не расстался бы с королевской слезой по своей воле. Но что если его принудили обстоятельства? Недаром упомянул он о Моррисе, который, как давеча сообщил ей учитель, не брезгует ни детьми, ни драгоценностями, ни секретными разработками. И он, Кристиан, — страшно вообразить! — когда-то вращался в этом порочном кругу!

Ее мысли возвратились к Федерико. Если бриллиант краденый, значит, ее двоюродному братцу точно не сносить головы. А проследить цепь событий весьма не трудно. Вначале камнем завладевает Моррис — конченный негодяй, что с него возьмешь? Потом, — ну, тут уж как повелось у отбросов общества, — подтягиваются и остальные: у одного бандита слюнки текут, второй зубами скрежещет, у третьего руки чешутся. И вся свора вот-вот сорвется с цепи. Естественно, что самый пронырливый из них — тот, у которого чешутся руки, — без спросу проникает в Моррисово хранилище, выкрадывает драгоценность — и поминай как звали. Хоть на экватор, хоть за экватор — с таким бриллиантом, коль его выгодно продать, границы тебе ни о чем. Но, слыхано ли дело, воришка пачкам долларов предпочитает пустые карманы и снимается с места, не утруждая себя объяснениями. Должно быть, его здорово запугали, пригрозив, что, мол, не отдашь по-хорошему, будет тебе и кол, и четвертование, и гильотина. А от страха недолго и ум потерять. Теперь Федерико наверняка схватят. Но, прежде чем посадить на кол, четвертовать и казнить на гильотине, вытрясут из него всё, что только можно. В том числе и информацию о том, кому он сбыв королевскую слезу. Так мафия вновь выйдет на след человека-в-черном. И если сейчас на него охотятся спустя рукава (да и то лишь потому, что он возымел дерзость посягнуть на незыблемость Моррисова трона), то теперь военные флаги, как пить дать, затрепещут над вшивым притоном, банда схватится за оружие и рассредоточится по долам и горам Крита.

— Ну и лопух же этот Федерико! — насупилась Джулия. — Остался бы с нами, одолели бы врага в два счета. А порознь мы ничто.

— О чем рассуждаешь, подруга? — поинтересовалась Клеопатра.

— Да так, родственничка я тут повстречала. Ушлый тип и трус изрядный... Слушай, а не хочешь ли поучаствовать в борьбе против своих угнетателей? Тех, кто тебя в саваннах, ну, выслеживал и западни устраивал?

Клеопатра вновь припомнила кровавые оргии в Кении, тщательно взвесила все за и против, после чего наотрез отказалась вступать в ряды истребителей мафии.

— У меня, — сказала она, — и в саду работы навалом. — Меня, — сказала она, — Аризу Кей уже заждалась.

И только она так сказала, как мимо, по дороге, прогрохотал невзрачного вида пикап.

— Ложись! — заорал Кристиан и ни с того ни с сего бросился на своих спутниц, скатившись вместе с ними с пригорка.

«Тра-та-та-та-та!» — протарабанила дробь, взрывая землю в каких-нибудь пяти сантиметрах от его головы.

«Плямц!» — досталось одному из кедров, и тот недоумевающе зашумел. А Джулия опять увидела в руках учителя тот маленький кольт, которым он отстреливался при прошлом нападении.

«Сразу ясно, что киллером у Морриса один и тот же, притом бездарный, человек, — кисло подумала она. — Ни вам фантазии, ни смекалки — сплошные пиф-паф». Разумеется, она совсем не хотела, чтобы на них сбросили бомбу или отравили удушливым газом, и, пока Кристиан перезаряжал пистолет, благодарила небо за то, что у них есть такой защитник.

Машина затормозила, и киллер выскочил из нее собственной персоной, с автоматом наперевес. А может, и с пулеметом — разве ж тут разберешь?! Судя по всему, патронами негодяя снабдили под завязку, беря в расчет его феноменально низкую меткость и неповоротливость. Но что такое мешок патронов в противовес одной, прицельно пущенной пуле? Стоило Кристиану спустить курок, как злосчастный киллер взвыл от боли, выругался и вприпрыжку поскакал к пикапу.

— Капитулирует! — возмутилась Джулия, светясь, как глубоководный кальмар. — Сэнсэй, да пристрелите же его! Мало вам головной боли?!

— Я бы пристрелил, — отозвался тот, — но что-то не дает. — Тут он внимательно посмотрел на ученицу. — Путь его бежит! Раздробленного запястья будет вполне достаточно.

Клеопатра высунулась из «окопа» как раз тогда, когда преступник перепрыгнул кочку и, пеленая окровавленную руку в какую-то тряпку, рванул к машине. Пулемет он, конечно же, бросил на поле сражения.

«Эй, я его узнала, — прищурилась кенийка. — Это он, тот тип, который волок меня от реки!» Она выбралась из-за пригорка и, бормоча что-то на суахили, припустилась за киллером вдогонку.

— Клео, стой, ты куда?! — вскричала Джулия, не веря своим глазам. — Представляете, сэнсэй, а ведь совсем недавно она мне зарок давала, что ни за какие коврижки даже пальчиком не тронет топор войны!

Наемник удирал на своей колымаге, а Клеопатра мчалась за ним босая, по острым маленьким камешкам. Ее окутало облако пыли и газа, а она всё бежала и твердила:

— Красный скорпион на рукаве, красный скорпион и синяя стрела! Держу пари, именно этот бандит возглавлял травлю в саванне. И уж теперь я непременно выясню, кто променял меня на чечевичную похлебку.

[47] В римской мифологии богиня полей, лесов, целебных трав

[48] Известный сад во Флоренции

[49] Один из лучших традиционных ландшафтных садов в Японии

Глава 23. Внучка изобретателя

Когда ты не знаком с отличительными чертами того или иного клана, очень сложно не попасть впросак, особенно в ситуации, которая требует от тебя немедленных действий. Вот и Клеопатра ошиблась, решив, что нашивка со скорпионом и стрелой принадлежит исключительно ее мучителю, коим бывший заместитель директора, Туоно, никак не являлся. Как он мог одновременно зудеть у Деви над ухом и шнырять по саванне? Строить козни против Кристиана и торговаться с масаями за хорошеньких девушек?

Ее уже не останавливала мысль о кенийских реалиях, когда она с разбегу вскочила в пикап и залегла на дне багажника.

— Как бы ей не причинили зла, — покачала головой Джулия. — Не понимаю, какая муха ее укусила?

— Туоно безоружен и, кроме того, временно выведен из строя, — заметил Кимура, покручивая в пальцах пистолет.

— Туоно?! Так вот кто всю дорогу за нами следил! — возрилась на него итальянка. — Надо было вывести его из строя еще в Академии, чтоб не путался под ногами.

— Бесполезно, — покачал головой Кристиан и, чуть вздернув бровь, безбоязненно посмотрел Джулии в глаза. — Таких, как он, в Академии навалом. Муравьи-амазонки в чужом муравейнике. Если б Деви не занимался попустительством...

— Если б Деви не занимался попустительством! — передразнила Венто. — Все ищут выгоды, легкого дохода, и вы не исключение!

— К моему глубокому прискорбию.

Они замолчали. «Ирк-ирк-ирк!» — чирикала в роще пташка. «Бззз! Ззз!» — разлетались жуки, да дятел долбил, точно заведенный.

— Вот как теперь искать Клеопатру? — нарушила тишину Джулия. — Что если она попадет в лапы Морриса?!

«А пусть бы и попала, мне-то что с того?» — мелькнуло у Кристиана в уме, однако он вовремя спохватился, чтобы не озвучить столь неподобающую, эгоистичную фразу.

— Умей я предсказывать будущее, я бы тебя утешил. Но для меня, простого смертного, будущее покрыто мраком. Правда, одно из сего происшествия явствует несомненно: продолжать путь нам придется без нее.

И он покривил бы душой, если бы сказал, что этот факт его огорчает.

— У меня до сих пор в голове не укладывается, что Туоно, гроза нарушителей и страж порядка, вдруг оказался перебежчиком! Ладно, вы. С вашим отступничеством я уже смирилась. Но он-то, он! — диву давалась Джулия, шагая по дороге.

Кристиан только хмыкнул в ответ на ее «отступничество» и на ее «смирилась». Значит, она по-прежнему ни во что его не ставит, а потому и чурается. Хоть лбом о стенку бейся, хоть живьем себя закопай, мнение ее от этого ни капли не изменится. Разве совершить какой-нибудь героический подвиг? Но для героических подвигов сегодня он был немного не в форме, да и ночь всё настойчивее заявляла о своих правах, подкрепляя заявление печатью молочного, четко очертившегося месяца и алой лентой на западе.

Разговор у них не клеился. Джулия объявила только, что больше не будет спать на открытом воздухе, ибо это глупость несусветная — лежать под звездами, когда в метре от тебя, быть может, готовится к прыжку какой-нибудь хищный зверь или бандит с ножом в

зубах.

— Впрочем, невелика разница, — небрежно добавила она.

Ее тешила мысль, что от Кристиана всегда можно сбежать при помощи нового телепортатора. Но вот куда задевался старый? Ветвь сакуры выглядела намного эстетичней, по сравнению с плоской деревянной табличкой, инструкцию к которой хранительница, по-видимому, писала второпях. Обыскав свой «бездонный» портфель и пошарив для надежности во внутреннем кармане кимоно, Джулия заключила, что разиня она еще та и что ветка наверняка выпала из сумки в вечер перед «похищением», когда Джейн клеилась к бутикам, Франческо — к достопримечательностям, а Люси — к человеку-в-черном. Мысль о краже даже не возникала. Ну, кого тут заподозришь? Актеона? Он слишком честен. Люси? Сомнительно. Джейн? Исключено. А что касается Федерико, то он был слишком напуган, чтобы копаться в чужих вещах. Она хорошо помнила его физиономию в тот момент, когда прозвучало имя Морриса Дезастро, имя, на которое у воришки, похоже, было наложено табу. Федерико скривился так, как если б ему сообщили, что где-то скончалась его горячо любимая тетушка.

Джулия не могла объяснить себе, отчего ее так тяготит общество Кристиана и почему она непременно хочет от него улизнуть. Во всех отношениях безукоризненный, он, однако, внушал ей непонятное чувство отвращения, чувство, какое люди нередко испытывают к тем, кто шибко о них печется, всячески им навязывается и не позволяет проявлять инициативу. Для нее он выступал в роли надсмотрщика, воспитателя, а потому едва ли мог требовать от нее симпатии. Однако нельзя сказать, чтоб расположения к нему она не проявляла вовсе. Невольного, неосознаваемого расположения, которое могло бы воодушевить кого угодно. Вот и он надеялся, что однажды она сменит гнев на милость. Джулия, впрочем, решила отложить свой побег до более благоприятного времени, когда спадет роса и вспыхнут небеса... и всё в таком же духе. Негоже бросать учителя одного, — тут в своих размышлениях она не удержалась от иронии — бесприютного, беззащитного, да на ночь глядя.

После того, как Туоно дал шпоры своему пикапу, они прошли ни много ни мало сорок километров и уже не чуяли под собою ног, когда Кристиан, которому всю дорогу в голову лезла анакреонтическая поэзия, вдруг стал как вкопанный и сказал:

— Коль жив, живи беспечно, без горя и забот: ведь наша жизнь не вечна, а там... конец нас ждет.

— Вы чего это? — боязливо спросила Джулия и, уверившись, что он не спятил, перевела взгляд на темное, смутно означившееся на горизонте пятно. По мере того как оно росло, ею всё сильнее овладевал страх. «Как? Опять?! Похоже, мафиози не отступятся, пока не пустят нам кровь!»

— Подержи-ка эту безделушку, — без интонации произнес Кимура и, не глядя, протянул ей бриллиант.

— Ага, как же! Безделушка, — проворчала та, — из-за которой весь сыр-бор начался. Нас теперь и с земли, и с воздуха атакуют!

Прямо на них, угрожающе подсакивая в фиолетовом небе, надвигался дельтаплан.

— Сэнсэй, могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила у него Джулия, видя, что он сгруппировался для прыжка. — Может, мне посветиться?

— Камень спрячь да в сторонку отойди, — мрачно посоветовал Кимура. — Я намерен взять реванш.

«Вишь, какой важный! — надулась итальянка. — Счестся он решил, а мне в сторонке прозябай!»

С дельтапланом тем временем творилось что-то неладное. Его конструкция дрожала и скрипела, а пилот — если б только можно было видеть его лицо — переживал настоящую муку: машина-то вот-вот грянется оземь, и ни машины не станет, ни летчицы... А то, что дельтапланом управляла именно летчица, сомнению не подлежало: Джулия разглядела ее фигурку, когда до падения оставались считанные секунды.

— Ну и дела! — разинув рот, протянула Венто. — Если Моррис посылает на передовую женщин, то каков же тогда он сам?

Однако пронизательность вновь ее подвела: в перепуганной до смерти летчице беспристрастный наблюдатель и за версту не заподозрил бы врага.

— С дороги! Зашибет! — пронзил воздух громкий дискант. В тот же миг парус дельтаплана изогнулся, сложился пополам, и вся конструкция вместе с пилотом, лязгая и грохоча, стала стремительно снижаться. Кристиану лишь по счастливой случайности удалось увернуться от этого неуправляемого снаряда.

За неимением бинта, Джулии пришлось пожертвовать поясом от кимоно. И пока она перевязывала летчице сломанное предплечье под жалобные ее «ай-яй-яй!», Кимура нервно ходил взад-вперед, косился на летательный аппарат (вернее, на ту отбивную, в которую он превратился) и время от времени снабжал деятельность ученицы сухими, краткими комментариями.

— Мой дедушка — изобретатель, — страдальчески поведала летчица. — У него... ай-яй!.. много всяких диковин.

— А эту диковину, значит, тоже он соорудил? Молодец твой дедушка, мастер хоть куда, — критически отозвалась Джулия. — За родной внучкой недоглядел!

— Не ругайте его! Он у меня один на всём белом свете! Это я виновата, взяла без спросу, а дельтаплан, видно, недоработан был. Ой, а вы светитесь! Я сперва думала, луна, а вот теперь, как глянула на вас... Чудеса!

— Не чудеса, а нанотехника, — мрачно вставил Кристиан. — Микроволокна, знаете ли, в одежде.

— Нанотехника... да, мой дед ею тоже интересуется. Не хотите ли к нам в гости? Он будет рад.

Мария, юная и бесстрашная ассистентка греческого ученого Праксиса Иоаннидиса, потеряла родителей, когда ей исполнилось пять, а шестью годами позже вынуждена была покинуть Ираклион из-за долгов, в которые ее дед из-за своей страсти к изобретательству влез по уши. Они сидели на одной крупе, одевались чуть ли не в лохмотья, а Праксис то трубу в дом притянет, то какой-нибудь дорогой инструмент, то чемодан с целой коллекцией гаечных ключей да молоточков. А то, бывало, выклянчит у ювелира пластинку драгоценного металла, выйдет срок, а расплатиться и нечем. Если в первые дни платежи совершались с непогрешимой точностью, то теперь, чтобы наскрести денег для нетерпеливого ростовщика, приходилось потуже затягивать ремни. Так, капля за каплей, накопилось у Праксиса долгов, и разъяренные кредиторы жаждали его крови. Что ни день, на его адрес приходили письма с векселями и угрозами судебных разбирательств, на улице его поджидали поверенные банковских домов, и вскоре слух о разорении семьи Иоаннидис достиг самых окраин города.

А однажды он вернулся домой в синяках и с ножевой раной в плече. Рана была неглубокая, однако хлопот доставила. И когда Мария с нею управилась, дед, крепкий, надо

сказать, для своих шестидесяти лет, объявил, что сматывает удочки.

— Эта новость меня так обрадовала, сама не знаю почему, — рассказывала Мария, шагая с Джулией под руку, в то время как Кристиан с безмолвным укором тащил за ними «останки» дельтаплана. Не то чтобы он надрывался, но очередную перестрелку он наверняка воспринял бы с куда большим энтузиазмом. — Дед не говорил, что ему угрожали, а я была слишком мала, чтобы понимать, почему люди готовы преследовать друг друга и устраивать поножовщину из-за куска металла. В ту ночь мы не взяли с собой ни пищи, ни одежды — ничего. Дед только чемодан с инструментами захватил. Зато теперь вон как разжились!

— Тебе, выходит, всего шестнадцать, и ты уже испытываешь изобретения! А если какое-нибудь даст сбой? — спросила Джулия.

— Мортис Астро возьмется обеспечить и лечение, и починку. Он наш бессменный спонсор, и, я подозреваю, — таинственно произнесла Мария, — посланник судьбы! А что до помощников, то дед мало кому может доверить свои творения. Так что я у него и ассистент, и повар, и горничная. Езжу в деревню за продуктами, убираюсь, стряпаю помаленьку. Знаете, гениям ведь некогда за хозяйством следить, их ум парит над высокими вершинами...

«Тогда как их многочисленные летательные устройства парят низко и врезаются во что ни попадя», — хотел было дополнить Кимура, но благоразумно промолчал.

Звездные россыпи сделались ярче, всплыл месяц, и Джулия, если позволительна сия метафора, «померкла».

«Шшшш!» — шуршала позади трава.

— Скоро уже ваша избушка? — поинтересовалась Венто, оглянувшись на учителя, чье лицо в свете луны было столь же сурово и неподвижно, как у статуи Свободы.

— О, не называйте, пожалуйста, наш дом избушкой! — смеясь, воскликнула Мария. — Он весьма добротный, с двумя этажами и прочной крышей. Хоть за дедушкины изобретения платят скудно, однако ж нам хватает и на покраску, и на ремонт. Мы пришли, между прочим! Ай-яй! — пискнула она, дотронувшись до сломанной руки. — Придется Мортису на меня потратиться. Какой же изобретатель без ассистента?

Старик Праксис вылупился на гостей встревоженным филином и даже ухнул пару раз, после чего перевел взгляд на внуку. Привскочил и с причитаниями да нравоучениями отвел ее к огромной лампе над столом, который занимал чуть ли не полверанды и на котором инструментов было, что ракушек на пляже — видимо-невидимо. Под потолком, точно фетиши, висели с этикетками пучки луговых трав, какие-то коренья, высушенные плоды, а на карнизах широких окон болтались оранжевые гирлянды из ягод физалиса.

Обстановка показалась Джулии довольно убогой и никак не соответствующей словам Марии, которая утверждала, будто живут они безбедно и ни в чем не нуждаются. На худощавом теле старика висела какая-то ветошь, стены были засмолены да закопчены, мебель простовата да угловата, а об элементарных удобствах здесь, по-видимому, слыхом не слыхивали.

— Ступайте вверх, там лестница справа, — прокряхтел старик, которому было сейчас не до гостей. — Уж извиняюсь, что предложить нечего. Разве ломоть хлеба с салом...

— Благодарю за заботу, мы хорошо подкрепились в дороге, — соврала Джулия, взбежав по ступенькам и ненароком коснувшись пальцев своего учителя. Тот, придерживаясь за перила, поднимался вслед за нею.

— Я приготовлю вам постели! — крикнула Мария своим писклявым голоском.

— Вишь еще чего вздумала! — строго осадил ее дед. — С больной рукою ты себе только

навредишь. Пушай их сами устраиваются.

Наверху, конечно же, не подметали и не проветривали, и окошко там имелось всего одно, узенькое да нечищенное.

— Чердак, — угрюмо подытожила Джулия. — Я начинаю вновь склоняться к варианту с ночевкой на открытом воздухе.

— Над тобой паутина, осторожнее, — предупредил Кристиан, посветив на потолок. — Пауки расстарались.

— А там что? Солома?! Oddio! Одолжите-ка фонарик...

— Тебе не нужен фонарик, ты и так вся светишься, сокровище мое, — прошептал он, обвив руками ее талию, за что незамедлительно получил локтем в живот. На случай подобных проявлений нежности у Джулии всегда была припасена парочка отработанных ударов.

— Я ведь, кажется, уже предостерегала вас от неуместных излишних чувств, — сказала она с запалом, очутившись, сама не ведая как, в противоположном углу чердачной каморки. Теперь от человека-в-черном ее отделяла целая баррикада из табуретов, негодных вешалок, каких-то баулов и квадратного деревянного шкафа. — Вы напросились, синьор. Поэтому по приезде в Академию я тотчас же отправлюсь к директору и расторгну договор.

— Какой договор? — запомятовал Кимура.

— А такой договор, где написано, что вы мой научный руководитель. Я вольна в любой момент разорвать соглашение и выбрать себе кого-нибудь другого. Синьору Борилетти, например!

— С нею ты не протянешь и дня!

— Ничего, меня с радостью возьмет мистер Сафос. У него жена и трое детей, и он слишком стар, чтобы, кроме науки, интересоваться чем-либо еще.

— Вот именно, слишком стар, — подтвердил Кристиан, акцентировав предпоследнее слово. «Меняй тактику, дружок, иначе она, чего доброго, действительно приведет свою угрозу в исполнение», — подумал он, заметив подрагивающее свечение в дальнем конце комнаты, и сделал успокаивающий жест.

— Хорошо, хорошо, давай условимся: если я хоть раз еще посягну на твою свободу и независимость, чего у меня в мыслях отродясь не бывало, если я позволю себе столь вопиющую дерзость и осмелюсь вновь обнаружить свои чувства, то поступай, как сочтешь нужным. Расторгай договоры, пиши жалобы, или нет, лучше сразу пристрели меня вот из этого пистолета.

Из-за усилившегося свечения Джулии на чердаке сделалось совсем как днем, отчего предметы обстановки сразу приобрели реалистичные очертания и собеседникам больше не приходилось угадывать эмоции друг друга. На лице человека-в-черном, чьи благородные черты не дрогнули бы и в минуту опасности, отражалась невероятная внутренняя борьба. Но сколь бы ни был он силен и стоек духом, иные чувства легко могли бы лишить его рассудка.

— Уберите, уберите пистолет. Что за глупости?! Я не стану вас убивать, — прерывающимся голосом произнесла Джулия. — А условие принимаю. И избавьтесь, прошу, от иллюзий на мой счет. Возможно, когда-то я и питала к вам слабость, но с тех пор утекло немало воды...

О, как бы она хотела верить в то, что говорит! Как хотела бы убедить Кристиана в искренности своих речей! Однако сожаление ее не укрылось от его испытующего взгляда. Так много может значить для любящего сердца какая-нибудь незначительная морщинка,

едва различимое подергивание мышцы у виска или чуть сведенные брови.

Постигнув ее раскаяние, Кимура, однако, ничем не выдал своей пронизательной догадки. Не проронив более ни звука, он расположился на соломе и предоставил ученице устраиваться по собственному усмотрению. Внизу, под неровным дощатым полом, скоблилась мышь, а еще ниже, бодро стуча молоточками, позвякивая деталями и активно орудуя пилой, напевал изобретатель:

Пусть всю ночь горит свеча,

Пусть развеется печаль.

Пламя разгоняет мрак.

Мрак уйдет — да будет так!

Белых грёз не забывай.

Грёзы дня в душе живут.

Мрачных мыслей избегай.

Мысли мрачные гнетут.

Я из стран, где нет печали.

Лёгкость там не значит лень.

Если б мы добрее стали,

То светлее стал бы день.

... Косой луч скользил по потолку туда-сюда, за окном гулял ветер и шелестели редкие кроны. Во дворе кто-то возился с безызвестным механизмом, то заводя, то выключая мотор, а то прокручивая стрекочущее колесо неведомого назначения. Стройный хор цикад, ввиду этого стрекотания, вынужден был с позором покинуть сцену.

Кристиан проснулся посреди ночи, и вмиг им завладело острое, не поддающееся объяснению предчувствие. Вскочив на ноги, он безотчетно устремил взгляд туда, где дремала «его путеводная звезда», как он назвал бы Джулию, не огрей она его сгоряча. Ее лицо светилось ровным, ангельским светом, каштановые волосы полыхали необжигающим пламенем, а на губах теплилась улыбка.

— Ты напрасно боишься меня, — сказал он шепотом, не решаясь приблизиться к ней отчасти потому, что их разделяла нешуточная преграда. — Ибо во всем мироздании нет ничего чище и возвышенней, чем моя любовь к тебе. Я никогда не причиню тебе зла.

Она шевельнулась во сне и глубоко вздохнула, а старик Праксис на улице (поскольку механизм отлаживал именно он) всё вертел и вертел своё колесо, подзадоривая бездушную машину, как подзадоривают скакунов или охотничьих собак.

«Да, он далеко не сибарит, этот умелец, — подумал Кристиан, возвратясь на соломенное «ложе». — А их благодетель Мортис Астро, похоже, не столь состоятелен, как расписывала Мария. Так что, если Джулия захочет подарить Праксису бриллиант, доставивший ее кузену столько забот, тут я, пожалуй, буду с нею единомышлен».

А Джулия, едва только размежив веки, объявила, что долее в этом доме задерживаться не намерена. Она желает поскорее вернуться на виллу Актеона, принять душ и переодеться. Да, именно так она и сказала, затронув затем животрепещущий вопрос розысков мафиозного гнезда.

— Мы топчемся на месте! — возмутилась она. — В нас стреляют — мы уносим ноги. Мы плутаем по Криту, как слепые котята, без определенной цели и плана, а ведь изначально цель была вполне ясной и достижимой.

Кристиан молча соглашался, понимая всю правоту ее слов. В памяти его свежи были

эпизоды недавних перестрелок, свидетельствовавших о полной бездеятельности их «миротворческой группы» и явственно говоривших в пользу мафии, которая разглядела в их команде серьезнейшую для себя угрозу. Покинуть гостеприимную виллу изначально было задумано для того, чтобы отвести напасть от Актеона, и, как выяснилось позднее, еще затем, чтобы избавиться от Люси, чья ревность и непростой характер служили в этом тонком и ответственном деле недопустимыми помехами. Теперь же, когда с Люси было покончено, можно было напрямую приступить к изобличению мафии, хотя каким способом, пока оставалось непостижимым. Тешить себя мыслью, что, блуждая по местности, они якобы запутывают следы, больше не приходилось. Группа их распалась, и где теперь странствуют Франческо и Джейн, целы ли они, живы, — всё это будоражило ум человека-в-черном ничуть не менее, чем уравновешенный ум Джулии. Ни средств для достижения основной цели, ни даже простейших средств для возвращения в город у них не было. Удивительно, как в подобных обстоятельствах они еще сохраняли бодрость духа!

Порядочно проголодавшись и изведав все «прелести» бедняцкого отдыха, они спустились к столу, на котором красовался теперь пряный каравай, особая гордость Марии. Несмотря на сломанную руку, она умудрилась испечь его к утру.

— Мне дед помогал, — с достоинством пояснила она. — А так я всегда сама справляюсь. Попробуйте! Мягкий, как вата!

Гости находились не в том положении, чтобы воротить нос от куска хлеба, а потому приняли угощение с благодарностью, и Мария нарадоваться не могла, как у них трещит за ушами.

— Ты что же, вообще не спала? — бесхитростно удивилась Джулия, дожевывая свой ломоть.

— Какое там спать, когда деду не спится! Он, поди, и сейчас с тетрапедом любезничает! И не смотрите на меня такими глазами. У него что ни изобретение, то дитяtko новорожденное. Вот он и рассыпается перед каждым в увещеваниях да медовых речах. Я уж привыкла. А тетрапед для вас, кстати, готовится.

— Что, Мария, всё, почитай, порассказала? — прокряхтел из дверей Праксис. Девчушка залилась румянцем. — Ну да ладно, пожалуйста, господа, во двор. Я давненько раздумывал, кому б могла пригодиться такая машина, а тут, гляжу, два пешехода, и не абы каких пешехода, а из интеллигентов. Далёко, видать, путь держат. Дыры я подлатал, изъяны поправил... — приговаривал Праксис, семена с ними рядом. — Да вы сами, господа, оцените!

А оценить, действительно, было что. Если б не прозрачный пластиковый купол над сидениями, Джулия решила бы, что у нее двоится в глазах. Ибо тетрапед на первых порах казался спаянным из двух прогулочных велосипедов, колеса у которых заменили на более широкие, а вместо рулей укрепили этакую рогатую перекладину с множеством датчиков и рычажков. Вдобавок эту четырехколесную конструкцию снабдили вместительными креслами, вывезенными, судя по обивке, чуть ли не из самого Лувра.

«При таком-то нищенском существовании!» — подумала Венто. А Мария, точно угадав ее мысли, поспешила заметить, что Мортис некогда весьма щедро одарил их богатым гарнитуром, предназначавшимся для дедовых изобретений.

— Вот ведь всё вымелет, мельница неугомонная! — вскинулся на нее Праксис. — Лучше помалкивай да имя Мортиса без надобности не тереби!

Гости многозначительно переглянулись, однако сочли за благо не оповещать старика,

что о «добродетелях» его спонсора наслышаны изрядно.

— Ступай в дом! — рявкнул он напоследок, и Мария, несмотря на увечье, стремглав побежала прочь. — Девчонка, что с нее возьмешь? — извинительно обратился он к человеку-в-черном. — Язык что помело. Да вы не обращайтесь внимания. Как вам моя машина? И в дождь, и в слякоть — довезет, куда угодно! Безвозмездный дар от Праксиса!

— Но чем мы заслужили?! — воскликнула Джулия, возведя на него глаза.

— Уж тем хотя бы, что помогли моей внучке после того злополучного падения.

— Я всё ж считаю недостаточной, — с заминкой сказала Венто, — столь обыкновенную услугу. Меня замучит совесть, если я возьму машину, не отдав ничего взамен.

Она повернулась к учителю, полагая встретить его одобряющий взгляд или услышать какое-нибудь поощрительное напутствие. Однако на лице его было написано безучастие, а от слов он предпочел воздержаться. Неужели ему безразлична судьба «королевской слезы»?

«А мы сейчас и проверим», — сказала себе Джулия, опустив руку в карман.

При виде бриллианта Праксиса затрясло, и Кристиан не сразу определил, какого свойства у него лихорадка. Бедняки заискивают и пресмыкаются перед богачами, а особенно перед теми богачами, которые склонны к всплескам великодушия. Однако на изобретателя это правило, похоже, не распространялось.

— Чур меня, чур! — вымолвил он. — От большого скарба большая беда!

Он трясся, как осиновый лист, и являл собою зрелище весьма плачевное. Создавалось впечатление, будто ему взамен бриллианта подали ужа да велели съесть.

— Уберите, уберите! — чуть ли не на коленях умолял Праксис. — И поезжайте с миром. Не нужно мне от вас ничего!

Джулия с Кристианом переглянулись вторично.

«Экий бессребреник! — подумал Кимура. — Такими камнями небрежет». В поведении старика он усматривал неискренность, однако рассуждать на сей счет было некогда. Праксис явно мечтал их выдворить, а тут, к тому же, припустил дождик. И Джулия, которая, в общем-то, не пылала решимостью сбыть бриллиант с рук, поспешно забралась под купол тетрапеда.

Проводив путешественников затуманенным взглядом, Праксис уныло поплелся к крыльцу. А дождь шелестел по траве с удвоенной силою, и туче, казалось, не будет конца.

— Что ты, дедушка, точно муху проглотил? — справилась у него Мария, когда он, промокший до нитки, упал на заботливо придвинутый стул.

— Они пытались всучить мне «слезу».

— Невероятно! — шепотом проговорила внучка. — Ту самую, о которой столько толков?! Но ты был тверд? Ты не взял?

— Кто я, по-твоему? Круглый дурак? — буркнул Праксис. — Одно утешает: тетрапед достался кому следует, а «слеза» это только подтвердила. Не будь у них «слезы», я бы, может, еще терзался сомнениями. Отрадно сознавать, что первое поручение свое ты исполнил со всей неукоснительностью...

Прибытие Аннет натворило в Академии много шума, и на нее сбежались посмотреть практически все курсы. Профессора мужественно остались на своих «постах», тогда как студенты, за исключением самых добросовестных (в число которых входила Мирей), сочли простительным пропустить лекции ради такого события. Мирей ворчала, Донеро хмурился. Деви, читавший в то время курс по философии, произнес обличительную тираду и негласно

разделил учеников на «овец» и «козлищ». Мадам Кэпп с ехидным злорадством пообещала, что задаст прогульщикам сотню номеров сверх домашней работы, а сухопарый филолог, прибывший на кафедру в начале нынешнего календарного года, сетовал на отсутствие дисциплины и грозился подать в отставку. Как часто и бывает, наставления пришлось выслушивать тем, кого они никоим образом не касались.

Полная осознания собственной значимости и воспрянувшая духом после безбурного перелета, Аннет весьма умело и артистично строила из себя удрученную жертву, которая лишь чудом избежала худшей доли. Подлец и негодяй Туоно, повествовала она страдальческим, однако не лишенным пленительности голосом, притеснял и унижал ее, как последнюю из рабынь. Но, в итоге, она сумела дать ему достойный отпор и вырваться на волю. Кианг слушала, приоткрыв рот; Роза поражалась ее находчивости и с содроганием представляла, что пришлось бы испытать ее друзьям, не отступись они от поисков заместителя в ту горестную осень.

Аннет же купалась в лучах «славы» и упивалась всеобщим вниманием, без зазрения совести искажая факты и сгущая краски, дабы произвести на слушателей должный эффект. Выступление ее, правда, не сорвало оваций, как она на то рассчитывала, однако весьма успешно примагнитило Сатурниона Деви, который имел исключительный нюх на скопления праздных студентов, а потому моментально определил, где требуется его властная рука. Ловко просочившись сквозь толпу зевак, он поманил Аннет к себе, смерил ее изучающим взглядом, отослал в свой кабинет и обернулся, намереваясь пропесочить лодырей за прогул. «Ха! — сказал он при виде сверкающих пяток и удаляющихся спин. — Мое влияние на этих молодцов поистине безгранично!»

Охотник до всевозможных новостей, Деви не упускал случая получить их из первых уст. Особенно если новости исходили от Аннет Веку, чье появление было не менее интригующим, чем исчезновение.

— Ну, валяйте, выкладывайте всё начистоту, — приступил он к допросу, прошаркав к своему излюбленному креслу и расчистив стол. — Я хочу знать абсолютно всё! О происках врага, об увертках Туоно. Что он замышляет, этот веролом?

— О, вы просите невозможного! Я так страдала! — завела Аннет старую песню, шмыгнув носом. — Столько претерпела!

— Понимаю, душенька, — сердобольно отозвался Деви. — Но, быть может, вас взбодрит крепкий кофе? Или желаете коньяку? Старый французский коньяк творит чудеса.

— Милая Франция, — всхлипнула та. — От коньяка, пожалуй, не откажусь.

— Мы устроим в вашу честь праздник, скромный такой праздничек, — лебезя, проговорил директор. — Но вы уж не взъщитесь за дотошность, поведайте, как обстояли ваши дела... м-м-м... в плену. Не замечали ль вы за Туоно чего крамольного? Товарищей каких неприглядных, сообщников?

— Нет, неприглядных не замечала, а вот представительных, знаете... — Она сделала глоток и, перейдя на доверительный тон, продолжила. — Представительных сообщников у него пруд пруди. Четверых могу назвать без запинки.

— Ну, так кто же это? Кто? — елозил Деви.

— Кимура, Венто, Грин и Росси, — поведала ему малость опьяневшая Аннет.

— Вы, верно, шутите! — отшатнулся директор.

— О, что вы! Разве можно такими вещами шутить?!

— Не верю! — отрезал тот.

— Я и сама не поверила, когда увидела их у порога резиденции Туоно. Краешком глаза, из окна. За мною был строгий надзор.

— Решительно невозможно! — упирался Деви. — Вот что, подите-ка в свои апартаменты, примите ванну, а я лично распоряжусь, чтобы наш повар изготовил для вас что-нибудь необычное. Как насчет взбитых сливок и оздоровительного коктейля? И не противьтесь. Сейчас отдых пойдет вам только на пользу! Обещаю, я хорошенько обдумаю ваши слова, разложу по полочкам, взвешу, кхм, как следует... У меня, видите ли, сложилось о синьоре Кимура довольно приятное впечатление, и я немного озадачен... Ошеломлен... Э, да что уж там, попросту выбит из колеи!

Аннет понимающе кивнула, сделала легкий книксен и удалилась плывущей походкой. В этот вечер она была окружена вниманием, заботой и состраданием, как никогда ранее. Соседки по комнате осаждали ее вопросами, поклонники толклись у дверей. А она, примеривши на себя роль пострадавшей и сочтя эту роль более чем комфортной, сочно повествовала о том, какое Туоно чудовище и какой Кимура предатель. Она положила себе непременно очернить имя Кристиана, запятнать репутацию Джулии и замарать честь ее друзей, чтоб жизнь им малиной не казалась, коль скоро они исхитрятся избежать карающей десницы экс-заместителя.

— Не стану отрицать, появление Веку меня скорее обрадовало, нежели огорчило, но на вашем месте я всё ж не стала бы слепо верить ее рассказу. А вдруг это не рассказ вовсе, а досужие рассказы?! — взвешенно говорила Мирей, ходя из стороны в сторону, тогда как Роза и Кианг, притихнув, сидели на диванчике. — Да вы и сами видели, на ладан она не дышит, свежа, стройна, розовощека. Кто знает, может, она прикидывается. Может, ее и не похищали вовсе!

«У нашей провансальской подруги в голове сейчас одна теория вероятностей! — шепнула Роза на ушко Кианг, однако в тот же миг была приструнена командирским взглядом француженки. — Центурион в юбке», — насупившись, добавила она. А глубокая мысль Мирей разворачивалась тем временем во всем своем объеме:

— Вот так живешь ты рядом с человеком, уши развесишь, а потом оказывается, что он насквозь пропитался коварством. Я-то в Аннет гниль за версту чуяла еще до катастрофы, а вот вы дружно возвели ее в кумиры! Возвели легкомысленно, не разобравшись, и теперь готовы уверовать в любой ее вымысел. А я вам говорю, подходите ко всему критично, анализируйте, не давайте обвести себя вокруг пальца. У тебя, Розали, лапша на ушах скоро станет видна невооруженным глазом. А что до Элизабет, которая бродит неизвестно где, то ни для кого не секрет, как она порой бывает наивна и мягкотела.

Сообразив, что хватила через край, Мирей, однако, не стала утруждать себя оправданиями, а приступила напрямик к обличению китаянки, норв которой хоть и поумерился, всё ж оставлял желать лучшего.

— Ки-и-анг, — с расстановкой произнесла она, надеясь, что такой воспитательный прием окажет на непокорную азиатку должное действие, — я призываю тебя к рассудительности. Твоя приверженность была б достойна похвалы и восхищения, если б служила нам на благо. А так — тебе и нам во вред. Аннет не заслуживает твоего обожания, уж поверь мне. Ты всего-то навсего пополняешь многочисленный строй ее поклонников, а, стало быть, нужна ей не более, чем кто-либо из ее свиты «теней». Расшибешься в лепешку, выслужишься перед нею ради кратковременного благосклонного взгляда, а потом опять —

забвение, ожидание, новые попытки угодить. Если уж говорить чистосердечно, я бы подобного унижения не вынесла. Пылкое поклонение кумирам доводит нас до того, что мы теряем собственное лицо, неповторимую нашу индивидуальность. Задумайся, моя дорогая, приличествует ли тебе, гордой и вольной птице, расстилаться перед какой-то чужестранкой, попирая тем самым устои своего народа.

Кианг склонила голову, видимо, соглашаясь с ее доводами. А Мирей патетически продолжала:

— Я призываю вас, верные мои подруги, отбросить всякое подобострашие и выступить против скрытого врага, врага незаметного и ловкого. Могу поспорить, что в данную минуту Аннет старается втоптать в грязь имена наших славных товарищей: самоотверженной Жюли, мудрой Джейн, жизнерадостного Франческо, а с ними и синьора Кимура. Так не будем же верить этой хитрой и коварной бестии! Мне невыносимо думать, что герои наши возвратятся с победой, а мы, вместо лавровых, возложим на их головы терновые венки!

И не изъяснялась бы Мирей в столь пафосных выражениях, если бы прежде не начиталась под завязку романов золотого века.

Глава 24. На пороге смерти

Фланирование Лизы доводило Люси до белого каления, тогда как сама Лиза искренне полагала, что выполняет свою святую обязанность, следя за пленницей и никого к ней не подпуская. Детишки к тому времени осмелели. Повылазив из своих «секретных» закутков, они толпились поодаль, и Лиза была для них сродни надзирателю, а помощница Актеона — разъяренной львице, которая вонзится зубами в любого, коль скоро ее спустят с цепи.

Аризу Кей возвращалась с пляжа, когда орава маленьких непосед окружила ее и принялась дергать за юбку, допытываясь, кто такая эта блондинка и почему она опутана корнями.

— Терпение, крошки. Я отвечу на все ваши вопросы, когда закончится буря. То есть, если она закончится, — сказала Аризу Кей, потрепав малышкой по волосам.

— Какая буря?!

И тут только, обратив взоры на запад, они ахнули: из-за моря прямо на сад надвигалась туча, черная, как воронье крыло, и пухлая, точно перина.

— Пока я буду заниматься пленницей, созовите своих товарищей и собирайтесь в красной пагоде. Я никогда еще не видела такой страшной тучи, — поежилась хранительница. — Да я вообще никогда не видела здесь туч!

— Тебя мы переправим в твой мир, — сказала она, обратившись к Люси. — Сосна, ослабь узы!

У Лизы занялось дыханье, когда жесткие жгутоподобные корни зашевелились и, извиваясь, словно живые змеи, с бередящим душу шелестом втянулись внутрь дерева. Помощница Актеона осела на землю, закатив глаза, и несколько минут оставалась в таком положении.

— Не приступ ли у нее? — заволновалась Елизавета.

— Недавно она грозилась стереть меня в порошок, так что, думаю, у нее достанет сил встать на ноги, — озадаченно сказала японка. — Меня куда больше беспокоит фронт, что движется на нас.

— Ах! Вон тот?! Батюшки! — цепенея, проговорила Лиза. — Он совсем близко! Еще чуть-чуть — и нас накроет!

Грозовая туча напозала, гудя, как пассажирский лайнер. Вернее, создавалось ощущение, что она гудит: больно уж нагоняла она страху. Сейчас волшебный островок на небесах окажется между молотом и наковальней, и проростки, может статься, побьет градом, а с сакур попадают лепестки... Надобно торопиться.

Аризу Кей простерла руки над бездыханною Люси, намереваясь осуществить телепортацию, как только пленница обретет сознание. Порывистый ветер уже терзал цветущие ветви, ветви с розовыми и белыми бутонами, ветви с усохшими, коричневыми бутонами... ветви с побуревшими, свернувшимися листьями и увядшими у основания молодыми листочками... Елизавета подняла голову и ужаснулась: над нею моталась почти голая ветка, потрясая оставшимися кое-где уродливыми отростками. В лицо ей смотрела омертвелая осень, сморщившаяся, ссохшаяся карга с беззубым ртом. Такой осени здесь не было вовек. Трава под ногами выцвела, заморосил дождь, и чудилось, будто капля за каплей на сад обрушивается небо.

— Мне не нравится, как стонут деревья. Грядет что-то зловещее... — проронила

хранительница. — Лиза, милая, беги в пагоду, успокой детей! Я догоню!

Та безнадежно выдохнула: «Хорошо», — и, едва не распластавшись на скользкой земле, умчалась под завывания ветра.

Люси была мастерица ломать комедии, и многие ее выходки часто сходили ей с рук, пока она жила в доме Актеона. Но кто такой Актеон, а кто — Аризу Кей? По простоте душевной Спиру прощал ей всякое прегрешение и закрывал глаза на всякий ее проступок. И об арсенале всевозможных ее масок он, конечно, осведомлен не был. Хранительница же тотчас разглядела ее притворство и, без антимоний, жестом утвердила ее в вертикальном положении.

— Есть люди как солнца, — изрекла она, вперив в Люси строгий взор. — Они несут радость и тепло каждому, кто очутится подле них. Иного склада люди-тучи: их отличают грубость и невежество, порожденные окаменевшими сердцами. Их лейтмотив — распад. Ты не принесла в мой мир ничего, кроме разрушения, так поди же прочь, — сверкнула глазами Аризу Кей, — в свой дряхлый, закаменелый мир, изъеденный войнами, раздорами и взаимной ненавистью!

Если б Лиза могла видеть японку в тот момент, видеть, сколь сурово одухотворенное ее лицо, да как развеваются черные плети волос, да как трепещут длинные рукава кимоно, — созерцай она сей грозный облик при блеске молний, ее непременно охватил бы священный ужас. Аризу Кей это предусмотрела, потому и отправила Елизавету в пагоду. Не в ее привычке было повергать гостей в шок. Сад хранительницы гибнул, и с каждым увядшим цветочком, с каждым поникшим стеблем у нее убавлялось сил. А Люси, которая поначалу малодушествовала, вздумала ей противостоять. На заднем плане вихрились опавшие листья и дрались из-за гнезда пичужки.

— Птицы, — промолвила Аризу Кей. — Даже их исказила твоя злоба!

— С чего вы взяли, что причиной разрухе именно я?! — не выдержала в конце концов помощница Актеона. — Почему вы считаете, будто всё во мне сплошная отравка?! Выдворяйте меня, коль намерены, но не навешивайте ярлыков! Не знаю, что у вас за страна и какого рода ваш кризис, но, именуя земной мир дряхлым и закаменелым, вы обрекаете на то же и свой собственный! Что стоит свалить вину на другого?! Тут много ума не надо. А вы попробуйте заглянуть в себя! Что? Боязно? Мы чисты, мы незапятнанны, не так ли? У нас кристальная душа!

— Ты права, — тихо проговорила Аризу Кей, в бессилии уронив руки. Ветер хлестал ее по щекам, да и туча не скупилась, истязая кимоно дождевыми струями, как плетями.

— Что-что? Не расслышала! — Возомнив себя хозяйкой положения, Люси сделалась раскованней и выпятила грудь.

— Ты права, чужеземка, — возвысила голос хранительница. — Обо всём, о чем дано мне судить, я сужу однобоко, смотрю со своей колокольни. Вы, люди, стареете, и со старостью к вам приходит мудрость. А моя обитель — остров вечной молодости, и до сей поры я полагала, что мудра. Но едва ли оранжерейная роза мудрее дикой. Побольше бы мне таких нелюбезных, безжалостных учителей!

Эх, какое разочарование! Люси-то надеялась застигнуть ее врасплох, задеть за живое. Но «узкоглазая» отменно владеет собой, «узкоглазая» держится на высоте. Неужто она неуязвима? Неужто нет у нее ахиллесовой пяты? Глупая, жадная к наживе Люси еще в корневом плену смекнула, кто у сада владелец, и вполне оценила преимущества, какие дает управление этим клочком земли... А может, и не клочком, а может, и не только земли. Как-

то уж очень обнадеживающе пахло морем.

«Устрани владелицу — и получишь нечто покрупнее джек-пота, — глотала слюнки белокурая бестия. — Десятки, а то и сотни гектаров плодородной почвы, воздух без единого следа выхлопов. Ни тебе путей коммуникации, ни тебе магистралей. Истинный рай! Рай, на котором можно играючи сколотить состояние, утерев нос и Моррису с его незаконным бизнесом, и Актеону, чьи потуги выжать прибыль из мертвого капитала способны рассмешить кого угодно. Устрани владелицу — и все сокровища из тысяча и одной ночи лягут к твоим ногам».

Разыгравшейся буре Люси значения не придавала, и красочные горизонты в ее воображении нисколько из-за дождя не потускнели. У нее зрели грандиозные планы, а когда поспевают подобные плоды, любое препятствие представляется мелким и ничтожным. Пусть у хранительницы сила, но Люси-то хитрее. Пускай бразды правления пока что в руках «узкоглазой» — фортуна переменчива. Сейчас главное — удержаться в саду. Применяй, какие хочешь, уловки и витийства, заговори японке зубы, но не дай ей упечь тебя в «гнилое» измерение Земли.

Так настраивала себя Люси, буравя взглядом опечаленное, однако ничуть не подурневшее лицо оппонентки. Делая ставку на недалекость и непрактичность «оранжерейной розы», она кое-чего не учла, за что вскоре и поплатилась: Крит принял ее с распростертыми объятиями, не моргнула она и глазом. И теперь, сидя на придорожном валуне, она только и могла, что распекать себя за самонадеянность да клясть Аризуну Кей, которая, ничтоже сумняшеся, расколола ее молнией на мельчайшие частицы, воссоединившиеся затем на пустоши под Кноссом.

— Смиранные, — клокотала она, скребя ногтями по камню. — Кроткие. Тьфу, мерзость! Сперва они признают, что никуда не годны, а затем, до невероятия смущенные, организуют тебе билет в один конец. Лицемеры!...

Она так разошлась, что сточила себе все ногти, и только когда палец ее вошел в выбитую на камне ложбинку, удосужилась нагнуться и задом наперед прочесть многообещающую надпись «Кносс». Дальше шло как по маслу: она примкнула к группе изнуренных туристов, забралась с ними в автобус и прикатила, довольная, в Ираклион. Довольная хотя бы тем, что сумела малой кровью добраться до цивилизации. Однако, если она по-прежнему хотела заполучить наследство Спиру, возвращаться ей не стоило. Актеон чах от одиночества, и тоска сгубила бы его вернее, чем любой изысканный яд. Уж чего-чего, а общества он жаждал в высочайшей степени. И каково же было его удивление, когда Люси, которую он почитал навеки для себя потерянной, возникла в дверях его кабинета, небрежно опершись о косяк.

— Родная! — вскричал он, уронив перо (ибо иной раз он любил по-старинке писать пером). — А я уж и не чаял тебя увидеть! От скуки засел за мемуары о своей неудачной жизни. Но что привело тебя сюда? Ваше путешествие обещало затянуться...

— Меня вынудили обстоятельства, — выдавила Люси. — За нами по пятам следует смерть.

— О, умоляю, не раздувай кадило! Вы, женщины, горазды утрировать, — осклабился Актеон. — Наверняка какая-нибудь маленькая неприятность или досадное недоразумение.

— Не думаю, кириэ, что мафию Морриса Дезастро можно назвать досадным недоразумением, — сухо проговорила Люси. — Уясните себе хорошенько: если Дезастро что замыслил, его не остановить. И если уж он поставил целью прикончить вашего друга,

никто не поручится, что вас не заденет ударной волной.

— Моего друга? Кристиана? — осовело переспросил Спиру. — Но как же так?!

— На нас уже было совершено нападение, — мрачно поведала помощница. — С десяток молодцов из когорты Морриса. Палили в нас из пушек. Скверная история, доложу я вам.

Она преувеличила не без умысла, и эффект был достигнут: у Актеона затряслись поджилки.

— Н-нападение? Из п-пушек?

— Из снайперских винтовок.

— Но все ведь живы? Кристиан в порядке?

— Кимура показал себя превосходным стрелком, и, благодаря его сноровке, никто не пострадал. Никто, кроме вышеупомянутого десятка. Количеством, знаете ли, качество не поправишь. У меня сложилось впечатление, что у Морриса в банде сплошь олухи да простофили... Но ближе к делу! Я пришла, чтобы отвезти вас в надежное укрытие. Вас и кое-кого еще. Скажите, Джулия не появлялась?

— Нет, увы.

— А Джейн и Франческо? — поспешно добавила она, чтобы заполнить неловкую паузу. — Видите ли, мы их... того, растеряли по дороге.

— Растеряли?! — вытаращился на нее Актеон. — Это же ни в какие ворота не лезет! Растеряли, ха!

— Они-то позаботятся друг о друге, а Джулия... Боюсь, ее подстерегает опасность. Обождем денек-другой, может, кто-то из них и явится.

— Но почему не организовать поисковую операцию, не привлечь городские власти? — встопорщился Спиру. — Вдруг ребята завязли в какой передрыге?

— Лучше не высовываться, — снисходительно посоветовала Люси. — Вам не пойдет на пользу, если ваше имя будут трубить на каждом перекрестке.

— А ведь и верно, — задумался он, потерев уш.

Франческо и Джейн прибыли на виллу двумя днями позднее, и, как выяснилось, Джейн весьма успешно переняла от Франческо умение острить, тогда как он с увлечением поведал Актеону, что некий Орнальдо из сериала «Гасиенда дядюшки Идальго» преодолел пешком половину Испании ради дамы своего сердца. Куда больше, чем расстояние между Ираклионом и Превели, веско заметил он. В общем, по всему было видно, что они души не чают друг в друге, и Актеон по такому поводу откупорил лучшую бутылку из своих запасов.

— Двойной тост в честь наших друзей! — провозгласил он. — За то, что они живы-здоровы, — опрокинул он рюмку. — А также за то, чтобы нежная их привязанность, — На этом месте Люси хихикнула, — ... с годами лишь укреплялась!

Франческо и Джейн удовлетворенно вздохнули — и давай обниматься. Любо-дорого глядеть! Они еще долго гипнотизировали друг дружку, прежде чем вернуться к действительности. И тогда только Росси заметил, что ботинки его просят каши, а у «дамы его сердца» вся одежда в прорехах.

— Ну, кого теперь ждем? — торопил Спиру. — Вези уже нас в свое секретное убежище! Отвратительно чувствовать себя под прицелом.

— Погодите, кириэ, не гоните лошадей, — степенно ответствовала помощница. — Этих двоих гнев Морриса минует, чего не скажешь о Джулии Венто. Из достоверных источников мне стало известно, что Дезастро приберег патронов и для нее, хотя разящая пуля всё ж предназначается Кристиану. А так как он способен за себя постоять, на его счет я не

тревожусь. Нет нужды нагружать наш и без того невместительный вертолет. Помните, тот, что на крыше нежилой части дома? Он с натугой поднимет и троих!

— Твоя взяла, — уступил Актеон. — Но имей в виду, если с моим несравненным другом что-нибудь случится, пеняй на себя.

— Ваш несравненный друг, — парировала Люси, — будь на то его воля, играючи уложил бы целую армаду Моррисовых клеветов. Он, и правда, неподражаем.

Надолго зарядивший мелкий дождик туманил вид за прозрачным куполом, и волосы у Джулии завились сильнее обычного, как всегда бывает, когда зашкаливает влажность. Глинистую дорогу развезло, и, если б не широкие шины да топливный двигатель вместо педалей, тетрапед непременно бы завяз. Скитальцам уже прискучил прозаичный пейзаж холмов и буйной растительности, а горная гряда вконец затерялась за дождевой сеткой.

«Счастличик тот, кому стрелы амура нипочем, — думал Кимура, поворачивая руль и сминая руководство по управлению. — Ему никогда не придется страдать от неразделенной любви. И хотел бы я знать, существуют ли на свете вещи горше этого страдания».

А ученица его, обнаружив в багажнике встроенный кофе-аппарат, смаковала капучино, и дела ей не было до чьих-то там вздыханий. Не привыкла она щадить чужие чувства, особенно если речь шла о чувстве привязанности. Что такое нежная ее склонность к сэнсэю? Пустяк, вздор, безделица! А чтоб не переросла она в нечто большее, дави ее на корню.

«Сперва миссия, а уж потом разжигайся, сколько влезет», — убеждала себя Джулия, и мысль, что миссия, быть может, затянется на неопределенный срок, доставляла ей неизъяснимое облегчение.

Тетрапед катил по равнине, обрывавшейся вдали песчаным карьером. Дорожное покрытие заметно потвердело. Справа теперь простиралось маковое поле, по левую сторону колыхались розовые головки эбена. Но туча, столь же необъятная, сколь и неиссякаемая, без труда уравнила в правах и эбен, и маки, сделав их серым своим подобием.

— Жаль, — сказала Венто, впихнув стаканчик из-под капучино в мусорное ведро под креслом, — жаль, что мы не свели знакомство с Праксисом раньше. Голова! Какие шедевры создает! Один кофейный аппарат чего стоит! И ведь живут они бедно, чуть ли не отбросами питаются. Видно, приоритеты у них такие: первым делом самолеты, тетрапеды там всякие... Мортис Астро знает толк в изобретателях.

— Мортис Астро, — задумчиво повторил Кристиан. — А не приходило ли тебе на ум, легковверная моя соратница, что имена порой меняют, дабы скрыть истину от наемников и ввести в заблуждение противников?

— Что? — вспыхнула та.

— Заметь, если бы не Мария, мы бы так и не узнали, кто спонсирует старика. А в данном случае высокий покровитель Праксиса над своим именем поработать даже не удосужился.

Тетрапед гудел и вибрировал, подскакивая на булыжниках; у Джулии сжималось сердце.

— Ну, действительно, кому понадобится вникать в происхождение имени этого мецената, если у него денег куры не клюют и он готов всякому их отсыпать? — рассуждал Кимура. — А сделка с нищим, когда у нищего недюжинный ум и работающие руки, равносильна обнаружению златоносной жилы.

Он хмурился и поглядывал то на дорогу, то на моргающие датчики. И чем слабее становился дождь, тем отчетливее слышалось потрескивание приборов да странный гул

позади тетрапеда.

— Я, конечно, не силен в ономастике, — усмехнулся Кристиан, — но ставлю десять к одному, что под маской филантропа Мортиса Астро скрывается наш старый знакомый...

— Моррис Дезастро? — на последнем издыхании вымолвила Венто.

— В точку, любовь моя!

Когда бы они обратили внимание на неисправность механизма и выпрыгнули из тетрапеда во время езды, то отделались бы легким испугом, и путешествие их не подошло бы к столь нежеланной развязке. Первой забила тревогу Джулия, ощутив неприятный запах и попытавшись изменить позу в кресле.

— Ой, сэнсэй, я, кажется, прилипла! — взволновалась она. — Кимоно приклеилось!

Кристиан резко обернулся.

— Прилипла, говоришь? С моим плащом тоже что-то неладное. Я остановил машину, — И он, что было мочи, вдавил тормозную педаль. Никакого эффекта: упрямый тетрапед как скакал по кочкам, так и продолжал скакать, точно непослушный козлик, которого вывели на выпас и который самым наглым образом отбил от стада.

— Что такое? — всполошилась итальянка.

— Не пойму, что с тормозами. Может, здесь нужна голосовая команда...

Джулия простонала, предвидя, что сейчас начнется та еще свистопляска. А тетрапед вдруг возьми да взбрыкни. Нет, чтобы замедлиться потихоньку, помаленьку, он взрыл колесами землю. И, если бы не клей, намертво припаявший путников к их сидениям, куполом накрыло бы пустое пространство.

— Ну всё, нам крышка, — с чувством сказала Венто. — На уроках биологии мы точно так же морили насекомых: в банках с эфиром. Улавливаете запах? Так пахнет...

— Хлор! Но не делай из мухи слона, концентрация паров пока что невелика. Прорвемся, — пообещал Кристиан, высвобождаясь из плаща. — Я думаю, купол можно пробить.

Но первая попытка успехом не увенчалась, и пессимистичная фраза «как бы ни так», которую невзначай бросила Джулия, пришлась более чем к месту.

— Мне бы что-нибудь острое, — сказал Кимура. — У нас есть нож?

— Ножа нет, зато... О, мы спасены! Табличка! — воскликнула Венто и принялась с усердием избавляться от куртки кимоно, оставшись в результате в одном только бюстье. Кимура не сразу уразумел, о какой табличке речь, однако в момент, когда ученица его прибегла к столь решительным мерам, вынужден был отвести взгляд.

— Сейчас, у меня в портфеле... Телепортатор, — пробормотала она, но, не добравшись до багажника, затряслась в мучительном приступе кашля. Из глаз брызнули слезы. — Ах, это невозможно! Какая боль!

— Старайся сдерживать дыхание! — взмолился Кристиан, чувствуя, что его самого скоро придется откачивать. Теперь он отчетливо различал шипение под сводом купола, где из крошечных отверстий вырывались струи зеленого газа. Невыносимая резь в глазах.

— Какая разница, — обреченно сказала та. — Всё равно пропадать. Я... — Ее вновь сотряс приступ, и она сползла на землю, прижавшись плечом к стенке купола. — Я только хотела перед смертью вам сказать... — Кимура ревностно ловил каждое ее слово. — Вы мне вовсе не безразличны и... я по-своему вас люблю.

Свершилось! Он лишь сожалел, что она оттаяла так поздно и что не хватит у него времени излить ей сокровенные свои мысли. Воздух был на исходе, ужасно раскальвалась

голова, и Кристиан понимал, что токсичная доза рано или поздно достигнет того предела, когда уже действительно станет всё равно. Он собрал остатки сил, чтобы опуститься на землю подле Джулии, трепетно обвить рукою ее стан и припасть губами к прохладному лбу.

— Крепись, крепись, радость моя, — шептал он.

— Мы встретимся на небесах... — то ли вопрос, то ли утверждение слетело с ее уст, после чего голова безжизненно склонилась на бок. Смертоносная ингаляция взяла свое.

— Не так быстро, нет! — глухо прорычал Кимура.

Он не помнил толком, что произошло, равно как и не мог рассеять своих недоумений насчет того, кто же всё-таки пробил купол. Но правая рука его отчего-то саднила, из мелких ранок сочилась кровь, а пастухи, которых послало само провидение, наперебой убеждали его, что человек в состоянии аффекта способен творить невероятные вещи.

— Возвращались мы с поля, шли, значит, мимо. Глядь — а на дороге ващ, значит, драндулет. Стоит, дымится, — повествовал пастух.

— Каким-то зеленым дымом, — подхватил второй.

— Хлор. Это был хлор, — надрывно кашлянул Кимура.

— Кабы не дыра, что вы проделали, нам, значит, нипочем бы вас не освободить! Он вот, — указал овчар на товарища, — раздобыл лом. И вовремя, надобно сказать, раздобыл. Помедли он малость, и вы с вашей барышней, значит, сыграли бы в ящик.

— Джулия? Где она? Что с ней? — вскочил с земли Кристиан.

— Барышня-то? Покуда без сознания, но ничего, очухается! И не таких в чувство приводили. Памятую, матушка моя прошлым летом угодила, значит, в пруд, а плавать-то ни-ни...

— Да погоди с историями, олух ты этакий! Тебе только дай лясы поточить! Пушай его оклемается, — урезонил болтунишку сосед. — У нас овцы, не ровен час, разбредутся. Поди, загони в стойло!

— Вам бы это, после хлора, пропустить стаканчик-другой, — участливо посоветовал на прощанье "олух". — Авось полегчает?

Поначалу могло показаться, будто Джулия преспокойно дремлет под кленом, расстелив шелковистые волосы по траве и накрыв ладонью живот. Ни дать ни взять, спящая красавица. Но Кристиана в заблуждение не введешь. Окинув тетрапед презрительным взглядом, он, пошатываясь и щурясь от ослепляющего солнца, побрел к дереву.

«Растереть мочки ушей, сделать искусственное дыхание, массаж сердца, — проносились в мыслях обрывочные инструкции. — Что там еще? Свежий воздух — в наличии, длительный покой — обеспечим».

Потом как-то невпопад ему на ум пришло Байроновское двестишше: «Не может пронизательность сама постичь бездушие под маскою ума. Праксис, гнилое отродье! — воспылал гневом Кристиан — Чье бы поручение ты ни выполнял, тебя настигнет возмездие!»

Однако, если бы не Праксис, подумалось ему погодя, если б не камера удушья, надменная итальянка едва ли стала бы откровенничать на столь щепетильную для нее тему. В состоянии измождения она была самым воплощением покорности, и Кимура тешил себя надеждой, что покладистость ее явилась следствием не только нехватки кислорода.

А Джулия, притворщица, давно уж оправилась и, заслышав приближающиеся шаги, чутко приоткрыла один глаз. Прежде чем Кристиан опомнился, она уже сидела на недосыгаемой для него высоте, вскарабкавшись по ветвям клена в гущу листвы, и смотрела

на учителя сверху вниз, как смотрит кошка, загнанная на дерево сворой псов.

— Стоп! Дальше ни шагу! — предупредила она, подобравшись на ветке.

— Наверное, ты имела в виду «выше ни шагу»? — с кривой ухмылкой пошутил Кимура. Но шутка успеха не возымела. — Спускайся, не дури! Ты ведь знаешь, что, если я полезу тебя снимать, ничего хорошего не выйдет.

— Оставьте меня в покое! Что вам за дело?! — норовисто вскинулась та.

— Отравление хлором может повлечь весьма тяжелые последствия, — задрал голову, проскандировал человек-в-черном. — Трахеит, токсический отек легких...

— Чушь! С моим самочувствием полный порядок! — огрызнулась Венто, вспыхнув, как зарница.

— Видно, тебя исцелило твое свечение, — пробормотал Кимура. — И всё-таки, — приступил он снова, — довольно заниматься глупостями!

— Я так просто не дамся! — крикнула сверху Джулия. — Не знаю, что я наговорила вам под куполом, но примите к сведению, я забираю свои слова назад!

— Э, нет! Сказанного не воротишь! — отозвался Кристиан, закидывая ногу на сук.

«Вот напасть!» — проворчала беглянка. Что тут прикажете делать? Клен хоть и высок — да не бесконечен. Когда-нибудь и макушка замаячит. Джулия расправила плечи, отважившись на неслыханную подлость: укротить преследователя световым лучом. Главное сконцентрироваться... Вдруг она просияла: табличка хранильницы! В портфеле, под растерзанным куполом тетрапеда! Как бы так изловчиться? Во взгляде ее полыхнула молния: сейчас или никогда.

— Получайте!

Кристиан уставился на нее расширенными от ужаса глазами. Первый световой залп прошел мимо цели, зато второй нанес обидчику довольно ощутимое поражение: схватившись за голень, он с глухим стоном повалился на землю.

— Ай да я! Ай да молодец! — обрадовалась девушка и в два приема очутилась возле поверженного учителя. — Забудьте всё, что я мела в бреду, — повелительно произнесла она. — Мое признание аннулируется, ясно?

Кристиан вновь застонал и попытался было подняться, но ожог болел до того нестерпимо, что казалось, будто ногу поджарили на огне.

— Откуда столько жестокости? — только и смог вымолвить он.

— Это не жестокость, а самозащита, — злорадно пояснила Джулия, после чего немедленно ретировалась, припустив к искореженной машине.

Глава 25. Шаг навстречу

Тут, конечно, не помешало бы совершить стремительный бросок и загородить ученице путь, чтобы не вздумала соваться к злополучному тетрапеду. Но тот, кому хоть раз приходилось двигаться с поврежденной ногой, знает, каково это — бежать наперерез, когда у самого болезненная рана. Закатав рваную штанину, Кристиан оглядел ожог: зрелище, надо заметить, не из приятных. Аптечки поблизости нет, дружеского плеча и подавно. Джулия улепетывает со всех ног — только пятки сверкают. Уж на ее дружеское плечо нечего и рассчитывать. Предательница высшей пробы. Знать бы, что она затеяла...

Их разделяла всего-то небольшая полоска разнотравья, и Кристиан мог свободно наблюдать происходящее у тетрапеда. Наблюдать не без тревоги.

Беглянка нырнула в расширенное отверстие купола и через минуту вновь появилась в поле обзора с портфелем в руках. Может, в ней всё-таки заговорила совесть, и она решила смилостивиться над пострадавшим? Такие, как Джулия Венто, наверняка повсюду носят с собой аптечки. Но не тут-то было: портфель итальянка опустошила в мгновение ока, и, вместо аптечки, вниманием ее завладел некий миниатюрный прибор, какой человеку-в-черном прежде на глаза не попадался. Переговорное устройство? Датчик уровня токсичности? На ум приходили самые разные предположения, однако, несмотря на множество версий, Кристиан попал пальцем в небо.

Джулия занервничала, а всё потому, что он поднялся — кое-как, через силу — и, прихрамывая, направился к ней. Побледнела, задрожала — в общем, сердце ушло в пятки. А когда сердце в пятках, опростоволоситься раз плюнуть. Ткнула она не в ту кнопку, ткнула — и дематериализовалась. И вот тогда только Кристиан догадался, что у прибора за назначенье.

«Телепортаторы, — подумал он с тоскою, — у Аризу Кей просто мания к изготовлению телепортаторов! С другой стороны, когда знаешь, откуда дует ветер, разыскивать ветреную девчонку гораздо проще. Надеюсь, на дне флакончика осталось несколько капель...»

Пошарив в карманах брюк, он с удовлетворением обнаружил заветную склянку с вином, ценность которого теперь беспредельно возросла, взлетела, можно сказать, до заоблачных высот, поскольку эти гранатовые капельки были единственным шансом попасть в сад к японке и заручиться ее помощью.

«Надо лишь вытряхнуть их в какую-нибудь лужу — и дело в шляпе», — рассудил Кристиан. Но вот досада: никаких луж поблизости. Еще бы, в такое-то пекло! Под знойным, уже почти летним солнцем испарялось всё, что только могло испаряться. На лбу у человека-в-черном выступил пот, а затылок нагрелся так, словно к нему поднесли включенный утюг.

«Аризу Кей ничего не говорила о прямом контакте кожи с вином, но что если попробовать?» — И Кристиан, аккуратно, чтобы не выронить, откупорил флакон, таящий неизменный аромат сладковато-терпкого кагора и гвоздики.

— Ну, догадался — так догадался! — ругала его хранительница, по которой точно проехался паровой каток: растрепанные волосы, перекрученное набок кимоно, грязные сандалии. Непривычный в своей серости, сад чахнул, а деревья, будь они одушевленными, непременно бы кряхтели, чихали да сетовали на жалкую участь. — Ты бы еще опрокинул склянку себе в рот! С концентрированным волшебным вином шутки плохи! Никогда не

знаешь, какой эффект оно окажет.

— Одним ожогом больше, одним меньше, — философски отозвался Кимура, разглядывая распухший палец. — А с тобой что стряслось? Неурожай, да?

Хранительница пожала плечами:

— Удобрения здесь ни при чем, разве я чуть переборщила с фосфором... Дети заняли обе пагоды, поэтому мне пришлось пойти на крайние меры, — вздохнула она, указав на разбитую под сморщенной вишней палатку. Кристиана поразило не столько запустение, сколько сам факт того, что хранительница вздыхает. Волей-неволей засомневаешься в ее могуществе.

— Зря я, видно, нагрязнул, — сказал он, поправляя на японке вышитый алым пояс. — Тут у тебя настоящий хаос, торжество энтропии, если так выразиться. Тебе сейчас не до чужих проблем...

— Это почему же? Выкладывай! — оживилась та. — А ожоги твои я залечу. Глянь, сколько снадобий припасено! На черный день заготовила.

Позвав его за собой, к палатке, Аризуну Кей не без гордости представила ему обширную коллекцию всевозможных бутылочек и совсем уж крохотных пузырьков, усадила на верхнюю ступеньку заросшей мхом лестницы и принялась его врачевать.

— А как насчет сердечных ран? — полюбопытствовал Кимура.

— О, соболезную, мой друг. Не мастер я по части сердечных недугов. Но позволь поинтересоваться, кто она? Имею ли я честь ее знать?

— Вы встречались во времена изобилия под сенью этих сакур, — ответил он, и губы его тронула тень улыбки.

— Так-та-ак, — протянула хранительница. — Значит, тебя покорила твоя светящаяся подопечная?

— Абсолютно верно.

— И что же ты намерен предпринять?

— Как что?! Перво-наперво выудить ее оттуда, куда ее занесло. Она ведь сбежала от меня! Точно в воду канула. Без твоего содействия наверняка не обошлось, — с укоризной заметил Кристиан и, предвидя, что она начнет отпираться, добавил: — Тот новый телепортатор ведь твоих рук дело?

— Такое ощущение, что, если б не было у нее телепортатора, она бы от тебя не удрала! — обиженно проговорила Аризуну Кей. — Уж, верно, ожог ты заработал не на солнцепеке!

— Ох! — только и сказал тот.

— Девушки не убегают просто так, — развивала свою мысль японка. — У них всегда имеется какой-нибудь, пусть захудалый, но мотив. Чем ты ей не угодил?

Скрюченная сакура застонала под ветром, бесцеремонно стряхнув на головы собеседников черные, точно опаленные, цветки.

— По-моему, все дело в личном пространстве, — задумчиво изрек Кимура. — И, сдается мне, я проявил излишнюю настойчивость, пытаясь снять ее с дерева.

— Она слишком свободолюбива, — подвела итог хранительница.

— Вот именно, чересчур.

Оба они вздохнули.

Палатка из розового атласа выгодно выделяла их на фоне поблекшего, омертвело-белого сада, и вскоре, невзирая на запрет, дети-беженцы — смуглые и светленькие, высокие и низкие —

обступили их со всех сторон, лупя глаза на человека-в-черном.

«Их теперь не прогнать, — шепнула ему Аризу Кей. — Больно уж ты занимательная личность».

— Пускай себе смотрят! Побег Джулии окончательно меня доконал, — устало произнес тот.

— Но ты ведь любишь ее?

— Да если б она была при смерти и требовалась бы пересадка сердца, я б, не задумываясь, отдал свое.

— В гробу я видала этих клеветников! — запальчиво говорила Мирей, сминая студенческую газету. — Надо же, чего понаписали! Многострадальная Аннет повествует о плене, справедливая Аннет дает показания, принципиальная Аннет ратует за поддержание престижа Академии! Она, представьте себе, не хочет ударить в грязь лицом! Да попадись она мне, я уж ее в грязи вываляю! Основательно вываляю! Будет знать, как бесславить наших друзей!

Далее филиппика ее переходила в цепь неразборчивых французских выражений с примесью едкостей на итальянском, где эвфемизмами даже и не пахло. За крепкими обличительными высказываниями следовал шквал отборных ругательств, к счастью для Розы, тоже на французском, поскольку всё негодование подруги целиком обрушивалось на ее солнечную головку. В этот послеполуденный час Мирей посчастливилось застать Розу в гостиной за вышиванием, пустым, по ее разумению, занятием.

— Бросай, — сказала она, — свое шитье и посмотри, до чего мы докатились! Синьор Кимура у нас теперь лицедей и заговорщик, Жюли и Джейн — в категории «неприкасаемых», а Франческо — передаю дословно — «легкомысленный и слабовольный чудак». Ну, каково?!

— Для Росси наказание смягчат, — кротко заключила та.

— Нет, ну ты подумай! — кипела Мирей. — Безобразники! Каких людей опорочили!

— Да, непростительная халатность, — подтвердила Роза, — пускать такое в печать.

— Надо пойти и наkostenять проныре Аннет по первое число! — сжала кулаки француженка. — Как ты считаешь?

— Накostenять? — испугалась Соле. — Мне кажется, твой план требует доработки.

— Осторожничаешь! — презрительно ввернула Мирей. — Вот выловим Кианг, наденем маски и в темноте... того... подкрадемся. Ух, потеха будет!

— Ерунда, — уверенно сказала Роза. — Эдак мы только хуже сделаем. Ты хочешь мстить в открытую, а надобно деликатно. Дипломатический, понимаешь ли, нужен подход.

— De quoi?[50]

— Напишем в редакцию студенческой периодики, что, мол, так-то и так-то, к вам поступили ложные сведения. Опровергнем, так сказать, гнусную ложь.

— Анонимно?

— Ну, разумеется! Помнится мне, Арсен Люпен[51] ловко манипулировал людьми при помощи газетных объявлений.

— А что? — просияла Мирей. — Идея, достойная Наполеона! Как она мне самой в голову не пришла?

— И главное, руки марасть не придется, — торжествующе заключила советчица.

Последний аргумент окончательно перевесил чашу весов, склонив француженку к

методу тактичному и куда более результативному.

Роза, бесспорно, не могла оставаться равнодушной к событиям, касавшимся хоть и не ее непосредственно, но всё ж бросающим тень на четвертый апартамент. Однако много более волновало ее отсутствие Елизаветы, одной из тех искренних и доброжелательных критиков, которые могли по достоинству оценить ее художественные работы. Вот уж третьи сутки от нее ни слуху ни духу! Поначалу думали обратиться к Донеро, но тот, услышав скверные вести о Лизе, так разнервничался, что даже сломал грифель карандаша, которым чертил карту. Мирей упирала на то, что во всем виновато вино из Зачарованного нефа, и утверждала, будто с вином отыщется и россиянка. Но так как кагор исчез столь же бесследно, сколь и его обладательница, утверждение сие не могло считаться состоятельным. Даже «всевидающая» подзорная труба дала маху! Она указала около двадцати различных Елизавет Вяземских, которые не шли с Лизой ни в какое сравнение: то слишком худая, то чересчур полная, то нос кривой, то разрез глаз не тот.

— А ваша труба под землю искать умеет? — осторожно поинтересовалась профессора Роза, не имея на уме ничего худого.

— Прикуси язык! — процедила Мирей, ущипнув ее за руку. — Что несешь, а?!

Донеро с тех пор пребывал в глубокой печали, и казалось, смысл жизни для него навеки утрачен. Лишиться любимой ученицы! Что ж, сперва она горевала по географу, теперь он по ней. Вполне закономерно.

— Я, — говорила Роза, шагая по яркому весеннему парку, — как раз начала пробовать абстракционизм. По ее наставлению, кстати! А она словно бы нарочно пропала! Подевалась невесть куда!

— Молись, чтобы из твоего «невесть куда» она воротилась живой и невредимой, — ворчала Мирей, грузно ступая рядом. Когда у нее портилось настроение, она всегда топала, как слон.

— Да уж буду, и не сомневайся! Мало того, что моя, не побоюсь этого слова, муза сгинула, так с весною еще и аллергия обострилась. Вот что сейчас цветет?

— Алыча, — без выражения произнесла Мирей.

— Апчхи!

— Пусть исполнятся твои желания! — таким же бесцветным тоном проговорила она, озвучив сие несуразное высказывание затем лишь, что так принято в Провансе. — Еще слива, по-моему... И вишня.

— А-апчхи!

— Любви тебе! — мрачно сказала француженка, искоса взглянув на Розу. — Ах да, и сирень, под окнами химической лаборатории.

— А-а-апчхи! — расчихалась Роза и полезла в карман за платком.

— Пусть дни твои длятся вечно... — совсем уж хмуро присовокупила Мирей.

— Как странно ты выражаешься, — прогнусавила художница и принялась сморкаться.

— Отдаю дань традиции, ничего личного, — понурившись, буркнула та.

«Милая, добрая Франция! Как скучаю я без тебя! Без твоих песен, т в о и х абстракционистов и без моего Жана!» — с болью подумала она, ощутив, как подкатывает к горлу жгучая волна, а на глаза наворачиваются слезы.

У Морриса Дезастро день с утра выдался пренеприятнейший. Всё у него не клеилось: с подручными он повздорил, бутыль лучшего шампанского расколотил вдребезги, и, по

последним сведениям, его незаменимого консилиери застрелили на собственной шхуне при входе в порт Пиреи. Сидя в дорогом эбеновом кресле, он в бессильной ярости комкал полу своего пальто, и на лбу его пролегли морщины под стать американским каньонам.

Тот, кто топтался у двери, похоже, понятия не имел, что как раз в эту минуту Моррис целится дротиком в подвешенную на перекладине мишень для дартс, причем яблочко мишени располагалось точь-в-точь на той же высоте, что и нос известителя. Войди он мгновением раньше, и нос его расквасило бы немилосердно.

— Босс, босс! — стуча зубами, проговорил он.

— Ну, чего еще?! Если очередная паршивая новость, то не обессудь, коль физиономию раскрашу так, что мать родная не узнает, — пригрозил Моррис, покручивая в пальцах следующий дротик.

— О нет, босс! Никак нет! — заюлил тот. — К вам посетитель, босс!

— Вот заладил! Босс-босс-босс! Тащи его сюда, телепень! И перестань колотиться, как черепушка на песту! Раздражает!

В кабинет немедленно ввалился упитанный субъект в темных очках и с натертой до блеска лысиной. Моррис вытаращился на него, точно на пришельца из преисподней.

— Где вас носило, уважаемый синьор Каско?! — приторно-учтиво справился он. — Или я не поручал вам отчитываться о каждом вашем шаге?!

— Да дело в том, — промямлил лысый, — что один шаг мой, хм-хм, растянулся на довольно длительный период...

— Чушь! — взревел Дезастро, подлетев к нему голодным коршуном. — Вам на выбор была предоставлена любая форма отчетности, а вы ни стенограммы, ни электронного сообщения накорябать не потрудились! Да за такую расхлябанность у нас в карцер сажают!

— Виноват, виноват! — по-собачьи угодничая, пролаял Каско. — В будущем обещаю докладывать по два раза на дню.

— В будущем, — растягивая слова, проговорил Моррис, — мои ребята живо переломают вам ребра, поступи вы иначе. Ну, так что там у вас? Кимура раздавлен? Покоится на морском дне?

— Не совсем.

— Значит, разобран на составные части, как какая-нибудь игрушечная модель? Или... А, понимаю! Вы скормили его останки пираньям!

Лысый усиленно замотал головой.

— Как?! Вы что, за дурака меня держите?! Являться в неположенный час, да еще и без результатов! А ну-ка, снимайте ваши глупые стекла! — вскинулся Дезастро, сдернув с него очки. Там, под оправой, прятались уже всем знакомые поросычьи глазки заместителя директора.

— Я... Я старался, — сбивчиво проговорил Каско-Туоно. — Очень старался! Кто ж знал, что у него отменная выправка? Он прострелил мне руку!

— Ай-яй-яй! — язвительно отозвался Моррис. — И вы не помазали йодом? Бедолага! Надо было к маменьке бежать, чтоб провела дезинфекцию!

Он стремительно подошел к окну, сквозь которое едва пробивался дневной свет, и, заложив руки за пояс, несколько минут стоял молча.

— Один недоумок сегодня прикончил моего лучшего агента, другой — упустил легкую добычу. Похоже, недоумки плодятся, как тараканы. Так надобно, чтоб и дохли с той же скоростью! — Он резко развернулся, и перед Туоно поплыли стены: прямо на него глядело

слепое дуло револьвера.

— Пощадите, босс! — взмолился он, безвольно падая на колени. — Я ведь не с пустыми руками! Я... У меня в челноке связанная негритянка! Она была с ними!

— Негритянка?! — издевательски переспросил Моррис. — На что она мне?! Я прикажу ее утопить.

— Но она обладает ценными сведениями! Я думаю, ей известно, где скрывается Кимура.

— С ним уже работают мои сообщники. Слыхали что-нибудь об изобретателе Праксисе?

Туоно в отчаянии развел руками.

— Значит, хорошо конспирируется, — усмехнулся Дезастро. — Раз уж вам не удалось прикончить вашего злейшего врага, это сделают люди компетентные. Но отныне за вашу жизнь я и гроша ломаного не дам. Шавка на привязи, хе-хе! Отведите его в камеру! — крикнул он громиле-охраннику.

— Что? — привскочил Туоно. — Нет! Не надо! Смею вас заверить, у меня грандиозные планы! Да я нафарширован планами!

— Подите, Стэйпл, нафаршируйте его чем-нибудь на ваше усмотрение, чтоб не вякал, — лениво распорядился Моррис.

Туоно при его словах заметно сник.

— То-то же!

Туполобый громила долго соображал, отменяется ли этим «то-то же» предыдущий приказ, или команда «нафаршировать» по-прежнему в силе. Но, когда Моррис бросил на него негодующий взгляд, счел за благо покинуть помещение с пленником в наручниках и уж на коридоре размышлять, каким бы содержимым его напичкать. В итоге, выбор пал на котлеты и картофельное пюре, так что заместителю в его новых «покоях» был оказан поистине королевский прием.

«Черномазую — ко мне!» — скомандовал в трубку Моррис, когда недоумка под номером два увели с глаз долой. Дитя третьего мира, она оказалась куда приятней и милевидней, чем он ожидал. Густая копна черных, мелко вьющихся волос, матовая шоколадная кожа, выразительные глаза, пухлые губы... В общем, у «крестного отца» потекли слюнки, и он приказал отвести Клеопатру в свои апартаменты, чтобы вскорости к ней присоединиться. Но он даже не подозревал, с кем связался. Эта хитрая девчонка вскружила ему голову до потери пульса, заставила ходить за собой чуть ли не на четвереньках, и вот тут-то вся Моррисова организация запросто могла полететь в тартарары.

Аризу Кей искренне сопереживала своему корейскому другу, от души одобряя его сердечную склонность, однако ложкой дегтя, как всегда, был непокладистый характер Джулии. Попробуй, ублажи ее!

— Обещай, что будешь предусмотрителен, — сказала хранительница, передавая Кристиану очередное свое транспортирующее устройство. — Если она заартачится, хватай ее и без дальних разговоров — на виллу к вашему греку. Чует мое сердце, ему крайне необходима поддержка. В твоей табличке имеется голосовое устройство. Просто назови адрес, и она перенесет вас в нужное место.

— От всей души благодарю! — поклонился Кристиан. — Знать бы еще, как известить это неистребимое чувство вины, которое гложет меня с тех пор, как мы отправились в

экспедицию по пустошам и деревьям Крита. Образ Джулии неизгладимо запечатлелся в моей душе. Но я не могу отделаться от мысли, что все мои попытки упростить наше затянувшееся путешествие, напротив, всё только усложняют. И стоит лишь на секунду в уме моем промелькнуть уверенности, что вот, ты ее покорил, ты можешь положиться на ее привязанность, как Джулия вновь выкидывает фортель.

— Понимаю, понимаю. Но не падай духом! Однажды вы помиритесь, станете не разлей вода, тогда ты и попомнишь мои слова.

— Они как бальзам на рану!

— Что еще я могу для тебя сделать? — раздумчиво сказала Аризу Кей, оглядывая его с ног до головы. — Кристиан Кимура — и без плаща... — Она поцокала языком. — Не комильфо! Помнишь, ты как-то привозил мне свой старый френч? Я его заштопала, отутюжила — он теперь как новенький.

— О, не стоило беспокоиться!

— Бери, пока дают, — изобразив милую улыбку, сказала хранительница. И, едва она махнула рукой, перед Кристианом на вешалке повисло его давнишнее облачение.

— Твоя щедрость не знает границ. Ты всегда отдаешь, — чуть ли не с укоризной заметил он. — Но я никогда не видел, чтобы ты что-нибудь брала...

— Ой-ой-ой, вот только не надо причислять меня к лику святых!

— Я серьезно беспокоюсь за твой сад. Он буквально разваливается!

— Восстановим! — беспечно отозвалась японка.

— Может, тебе нужны ресурсы извне? Какая-нибудь помощь? Хорошенько подумай, прежде чем отказываться.

— У нас тут свой круговорот в природе, так что восстановимся мы самостоятельно. Когда вы упечете за решетку этих ваших мафиози, добро пожаловать на ханами [52]. Праздник будет грандиозный, побей меня гром!

Детвора вокруг них оживилась и загомонила — видно, заразилась энтузиазмом хранительницы. Кристиан пожал плечами.

— Что ж, ладно, будь по-твоему, — и, обратившись к беженцам: — Не поминайте лихом, друзья!

А те, как один, пожелали ему счастливого пути и на прощанье понасовали в руку засохших цветов.

— Обязательно возвращайтесь на виллу! Слышишь? Дай слово! — встрепенулась Аризу Кей, когда он приготовился жать на кнопку.

— Как только, так сразу, — пообещал Кимура, недоумевая, отчего она так на этом настаивает, и растворился в насыщенном влагой воздухе.

Материализовался он на каком-то безымянном взгорье, откуда видать было окрест на десятки километров. За косогором, догорая, рдело солнце, а в сосновом лесу, что тянулся вниз по склону холма, разухались совы да тоскливо завывал волк.

«И куда эта Джулия запропастилась?» — нервничал Кристиан, оглядывая долину. Ему совсем не улыбалось провести здесь ночь. Вокруг вились полчища комаров, и от их нескончаемого писка гудела голова, а с востока на лес надвигалась внушительная туча.

Он бегом спустился на луг, освещаемый бардовой полоскою над частоколом крон, и, споткнувшись о кочку, чуть не вспахал носом землю. Трава доставала ему по пояс, оранжевые соцветия ударялись о плащ, оставляя пятна пылицы; а сиреневые метелки иванчая колыхались от ветра и заслоняли обзор. На миг Кристиану показалось, будто на

противоположном конце луга кто-то движется. Он ускорил шаг. Успокаивающе прожужжал над ухом и удалился в чапыжник величавый шмель, хлестнула по лицу раз-другой плетка душистого иван-чая. Движение, которое заметил сначала человек-в-черном, прекратилось. Кто-то глядел на него, глядел опасно и недоверчиво.

«Что ж, подожду, — решил он, не без тревоги наблюдая за скатывающимся в ельник багровеющим шаром. — Не хочу ее спугнуть». В том, что в зарослях притаилась Джулия, он уверился, будучи от нее еще на порядочном расстоянии.

Минута обоюдного молчания и бездвижия протекла для него, как час. Бешено колотилось сердце. Потом, сквозь мерное стрекотание сверчков и непрекращающийся комариный звон, он услышал, вернее, ему почудилось, будто со стороны окутанного тенью кустарника не него мчится суховей. Зашуршали, пригибаясь, кипрей и полынь; слышались легкие, торопливые шаги, и вдруг что-то теплое и мягкое припало к нему, прижалось и обняло изо всей силы. И он, настигнутый волною неизъяснимой нежности, сомкнул объятия в ответ, погрузившись лицом в почти невесомую копну вьющихся волос.

— О, как же я извелся, пытаюсь тебя найти!

— Я поступила глупо, ужасно глупо и непоследовательно! Простите меня, сэнсэй! — всхлипнула Джулия, чувствуя, что сжимают ее точно стальным обручем, и впервые радуясь этому ощущению.

— Будет, любовь моя! Теперь всё позади. Теперь я с тобою.

Стоит ли описывать, как перепугалась она, попав в местность, доселе ей не знакомую, как взбудоражил ее воображение дикий рев медведя, набредшего на малинник, как заставил прирасти к земле леденящий душу вой койота и каркающее лаянье лисицы. Она тысячу раз пожалела, что сбежала от учителя, тысячу тысяч раз — что заставила его страдать.

— Вы, наверное, и на край света последовали бы за мной...

— С телепортатором Аризу Кей это не так уж и сложно, — обмолвился Кристиан, глядя ее по голове.

В траве натужно стрекотали кузнечики, сновали взад-вперед деловитые жуки, по-прежнему надрывался комариный хор, но ни синьора-в-черном, ни красавицу-итальянку нимало сие не заботило: они были поглощены друг другом и друг в друге находили успокоение. Разноголосица ночного луга — а солнце уже давно село за горизонт — расцвела для них упоительной симфонией. Невдалеке глухо ворчала так и не посмевавшая пролиться дождем туча, да убаюкивающе шумел не враждебный теперь лес.

— Ты жизнь моя, — оглушительным шепотом проговорил Кимура. — И я б не мог вообразить с собою рядом никого прекрасней. Позволь же мне сопутствовать тебе.

— Совсем-совсем повсюду? — подняла глаза Джулия.

— Так, чтоб тебя не тяготить.

— Нам всё же стоит договориться, — проронила она, дрогнув от предстоящего объяснения. — Я потому так долго вас чуждалась, что не была уверена... — она запнулась, подыскивая слова. — Вы согласитесь быть мне просто братом?

— Братом? — переспросил Кристиан, и ей не удалось уловить его интонацию, отчего волнение ее заметно возросло.

— А я для вас буду сестрой. Что ж тут такого?

Она зажмурилась, предвидя, к чему приведет столь неуклюжее и рискованное откровение. Ведь иного подобное высказывание изрядно бы озадачило, ввело бы в заблуждение и, вернее всего, охладило бы любовный пыл настолько, насколько мороз

побивает преждевременно распутившиеся почки. Но, вопреки ее предчувствию, Кристиан лишь крепче сжал ее в объятиях.

— Идеально! — прошептал он, и, несмотря на темноту, Джулия могла бы поклясться, что он светится от счастья. Ибо его «идеально» не отдавало ни каплей фальши и содержало в себе в равной степени безоговорочное согласие и граничащий с самозабвением восторг.

— Ты будешь восхитительной, безмерно обожаемой моей сестрою!

Тут уж настал ее черед засветиться от ликования.

— Как? Вы... Вы не против?

— Еще бы не против! — звонко рассмеялся Кристиан. — Да я и мечтать не смел о столь дивном предложении! Что может быть желанней и чище этого?!

Ночь блистала мириадами звезд; проплывали, минуя месяц, седые облачка. Луг преобразился и замер, замороженный убранством небес и непорочностью той любви, коей стал он свидетелем. Свежо и просторно было там. «Ш-ш-ш», — танцевали на ветру ветви ивы. «Р-р-ш, р-р-ш», — гнулся у озерного берега тростник. Где-то заунывно прокричал и метнулся к земле чеглок.

Безвестные путники условились дожидаться рассвета. Они пересекли низменность, взобрались на холм, и в свете луны перед ними расстелилась бескрайняя степь.

— Где мы? — с придыханием спросила Джулия.

— Не берусь предположить, — сказал Кимура. — Хотя... Быть может, это Сирия. А может, Ливан. — И потом, отвечая скорее своим мыслям: — Думаю, Аризону не станет возражать, если я выполню обещание чуть позже.

— Какое обещание? — вскинула голову Венто. Но тот лишь ласково привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

Шел пятый час, когда на востоке заалело небо. Озарились макушки заспавшихся деревьев, отступила тьма, и то, что открылось нашим пилигримам, превзошло все их чаяния. Степь, насколько хватало глаз, сверкала золотом, подобно драгоценному слитку непомерной величины. Нетронутая, густо колосилась пшеница, да разливалась в воздухе беззаботная песня жаворонка. На широком, предваряющем ниву тракте лежала глубокая пыль; казалось, ступишь в нее — провалишься по колено. Теплый ветер гнал золотые волны, проникал под кожу, вливал золото в артерии, и новое, безудержное стремление к свободе зарождалось в душе. Вдохнув полной грудью, Джулия обернулась к учителю и, встретив его восторженный взгляд, схватила за руку.

— Быстрей, туда!

Кристиан последовал за ней с готовностью, с почти детским увлечением, как если бы она звала его в сказку. И вспомнилось ему, как не в совсем благополучные годы отрочества он вот так же гулял в рапсовых полях Южной Кореи, и, как позднее, в юности, убегал в девственные леса Сихотэ-Алиня, чтобы забыться, побороть уныние и стряхнуть ярмо гнетущих забот. Но теперь всё обстояло совершенно иначе: теперь он шел не утолить печаль, но приобщиться к торжеству природы и разделить переполняющую его радость с самым дорогим для него человеком.

Они удостоили желтую дорогу несколькими парами следов, и Джулии представлялось, будто ступает она в бархатных башмаках, а дорога вымощена рахат-лукумом. Как отранно было стоять потом в океане из спелых колосьев, легко-легко касаться ворсистых соцветий и вдыхать теплый и пряный аромат злаков! Они танцевали и смеялись, не замечая ничего вокруг: ни того, как по тракту прошел в тяжелых сапогах черный от загара пахарь, ни

воловьей упряжки, везшей с бахчи оранжевые дыни, ни взвившейся над полем стаи грачей с лоснящимися от солнца крыльями...

Они были счастливее всех на свете, и этот мир по праву принадлежал им.

[50] Что-что? (фр.)

[51] Арсен Люпен — известный персонаж книг Морриса Леблана, джентльмен-взломщик, грабитель и следователь в одном лице.

[52] Праздник цветения сакуры (яп.)

Глава 26. Расстрел на десерт

Когда, упоенные свободой и любовью, Джулия и Кристиан возвратились на виллу, они попали прямоком к упаднически настроенному Актеону, чей тон и резкие манеры вынудили счастливых несколько умерить эмоции.

— Где вы пропадали? Ситуация нешуточная! — раскрасневшись от негодованья и размахивая у них перед носом ножницами для подрезки листьев, говорил грек. — Моррисовы люди рыщут по окрестностям и вселяют страх в честных граждан! Грабежи и поджоги — это еще цветочки! Люси предупредила, что убить для них плевое дело и что серп их, в первую очередь, — Тут его рука взметнулась к подбородку, — придется по головам богачей и иже с ними.

— Ох уж эта Люси! — воскликнул Кимура. — Она всё видит в неверном свете!

— Если хочешь с ней перемолвиться, она в моем кабинете, — взглянув исподлобья, проговорил Актеон. О возможном переселении он распространяться не стал, так как помощница весьма недвусмысленно дала ему понять, что Кристиана оповестит сама. Однако сие намерение что-то уж быстро выветрилось у нее из головы, и при встрече она ни знаком, ни намеком не указала человеку-в-черном на то, что собирается съезжать. Ее воображение занимал лишь его вычерченный профиль, филигранные черты, гордая осанка, прямой, пронизательный взгляд... И не хотела она замечать, что взгляд этот не несет в себе теплоты, как бывало прежде, а речи его содержат более формальностей, нежели ласковых обращений. Не промелькнет отныне озарение улыбки на точеном его лице, не дрогнет он, услышав мелодичный ее голос или завидев вдалеке ее силуэт. Приписав поспешность, с какою действовал он при похищении Джулии, всего-то угрызениям совести и обостренному чувству ответственности учителя за ученика, Люси добровольно закрывала глаза на столь очевидные признаки охлаждения, поощряя в себе надежды на то, что дружественные их отношения вскоре перерастут в нечто большее. О, как обманывалась она! Сколь понапрасну тратила свои чары и красноречие! Джулия завладела его сердцем, подобно Цирcee. И пока истина скрывалась для Люси за туманом самообольщения, пока тонкая нить ее дружбы с Кристианом не оборвалась, можно было рассчитывать на то, что она не переступит известной грани, коей не существует уже для возревновавшей женщины.

Так полагал Кристиан, однако, всячески стараясь укрепить в ней уверенность, допускал промах за промахом, что не укрылось бы от внимания Люси, не будь она ослеплена страстями. Страстью к нему, неудержимым желанием раз и навсегда покончить с Джулией и алчностью, которую вознамерилась она насытить, лишив жизни Актеона. Вот почему задумка с «переездом» так тщательно сохранялась в тайне.

«Завтра же поутру, — постановила она, — я предам смерти обоих. Узкоглазая из того полусгнившего сада подала мне отличную идею, предложив отвезти их в мафиозный притон. Она могла бы стать превосходной советчицей!»

А Кристиану на его упреки касательно якобы умышленного приведения Актеона в расстройство и склонности ее драматизировать Люси отвечала обиняками, умело изображая раскаяние и ни на минуту не переставая кокетничать. Благо, поблизости не было Джулии, иначе она разом положила бы конец всем этим кривляньям, обнажив заодно и правду, от которой у Люси непременно начались бы нервные тики. Да, они с Кристианом отныне названные брат и сестра, и подобное родство — родство любящих душ — куда прочнее и

благородней мимолетного увлечения или разгоревшейся страсти.

О, да если б Джулия рассказала, что в действительности чувствуют они друг к другу, то неминуемо навлекла бы на себя ее гнев. И как знать, чем бы обернулся для девушки запланированный полет на вертолете, «со скрипом вмещавшим троих».

Франческо и Джейн были несказанно рады поведать подруге о своем примирении, о превратностях благополучно окончившегося пути и о том, сколь эти превратности оказались целительны для их характеров. Джейн помягчела и перестала глядеть на Франческо свысока. Росси исправился и, отбросив легкомыслие, как-то уж резко повзрослел, возмужал. Однако он был не из тех, кто способен держать золотую середину и, ничтоже сумняся, ударился в поэзию. Стихи, которые он продекламировал, не сходя с места, были сыроваты, да и рифма кое-где не удалась, но всё ж посвящены они были Джейн, что Джулия не могла не счесть похвальным.

— Наконец-то ты образумился! — воскликнула она, опускаясь на кресло в гостиной, озаренной бирмитовым светом ламп. — Примите мои искренние поздравления!

Джейн при ее словах густо покраснела, Франческо насмешливо фыркнул, но Джулия-то понимала, что поэтическая волна никого не захлестывает просто так. На нее вдохновение пока не снисходило, но она не могла бы поручиться, что Кристиан в скором времени не возьмется слагать оды или мадригалы.

На пытливые вопросы итальянца — что да как? — она отвечала уклончиво, не поминая имени сэнсэя, и потому любопытство Франческо довольно быстро улеглось. Негоже, думала она, болтать о священном, словно о какой-нибудь безделице. А священными были для нее чувства, наполнявшие и питавшие ее, подобно солнцу. Поделишься ими, дашь ускользнуть хоть капле — и ты вновь бедняк, и луидоры, что таил ты, превращены в пожухлую листву.

Итак, в гостиной Актеона царил идиллия, чего нельзя было сказать об остальной части дома. Грек смекнул, что, раз Джулия здесь, значит, до обещанного вояжа остались считанные часы. «Смешно, право слово! Какой же это вояж?! Это же форменное заметание следов! Как будто мы преступники, а мафиози — закон, хотя им-то как раз закон не писан, — хмыкал Актеон, забавно шевеля усами. — Попадешься им, так они от тебя, небось, и косточек не оставят». Он решил замести следы надлежащим образом, чтоб не придраться было. Разжег камин, разворошил залежавшиеся ввиду ненадобности папки — и давай жечь! Все бумаги, способные дать хоть сколько-нибудь пищи для размышлений и навести убийц на прежних его клиентов и компаньонов, поспешно выбрасывались в огонь. Заплесневелая документация за его подписью вместе с чеками, облигациями и стародавними кредитными билетами также подверглась "кремации". Спиру устроил в своем кабинете настоящий разгром, после чего, одолеваемый азартом, перебрался в спальню, где ждали не собранные еще вещи.

Возвращаясь после утомительного разговора с Люси, Кристиан счел шум и возню за дверью очередным сумасбродством Актеона, который в бытность свою неотесанным юнцом любил подурачиться и набезобразничать в порядке развлечения. Позднее, в институтские годы, он со скуки затевал перестановку мебели. И когда Кристиан приезжал погостить, то за стеною нередко слышал скрип и «визжание» передвигаемых по паркету предметов. Так что подобные чудачества были для него не внове.

Ничто не вызвало в нем подозрений; ни жест, ни звук не насторожили. И он полагал, что уж теперь-то, когда тревоги изнурительного пути в прошлом, когда они с Джулией наконец воссоединились, для них настанет безмятежная пора блаженства. Многие в

Академии считали, будто человека-в-черном, коль задался он какой целью, ничто не отклонит от намеченной траектории. Да он и сам был того же мнения, пока не сразило его стрелойю меткой, и тут уж не трудно догадаться, какую именно стрелойю.

Джулия, опьяненная любовью, с превеликой охотой отказалась бы от своих долгосрочных планов, сколь бы ни были они важны. А потому и она, и наставник ее готовы были поступиться честолюбием и при первой же благоприятной возможности сложить с себя обязанности борцов с беззаконием, предоставив поиски мафии бездарной, тяжелой на подъем полиции. Что ж, им простительно, ведь обретшие счастье становятся в некоторой мере эгоистичными.

Однако тут, сама того не ведая, продолжению операции посодействовала помощница Актеона. Возмись она уговаривать Джулию полететь на Авго, ее усилия пошли бы прахом, поскольку итальянку не прельстил бы ни роскошный прием, под прикрытием которого Моррис собирался совершить ограбление, ни перспектива отыскать убежище мафии. А последнее, особенно последнее, с большей долей вероятности настроило бы Джулию против Люси как сопричастной бесчинствам и злодеяниям Дезастро. Ибо откуда же ей быть осведомленной о расположении враждебной группировки, если она в группировке не состоит! Поэтому для своей авантюры Люси избрала наиболее действенное средство, а именно хлороформ. Присутствие на вертолете Актеона, по ее расчету, должно было сказаться на поведении очнувшейся Джулии самым умиротворяющим образом. А Спиру пребывав в столь глубоком потрясении и трепете перед незримым, но вездесущим врагом, что даже согласился перенести девушку на борт автожира. Вначале он, правда, возмутился, но Люси привела весьма веские доводы в пользу хлороформа.

«Кристиану лучше не знать, — сказала она. — А у меня едва ли достанет логики и мастерства, чтобы за один вечер убедить ее в практичности моей задумки, не привлекая внимания нашего хмурого рационалиста». Она еще долго твердила о состоятельности и действенности своего плана, рассеяла тысячу и одно сомнение грека и так изолгалась, что чуть сама не запуталась. И, хотя план ее был вовсе не столь действен, как она уверяла, Актеон, в итоге, перестал настаивать на использовании более щадящих методов и с покорностью уступил помощнице.

В круговерти недавних событий Джулия совершенно позабыла, какой драгоценностью обладает. «Королевская слеза», завалывшаяся у нее в рюкзаке, точно какая-нибудь безделушка, по стоимости могла бы поспорить с легендарным богатством кардинала Спада, и в данный момент для этой «безделушки» следовало найти тайник. Она уберезет сокровище от глаз Франческо и Джейн, и бриллиант, уж конечно, не должен попасть в руки Люси. С его помощью, правда, можно поправить дела Актеона, но какое-то шестое чувство подсказывало, что камню отведена иная роль.

Отвернув ковер, она выстукивала паркетные доски на предмет полостей, когда в комнату без стука просочился Кимура и, нависнув над Джулией, издал звук, который вернее всего мог обозначать изумление. Еще бы, его ненаглядная — и вдруг на четвереньках!

— Что ты такое делаешь, радость моя? — поинтересовался он, присев на корточки с нею рядом.

— Тсс! — прозвучало в ответ. — Я хочу спрятать бриллиант, чтобы до него не добрался Моррис.

— Ну, если уж прятать, то, верно, не в гостевой комнате, а в саду или на лужайке, —

сказал он, ласково обхватив ее за плечи. — Иначе Дезастро непременно его отыщет.

— В саду, — задумчиво протянула Джулия. — А что, если вправду отправить его в сад? В наш сад?

— Когда я давеча навещал Аризую Кей, ее сакуры увядали прямо на глазах. Да и сама она, мягко говоря, была далеко не в безупречной форме. Может статься, скромный подарочек немного ее подбодрит.

— Ага, скромный! — фыркнула Венто. — Но что я слышу?! Наш любимый сад пришел в упадок?! Кто же довел его до такого состояния?

— Аризую не была расположена говорить на эту тему. Да и я, как ты помнишь, торопился.

— Помню, — сконфузившись, проронила та.

Кристиан взял ее за руку и посмотрел так, что девушка готова была провалиться сквозь землю.

— Не будем об этом, — примирительно сказал он. — Ведь с нашей враждою покончено.

— О! — только и сумела проговорить Джулия, будучи неспособна облечь нахлынувшие внезапно чувства в удобопроизносимую фразу. Во всех злоключениях, в неисчислимых тяготах путешествия она винила себя и, по своему разумению, вполне справедливо заслуживала наказания. Наказания, а не пылких признаний и несравнимо более пылкой привязанности. Кристиан, который поначалу был ею отвержен, сделался теперь самым близким, самым преданным ей другом, и отныне она не мыслила себя без его поддержки. Невообразимо, как она, являясь сторонницей строгих принципов, сумела побороть к нему неприязнь и смириться с его постыдным прошлым! Прошлым, которое продолжало преследовать его даже по сей день. Отчего, как произошла с Джулией эта перемена? Смягчилась ли она в силу драматических обстоятельств или же ее покорили честность и доброта вкупе с твердостью намерений, сложно было определить. Однако же все те испытания, которые они прошли с Кристианом бок о бок, так или иначе способствовали их сближению. В нем ей открылась душа непостижимой глубины, украшенная бесстрашием, терпением и благородством, какое редко сыщешь в заурядном человеке. Неотразимый во всех отношениях, он сочетал в себе ясность ума, чистоту устремлений и безумную привлекательность, что, собственно, и служило камнем преткновения для разборчивой Люси. Вкус помощницы Актеона так истончился, что не могла она принимать всерьез никаких других мужчин. Догадайся она, какую конкуренцию составляет ей Джулия Венто, всякие церемонии были бы тотчас отброшены, и, вместо хлороформа, Люси уже давно бы испробовала на ней синильную кислоту. И хотя Моррис превосходно знал свою работу, Люси в случае подобной угрозы предпочла бы синицу в руках и не повезла бы соперницу в такую даль ради одного лишь нездорового азарта поглядеть, чем дело кончится.

Спиру тоже намозолил ей глаза. Вот как тут вынести, когда владелец столь заманчивых миллионов, который, по идее, должен покоиться на морском дне, в действительности пышет богатырским здоровьем и, что ни день, кружит под окнами в своем дурацком трико?!

Что бы там ни говорила Люси, она обладала удивительным даром убеждения, который на людях наивных работал безотказно. Актеона, заведомо приговоренного к смерти, она использовала в своем неблагоприятном деле в качестве пособника. Когда за окнами всплыл месяц, этот бедолага уже подчаливал к гостевой комнате, где, ничего не подозревающие, дремали Джулия и Джейн. Помощница беззастенчиво посветила фонариком прямо ему в

лицо, удостоверившись, что трясется он, как тощая собачонка на морозе, и что бутылка с хлороформом в его руках подскакивает, точно горячая картошка.

— Вы, небось, перед экзаменами и то меньше трусили, — раздраженно проговорила она. — Давайте сюда! — И, завладев бутылкой, намочила две тряпки.

— Одной усыпите Джейн, а я займусь Джулией.

— Ты не говорила, что придется обработать еще и англичанку! — восстал было Актеон, однако Люси утихомирила его единственным жестом. Не дурак, и без нее догадается, что свидетели им ни к чему.

Он весьма порадовался, что не закрипела дверь и что никто не натянул по комнате тончайших нитей против грабителей. Хотя он опасался еще множества вещей, операция по усыплению прошла довольно гладко. И вскоре Джулия благополучно покоилась на сидении автожира, пристегнутая всеми мыслимыми и немыслимыми ремнями безопасности. Актеон очень боялся, как бы она не выпала при полете. Несмотря на усилившуюся облачность, Люси без труда взяла курс на Авго, куда рассчитывала прибыть к полуночи. «Моррисова вечеринка как раз будет в разгаре», — думала она, улыбаясь себе в зеркало заднего вида. Итак, вторичное похищение состоялось. Правда, сама похитительница не знала и не гадала, сколь сильна взаимная привязанность Кристиана и Джулии. Не осведомляли ее и о бриллианте, который синьор Кимура взял у своей подопечной с тем, чтобы передать его хранительнице. Без сомнения, две эти детали подогрели бы ликование Люси, будь самоцвет сейчас у пленницы в кармане.

... Когда она очнулась, ветер трепал ее спутавшиеся пряди и холодными струями задувал за воротник, а вместо гладкого пола, какой ожидала увидеть она по пробуждении, — бездна. Неизмеримая, зловеще черная пропасть, а над головою — небо, грохочущее лопастями винта. И колкие капли дождя. Джулия дернулась, решив, что ей снится кошмар. И прав был Актеон, когда, невзирая на беспечные речи Люси, накрепко привязал девушку к креслу.

— Синьор Спиру! Как вы пробрались в мой сон?! — ошеломленно воскликнула она, увидав его справа от себя.

— Это не сон, милочка, — грубо отозвалась с места пилота Люси. — Это самая что ни на есть явственная явь. Я везу вас к одному моему влиятельному другу, на которого теперь вся надежда.

— Вот-вот, — поддакнул грек, но Джулия никак не могла понять, что они подразумевают под словом «надежда». — Сегодня он дает вечеринку. Или банкет. Уж не знаю, как правильнее выразиться. Но должно же быть хоть какое-то разнообразие на этих унылых островах!

— Значит, сюрприз? — уточнила Венто.

— Можно почитать, что и сюрприз.

Джулия вопросительно взглянула на Актеона, но тот глупо улыбнулся и пожал плечами: мол, я в ее чудачествах не участвую, так что с меня спрос невелик.

— Вечеринка и всё такое — оно, конечно, хорошо, но неужто нельзя было узнать мое мнение? И зачем выкрадывать меня посреди ночи?! — стала возмущаться она. — Нет чтобы выбрать более подходящее время!

— Но какой бы, позвольте, в таком случае получился сюрприз? — искренне недоумевая, проговорил Актеон, и тут уж было не поспорить.

Густое, иссиня-черное море под ними дышало, как многовековой исполин, — тяжело,

медлительно, точно через силу. Свет прожекторов автожира тонул в непроницаемой мгле, а в небе, норovia взгромоздиться друг на дружку, проплывали плотные кучевые облака.

— Этот ваш влиятельный друг, — спросила Джулия погода, — чем он занимается?

— Бизнесмен, — обтекаемо и небрежно сказала Люси, давая тем самым понять, что распространяться по поводу рода его деятельности не намерена.

— О! Так мы коллеги! — воспрянул Актеон.

— Мне неловко напоминать, но ваш бизнес на мели, — ядовито проговорила Люси.

— Чепуха! — отмахнулся тот. — Я буду бизнесменом, даже если от моего предприятия останется единственный камешек! Предпринимательство у меня в крови!

«Будь по-вашему, — состроив брезгливую гримасу, подумала та. — Доставлю вам такое удовольствие, коль вы всё равно скоро отбросите концы».

Когда стали снижаться, ни огней, ни жилых домов Джулия не заметила. Лишь призрачные очертания покосившегося маяка, который, к тому же, не функционировал.

— Куда ты нас завезла, дорогая?! — превозмогая рокот винта, прокричал Актеон. — Тут же ни кола ни двора!

Люси посадила машину на какую-то безлесную площадку, выключила зажигание и с чувством собственного превосходства пообещала:

— Всё будет.

Пока они летели, небо обложило тучами. Трещали в вышине молнии, раскатисто басил гром да капал редкий дождик. Сходя с подножки, Джулия подумала об учителе: знает ли он, где она сейчас? Оповестили ль его? А если нет? Если он расценит ее исчезновение как измену, как возврат к самоволию, от которого она уж отреклась? Всего большее было бы для нее разочаровать Кристиана теперь, когда их обоих пронзила радость. А потому она решила безотлагательно выяснить у Люси, какой ценою дастся ей этот званый вечер.

— Кристиан? Верь — не верь, но именно он подал мне идею с похищением! Актеон не даст соврать! — кивнула помощница в сторону хозяина, который, мало что соображая, вслепую двигался против ветра и не переставал ворчать: «Темень-то какая! Хоть глаз выколи! Ай-яй-яй!»

— Кириэ Спиру, вы не туда идете! — окликнула его Люси. — Поворачивайте к нам!

У купы низких деревьев она властной рукой направила Джулию под какую-то арку, заставив пригнуться. Тогда как Актеон, едва различавший препятствия, сориентировался слишком поздно и со всего маху врезался лбом в каменный свод.

За аркой стало чуть светлее, однако горящие рваным пламенем факелы, которыми была утыкана обочина тропы, ничуть успокоению не способствовали. Актеон так и трясся с испугу, а Джулии представлялось, будто она попала в доисторическое племя канныбалов и что, не ровен час, ее зажарят на медленном огне. Земля у нее под ногами была сплошь усеяна какими-то лиловыми цветами, а впереди обозначилось широкое квадратное отверстие, очень уж похожее на вход в усыпальницу фараона. Возле плоского камня, надвинув на глаза причудливый головной убор, посапывал охранник, однако тут же подобрался, завидев «новое поступление».

— Стоять! С чем пожаловали?

Люси вступила в переговоры, разъясняя тугоумному сторожу, кто она такая и кого с собой ведет. Разъясняя, разумеется, шепотом, на ушко, чтоб не заронить в спутниках ненужных подозрений. Подсунула ему какой-то документ, обменялась парой фраз в доверительном тоне — и вуаля! Проход открыт.

...Они миновали ряд мраморных кариатид [53], следуя за помощницей Актеона, которая невеста когда успела вырядиться в гиматий и теперь сама здорово напоминала древнегреческую статую. Обогнули витрину с вазами из терракоты, остановились подождать, пока она, балансируя на одной ноге, не поправит сандалию, и дружно замерли у дверей в парадную залу, откуда доносились разгульные песни и смех.

— Ой, дурья моя башка! — выругалась Люси, что благовоспитанным статуям отнюдь не приличествует. — Джулия, да ведь ты в неглиже! Как же это я недосмотрела!

Та виновато расправила ночную сорочку и уставилась на свои босые ноги, а Спиру досадливо покачал головой, припомнив, что во время «стратегического отхода» мельком видел на спинке стула ее домашний костюм.

— Ну, ничего. Наш друг богат, очень богат! У него и платьев-то на любой вкус. Ты ведь не брезгливая? — поинтересовалась она у девушки. — Вот и ладненько. Пойдем, приоденем тебя.

И они зашагали по направлению к исписанным фресками нервюрам, оставив Актеона томиться в одиночестве. А когда вернулись, изможденный ожиданием грек подпирал побеленную стену ничуть не хуже скованных врагов Пруссии под памятником Фридриху Вильгельму второму.

— Что кручинишься, друже? — с артистическим апломбом произнесла Люси. — Глянь, какая модель! Ей хоть сейчас на подиум!

Актеон, ясное дело, обмер. Он был мастер обмирать при виде хорошеньких девушек в богатом убранстве, а тут — истинная дочь Италии, гордость и красота Рима. Люси подобрала для нее торжественное черно-белое платье средневекового фасона и заколола волосы на затылке, пустив спереди две вьющиеся пряди.

— Божественны! Вы божественны! Обе, — спохватившись, добавил грек, дабы не обделять вполне заслуживавшую похвалы Люси, которая уж стала опасаться, не превзошла ли она себя в наведении лоска и не перестаралась ли с облачением Джулии.

Они вступили в залу, где приторный аромат парфюма мешался с духом спиртного, и от обилия всех этих запахов у Актеона засвербело в носу. Дамы в пышных нарядах и джентльмены, наполовину утратившие свой джентльменский облик, так и рябили в глазах. И несчастному греку скоро стало казаться, будто он попал на вакханалию, которой не будет конца. Никто из приглашенных не встречался ему прежде, но он даже не помышлял о том, чтобы завести с кем-нибудь хотя бы шапочное знакомство. Эти люди были ему противны. Заглушая раскаты грозы, гремела музыка, шумели голоса, раздавались визги и безудержный хохот.

— Уйдем отсюда, — взмолился Спиру, но Люси отчеканила: «Нет».

Основательно потоптавшись по носкам его лакированных туфель, мимо промчалась разнузданная парочка: дама, практически в дезабилье, и ее подвыпивший кавалер, который держался более чем фривольно. Актеону стало невтерпеж:

— Ну, пойдем, а? Люси!

Та лишь презрительно фыркнула. Не для того она тащила их за море, чтобы так просто взять и ретироваться. Гостей этих, она знала, специально потчуют винами и ликерами, потчуют без меры подобно тому, как откармливают свиней на убой. На шее каждой второй барышни сверкают алмазы и изумруды, пальцы унижены кольцами из золота и платины. Встряхни любого из стоящих поблизости мужчин — и у него из кармана наверняка выпадет набитый купюрами бумажник. Подобные «вечера» приносили Моррису немалый доход, так

что траты на выпивку покрывались с лихвой, и даже оставалось, на что попить подручным.

Она немного волновалась за себя: Дезастро ее не приглашал, специальных поручений от него не поступало, и очень может статься, что завидев ее, он первым делом разможит ей голову бутылкой из-под виски.

Актеон пожаловался в третий раз, и то лишь, когда Джулии сделалось дурно.

— Ладно-ладно, горемычные вы мои, — уступила, наконец, помощница. — Не отставайте!

Выносливостью Спиру особенно не отличался, а о стальных мускулах слышал разве что в рекламе, поэтому вместо того, чтобы взять девушку на руки, он поволок ее по полу, пятясь, словно рак-отшельник.

Люси целеустремленно шагала по анфиладам комнат и переходов, совершенно не интересуясь, в каких тылах носит Актеона. А тот, утирая рукавом капли пота и ежеминутно переводя дух, выдохся спустя считанные метры. Поэтому, если б Джулия вдруг не пришла в сознание, он уложил бы ее возле какой-нибудь пузатой вазы, которые занимали здесь буквально каждый угол, и лег бы поодаль точно таким же бездвижным тюком.

— Эти зловония кого угодно в могилу сведут! — убитым голосом сказал он итальянке, имея в виду запахи парадной залы. И Джулия немедленно с ним согласилась. «Так, наверное, — подумала она, — должно вонять в каких-нибудь грязных питейных заведениях Москвы или Чикаго. Но чтоб человек, который живет на широкую ногу, устраивал подобные пиршества! Они еще приемлемы для голытьбы, но не для знатных же синьоров!»

Настал ее черед «волочь» измученного Актеона, и, когда они доковыляли до комнаты Витражей, оказалось, что Люси угрюмо поджидает их на диванчике в компании графина бренди. В этой зале Моррис понавешал холстов всех мастей и размеров, причем понавешал абсолютно безвкусно: пейзажи Лагорио соседствовали у него с авангардистскими творениями Ле Витта, а краденые портреты Ротари гордо и свысока взирали на мудреные рельефы Терриена.

— Присаживайтесь, — повела рукой помощница. — Здесь любителям тишины ничто не угрожает.

Она опрокинула стаканчик и непринужденно откинулась на спинку дивана.

— Вот этот, — постучала она по обивке, — был вывезен из Хинтонского замка при моем непосредственном участии. А дальний, возле портьеры, мы умыкнули из-под носа у одного состоятельного швейцарца.

Актеон, который вначале было расслабился, подскочил так, как если б его известили, что его конюшня горит, сейфы обчищены, а крайслер угнан грабителями в масках.

— Что она несет?!

— Да-да! — несдержанно рассмеялась Люси, вытянув ноги под столик с ажурной скатертью. — В удалые времена мы еще не такое вытворяли! Эх! Хорошие были денечки! — пропела она во все горло. Джулия с Актеоном тревожно и не без стыда оглянулись на посетителей залы, которые так же, как и они, предпочитали покой суетливому бомонду Моррисовой вечеринки.

— Она никак под мухой! — прошептал Спиру. — Наклюкалась!

И словно бы в подтверждение его слов Люси схватила графин и приложила к горлышку. «Буль-буль-буль».

— Растлевающая атмосфера, — буркнула Джулия. — Зато теперь мы можем отсюда

сбежать. Удерживать-то нас некому.

— А вот этого не надо! — развязно проговорила Люси, и вдруг у девушки на запястье щелкнули наручники. — Я еще не совсем того. Будешь сидеть тут, как миленькая!

Потрясенная столь беспрецедентной наглостью и до предела возмущенная, та вздернула брови, залилась краской и высказала всё, что по этому поводу думает, не поскупившись на забористые фразы, которые свидетельствовали о самом жгучем ее презрении.

— Брось свои шуточки! — помрачнел Актеон.

— А то что? Полицию вызовешь? Во владениях-то Морриса Дезастро!

У Джулии отвисла челюсть, а Спиру лихорадочным жестом запустил пятерню в волосы. Переспрашивать не пришлось, поскольку Люси принялась восславлять «крестного отца» на все лады, и в ушах невольных слушателей его имя зазвучало отдаленной канонадой. Где-то в одном из концов коридора, перекатываясь эхом и нарастая с каждой минутой, застучала, затараторила пулеметная очередь.

— Пригнитесь, — посоветовала Люси.

Джулия воспроизвела ее нахальный тон:

— А то что?

— А то останутся от тебя рожки да ножки!

Ее такая перспектива совсем не обрадовала, и она без дальнейших пререканий сползла на пол. Когда туда же неловко приземлился Актеон, все трое отчетливо различили звуки пальбы под аккомпанемент криков ожесточения и ужаса. Джулия сама чуть было не закричала, когда, свистя и громокая, невидимые орудия внезапно вспороли диванную спинку, а дорогим заграничным акварелям досталась изрядная порция пуль. Представительные синьоры в костюмах от Гуччи и Диор, пришедшие полюбоваться на творения искусства, неестественно задергались под свинцовым градом и обмякли, страшные, изуродованные, словно чучела. Заливая ламинат, брызнули кровавые фонтаны, и вот стрельба переместилась уже в соседние комнаты, где, изрыгая лавины огня и металла, пулеметы отстрочили положенное число раз. Затем еще и еще, дальше и дальше, в сторону парадной залы.

Джулию парализовал отвратительный, тошнотворный страх. Ей сдавило грудь, гулко и мучительно забилось сердце, а с губ бесшумно слетело имя Кристиана. Почему, о, почему он не с ней? Он защитил бы ее от всех напастей, избавил бы от оков, вырвал бы из этого проклятого места! Страх вскипал в ней изнутри, сжимая сердце подобно обжигающим тискам и порождая острую, пронизывающую боль. Сдавливая горло, страх не мог найти выхода в слезах, и она терзалась, будучи не в силах ни встать, ни пошевелить конечностями. Резко повернув голову, так, что мышцы пронзила судорога, она глянула на Актеона. Тот никогда не слыл храбрецом, и бравада в такие мгновения была ему несвойственна. Выпучив глаза, точно с ним случился приступ гастрита, он сидел, обхватив руками живот и по-утиному вытянув шею. Страх смерти сковал и его. Одна Люси беззвучно посмеивалась, кривя рот, и косила глаза то на грека, то на итальянку.

— Я могла бы, — сказала она, оскалась, — позволить им убить вас. Но что-то очень уж нехитрая вышла бы расправа. Не-е-ет, у меня для вас есть кое-что получше...

Актеон не сдержал негодования:

— Как?! Ты именно затем и притащила нас в этот притон? Что мы тебе сделали?!

— Ты посмертно завещал мне свое состояние, — сказала она, ткнув полированным ногтем ему в грудь. — А она, — желчно процедила Люси, дернув рукою в наручнике, —

бесстыже и, главное, небезуспешно, уводит у меня Кристиана.

«Уже увела», — отпарировала бы Венто, если б только язык ей повиновался.

Меж тем, топоча и перебраниваясь, по коридору сновали Моррисовы наемники, истошно кричали влекомые за волосы женщины — их нарочно не расстреляли, чтобы позабавиться. Слышался треск разрываемой на трупах одежды — у модных парижских кутюрье непременно случился бы инфаркт.

Джулия почувствовала, как липнет к спине ткань дорогого платья, как пристал к коже плоский браслет из жадеита, и ей безотчетно захотелось заползти под диван и пролежать там до тех пор, пока обшаривающие мертвецов «стервятники» не уберутся восвояси. Но Люси приковала ее к себе кольцом наручников — никуда от нее не денешься. А что до Актеона, то его и приковывать бы не пришлось — так он побелел, так ослаб, что не в состоянии был сделать ни шага. Вот-вот нагрянут в комнату Витражей люди Дезастро, и ее, Джулию, растерзают, как тех несчастных женщин, а в грека выпустят очередь из винтовки и обернут до последней ниточки.

«Но что бы ни случилось, — подумала она, затрясшись в немом приступе рыдания, — что бы ни случилось со мной... Синьор Кимура, я буду думать о вас».

Тут, откуда ни возмись, прямо перед Актеоном, который был уже не способен отвести взгляд от тесьмы на своих брюках, возникли два черных ботинка сорок пятого размера. Они угрожающе потопали, прочно обосновались на полу, и громогласный голос, от которого беднягу прямо-таки перекорежило, откуда-то сверху протрубил:

— Обжарьте меня в чесночном соусе и приправьте шафраном! Кто это у нас здесь?!

[53] Кариатида — статуя одетой женщины, введенная в употребление древнегреческим зодчеством для поддержки антаблемента.

Глава 27. Наветы и противостояние

На Люси этот голос произвел поистине преображающее действие: она распрямилась, нацепила на себя маску раболепия и даже пару раз сверкнула глазами.

— Ох, Моррис, не к ночи будь помянут!

— Чтоб тебя приподняло да шлепнуло! — разразился хохотом тот. — Кого ты ко мне привела? Весьма любопытные экземпляры...

— Актеон Спиру, наполовину разорившийся миллиардер, — представила Люси грека.

— Наполовину разорившихся не бывает! — прогремел с высоты Моррис. — Бывают либо полностью, либо никак.

Актеона вздернули за волосы, и так он взвыл, так завопил, завершая свой скорбный вой куплетом «ой-ой-ой», что у Джулии закололо в груди. Моррис осмотрел бедолагу с ног до головы, поморщился и бесцеремонно толкнул на диван.

— А это, — экзальтированно продолжила Люси, — предмет обожаний Кристиана Кимура и моя непримиримая конкурентка.

— Ах да, припоминаю, ты как-то говорила со мной о сердечных делах... Так что ты хочешь, чтоб я с ней сделал?

— Вы меня очень обяжете, — сказала Люси, словно речь шла о безобидной торговой сделке, — если изобретете для нее какую-нибудь изощренную пытку. Пусть помучается, прежде чем умереть. Хотя я бы пожелала ей остаться калекой на всю жизнь.

— О, да мы на мелочи не размениваемся! — расхохотался Дезастро, намереваясь, по всей видимости, проверить с Джулией тот же трюк, что и с Актеоном. Однако, предвидя недоброе, та сама вскочила с пола, вынудив Люси принять неловкую позу с вытянутой, как у школьника-всезнайки, рукой. Звякнула, натянувшись, цепочка наручников.

Взгляд итальянки Моррису не понравился — дерзкий, непокорный. А по коже у нее не мурашки, не мороз, а золотистые змейки электрических разрядов. Даже зрачки золотистыми сделались. Ну и напугался тут глава мафии!

— Таких, — предостерегающе проговорил он, — мы берем измором. А не измором, так пулей.

Сделав своим людям знак, он отошел в сторону, чтобы зарядить револьвер. Вот оно, обличье истинного злодея: черное вельветовое пальто, темно-синий котелок, квадратная фигура... Минуточку! Где-то Джулия его уже видела!

«Книга предсказаний! — промелькнуло в мыслях. — Графитовый человек в плаще! Так вот, оказывается, кого мне напророчили! А я, по глупости, подумала на сэнсэя... Но до чего ж они похожи! Почитай что братья-близнецы! Если б не шрам да не свирепое выражение лица, я бы, пожалуй, могла и обознаться».

Однако ее раскаянье и изумление длилось лишь до тех пор, пока автоматчики Морриса не обступили грека, приготовившись жать на спусковой крючок. Актеон, которого без должной деликатности усадили на диван, не нашел ничего лучше, чем посчитать происходящее нелепым сном и поскорее забыться. Но, когда в метре от него почти одновременно щелкнули затворы, встрепенулся, разинул рот и часто-часто заморгал.

— З-зачем это? — Он ошалело повертел головой, не до конца осознавая, отчего его взяли на мушку и почему так недружелюбно смотрят. Подушки, на которых он почивал, сразу сделались неудобными, и он вскочил с места, но — на ватных ногах ведь и устоять

сложно — тотчас повалился назад.

— Пли! — ожесточенно скомандовал Моррис. Джулию пробрал холод. Ей хватило бы отваги выцарапать ему глаза, будь они без свидетелей, но в том, чтобы бросаться на него, когда через секунду грянут выстрелы, не было никакого смысла.

Прокатился по залу и затих грохот оружейного залпа, Люси заткнула уши и зажмурилась. Моррис язвительно ухмылялся. А грек, на чьем лице застыло выражение ужаса, упал на бок, как неисправная механическая кукла. Из рта хлынула кровь.

— Да как вы могли! Подонки, звери! — вскричала Джулия, и цепь наручников натянулась так, что Люси чуть не оторвало руку. — Он ведь ничего вам не сделал!

— Но-но-но! — прикрикнул на нее Дезастро. Он не обладал ни отзывчивым сердцем, ни сострадательной душой, целился метко и предпочитал действовать согласно своему произволению. Твердолобый истукан, идол алчных рабов, павших до скотского состояния! Джулия готова была растерзать его в отместку за смерть Актеона, несмотря на то, что Моррис уже навел на нее пистолет. Люси задело «протуберанцем», одним из горячих лучей, какие во множестве теперь вырывались из напряженного тела бунтарки, и она поспешно отвернулась. Достигли эти лучи и Морриса, и тот, вместо того чтобы выстрелить в грудь, попал по раскалившейся цепи, разъединив соперниц и тем самым подвергнувшись риску изжариться даже быстрее, чем свиная туша на вертеле. Ибо Джулия не преминула воспользоваться своей свободой. Вместе с идущим от нее жаром ощущалось и нечто другое, нечто чуждое всему его существо.

«А может, отпустить ее? — неожиданно для себя самого подумал он. — И зачем я приказал убить этого человека?!»

Эта мысль возникла у него лишь на секунду, но этой секунды вполне хватило, чтобы он по-настоящему испугался.

— Фррр! — потряс головой Моррис. — Отстань! Эй, кто-нибудь, отцепите от меня эту мерзкую девчонку! — завопил он, потому как Джулия с несвойственной ей яростью впиалась ногтями ему в шею. Однако застрелившие Актеона наемники даже не шелохнулись. Они рядом стояли возле стены, поглядывая то друг на дружку, то на свои легковоспламеняющиеся латексные костюмы, и было ясно, что никто из них не отважится вступить в схватку с «горящей» мстительницей. И до того они были ошеломлены, что об автоматах своих запамятовали совершенно.

— Клеопатра-а-а! — нечеловечески взвыл Дезастро, и почти в тот же миг чьи-то ловкие руки подняли пылающую Джулию в воздух, пронесли к дверям на виду у всей честной компании и заботливо опустили на пол. Карие глаза встретились с перламутрово-голубыми; и в одних отразились ужас и омерзение, а в других тревожная радость. Радость, омраченная смущением и укорами совести.

— Ты?! — голосом, осипшим от избытка чувств, проговорила Венто. Она еще при первой встрече уверилась в том, что Клеопатра сильна и вполне может совладать с любым, кто посягнет на жизнь ее друзей. Но не на гнилую же душонку Морриса Дезастро! — Так ты с ним заодно, да? С этим негодяем! Ах! — не выдержала Джулия, чей огненный ореол вдруг задрожал, заметался, точно прибываемый крупными каплями дождя, и растаял, к облегчению Люси и злорадству «крестного отца». Людей своих он нетерпеливым жестом отослал прочь, вызвав из катакомб двух тюремщиков.

— Уберите с глаз долой, — вяло распорядился он, указав на итальянку. — Истомила меня совсем.

Джулию связали без малейшего сопротивления с ее стороны — так она была подавлена, так потрясена! Не сводя с африканки безумного, убийственного взгляда, она проследовала к выходу и уже из-за спин стражников заметила, что внимание той принадлежит одному только Моррису и что взор ее преисполнен истомы, а кошачья грация, с какой ластится она к своему хозяину, — грация роковой обольстительницы.

— Ты не сестра мне больше! Я презираю тебя! — по-итальянски прокричала Джулия, делая отчаянные попытки вырваться. — Слышишь, ты такая же, как все: продажная, низкая и беспринципная!

Лишь на мгновение заволгло пеленой глаза кенийки, лишь на мгновенье дрогнули пухлые губы, после чего она вновь обратила лицо к Моррису, и тот, слащаво улыбаясь, обнял ее тяжелой, властительною рукой.

Когда девушку увели, Люси кое-как поднялась на ноги и, не помышляя ни о чем, кроме как о сладкой жизни с миллионами долларов под боком, обратилась к разомлевшему от ласк боссу:

— Гляжу, вы обзавелись пассией.

— Она очень мила и, к тому же, совершенно не понимает по-гречески, — с довольной ухмылкой отозвался Дезастро. — Пора бы и тебе кого-нибудь подцепить.

— Ну, теперь, когда мы почти избавились от девчонки, околдовать Кристиана для меня пара пустяков. Не пойму только, почему вы не всадили в нее пулю?

— С пулей всегда успеется. Тем более ты ведь хотела, чтоб ее сперва помучили, как следует. А я придумал кое-что и пооригинальней: она послужит наживкой для более крупной рыбы.

— Рыбы? — переспросила Люси.

— Ну да. Мы за твоим мистером в черном плаще уж и так, и эдак гоняемся, а изловить не можем. Коль, ты заявляешь, эта полоумная девица — объект его вожделений, заманить его в мои владения и сцапать не составит нам большого труда. Так что околдовывай-ка ты лучше кого-нибудь другого...

— Но он не знает дороги! Или, по-вашему, его приведет на остров волшебный клубок?! А вас-то он и в глаза никогда не видел!

— Перестань, я прекрасно осведомлен о его перемещениях. И вспоминается мне, одним пасмурным днем ты зачем-то притащила его на Авго...

Люси оторопела.

— Да-да, не прикидывайся глупенькой. У моих розовых кустов есть глаза, а стены слышат не хуже капельмейстера. Меня, признаться, подкупает твоя наивность. Как и твое жертвенное заступничество. Учти, ласточка, теперь я не выпущу тебя из гнезда, — сказал он, приближаясь к Люси и беря ее за локоть. Другой рукой он по-прежнему обнимал Клеопатру. — Уйдем отсюда. Зловонное место, да к тому же эти неэстетичные дыры на стенах. Вон ведь как копии мои изрешетили!

— Копии? — промямлила та.

— А ты полагала, я стал бы вешать оригиналы! Подайте три фραπε в мой кабинет! — распорядился он, неспешно покинув комнату Витражей в обнимку с африканкой и Люси.

Франческо сладко потягивался и — «ням-ням-ням» — уминал не менее сладкие кренделя на блюдечке с голубой каемочкой, когда ему в лицо вдруг брызнул яркий солнечный свет, и блюдечко вместе с содержимым растаяло, как снег весенней порой.

— Вставай, мой рыцарь! Джулия пропала! — над самым ухом прокричала Джейн.

— А? Что? — спросонок отозвался тот.

— Джулия, говорю, сгинула!

— Небось, колобродит где-нибудь, а вы сразу «сгинула»! — едва ворочая языком, пробормотал Франческо и зарылся головой в подушки.

— Кабы оно так было! Но синьор Кимура всё уже обыскал: и виноградник, и побережье, и даже соседские участки! — нервничала Джейн. — Подымайся, кому говорю!

— Постой, еще один кренделёк... — глухо прозвучало из-под подушек.

Англичанка бессильно свесила руки.

— И угораздило ж меня такого олуха полюбить!

Запыхавшегося и встрепанного, Кристиана буквально внесло в комнату, которая иначе могла бы именоваться сонным царством, поскольку Франческо взял привычку просыпаться не по утрам, а ближе к обеду, когда самые вкусные блюда нового кулинара подавались с пылу с жару.

— Ну, как?! — подлетела к учителю Джейн. — Нашли кого-нибудь?

— Ни Джулии, ни Актеона, ни Люси! — выдохнул тот, тяжело опускаясь на стул.

— Тревожный знак, — проронила она.

— Я справлялся у слуг: никто ничего не замечал. Только мажордом утверждает, будто слышал гудение вертолета. У него бессонница.

Стащив с пуфа свою одежду, Франческо взбаламутил одеяло, выгнулся дугой и уже через минуту, бодрый и розовощекий, предстал перед совещающимися при полном параде.

— Люси отменно скачет на лошадях, — сказал он. — И из нее вышел бы первоклассный гонщик. Но я понятия не имел, что она смыслит в управлении вертолетом!

— Однако если мажордом прав, то кто, по-твоему, сидел за штурвалом? — вмешалась Джейн. — Актеон? Он не стал бы затевать воздушные прогулки посреди ночи!

— Да что вы вообще прицепились к этому вертолету? — вспыхнул Франческо, наморщив лоб. — Пролетал себе какой-нибудь безобидный островитянин, а вы давай раздувать! Да и к чему Актеону такие роскошества?!

Ребята в растерянности оглянулись на Кристиана, который самоуглубленно мерил шагами ковер и пребывал отнюдь не в радужном настроении.

— Я склонен думать, — изрек он, остановившись как вкопанный, — что виновницей пропажи наших друзей следует считать Люси. Последнее время я вел себя с ней некорректно, то есть, довольно неосмотрительно. И там, в библиотеке, она ведь могла нас видеть... — Тут он запнулся, поймав себя на том, что мыслит вслух.

Франческо и Джейн явно ожидали продолжения. Надеялись, что сейчас он изольется перед ними в выпретенных речах о своей сердечной муке и о событиях, предшествовавших разгару страстей. Но тот молчал, словно язык проглотив.

«Ничегошеньки от него не добьешься», — разочарованно подумал Росси и с присущей влюбленному осторожностью коснулся руки англичанки.

— Я, конечно, подозревал, что у этой особы взбалмошный нор и не все дома, но не до такой же степени! — воскликнул он, воодушевленный ответным пожатием Джейн.

— Люси способна на что угодно, — мрачно сообщил Кристиан. — И боюсь, что, если за дело взялась она, без телесных повреждений не обойдется.

— Ах! — сказала Джейн.

— Батюшки! — вымолвил Росси, поледенев с головы до пят.

Кристиан вновь стал маячить по комнате, кляня себя за всё на свете и молясь, чтобы его ненаглядную ученицу миновала беда.

— Как тати в ночи! — возмущался между тем Франческо. — И тебя, говоришь, усыпили?

— Проснулась-то я как обычно, — робко повествовала Джейн. — Но запах, понимаешь, этот отвратительный запах! Комнату ведь не проветривали!

— Запах хлороформа?

— Ну да! А на моем столике — обрывок какой-то ткани. О, небо! Я как подумаю!

— А ты не думай, не думай! Что б я только делал, если бы тебя похитили!

Соприкоснувшись лбами, они заглянули друг дружке в глаза и одновременно, точно зеркальные отражения, расплылись в улыбке.

— Погодите-ка! — прочистив горло, пробормотал Кристиан. — Погодите-ка минутку! — с нажимом повторил он. — Актеон как-то рассказывал, что некоторый знакомый сбыв ему по выгодной цене устаревшую модель автожира! И с тех пор, — проговорил он, роясь в памяти. — Да, с тех пор Актеон держит его на крыше.

— Отличная новость! — откликнулся Франческо, вознамерившись, похоже, проникнуть в самую глубину зеленых глаз своей союзницы. — Ой, — зарпортовался он и смущенно отпрянул в сторону. — То есть, я хотел сказать, была бы отличная новость, если б не теперешнее положение вещей. Не теряйте времени, синьор Кимура! Если вертолетная площадка пустует, нужно без промедления пускаться за Люси вдогонку!

Но не успел он закончить, как край матового черного плаща уже исчез за дверью.

— Волнуется, — сказала Джейн.

— Еще б ему не волноваться! — подхватил Росси. — Когда б один из нас дал деру, он суетился бы не меньше!

— Но тут особого рода волнение, — подметила Джейн, мечтательно улыбаясь. — Они с Джулией раньше не в ладах были, а теперь... Думаю, теперь всё изменится.

— Если уже не изменилось, — медленно проговорил Франческо, чьи мысли перенеслись к предмету более для него важному и насущному. — Но ты ведь не поедешь с нами? Ведь не станешь подвергать себя неоправданному риску? — с надеждой спросил он.

Джейн приосанилась:

— Это почему еще? Джулия — твоя подруга ничуть не меньше, чем моя, а потому я вправе посодействовать ее спасению!

— Но, если с тобой что-нибудь случится, я не переживу!

— Переживешь, как миленький! — бодро парировала англичанка. — Я же вот пережила кончину Анджелоса.

Франческо насупился и отвел взгляд. Опять Анджелос! Даже мертвый, он преследует его!

Голуби затеяли на отливе свару, громко воркуя и хлопая крыльями. Где-то запела сигнализация: видно, Кристиан или кто-нибудь из слуг проник в охраняемое помещение.

— Так ты настаиваешь? — скупно произнес Франческо, разглядывая свои пальцы.

— Я не оставлю Джулию, даже если мне запретит сам премьер-министр Великобритании! — непримиримо отвечала та.

Когда Кристиан ворвался в гостевую и сообщил, что собирается взять напрокат моторную лодку, всем препирательствам тотчас настал конец.

— Зачем вам лодка? — изумился Росси. — Неужели полагаете, что Люси удрала за

море?

Признаваться, что местоположение мафиозного логова ему известно, человек-в-черном не спешил, поскольку иначе пришлось бы доверить ученикам тайны своего запятнанного прошлого, рассказать о соучастии, пусть и давнем, в Моррисовых махинациях. А подобные откровения чреваты непредвиденными последствиями, особенно если ученики о тебе высокого мнения. Поэтому, не вдаваясь в детали, Кристиан сказал, что за морем у Люси есть кров, и история эта всех удовлетворила.

«Уж близок полдень, а украли-то ее ночью! — изводился он, раздраженный подергиваньем брови и изнемогающий от жары, хотя система охлаждения в старом его плаще работала исправно и ничуть не уступала своей предшественнице. — Целых двенадцать часов, если не больше. Двенадцать часов бездействия!»

«Люси неспроста повезла ее к Моррису, — думал он под рев моторки, неистово давя на педаль газа. — Что если Дезсастро увидит, как Джулия светится? Он же ей житься не даст! Стгноит в какой-нибудь сырой яме!..»

В своих предположениях он был прав лишь отчасти, ибо Моррис, бросив девушку в подземелье, вовсе не собирался сживать ее со свету. Приказав хорошенько охранять камеру, он решил держаться от итальянки подальше и не заговаривать с нею без веских на то причин. По пути к своим сокровищам он с трудом преодолевал желание вжаться в стену напротив ее темницы и с суеверным страхом поглядывал на металлическое ограждение: не накалится ли оно от ее жара, не расплавится ли? Действие опаляющих лучей он испытал на собственной шкуре и дня два мучился потом от ломоты в костях. Клеопатра потакала любой его прихоти, ставила ему компрессы, пекла сладости по рецептам местной кухарки и даже выучилась тайскому массажу — в общем, всячески ублажала. А когда в ее услугах отпадала нужда, уходила в соседнюю комнатку и, вовсе не столь неграмотная, как мнил ее господин, приникала ухом к вентиляционной решетке в надежде уловить хоть слово из его разговоров с подчиненными, хоть что-нибудь, что указывало бы на место заточения ее названной сестры.

А Джулия, которой досталась камера одного заядлого рифмоплета и слагателя посредственных куплетов, поначалу никак не могла оправиться от постигшей ее несправедливости, и осуждать африканку доставляло ей немалое утешение. Подбегая то к забранному решеткой узкому оконцу, то к толстым железным прутьям, она кричала о своей ненависти в пустоту, и гулкое эхо рикошетом отскакивало от стен. Вскоре она, правда, повыходлась. Шипя и искрясь, точно поврежденная проводка, колотила еще некоторое время по исписанной каракулями бетонной стенке — а временем, надо сказать, располагала она, как никогда, — и, набив на руках изрядные синяки, присмотрелась к этим самым каракулям. Автор их умом, конечно, не блистал, однако незадачливой узнице тут было что почерпнуть. Несколько остыв, она раздумала рвать на себе платье в знак протеста и, затаив нешуточную обиду на всех тех субъектов, которые совращают Клеопатр с пути истинного, принялась изучать записи некогда томившегося здесь поэта.

Смекнув, что буря миновала, из смежной камеры высунул нос хитрец и искуситель в обличье экс-заместителя директора, успевший по достоинству оценить красоту пленницы да остаться при этом незамеченным. Забытый Моррисом, он маялся от безделья, пресытился однообразием, однако вовсе не горел желанием вырваться на свободу, потому как на свободе его подстерегала пара притких пуль тридцать шестого калибра — оптимального, по мнению

Дезастро, диаметра для гладкоствольного охотничьего ружья.

— Отчего удостоился я общества столь хрупкого и миловидного создания! — в притворном восхищении воскликнул он, продевая руки сквозь решетку. — Чьи происки вогнали вас в застенки Моррисовых галерей?!

— А кто вы такой, чтоб у меня допытываться? — огрызнулась Венто, совершенно не имея охоты вести беседы с заключенными.

— Ревнитель закона и, кхм, ваш искренний доброжелатель. А еще я в некоторой степени провидец, — соврал Туоно, пользуясь тем, что за стеною Джулия его не видит.

— Ну, коль провидец, то уж должны, поди, знать, по чьей милости меня упекли, — не без ехидства отозвалась та.

— Совершенно верно, — подтвердил ревнитель закона. — Пляшущие огненные знаки в моем подсознании выстраиваются в ряд и... Я вижу... Люси! Ее имя Люси, не так ли?

Скептицизм Джулии как метлой смело:

— А вы, дяденька, действительно, провидец! Я до последнего считала ее безгрешной, и когда она выкрала меня из особняка, и когда подбирала мне платье, и когда колье на шею надевала... Ах! — Она яростно сорвала с себя серебряное ожерелье, отбросив его в дальний угол камеры. — Прав был Франческо, называя ее обманщицей!

— Франческо ваш друг? — полюбопытствовал Туоно.

— Я редко принимала его умозаключения всерьез. Если б синьор Кимура не относился к ней с такой теплотой, прозрение, возможно, наступило бы раньше... — рассуждала она вслух. — И мы б не доверялись ей столь слепо и безрассудно. А теперь, что теперь? Актеон убит, я в заточении, Люси торжествует победу. Оказывается, всё это время она мечтала избавиться от меня!

— Люди лживы и двуличны, практически все без исключения, — подсыпал горечи Туоно. — Сколько лицедеев повстречал я на своем веку!

Прислонившись к пообсыпавшейся шпукатурке и упершись ногами в исцарапанный грязно-коричневый пол, он уже приготовился резонерствовать, когда за стеною услышал всхлипы. Э, не такой ожидал он реакции! Если девчонку так легко довести до отчаянья, что же будет, когда ей откроется вся подноготная о человеке-в-черном!

— Наш мир — мир притворщиков, вам ли этого не знать?! — скучающим тоном произнес главный притворщик. — Люди лгали и жульничали испокон веков. Когда на полях у богатых землевладельцев подрастала кукуруза, разве не шастали по междурядьям оборванцы и нищие? Разве не питались потом крадеными початками? Сегодня же лгунов что планктона в океане! И ваш синьор Кимура недалеко от них ушел, — сказав так, Туоно выдержал паузу. Сейчас рыбка должна попасться на крючок.

— Не смейте отзываться о нем подобным образом! — надрывно крикнула она. — Я вам не позволю!

— Но я и не думал возводить напраслину, — успокаивающе проговорил заместитель. — Чтоб о ком-нибудь составить мнение, надо на него хоть разок взглянуть. Ваш же покорный слуга не имел возможности, так сказать, лицезреть сего персонажа. Информация поступает ко мне из очагов вселенной.

— Из очагов! — понуро повторила Джулия.

— Должен вас предупредить, тип он неблагонадежный, — замогильным голосом начал Туоно. — Поступил к Моррису Дезастро в услуженье, будучи всего-то двенадцати лет отроду! Исполнял черную работенку, пока не набился однажды на операцию по вывозу

мальчишек из Бомбея...

— Хватит! Прекратите! — умоляла она, и мучение ее было сродни агонии тех, из кого вытягивают жилы. — Я вашей болтовне не верю!

«Ну уж нет. Голос твой жалостлив, сама ты, небось, холодеешь, а, стало быть, веришь», — рассуждал про себя инсинуатор, и клеветничество представлялось ему занятием весьма даже развлекательным.

Пальцы Люси утопали в густом ворсе покрывала, ноги покоились на турецкой подушке, а саму ее порядочно мутило от обилия всевозможных оттенков красного, который ассоциировался у нее теперь исключительно с кровью. Последовавшая за возлияниями резня надолго отбила у нее вкус к званым ужинам, церемониям и прочему вздору. Да теперь она вернее оделась бы в рубище и удалилась бы в пустыню, чем приняла приглашение какого-нибудь своего зажиточного знакомого.

Пролежав некоторое время с закрытыми глазами, она вновь окинула взглядом комнату, куда Моррис заточил ее после чашки фраппе. Свекловично-красный балдахин нависал над двуспальной кроватью и ровными складками незаметно перетекал в бардовый килим на полу. Обтянутая красной лакированной кожей софа с тремя белыми валиками да круглый журнальный столик свидетельствовали о дурном вкусе владельца и несколько к отдыху не располагали. Вдобавок ко всему, в будуаре царила невозможная духота, а об окнах здесь, похоже, и слыхом не слыхивали.

«Итак, подведем итоги, — сказала себе Люси. — Актеон Спиру преставился, но миллионов его у меня в кармане по-прежнему нет. Плюс и минус в сочетании дают ноль. Джулия Венто угодила в катакомбы, однако о том, чтобы ее казнить, речи не заходило. И, насколько я понимаю, Дезастро намерен ждать, пока сюда собственной персоной не явится Кристиан. А он, безусловно, явится. Что же выпадает мне? Если он одержит верх, Джулия будет спасена, а меня постигнет забвение. Посмотрим по-другому: победа достается Моррису, и он отправляет на тот свет и Кристиана, и девчонку. Эх! — Она перевернулась на бок, зарывшись щекою в пуху. — Что так, что эдак — я остаюсь в убытке. Вот так вот, Люси, рыть другим ямы! А всё эта, желтокожая! Отвези соперницу на остров, путь ваш Моррис с нею разберется! Заманчивая была идея, а проку от нее, что от пластмассовой пули!»

Но не всё ж указаниями «желтокожих» кормиться! Надобно было и свою голову на плечах иметь, чтоб предвидеть, во что их ночное путешествие выльется. Однако Люси привыкла винить обстоятельства, дуться на советников и редко когда сомневалась в своей правоте.

«Теперь, — горестно вздыхала она, — сердцем Кристиана я завладею, разве что расчленив его бездыханное тело». И мысль эта причиняла ей столь острое душевное страдание, что она не могла сдержать слез.

— Чего-й-то ты, Люси? Никак жаль девчонку стало? — позлорадствовал Моррис, бесшумно втекая в будуар. Та резко приподнялась на локте и вперила в него вызывающий взгляд.

— Ох, да что ж вы такое говорите! Соринка в глаз попала, только и всего! А вы, босс, никак захмелели!

— От чего бы это мне вдруг захмелеть? — с прищуром спросил Дезастро. В клане ходила молва, что опоить его практически невозможно.

— Да вот от крови, например.

Он почесал за ухом и примостился на краешке кровати.

— Ты права, ласточка моя. От крови. Ее металлический привкус до сих пор у меня во рту. Но изменил я своей традиции не из пустой прихоти. Сегодня среди гостей была важная птица...

— И ради этой важной птицы вы устроили Варфоломеевскую ночь?

— Моим ребятам надо было поразмяться, — уклончиво ответил тот. Люси закусила губу. Зачем он пришел? Помолоть языком? Поточить с нею лясы? Или вынести приговор? Обыкновенно провинившимся своим сообщникам он предлагал сыграть в русскую рулетку, причем пистолет, который Моррис заряжал для таких случаев, никогда не содержал холостых патронов, а гнезда в барабане оказывались занятыми все до единого. Беретта [54] редко давала осечку.

Однако на сей раз «Ирод четвертовластник» отчего-то медлил. Рулетка ему, что ли, опостылела? Или он разрывался между излюбленными видами казни? Люси, хоть и одурманенная духотою, бдительности не теряла. А уверенность в том, что ее помилуют, час от часу убывала. Моррис, меж тем, сидел в позе Роденовского «мыслителя», подперев кулаком подбородок, и напряженно думал. О чем он думает, поди его разбери!

— Слушай, Лу, ты, часом, не справлялась у своего бывшего о номере его ячейки в банке? — рассеянно спросил он. Люси взяла оторопь:

— У бывшего?!

— Ну, у краснощекого того, которого я прикончил.

— А, у Актеона, значит! Нет, мне еще предстоит это узнать. Но почему... — Она одернула себя, поскольку ответ на вопрос, чуть не сорвавшийся с ее уст, и без того был очевиден. Мысль, что где-то там, в дебрях дремучего города, греется на солнышке беспризорный зеленый капитал, не давала Моррису покоя, и всё, что плохо лежит, рано или поздно находило приют в его «закромах».

— Мы выворотили его карманы, но нашли лишь пару визиток да несколько дырявых чеков, — озабоченно проговорил Дезастро. — Мои люди скоро обыщут его дом. Если тебе что-то известно, выкладывай, потому как тянуть резину я не намерен.

— Египетский фараон не терпит проволочек? — шутливо отозвалась Люси, потягиваясь на кровати. — Нет, я абсолютно не в курсе, где он хранит сбережения. Хранил, — поправила она, вспомнив искаженное конвульсией лицо Актеона.

— А при чем тут египетский фараон? — покосился на нее Моррис.

— Ну-у, — замялась Люси, — был такой Рамзес, кажется, который порубил несметное число младенцев, чтоб на него не восстали евреи...

— Ой, беда мне с этими эрудитами! — вздохнул «крестный отец». — Просто спасу от них нет! Один мой консилъери направо и налево цитирует Ницше, а капореджиме повадился читать футуристов.

Люси осуждающе покачала головой.

— Ну да леший с ними. Я не затем пришел, чтоб жаловаться на жизнь. Слушай меня, Лу. Слушай внимательно. За дверью мои охранники. Высунешь нос — пиши пропало, так что сбежать даже не пытайся. Если всплывет в памяти номер банковского счета — зови, а по пустякам чтоб не беспокоила.

— Выходит, мне здесь куковать и куковать? — несколько разочарованно проговорила та. — Значит, вы меня не убьете?

— Убью? Не-е-ет. Кого я действительно решил убрать с дороги, так это Кристиана

Кимура. А ты посиди покамест здесь. Не хочу, чтоб всякие влюбленные дамочки вставляли мне палки в колеса.

Убедившись, что в ближайшее время казнь ей не грозит, Люси испытала невероятное облегчение. Не сказать, чтоб она побывала на дыбе, но до тех пор, пока Моррис не посвятил ее в свои планы, ощущения были весьма сходными. Об одном она горько печалилась: Кристиана ей теперь не заполучить. И печаль ее была такого свойства, что требовала немедленных, решительных действий.

[54] Самозарядный итальянский пистолет

Глава 28. Чернокожая предательница

Удивительно, как Люси вообще оставили в живых! Напасть на Морриса в его же владениях было несусветной глупостью с ее стороны. Еще куда ни шло броситься на него с ножом, будь он мертвецки пьян. Но он-то за последние сутки и капли в рот не взял, и тут уж не существовало для нее никакого оправдания.

— Бьюсь об заклад, ты спятила! — вскричал Дезастро, заломив ей руку до хруста в костях. Блеснуло остро отточенное лезвие (а ведь этим лезвием ему чуть было не перерезали сонную артерию!), и кинжал с громким стуком упал на пол. — Не ожидал от тебя такой подлости!

— Это вы подлец! — прохрипела Люси, думая, что уж теперь ее точно или повесят, или четвертуют.

— Делаю скидку на твоё *affetto* [55], - смилостивился вдруг Моррис, отшвырнув ее на кровать и подобрав кинжал. — Я получу несравнимо большее удовольствие при расправе с твоим дружкой, зная, как ты мучаешься. А кинжальчик отправится в мою коллекцию редкостей.

Он хрюкнул, довольный, что сумел сбить с нее спесь, выдавил подобие кривой улыбки, и, уходя, саркастически прибавил:

— Обед ровно в два. Если пожелаешь объявить голодовку, никто не станет тебе препятствовать.

Люси кипела от злобы.

Исчезновениям Лизы никогда особого значения не придавали. Ненасытная по части тайн и головоломок, она нередко возвращалась в комнату за полночь, где ее никто не караулил и никто за опоздания не отчитывал. Спозаранку она обыкновенно упархивала в парк, завтракала отдельно от всех и после занятий стрелойю мчалась к Донеро. Поэтому на первых порах в ее отсутствии ничего предосудительного не усматривали. Если ее не заставала Мирей, то заключала, что с нею непременно свидится Роза. Роза же, спеша в художественную мастерскую или кружа по парку в поисках выигрышного места для пейзажа, часто вообще не думала ни о чем, кроме своих картин. А Кианг в компании Елизаветы совершенно не нуждалась, считала себя самодостаточной и полагала, что лезть в чужую жизнь низко и даже вульгарно. Однако, несмотря на самодостаточность, ей всё же пришлось краснеть, когда в апартамент ворвался Донеро. Он комкал какую-то географическую карту, жилет его был распахнут, а синий клетчатый шарф болтался сзади на уровне колен.

— Что с Елизаветой? Не вернулась еще? — справился он с порога. — У нас по расписанию обмеление озера Севан и сады Араратской долины, а я ее вот уж который день не вижу!

И надо ведь было так случиться, что незадолго до его прихода Розу вызвал научный руководитель, а Мирей, сославшись на недомогание, отправилась в медпункт.

— К счастью, нет, — мрачно сказала китаянка. — Если б она вернулась, об этом нас известил бы шум из ее спальни. Знаете, какой у нее тарарам поднимается? Стены дрожат, люстры звенят!

Донеро изобразил недоумение.

— Тогда где, по-вашему, она может находиться? — нахмурился он.

— Вы географ, вам виднее, — напыжилась Кианг, намотав на палец прядь непослушных волос.

— Ну, скажите, пожалуйста! — вознегодовал профессор. — Какой же надо быть черствой и бессердечной, чтобы столь неуважительно отзываться о своей подруге! Где ваше чувство такта, где элементарные манеры?! Ах, да кому я говорю! — опомнился Донеро и, махнув рукой, улетучился из дверного проема.

Обойти вниманием эпизод с неожиданным визитом Кианг никак не могла, ибо гордость ее была глубоко задета; а потому беспокойство Донеро вскорости сообщилось и без того обеспокоенным Розе и Мирей.

— Пора бы Лизе и объявиться, — протянула Соле, прислоня мольберт к шкафу.

— Он обозвал меня бессердечной! — разорялась китаянка.

— География предмет увлекательный, да и преподаватель хоть куда. А она лазит незнамо где! Ничего я, право, не понимаю, — дивилась Мирей.

— Это ж надо, я — и вдруг бессердечная! — с безучастным взглядом твердила Кианг, оскорбленная в самых своих благородных чувствах.

Позднее, на письменном зачете по аналитической химии, Мирей чуть было не подверглась репрессиям из-за открывшейся внезапно страсти посудачить да поперебрасываться записками.

— Роза! — шепотом звала она, нагибаясь к проходу, когда въедливый и проворный старикашка-химик выскакивал из кабинета по какой-то неотложной надобности. — Последняя запись в дневнике нашей Елизаветы не на шутку меня встревожила. Боюсь, она пустилась в опасную авантюру.

Брови у Розы взлетали чуть ли не к потолку, ибо факт, что принципиальная француженка роется в чужих дневниках, не лез ни в какие ворота и являлся ярчайшим свидетельством того, насколько измучила ее неопределенность.

— Ну и ну! — только и поражалась она.

— Почти неделя минула, а Лиза так и не соизволила показаться нам на глаза. Предполагаю, что она обосновалась в Зачарованном нефе или в какой-нибудь необитаемой комнатухе, — продолжала Мирей, мешая студентам сосредоточиться и навлекая на свою голову их праведный гнев. Аннет, которая сидела тут же, на зачете, грызла с досады карандаш, потому как из-за надокучливого шепота растеряла половину важных мыслей и упустила несколько ключевых слов.

— Профессор! Синьор Банджини! — воздевала она руки к старому прагматику, точно к какому-нибудь божественному избавителю. — Мирей Флори отвлекает нас всех своей болтовней!

После чего начиналось ее нескончаемое ламенто в тоне, какой можно было бы, пожалуй, назвать жалостливым, но который лично Мирей наделяла эпитетом «плаксивый».

— Ах, вот как?! — взвизывался экзаменатор и подлетал к столу нарушительницы тишины. — Она, стало быть, знает билет как свои пять пальцев, и оставшиеся полтора часа ей ни к чему!

— Все нет, профессор, — заливалась краской француженка, ощущая, как сердце трепыхается где-то в районе почек. — Я... У меня еще ничего не готово.

Банджини хохлился, зловеще сверкал глазками и утробным голосом сообщал, что при повторении подобного казуса отправит ее на пересдачу.

Об участии россиянки Мирей в голову закрадывались самые чудовищные

предположения, и она уж не могла ни есть, ни спать, ни, тем более, готовиться к экзаменам, которые поставлены были на конец мая и до которых оставались считанные дни.

— Что если Лиза забрела в какой-нибудь пропахший мышами подвал и заблудилась?

— Ох, вероятность заблудиться в наших подвалах почти такая же, как заплутать в лабиринте Грега Брайта[56], - нагнетала страху Роза, смешивая цвета на палитре.

— А вдруг она вообще вышла за главную стену?! — ужасалась Мирей. — Говорят, те, кто покидал Академию без ведома директора, никогда больше сюда не возвращались.

— И потом их считали пропавшими без вести, — замечала художница.

Одна лишь Кианг ни о ком не волновалась и расценивала чрезмерную ажитацию однокурсниц как нечто, не заслуживающее внимания. Пока Роза творила в парке шедевры, китаянка самозабвенно творила кавардак в ее гардеробе, подстраивала каверзы чувствительной Мирей и с необъяснимым предвкушением ждала от них нагоняя. Больно уж одолевала ее скука.

А Донеро практически сросся со своей подозрительной трубой. Не проходило и часа, чтобы он не наткнулся на какой-нибудь любопытный геологический объект, который в другое время неизбежно завладел бы его умом, подвигнув на написание колоссального научного труда. Но без Елизаветы Вяземской в глазах Донеро обесценивалось всё: и древние каньоны, и малахитовые горы, и не обнаруженные доселе острова. И он даже вообразить не мог, что Лиза находится от него немногим дальше, чем отстоит от географической будки Зачарованный неф...

— Нелегко восстановить баланс стихий, когда саму тебя ветром качает, — вздохнула хранительница, опершись об иссохшую сакуру. — Лизонька, дорогая, не сочти за труд...

И Лиза тотчас кидалась выполнять ее поручения. Она была свидетельницей расцвета, она же застала и упадок и на всё теперь была готова, лишь бы вернуть саду былое великолепие. Возродить цветшие некогда поляны, придать свежести и стройности поблеклым стволам, прогнать застывшие пепельно-серые тучи, исторгающие то дождь с металлическим привкусом, а то липкую холодную изморось. Из-за этих туч и неба-то никакого не стало — слишком уж плотной нависли они пеленою, слишком уж мрачно сделалось вокруг. Лиза едва различала конусообразную башенку на красной пагоде, а за пагодой всё тонуло для нее в беспросветном тумане. С трепетом взирала она на болезненно-темную, примятую траву, окропленную тлетворными маслянистыми каплями, на забрызганное чернилами кимоно японки да на ее побледневшее лицо.

— Меня уже, наверное, обыскались, — робко замечала россиянка, натягивая рядом с палаткой тент из желтого брезента.

— К моему глубочайшему прискорбию, портал закрылся, а виною тому непогода, — говорила Аризу Кей, обвязывая дерево багажным шнуром. — И пока я не могу ни принимать посетителей, ни провожать.

— Значит, я здесь застряла? — слабеющим голосом спрашивала Елизавета.

— Невозможно предсказать, насколько затянется ненастье, — отвечала японка. На нее налетал порывистый ветер, вырывая брезент из рук. И состояние ее было столь плачевным, что сил не хватало даже на простую физическую работу. Что уж говорить о волшебстве!

Когда тент был, наконец, закреплен, Аризу Кей придирчиво осмотрела плод совместных стараний, просеменила к сосне и, примостившись на мокрой циновке, заметила, что теперь у дождя отвоеван хоть какой-то клочок сада и дети смогут играть на открытом воздухе. А

потом вдруг затихла, отрешенная и опечаленная, со спутанными, слипшимися на лбу волосами, и только — «динь-динь-динь» — позванивал, качаясь, колокольчик на мосту. Гостя сообразила, что помощь ее больше не понадобится и что самое время начать осмотр пагоды-библиотеки, в которую она хоть и закахивала частенько, но которая, ввиду наказов японки «одна нога там — другая здесь», по-прежнему оставалась для Елизаветы «терра инкогнита».

А хранительница, пригорюнившись, обдумывала незавидное свое положение и не без страха представляла, каково будет Кристиану и Джулии, если они вдруг решат ее навестить. Страх! Это чувство впервые зародилось в ней, и она не находила ему объяснения.

«Они, я верю, пришли к взаимопониманию. По-другому и быть не может! — размышляла японка. — Кристиан отыскал ее, и они помирились. И сейчас они неразлучны, как лепестки фиалки... Но что будет, если они захотят оповестить меня о своем счастье? Ох, в какую же ловушку они угодят! Попасть сюда — они-то попадут, но вот обратно... А я даже предупредить их не могу!»

Так изводилась она, сидя под сосною, а на голову ей капала с ветки мутная дождевая вода. И ни бреши, ни просвета в дымчатом покрове небес.

— Узнаю клинок расплаты, полыхающий грозой, — воинственно пела Джулия. — Узнаю твой взор крылатый, охвативший шар земной! Гордость древнего народа, возродившаяся вновь, здравствуй, гордая Свобода, здравствуй, эллинов любовь! [57]

С ее легкой руки непризнанный поэт-вольнодумец, автор четверостиший на тюремных стенах, даже приобрел некоторую известность. Ибо она успела продекламировать добрую половину его экспромтов, защищая свой слух от бессовестных наговоров предсказателя. А когда иссякли стихи, настала очередь гимнов и песен, какие запомнились ей со школьной скамьи. Не прошли даром ни музыкальные вечера на вилле Актеона, ни краткий, но памятный дуэт с Кристианом в библиотеке, ни даже деревенские концерты с ризитиками под аккомпанемент лиры и лауто, так раздражавшие Франческо.

На пятой или шестой пикировке Джулии с шарлатаном Туоно охранники заскучали и, не обвиняясь, затеяли игру в пьяные шашки. И еще долго доносились до них обрывки непримиримого спора между узниками.

— Моррис собирался пустить его в расход, но тот сбежал, струсил, как паршивый пес! — наветничал заместитель директора.

— Ложь! От начала и до конца — всё ложь! — кричала Венто, так и норовя просверлить взглядом стену, за которой обретался клеветник.

— Кимура плут, каких поискать, — гнул своё Туоно.

— Неправда! Он честный и благородный!

— Повеса, дамский угодник, — развлекался «провидец».

— Аскет и замечательный человек! — немедленно заступалась Джулия. Но «оракул» упорствовал, как ни при одной из перестрелок, чем вскоре довел девушку до слез.

«Опять ревет, — подумал он. — Ну, вот чего, спрашивается, реветь? Я ведь только поразмялся. До кульминации еще далеко, а она...». Самое пикантное Туоно отложил на потом, но по всему было видно, что сдобрить информацию из вселенских очагов острой подливкой ему не удастся. Подопытная дала слабину.

«Эх, а ведь как складно выходило! — вздохнул он, прошаркав к решетке. — Ну, ничего, обработать ее я всегда успею, а пока что возьмем перерыв».

— Стража, эй, стража! — крикнул он, схватившись за прутья. Он собирался поинтересоваться, когда подадут обед, но слово «обед» застряло у него в горле, как неудачно проглоченная рыбная кость. А вместо вопроса вырвался не то вопль, не то завывание голодного шакала. И ничего удивительного, ведь прутья накалились до такой степени, что, будь они в горизонтальном положении, на них в два счета можно было бы изжарить кусок отборной говядины.

А Джулия сияла. И если б не разделявшая их стена, заместителя просветило бы не хуже, чем рентгеном, и он, чего доброго, растекся бы лужицей по полу.

«Нет, синьор Кимура, — думала пленница, смежив веки, чтобы глаза не щипало от слез, — вы не предатель и не проходимец, каким пытаются вас описать. Вы солнце на моих небесах, вы тень в иссушающий полдень, роса ясным утром и дуновение бриза... Я люблю вас! И что бы о вас ни сочиняли, как бы вас ни чернили, я не усомнюсь в вашей искренности. Пора сомнений прошла».

Когда двадцатая по счету чарка была выпита, охранников сморил хмельной сон, иначе они голосили бы уже во всю ивановскую и улепетывали бы без оглядки. Катакомбы Морриса озарились светом в мгновение ока, и те, кто стоял на ногах и был в состоянии здраво рассуждать, почли за благо покинуть душные туннели. А сам Моррис, занятый снаряжением патронов двумя этажами выше, злился оттого, что комната плывет у него перед глазами, и делал бесплодные попытки выловить из ящика хотя бы одну винтовочную гильзу.

— Ах, если б у меня был мой телепортатор! — всхлипывала Джулия, чье свечение теперь поумерилось, позволив осоловевшему Туоно несколько прийти в себя.

«Не решетка, а настоящий кипятильник!» — ошалело бормотал он, нетвердым шагом бредя по камере и разглядывая волдыри на ладонях. Если бы сию минуту кто-нибудь выдвинул гипотезу о столкновении кометы с Землей, о мощном извержении подводного вулкана или же о втором Тунгусском метеорите, Туоно без колебаний принял бы все три.

«Будь у меня телепортатор, — думала между тем невольница, — не удержали б меня эти стены! Не сидела бы я взаперти, и ни ключ, ни запор...»

Тут только она заметила, что кто-то ковыряется в замочной скважине ее тюрьмы, и, мерцая, на корточках подобралась к самой решетке.

Не сказать, чтобы Клеопатра когда-нибудь взламывала замки, но в данный момент действовала она столь тихо и осторожно, что грабители-дебютанты вполне могли бы у нее поучиться.

— Ты?! — прошипела Джулия, вскочив на ноги. — Как ты посмела?!

— Стража разбежалась, хозяин велел не мешать. Я здесь, чтобы тебя спасти.

— Дуреха, не нужна мне такая свобода! Ты выставила себя на посмешище, ты принизила собственное достоинство, связавшись с извращенным убийцей. Ты называешь его хозяином. И после этого мне принять свободу из твоих рук?! Ну, уж нет! Я лучше приму смерть из лап этого мерзавца!

— У меня не было другого выхода, — воззвала к ее милосердию Клеопатра. — Моррис мог задушить меня, мог бросить на съедение псам, и не сослужила б я той службы, какая была мне предопределена.

— Так, значит, ты подлизывалась и стелилась перед ним...

— Из лучших побуждений, уверяю тебя!

— Из лучших побуждений?! — вскипела Венто. — Да где ты эту фразу успела выучить?! Бьюсь об заклад, в притоне своего хо-зя-и-на! Потаскуха, вот ты кто! Растленная,

безнравственная плебейка!

— Ах, не надо так, прошу! — расплакалась Клеопатра, опускаясь на колени и едва удерживая пальцами нагревшуюся шпильку, которая играла роль отмычки. — Мой поступок низок и постыден, но Энгай бы оправдал... Он оправдал бы... Разве пожертвовать собою ради друга не есть высшая из добродетелей?

Она не решалась сказать «ради сестры», потому что Джулия ее отвергла, отвергла в порыве необузданной ярости, слишком рано и слишком уж поспешно впустив разочарование в свое сердце. И сейчас — это было видно по ее лицу — раскаивалась в опрометчивости, с какою вынесла африканке сокрушительный приговор.

Раскаленная дверь ее темницы со скрипом отворилась — проход был открыт, но Джулия не двинулась с места. Осознав, на какую жертву пошла кенийка ради ее спасения, какому риску подвергалась, спускаясь в катакомбы, девушка поначалу не могла придумать ничего, что умалило бы горе Клеопатры. Рыдая в голос, африканка согнулась так низко, что еще чуть-чуть — и она коснулась бы лбом пола.

— Что у вас там происходит? — возмущенно прокаркал Туоно, не осмеливаясь приблизиться к заграждению и уж тем более высунуть оттуда свой любопытный нос. — Эй, кто-нибудь скажет мне, в чем дело? Куда подевался караул?

Его проигнорировали самым бессовестным образом. И он, покинутый всеми, что было духу ударил ногой по алюминиевой супнице, после чего рывками высвободился из пиджака. Становилось жарко.

А Клеопатра чувствовала себя так, словно ее исполосовали ножом; груз обиды клонил голову к земле. И вдруг к этой тяжести добавилась тяжесть гораздо более ощутимая: чья-то горячая рука мягко опустилось на шапку черных, как смоль, волос.

— Прости мне мою импульсивность, — проникшись ее страданием, проговорила Джулия. — Ты столько сделала для меня, а я... Тошно жить с таким характером, вот уж поверь!

Плечи африканки дернулись в последний раз, рыдания стихли, и через несколько долгих минут она чинно распрямила спину, не зная, то ли улыбнуться, то ли вновь удариться в слезы. Ее голубые глаза подернулись туманом, губы подрагивали, и весь облик живо напоминал одну из картин Эжена Делакруа с изображением сиротки на кладбище, за исключением, разве, того, что сиротка была светлокожая.

— Значит, ты не злишься? — слабым голосом спросила Клеопатра.

— Злюсь?! Да это на меня следует гневаться! Сколько я непотребства нагородила! Уж и сама не припомню. Так стыдно! Но признайся честно, вы с Моррисом не...

— За кого ты меня держишь?! — изогнула брови негритянка. — До этого дело не дошло. А если б и дошло, я бы тотчас наложила на себя руки. Этакого позора вольным жителям Кении не стерпеть!

Туоно подглядывал за ними, насколько позволяла неостывшая решетка, и подслушивал с немалым интересом.

— Вот теперь моя душа спокойна, — сказала Джулия. — Иди ко мне, сестренка! Ты вела себя, как истинная героиня! Как шпион в стане врага. Да ты и была, по сути, шпионом.

Прорицатель-сикофант, который в принципе не выносил сантиментов, искривился, фыркнул, и, опомнившись, принялся звать охрану. Мало того, что девчонка нежничает с его «добычей», так она, по-видимому, собирается еще и удрать!

— Клео, не забыли ль мы о нашем старом друге? — спросила Венто, плутовато скосив

глаза в сторону соседней камеры, обитатель которой топал ногами, надрывал глотку — в общем, вел себя отнюдь не благопристойно.

Клеопатра оценивающе оглядела погнутую шпильку для волос, не разжимая зубов, сказала: «Сей момент!» — и приступила к вскрытию замка. После всего, что ей пришлось пережить по вине Туоно, на ее непредвзятое отношение нечего было и рассчитывать. И дверь она отворила «ясновидцу» лишь затем, чтобы обрушить кулак на его плешивую макушку.

— Так вот, кто морочил мне голову, выдавая себя за прозорливца! — воскликнула Джулия, с величайшим презрением взирая на оглушенного. — Хорошо, что я не приняла его откровения за чистую монету! Клео, ты чего?

Африканка выглядела встревоженной, хотя явных поводов для тревоги не было. О том, чтобы вновь запереть заместителя в камере, она не хотела и слышать, а заметание следов так и вовсе назвала бессмысленным занятием.

— Мы попусту теряем время! — торопила она, настойчиво дергая Джулию за платье. — Замешкаемся — и сами не заметим, как сюда нагрянет Моррис!

В конце концов, та уступила, глубоко недоумевая, отчего разбежались охранники и отчего Туоно впал в немилость.

Скалясь от нестерпимой боли в висках, Люси лежала, на обтянутом кожей диване и бессознательно сжимала руками голову. Моррис решил испытать на ней какое-то из своих излучающих устройств? Что ж, такова расплата за неудавшееся покушение. Невдомек ей было, что Дезастро и сам порядочно истрадался под воздействием жестких лучей, «генератор» которых пустился теперь наутек вместе с верной кенийкой. Оттенки заката были Люси не по нутру, веки отяжелели — словно свинцом налились, а из-за спертости воздуха она не могла как следует вдохнуть, что приводило ее в полнейшее расстройство.

«Не понимаю я этого изувера! Хоть убейте, не понимаю! — шевелила она губами. — Неужели так сложно раздробить мне череп или перерезать горло? Или он не хочет марать руки... после того, как отправил на тот свет больше сотни своих гостей?!»

Ее мысли имели свойство выстраиваться друг за другом и следовать в порядке очереди, однако, когда мигрень разыгралась всерьез, — несмотря даже на то, что излучение прекратилось, — в ее бедной черепной коробке начался невообразимый сумбур. И, чтобы распознать в этом бедламе хоть мало-мальски годную мыслишку, требовались усилия, на какие она в данный момент способна не была. Единственное, что удавалось ей относительно легко, так это перемещаться с места на место — пьяной походкой или на карачках, ползком.

Моррис обнаружил ее распростертою на подушках под пологом киноарного цвета, и первым делом обратил внимание на поблескивающие белки закатившихся глаз и на бледность, тем более примечательную, что в комнате с красными покрывалами, красными коврами и красным потолком на любом лице почивал бы неестественный румянец.

— Быстро же Люси лапы склеила! — поразился он вслух.

— Рано радуетесь, я живучая, — хрипловато отозвалась та.

— Чудненько, — осклабился Моррис, поглаживая свою винтовку, точно какого-нибудь домашнего питомца. — Я как раз собирался наружу. Кимура пожаловал.

Люси постаралась скрыть волнение.

— Вот как?

— Да, хотел тебя прихватить, чтоб ты собственными глазами видела встречу с

фанфарами.

— Мне нездоровится.

— На свежем воздухе, без сомнения, полегчает. После такой-то морилки! — подмигнул Дезастро. Люси мысленно послала его к хозяину адской бездны. Попробуй тут, послушайся! Всё равно ведь поведут — не по доброй воле, так силком.

— С фанфарами, говорите? — прищурилась она, спуская ноги на пол. — А салют будет?

— Всенепременно! Залпы прогремят ровно с появлением нашего Джеймса Бонда.

— Bravo! Вы лучший импресарио, каких я знала! — поаплодировала Люси с притворною улыбкой, за которой скрывалось не менее искрометное пожелание примерно следующего содержания: «Да чтоб ты себе зубы обломал!». Уж кто-кто, а она, если останется в живых, не упустит случая поквитаться.

И всё-таки ее визави был трусом. Испытывая перед нею почти ту же боязнь, что представители сильного пола перед первыми суфражистками, он в ее присутствии чувствовал себя чудаком-эксцентриком, который взобрался под купол цирка, чтобы без страховочных лонж пройти по канату. Подозвав своих людей негромким свистом, он распорядился, чтобы ей связали руки, и лично позаботился о прочности узла. Подобные меры предосторожности пленницу позабавили, и, отчасти благодаря себялюбивой обеспокоенности Морриса, она безропотно снесла унижение, на какое подчиненные ее ранга отреагировали бы соответствующим образом. Хотя, если уж начистоту, какие разговоры могут быть о рангах, когда ты в двух шагах от виселицы, а то и от расстрельной площадки!

Однако Люси решилась на дерзость и позволила себе укорить «крестного отца» шаловливой фразой о том, что мафиози не какие-нибудь там третьеразрядные флибустьеры и что им не к лицу связывать зрителей перед гладиаторскими боями. Тогда Моррис заявил, что пираты с обреченными на гибель «зрителями» обращаются куда менее галантно, на чём тема себя исчерпала.

«Пришьют меня, что поделать!» — с тяжким сердцем заключила Люси, покидая душную каморку. На воздухе ей была одна отрада — она могла наслаждаться новообретенной свободой дыхания и надеяться, что ее расстреляют с Кристианом заодно, а трупы свалят в общую могилу.

[55] чувство (ит.)

[56] дизайнер самого длинного в мире лабиринта Longleat Hedge Maze в Англии

[57] греческий гимн

Глава 29. Как утверждал Сенека

— Говорил же, не надо было тебе с нами идти! — возмутился Франческо, бинтуя англичанке вывихнутую лодыжку в тени розового куста. — Сидела бы себе на вилле, пекла б печенье да ждала нас к ужину.

— Ага, и думала б да гадала, порубит вас Моррис на котлеты или на паштет, — невесело продолжила Джейн. — И на каком расстоянии от берега вас подстрелят.

— Но пока ведь не подстрелили! — приосанился Росси. — Вокруг тишь да благодать. Странно, вообще-то, а, синьор Кимура?

Кристиан вышел из оцепенения, с каким наблюдал за обстановкой возле маяка, одернул полы плаща и тотчас согласился, что на Авго нынче удивительная тишина и безветрие, а жизнь точно замерла.

— Не замерла, а притаилась, — уточнил Франческо. — И сейчас как бросится на нас из-за угла!

Задрожав мелкой дрожью, Джейн выхватила у него бинт и заявила, что с вывихом справится сама. Выпорхнула из ветвей, отрывисто щебеча, трясогузка; скользнула по камню ящерка; шелохнулся вдаль усыпанный розами куст. Быть может, от ветра, а может... Кимура насторожился.

— Вам обоим, — сказал он, обращаясь преимущественно к итальянцу, — я посоветовал бы вернуться в катер и быть готовыми к немедленному отплытию на случай преследования.

— А вы? — испуганно спросил тот.

— Я постараюсь пробраться вглубь острова. Ах да, чуть не забыл, ловите!

Франческо едва успел выставить руки, как стал обладателем энного по счету телепортатора хранительницы.

— Вот так штука! — подивился он и тут же получил от Кристиана краткую инструкцию о том, как этой «штучкой» пользоваться. — Вот те на! — непроизвольно вырвалось у него. — А отчего ж вы раньше-то молчали? Не пришлось бы с лодкой возиться!

— Спорное утверждение, — заметил Кристиан, — поскольку телепортаторы Аризун Кей высокой точностью перемещения не отличаются.

— Хотите сказать, они ненадежны?

— Если выразиться корректнее, они не подходят для предприятий, подобных нашему, — невозмутимо переиначил Кимура и, стоило Франческо на секунду отвлечься, растаял без следа.

— Учись, студент, — сказала Джейн, — как нужно грамотно исчезать. На лекциях, глядишь, пригодится.

Тогда Росси намекнул, что пора бы и им уже исчезнуть, чтоб не напороться ненароком на отморожков из Моррисовой шайки.

Кристиан не погрешил бы против правды, если бы сказал, что глава мафиозного клана до невозможности педантичен, строг и во многом придерживается установленного порядка. Геометрическая точность, с какою рассажены были кустарники, и ровные края посыпанных галькой дорожек в какой-то степени свидетельствовали о прямоте его суждений и постоянстве взглядов. Однако Кимура и предположить не мог, что, сколь бы ни были эти суждения и взгляды отличны от его собственных, упрямство Морриса Дезастро нимало не уступает настойчивости самого Кристиана. Скрытым от человека-в-черном оставался и факт

поразительного сходства его облика с наружностью «крестного отца», не говоря уж о манере держаться и предпочтениях в одежде. А что до диаметральной противоположности их интересов и устремлений, то заметливую Люси, у которой давно зародилось подозрение об их близком родстве, сия частность нисколько не смущала. Она уведомила Морриса лишь о том, во что Кимура будет одет; о большем же нарочно умолчала, желая воочию увидеть, какой эффект произведет на босса появление последнего.

У Кристиана не возникало сомнений насчет безопасности Франческо и Джейн, ибо с телепортатором японки им по плечу любые невзгоды. Утешаясь подобной мыслью, он значительно продвинулся к центру острова, и, не обнаружив препятствий на своем пути, успокоился было совершенно. Всплыл из-за холма фронто́н резиденции Дезастро, обнажились капители древних колонн, ощути́мее стали дуновения этезиев, которые преобладают на Средиземноморье с апреля по октябрь и сопровождаются неизменно ясной погодой... Кимура ободрился и быстрым шагом спустился со взгорка. Навстречу ему мчались Джулия и Клеопатра.

— Один мудрец, — задыхаясь от бега, говорила кенийка, — кажется, Сенека, учил, что судить о человеке следует до дружбы, а уж если подружился... — уф-уф-уф-... будь добр, доверяй.

— Хорошо учил твой мудрец, — отозвалась Джулия, сердце у которой попеременно выделявало то кульбит, то двойное сальто. — Знаешь что, если я вдруг отдам концы, пусть на моем надгробном камне напишут такую эпитафию.

— Я сделаю всё, чтобы ты не отдала концы, — заявила Клеопатра, босиком скача по камням. — Ой, а это кто?!

Обе они чуть не отправились к праотцам, поскольку перед ними, на расстоянии всего нескольких метров, прямо из-под земли вырос Моррис. Моррис ли? Кенийка на всякий случай протерла глаза.

— Великий Энгай! Да они же как две капли воды!.. Я хочу сказать, отбой, приплыли! Это не Дезастро; он никогда не надел бы плащ в такую жару.

Итальянке недосуг было анализировать лексикон своей протеже, размышляя над тем, откуда она понахваталась словечек вроде «отбой» и «приплыли», ибо появление Кристиана заставило Джулию испытать прилив неопишуемого восторга. С криком «синьор Кимура, я знала, что вы придете!», она бросилась навстречу незабвенному своему сэнсэю, забывшись окончательно и бесповоротно. Так что Клеопатра напрасно надрывала связки, пытаясь призвать их к благоразумию. Она не учла того, что во владениях Морриса Дезастро любой звук частотой свыше ста герц способен вызвать катаклизм посерьезнее снежной лавины.

А Кристиан, которому, по-видимому, изменило чувство осторожности, упивался чувствами совсем иного рода, заключив Джулию в объятия и покрывая поцелуями ее чело; ища, как бы утонуть в ее глазах, и в рамках допустимого изливая сердечный жар. Клеопатра не очень-то разделяла их совместный энтузиазм и отнюдь не была настроена слушать воркование влюбленных, а потому предпочла скрыться в кустах черной розы. Ничего, что шипы острые, потому как пули Морриса жалят и вернее, и глубже. А вот и он, легок на помине, с десятком автоматчиков и подконвойною Люси.

— Ну, что, голубки, настал ваш последний час. Молились ли вы на ночь? — беспардонно осведомился он, и его мэфистофелевский оскал в лучах заходящего солнца Люси нашла более чем зловещим. Джулия вынуждена была отвести взгляд от точеного лика Кристиана, чтобы лицезреть того, кто дерзнул отравить ей столь сладостное мгновение

своей неуместной насмешкой. Но тут уста ее исторгли крик ужаса, ноги подкосились, и почудилось ей, будто ворон из царства мертвых распростер над нею смрадные, тлетворные крылья. Она еще крепче прижалась к своему учителю, обвив руками его шею и будучи не в силах проронить ни слова. Моррис стоял с винтовкой наготове.

— Так вот ты каков, мой забракованный агент! — Он хрустнул пальцами, нисколько не стыдясь своего булькающего смеха. — Почитай что моя вылитая копия! Я не взял бы тебя в услуженье, если б не красочное описание твоих, гм, талантов. Да, тайфун меня разнеси, талантов! Характеристика, которую преподнесла мне Люси, была отменной, высшего, можно сказать, качества. Однако на деле выяснилось, что наемник из тебя никудышный.

Кристиан смотрел на него так, словно хотел заморозить взглядом. А Люси втайне смаковала этот взгляд, восхищаясь беспримерной выдержкой, бесстрашием и стойкостью его обладателя. И мысли ее унеслись далеко от натертых веревкою запястий да грозных колоссов-стражей. Умереть вместе с ним, окончить земное поприще подле него, величественного, статного, непреклонного — вот высшая из наград, вот свершение всех ее чаяний. Разве требовать ей большего от сей кратковременной жизни? Он не трепещет, не оправдывается, как и подобает отважному воину, рыцарю без страха и упрека. Поставьте у заготовленной ямы Морриса Дезастро, наведите на него ружье — и он примется пресмыкаться перед вами, как выползшая из-под колоды, растревоженная змея. Пусть у него есть все задатки, но Кристиана Кимура ему нипочем не превзойти!

— Что же ты молчишь? — ухмылялся меж тем Дезастро. — Почему не опровергнешь обвинение?

— Не ждут от нечестивцев праведного суда, — с расстановкой произнес человек-в-черном. Джулия приникла щекою к его груди и судорожно сглотнула.

— Ну, так чего, спрашивается, канитель тянуть?! — раздраженно фыркнул Моррис. — Солнце садится. На рассвете ваши тела закопают. Эй, Лу, полюбуйся, на что способна моя винтовка!

Та напряглась, чтобы не прозевать момент, а Дезастро с каким-то извращенным предвкушением нажал на спусковой крючок.

Никто толком не понял, что произошло, включая притаившуюся в кустах Клеопатру. Когда Люси выпрыгнула на авансцену, под предполагаемый град пуль, Моррис ни на миг не приостановил стрельбы, а рослые охранники, которым после кровавой оргии досталось на пару бочонков пива, не шелохнулись вовсе. Какой им резон останавливать пленницу? Каждый сам решает, как ему «отбыть».

Но Люси не «отбыла». Да что там! Даже не поранилась! Видно, в рубашке родилась.

— Что за...! — выругался Моррис, осматривая свою винтовку. — Они что, издеваются надо мной?! Я же выпустил в них целую обойму!

«Великая гора, это ж ведь невидимый щит! — подумала кенийка, пошевелив затекшей ногой. — Их и не задело совсем!»

Главаря мафии, как оказалось, из седла выбить было проще простого. Он сделался красным, точь-в-точь, как бархатная гардина в будуаре, где отбывала заточенье помощница Актеона. Мочки его ушей порозовели, а из ноздрей — Клеопатра могла утверждать наверняка — с шипением вырвались струи пара. Он постучал по прикладу, он проверил прицел, он заглянул для надежности в дуло. Мистика!

— Вот вы! Да, вы! — дрожащим пальцем указал он на Джулию и Кристиана, которые, преисполнившись нежности друг к другу, сплелись на прощанье, как две виноградные

лозы. — Вы должны были упасть навзничь! Изойти кровью!

— Навзничь? — недоуменно переспросил Кимура. — Зачем? Нам и так хорошо.

Джулия не удержалась и прыснула со смеху. Их палач был поистине смешон в своем замешательстве, а Люси, которая взидала на его беспомощные действия с видом утопленницы, не придумала ничего оригинальнее, чем сообщить, что он взял холостые патроны.

— Холостые?! — взревел Дезастро, покрываясь багровыми пятнами. Да я же собственноручно... Ах ты, дрянь этакая! Ты приносишь мне одни неудачи. А ну, пошла вон!

Не дожидаясь, пока он подымет камень, универсальное оружие питекантропов и австралопитеков, Люси, всё еще со связанными за спиной руками, предпочла ретироваться. Позор, который она пережила, выскочив на зону обстрела, точно тролль из табакерки, был сравним разве что с позором певца, с треском провалившего выступление. Пережила! Вот, что ранило ее самолюбие больше всего. Теперь ей уж не лечь с Кристианом в одну могилу. А с другой стороны... По зрелом размышлении, она решила, что мертвецам в их сырых могилах не очень-то и комфортно, и фраппе с пастакьей там не достать. Жизнь, как ни крути, поприятней будет.

«Эх, — сказала себе Люси, распиливая веревку при помощи обнаруженного на земле перочинного ножика, — узнает у меня Моррис, почему фунт лиха. Я ему теперь в кошмарах сниться стану. Ой, наплачется!»

Однако, когда наутро она переступила порог его резиденции с непоколебимым намерением расквитаться с ним за убийство Кристиана, выяснилось, что ни о каком убийстве и помину нет, а человек-в-черном вместе со своею ученицей преспокойно отчалил в час пополудни. Вид у Морриса при этом объяснении был столь жалок, что у Люси дрогнуло сердце. На такого и замахнуться совестно.

— Вы как-то изменились, босс, — сказала ему белокурая мстительница. — Не разберу, то ли раздобрели, то ли в росте поубавили.

Босс на ее замечание протянул что-то наподобие «у-м-м» и сунул в рот конфету, какими у него был завален весь стол. Раньше же его рабочее место содержалось в идеальном порядке, и лишь иногда попадался на глаза какой-нибудь «заблудший» патрон или недокурная сигара. Олимпийское спокойствие Дезастро могло показаться странным, особенно если учесть, что посетительница к нему вторглась отнюдь не желанная. А то, что она поначалу замышляла, точь-в-точь соответствовало его намерениям в отношении нее самой. Но, как она вскоре убедилась, Моррис сделался созданием столь кротким и уступчивым, что расправа ей уже никоим образом не грозила. Его и к стене-то припирать не пришлось — доскональный допрос о событиях сегодняшней ночи Люси учинила ему без всяких хлопот.

— Выяснилось, — вяло рассказывал Дезастро, — что у матери моей была сестра-близнец, и в юности их разлучили. Короче говоря, мы с Кристианом приходимся друг другу двоюродными братьями.

— Честное слово, прямо как в мелодраме! — воскликнула Люси, подбоченившись. — А я догадывалась! Я предвидела! Но позвольте, ведь вы собирались его прикончить. Как так вышло, что он ушел невредимым?!

Моррис пошарил рукой по столу в поисках конфеты с яблочным желе.

— Видишь ли, Лу... После той пальбы из злополучной винтовки...я, мягко говоря, сдал позиции. А всё оттого, что эти двое хохотали, как ненормальные. Потом — тут уж я вовсе

недоумеваю — полегли и мои стрелки, а затем и меня в общую стремнину унесло. Вот я и пригласил их на чашечку кофе, с конфетами (ням-ням-ням).

— Ваш провал станет достоянием злых языков, можете в том не сомневаться, — хмуро сказала Люси.

— Провал? О чем ты? Я стократ сожалею, что убил этого розовощекого, ни в чем неповинного малого... Как бишь его?

— Актеона?!

— Верно! А Кристиан и...

— Джулия! — раздраженно подсказала Люси.

— ... Разве они не твои друзья? Они такие милые и общительные! Теперь я не поднял бы руку даже на муравья.

— Джулия не должна была оказаться на свободе! — скрежеща зубами, проговорила Люси. — Помните, о чем мы с вами договаривались?! Ее удел — сырая земля!

— Нет-нет-нет, — помотал головой Моррис. — С преступлениями покончено. Я прозрел и ужаснулся тому, скольким людям принес горя.

— О, вы стали думать о людях! — саркастически отозвалась та.

— Поломанные судьбы, обнищавшие семьи, попранная непорочность... Меня не отбелить, наверное, ни в одном чистилище.

— А Джулия... Она, часом, не светилась? — спросила Люси, осененная одной внезапной догадкой.

— Ну, посвечивалась немного. Совсем не так, как в прошлый раз. Не обжигая. Я заметил вокруг нее пульсирующий ореол и...

— Ясно. Мне все ясно. Вы подпали под ее чары, которым мне в свое время пришлось противиться.

— Неужто?! — неподдельно изумился Моррис. — Но, сказать по правде, я вовсе не ощущал себя заколдованным. От ее смеха, от ее живящего сияния было так спокойно на душе.

— Душа, — протянула Люси. — А я-то полагала, у вас ее нет.

«Узкоглазая ловко рассчитала, посоветовав мне взять девчонку с собою на Авго, — думала она, с досадой грызя предложенный Моррисом леденец. — Узколобый тюфяк Дезастро теперь безвреден».

— Кстати, босс, кинжал-то мой верните!

— Ах, да. Забирай на здоровье! — благоволительно отозвался тот, протягивая ей ключ от шкафа для редкостей.

Кристиан не находил себе места и из-за чрезмерной запальчивости даже умудрился промочить туфли в прибойной волне, взад-вперед снуя по каменистому пляжу.

— Актеон убит?! То есть, как убит?! Ты, верно, что-то путаешь.

— Да ничего я не путаю! — воскликнула Джулия с негодованием. — Понимаю, в это трудно поверить, это трудно принять, но примите же наконец! Рано или поздно друзей приходится терять.

— Он был мне не просто друг, — овладев собою, отвечал Кимура. — Он мне был как брат. Я так долго делил с ним свои горести и радости, что сам почти уверился в том, будто мы родня.

— Два сапога пара, — подсказала Джулия, отчего-то вдруг вспомнив, как смешно

Актеон отдувался, встречая их у ворот в спортивном трико.

— Твой юмор неуместен! О людях следует говорить с почтением! — резко возразил Кристиан, и ей показалось, что сейчас с ним вот-вот случится самовозгорание.

— Его не воскресить, как бы вам того ни хотелось! — безжалостно парировала она.

На ожидавших в катере Франческо и Джейн этот разговор производил самое угнетающее действие, несмотря на то, что они не слышали и половины всех реплик. Чувствовали только, что хмурится чело их учителя, да разобрать сумели лишь, что скончался кто-то в чрезвычайной степени важный. Они сидели, наострив уши, и поглядывали друг на дружку с нескрываемым беспокойством. На кремнистой отмели серебрилась луною вода, обдавал прохладой ветерок, шипело, облизывая берег, море. Хотя, скорее, обгладывая. Не очень-то располагала обстановка к романтике. Они находились на территории противника, противник объявляться не спешил, а Джулии и Кристиану, видите ли, вздумалось поспорить, да на столь открытом месте, что, не ровен час, вышибут из них дух.

Постепенно ребята стали постигать, о ком идет речь, и немало опечалились, ощутив всю горечь утраты.

— Сначала Анджелос, теперь Актеон! — в сердцах воскликнула Джейн. — Только расцветут, только заблагоухают — так их тотчас в печь. А какая-нибудь болотная трава разрастется, и хоть бы что ей!

— Какой был человек, а! — на свой лад сокрушался Франческо. — Открытый, радушный. Золото, а не человек! Но почему всегда выходит, что у хороших людей век на земле недолог?!

— Страдалец, — прослезилась Джейн.

— Мученик!

— А Люси... Вот злодейка! Да ведь она намеренно привезла его на остров!

— Какого Люси пошиба, я знал с самого начала. И вас предостерегал, между прочим! Это она убила служанку Николетту, она пыталась напичкать Актеона ядами, из-за нее кухарку упрятали в тюрьму.

— И никто не знает, где она бродит сейчас, — вставила англичанка.

Они явно упали духом, и когда б ни накренилась лодка, возвещающая о возвращении Джулии, Клеопатры и человека-в-черном, не исключено, что предались бы они беспросветной хандре.

— Здесь нам делать больше нечего, — скупно и бесцветно произнес Кимура, поворачивая ключ зажигания. — Актеон мертв.

— Мне жаль, — робко проронила Джейн.

Ответить «пустяки!» у Кристиана не повернулся язык. Когда же Франческо опасливо полюбопытствовал, на каком свете сейчас мафия, тот серо отвечал, что мафии отныне не существует». И ни «как?», ни «почему?» Росси выдавить из себя не смог.

Обратный путь они совершили в полнейшем молчании. Никому не хотелось возвращаться в обезлюдевший дом. Кристиан чувствовал себя опустошенным, и брешь в его душе, он предвидел, еще долго не зарастет. Слегка мерцающая Джулия подводила итоги: Моррис Дезастро исправился и осознал, образно выражаясь, в какой кювет угодил. Часть людей из его клана под воздействием мягких лучей также необратимо преобразилась, поэтому следовало ожидать, что добросовестных землян на планете поприбавится, а торговля людьми мало-помалу сойдет на нет. И жителям стран, где раньше промышляла Моррисова банда, придется потихоньку свыкнуться с тем, что никто уж не станет подстерегать их в

темном переулке.

Было зябко, и, поживаясь, Джулия силилась придумать какой-нибудь чудодейственный эликсир, крепкий настой или мудреное снадобье, которые развеяли бы грусть сэнсэя. И тут сама собою напросилась мысль о саде Аризу Кей. Вот у кого снадобий пруд пруди!

«Так просто, — думала девушка, — эту душевную боль не заглушить. Боль эта особого свойства, а потому и к врачевателю следует обращаться особому». Мысль о том, что Кристиан страдает, была ей несносна.

В библиотеке красной пагоды стоял полумрак, а по закуткам расплылся кофейный запах. Какой-то мальчуган лет шести, в синем берете и залатанных льняных шортах, расположился под вытянутым, с золоченою каймою абажуром и увлеченно листал сборник норвежских сказок. А хранительница, голова которой ежеминутно клонилась к столу, сидела над справочником по фармакологии, с трудом игнорируя чашку крепкого кофе. На том, чтобы заварить сей бодрящий напиток, Елизавета настояла, когда обнаружила в саду экземпляр этого бесполезного, по мнению японки, растения. Последняя воротила нос от кофе до тех пор, пока не стала носом клевать. А Лиза всё твердила что-то о проверенном средстве и о том, что бодрит оно даже лучше, чем погружение в прорубь.

— Не спать, — приказывала себе Аризу Кей, хотя веки ее так и норовили сомкнуться, а рукав голубого кимоно мнился мягчайшею из подушек. С той поры, как над садом нависла туча, японка стала чувствовать острую необходимость в отдыхе, весьма для нее непривычном, и расценила подобное желание как начало какого-то заболевания, решив бороться с недугом до победного конца. Однако верх, по всей видимости, одерживал Морфей, и противиться ему у хранительницы не доставало упорства.

— Вы как? Держитесь? — спросила, вошедши, Лиза. — Может, подлить кофейку?

— Еще одной бессонной ночи я не выдержу, — простонала та. — Лей, не жалея.

— Я детишек уложила, — участливо сообщила россиянка. — Только один тут у нас, полуночник, всё с книжкой никак не расстанется.

— Гони его в постель, — без церемоний проговорила Аризу Кей и, отпив, поморщилась так, словно в чашке плескался уксус. — Что мне делать, что делать? Мой волшебный остров скоро станет видимым, чары рассеются, и ненасытные земляне примутся его штурмовать.

— Этого нельзя допустить! — всполошилась Лиза. — Неужто нет никакого выхода?! Я тут давеча... — Она помедлила, устыдившись своего непристойного поступка, — без спросу залезла в ваш секретер, тот, что на втором этаже...

Чело японки несколько прояснилось, и она устремила на собеседницу пытливый взгляд.

— У вас планов и чертежей видимо-невидимо! — уже с жаром продолжала та. — И некоторые, сказать по правде, весьма многообещающи. Мой отец инженер-конструктор, так что я тоже в технике кое-что смыслю, — пояснила она, приободрившись. — Мне кажется... Я считаю, сад нуждается в ваших умелых руках и сметливом уме.

Сонливость хранительницы как метлой смело, поэтому остаток ночи они с Елизаветой безвылазно провели в отделе манускриптов, за чертежами и схемами, сыпля плодотворными идеями, точно песком. А на рассвете к ним пожаловали неожиданные визитеры.

— Я-то думал, вы мафию расколошматили в лучших традициях комедий с Джеки Чаном, — разочарованно протянул Франческо, просачиваясь в калитку вслед за Кристианом. — Ну, знаете, одному по шее, другому — в ребра. Вы же у нас мастер по части

ломания конечностей! Да и Джулия... Помните, как она проучила того жиголо на пароме?! А Клео так вообще кому хочешь перцу задаст!

— К счастью, у нас имелось нечто куда более эффективное, — вкрадчиво произнес Кимура, скользнув взглядом по фигурке идущей впереди Джулии.

— Что вы разумеете под словом «эффективное»? — со знанием дела поинтересовалась Джейн. — Высокое напряжение? Ультракороткие волны? Низкие частоты?

— Ой, давайте как-нибудь потом, а? — нетерпеливо отозвалась Венто, огибая гниющие клумбы и с каждым шагом всё более мрачней. Не ждала она застать в саду столь гнетущую перемену. Каково сейчас, должно быть, самой Аризу Кей! Девушка уже начала опасаться, не отправилась ли она по тропе Актеона, в подземное царство, когда рядом с аллеей, на черной, точно обуглившейся, полянке замелькало ее цветное кимоно.

— О, мне так жаль, мне так жаль! — вместо приветствий запричитала хранительница, и не впечатлило ее даже прибытие дражайшей ее Клеопатры. — Я должна была вас предостеречь, но, к величайшему моему огорчению, лишена была возможности...

— О чем это ты толкуешь, Аризу-сан? — удивленно спросила Джулия. — Почему сад не цветет, как прежде? Где детский гомон и смех?!

Японка потупилась, как младшекласница у доски.

— Какая-то неведомая сила запустила разрушительный процесс, остановить который мне до сих пор не удалось. Но, — подскочила она, точно ужаленная, — у меня есть план! У нас есть план, правда, Елизавета?

— И притом преотличнейший, — подтвердила Лиза, высунувшись из-за сухой сакуры и потреся стопкой исчерченных бумаг.

У студентов разом округлились глаза, а Франческо, вдобавок, издал звук, который не очень-то его красил, зато вполне выражал изумление всех троих.

— Пизанская кампания и все ее сто восемьдесят колонн! — воскликнул он. — Каким ветром тебя сюда зашвырнуло?!

Джейн же этот вопрос, судя по всему, не интересовал совершенно, потому как она без предисловий кинулась россиянке на шею, приговаривая, какая Лиза стала хорошенькая и как чудно, что встреча их состоялась именно в саду.

— Не хочу расстраивать вас раньше времени, но, видно уж, придется, — со вздохом сказала Елизавета, переглянувшись с Аризу Кей. — В Академию нам ход закрыт.

— То есть как это?! — возмутился Франческо. — Мы, понимаешь ли, славно завершили миссию, нам как триумфаторам подобает с почестями вступить в чертоги Академии, а портал взял и сломался?!

— Если сюда еще можно попасть, то вот обратно... — покачала головой хранительница.

— Безобразие! — проворчал Росси, опускаясь на скамейку.

— Однако не всё потеряно, — измученно улыбнулась хранительница. — Благодаря вашей подруге, у меня появилась надежда... Дайте мне срок — и, весьма вероятно, работа портала вскоре наладится. Тут кое-чего, — присев на корточки, она порылась в бумагах и досадливо поджала губы, — да, тут кое-чего недостает. И я не знаю, что подыскать на замену.

— Не хватает какой-то детали? — справилась Джулия. — Покажи-ка.

Теперь на корточках они сидели уже вдвоем, под сердитым взглядом Франческо, который, похоже, забыл свою рыцарскую манеру и вновь скатился к образу брюзжащего

старика.

— Видишь, нужна преломляющая призма, а у меня таковой не сыщется во всем саду! И ладно, если бы она не имела решающего значения...

— Так, понятно. Сэнсэй, у нас есть призма?

— Призма? — озадаченно переспросил тот. — Боюсь, ничем подобным мы не располагаем.

— Ну да! А как же бриллиант, доставшийся мне от Федерико?! Неужто мы не прихватили его с собой, когда собирали вещи?

Тут Клеопатре настал черед выступить из тени, ибо она, как преданнейшая из представителей рода человеческого, вызвалась тащить сумки с накопленной в бутиках одеждой и довольно-таки остро отреагировала на небрежное предложение Франческо оказать ей помощь.

Аризу Кей в этот момент, казалось, смекнула, что негоже обделять кенийку вниманием, и, подскочив к ней, со всей душой пожала ей руку. О роли африканки в «антиморрисовой» операции осведомлена она не была.

— Раз ты с нами, деревья точно зацветут! — сказала японка, лучась улыбкой.

— Такое ощущение, что ты построила здесь теплостанцию, — в ответ выпалила та. — Духота, туман... У нас в племени подобная погода — настоящий бич для охотников. Не стоит и пытаться выследить в тумане дикого кабана — он насадит тебя на клыки вернее, чем ты вспорешь ему брюхо.

— Давай-ка мы лучше посмотрим, нет ли в вещах бриллианта, — тактично уводя африканку в сторону, сказала Джулия.

Однако похвастать перед хранительницей обновками ей так и не довелось, ибо, в самых сжатых выражениях извинившись за рассеянность, Кристиан выудил самоцвет из карманов своих брюк и поинтересовался, сгодится ли он для планируемой конструкции. Аризу Кей была счастлива, насколько позволяло ей нынешнее ее состояние, и пообещала, что через пару часов от тучи не останется и следа.

Глава 30. Весна в саду

— Но всё-таки, как объяснить, что за одну ночь закоренелый вор и убийца превратился в миролюбивого джентльмена, который ложится спать не иначе, как с хорошей книжкой, а добротному ружью предпочитает плед и чашку горячего шоколада?! — недоумевала Джейн, истолковав рассказ Джулии по-своему и присочинив подробностей, какие в повествовании не фигурировали.

— Не думаю, что Моррис именно так проводит теперь досуг, — с сомнением отозвалась итальянка, пропуская ее к краю балкончика белой пагоды. — Но, сдаётся мне, здесь не последнюю роль сыграла внешность синьора Кимура.

— О да, он столь сногшибателен, что при виде его отъявленные злодеи тают, как эскимо на солнцепеке, — отпустил шуточку Франческо, причаливая к перилам рядом с Джейн.

— А вот и нет! Вовсе и не поэтому, — сказала Джулия. — Всё дело в том...

В комнате, за клетчатой дверцей балкона, на котором расположились наши друзья, стоял невообразимый галдеж. И, хотя японка позаботилась убрать предметы первостепенной важности в недоступные для детей места, стены и пол всё равно оказались запачканы тушью, кисточки были найдены и пущены в ход как средства атаки и обороны, а низкий столик вместе с парой-тройкой подушек возведен в ранг крепостной стены. Между мальчишками шла непримиримая война за право распоряжаться балконной дверцей, которую они нещадно дергали то вправо, то влево, невзирая на ее предсмертные скрипы. Торжественности их гвалт в разговор отнюдь не привносил, поэтому, выдержав укоризненную паузу, Джулия вынуждена была продолжать под звуки ожесточенной баталии.

— В общем, Кристиан и Моррис, они...

— Ну, не томи! — затопал ногами Росси.

— Их практически не отличить. Один в один!

— Бли-зне-цы! — шепотом произнес Франческо.

— Мимо, друг мой! Они двоюродные братья.

Джейн призадумалась.

— Если б я была бандитом с репутацией и богатствами Морриса, я ужокошила бы и родного братца, не то, что двоюродного. Нет, тут что-то нечисто.

— Да отчего же? Они впервые в жизни увиделись, лбами, можно сказать, столкнулись. Друг на друга ополченные, друг с другом воюющие. Меня и то бы оторопь взяла, встретить я своего двойника! А Моррис — тот прямо дар речи потерял! (К слову, мой приبلудный кузен Федерико стащил у него из-под носа тот самый бриллиант, который мы отдали Аризу Кей).

— Знаете, мне всё больше становится жаль Морриса: дар речи потерял, убыток потерпел, — невинно улыбнулся Франческо. — А о кузене твоём я вообще впервые слышу! Где ты его откопала?

— Так ведь он в том фургоне сидел! Помните: ночь, деревушка, Люси.

Росси не удержался от очередного саркастического высказывания, а Джейн заявила, что недалек тот день, когда его упражнения в изящной словесности окончатся трагически.

— Я склонна полагать, — помолчав, проговорила Джулия, — что в прежних прегрешениях Кристиана виновна дурная наследственность... Раз они с Моррисом родственники.

— О, что я слышу? Какие вольности, синьорина! Какая фамильярность! — воскликнул Франческо. — «Прегрешения», «Кристиан». С каких это пор мы величаем учителя по имени?!

— Олух ты этакий! — пихнула его в бок Джейн. — Ей позволительно, потому как они в некотором роде... Ах! Будь ты хоть капельку наблюдателен, ты бы непременно сообразил, что к чему.

Джулия удостоила ее колючим взглядом и собралась уж положить конец этой скользкой беседе, когда многострадальная балконная дверца сошла с рельса и безжизненно повисла на угрожающем расстоянии от головы Франческо.

— Вишь чего натворили! А ну, кыш отсюда! — прикрикнул тот на проказников. Ринувшись наутек, они развили такую скорость, что чуть не сшибли с ног поднимавшегося по ступенькам Кристиана.

В инструкцию по выживанию на дикой местности нелишним было бы внести пункт, касающийся ватаг обезумевших мальчишек: если на тебя несется орущее и топчущее перекасти-поле, необходимо как можно сильнее вжаться в какую-нибудь вертикальную поверхность, задержать дыхание и молить небеса, чтобы тебя ненароком не раздавили. Надо сказать, Кимура этим шагам следовал весьма добросовестно, за что вскоре был вознагражден, застав любимую свою ученицу на балконе.

— Не дети, а торнадо с вихрем, — были первые его слова.

— И вы прочувствовали, да? — с надеждой спросил Росси.

— Я только что от Аризу Кей. Елизавета у нее на подхвате, работа движется полным ходом, так что, думаю, к вечеру проблема с порталом будет решена.

— Только давайте не спешить с отбытием. Очень уж охота посмотреть, как возродится сад! — сказала Джулия, и Джейн ее тотчас поддержала. А Франческо с плохо скрываемой алчностью заметил, что не худо бы и бриллиант назад получить, когда все пташки и букашки войдут в привычный ритм и восстановится круговорот в природе.

— Кстати, насчет круговорота озорников, — добавил он. — Их нужно выпроводить прежде, чем от пагод не останется камня на камне.

Кристиан изысканно испросил разрешения похитить Джулию на некоторое время, увел ее в укромное местечко и сообщил, что тема для ее нового исследования в академической лаборатории найдена.

— Пси-явления?! — с подозрением переспросила та. — Но это ведь очень сложно! Полупроводники на основе природных полимеров — еще куда ни шло, но телепортация и прочие сомнительные процессы...

— Здоровый пессимизм, бесспорно, важен, однако проект действительно перспективный. В нем задействованы лучшие умы Академии, и за финансированием дело не станет.

— Полагаете, у меня ум как у Эйнштейна?!

— Я полагаю, — мягко и с расстановкой произнес Кристиан, — мы на пороге знаменательного открытия, и курсовая работа по данной теме может значительно способствовать повышению твоего уровня.

— А также расширению кругозора и покорению недоступных вершин, — усмехнувшись, завершила Венто. — Хорошо, я согласна. Только предупреждаю сразу: вас сильно разочаруют мои умственные способности.

Лишь хорошенько перегнувшись через перила, Джейн и Франческо могли наблюдать за

их жестикуляцией и выражениями лиц.

— О чем, интересно, они секретничают? — не скрывая досады, гадал Росси. — Могли бы уж и нас в свои тайны посвятить.

— А если они просто хотят побыть вдвоем, — предположила Джейн. — Вот как мы с тобой. Мы ведь тоже нередко уединяемся.

— Ну, с нами-то всё понятно, — отмахнулся Франческо. — Или... Ты что, хочешь сказать, они... Пффф! — Он был столь ошеломлен, что более доходчиво передать своё удивление никак не мог. — Им это не на пользу! Нет, подумай только, что сделает Деви!

— Поплюет через плечо, умоет руки да улизнет в какую-нибудь щелку, — спокойно сказала Джейн. — Или ты директора нашего не знаешь?

— Да это ведь почти служебный роман! За такое в кутузку сажают! Отлучают от церкви! Устраивают публичную порку!

— Не городи чушь! — перебила та. — Хоть бы здесь воздержался от пустой болтовни! А речь, между прочим, идет о весьма глубоком чувстве. Джулия поведала мне, что отныне имеет честь приходиться синьору Кимура сестрою, правда, не в прямом смысле. Они, как бы так выразиться, заключили договор.

Было видно, что Франческо уловил суть. Его левый глаз перестал дергаться, морщина на переносице разгладилась. Он с облегчением облокотился на балконное ограждение и самоуверенно заявил:

— Кимура не продержится, зуб даю. Снаружи, может, он и ледовит, как Северный океан, но внутри него бурлит лава.

— О, великий сердцеведец! — насмешливо воскликнула Джейн.

— А ты глянь-ка, глянь, чем они занимаются! Последи за его руками!

Ухоженные руки Кристиана чинно покоились на перилах горбатого мостика, из уст его текла размеренная речь, а осанка и манеры внушали уважение, причем не только Джулии, которая слушала его с раскрытым ртом, но также и детям-беженцам. Вначале они толпились поодаль, но потом набрались храбрости и приступили к самому ручью.

Мало кто постиг бы, что удовольствие для себя названные брат и сестра находят в беседе сугубо научной и что страстные излияния, какие тешат обыкновенно слух влюбленных, ни ему, ни ей радости не доставляют. Из русла научных истин разговор их постепенно перелился в русло высоких материй, и Джулия не могла не заметить, что на всём в саду, за исключением проточной воды, лежит отпечаток вырождения и некоего уродства. Даже небо, восхищавшее раньше слепящею синевой, сделалось серым и неприглядным.

— Тогда почему бы нам не прогуляться вдоль моря? — предложил Кимура, который непременно добавил бы, что, хотя небеса и не вызывают у него восторга, их лучезарность с лихвою восполняют глаза милой его собеседницы. Однако ради спокойствия обоих предпочел скрыть сии слова за долгим, выразительным взглядом.

Предчувствие говорило ему, что нескоро теперь доведется им здесь побывать, а потому запечатлеть напоследок в памяти морской пейзаж он почитал за великое счастье. Смутная надежда всколыхнулась в нем, когда по узкой лесной тропке, ведущей к пляжу, скользнул тонкий лучик света. Но, запрокинув голову, он осознал, что принял желаемое за действительное и что солнце выглянет из-за туч не раньше, чем будет сконструирован спасительный прибор. Однако он покривил бы душой, если б сказал, что небесное светило ему дороже солнца, шагающего рядом.

На берегу, как он и предвидел, было столь же сумрачно и неприятно, как и в саду.

Мутные, болотно-зеленые волны со взвесью водорослей атаковали отмель и вползали на песок под вой шквального ветра, клонящего долу колосистую траву в дюнах и немилосердно раскачивающего прибрежные сосны.

Джулия поежилась, жалостливо и с мольбою взглянув на учителя, который с поразительной понятливостью пожертвовал ей свой плащ, как когда-то на плоскогорье. Однако своенравная «богиня» жертву принимать отказалась, настояв на том, чтобы левая половина плаща досталась ему. Во время «Пелопоннесской войны» при подобном дележе она, вероятно, прибегла бы к помощи портняжных ножниц или чего-нибудь еще в том же роде. Но теперь, когда «Архидамов», «Сицилийский» и «Декелейский» периоды в их вражде были пройдены практически без потерь, Джулия могла прильнуть к его плечу с осознанием защищенности, какой доселе не ощущала.

— Ну вот, что я говорил?! — завозился в кустах Франческо, который вытащил Джейн из уютной пока еще пагоды исключительно оттого, что его взяла охота последить за своим научным руководителем. — Разложение нравов налицо!

— Холодно здесь, пойдем назад! — обиженно потребовала та. — Что тебе до них?!

Росси вспетушился, смерив ее надменным взглядом.

— Неужели ты можешь равнодушно смотреть, как эти двое афишируют свои чувства?! У тех, кто поскромнее, такие вещи держатся в строжайшем секрете, тогда как иные не стыдятся выставлять их напоказ! — напыщенно высказался он.

— Подлинную любовь в узде не удержишь, — возразила Джейн. — А я, между прочим, мерзну. Вставай сию же секунду, иначе я за себя не ручаюсь!

— погоди! — насторожился тот. — Где они? Я их не вижу!

— Что, испарились? — язвительно поинтересовалась англичанка.

— Минуту назад были на пляже, а сейчас... Не слизало ли их какой-нибудь злокозненной волной?! — заволновался он, едва ли не слившись с кустарником в единое целое. И если бы Джейн была расположена шутить в его духе, то сказала бы, что кустарник его поглотил. Вместо этого версия со злокозненными волнами была названа абсурдной, а сам Франческо — в сердцах — дубиной стоеросовой, после чего над головами «филёров» внезапно прозвучал властный баритон Кристиана, который выглядел весьма зловеще и, как им показалось, недружелюбно. Джулия стояла поодаль и давилась со смеху.

— Чем заняты, господа хорошие? — поинтересовался человек-в-черном.

— А мы тут, это, лисички собираем, — заюлил Франческо. — После дождя они, знаете, растут, как будто им гормон роста вкачали. Как ненормальные растут!

Тогда Кимура полюбопытствовал с недоступной своей высоты, сколько они насобирали, чтобы в ответ выслушать сбивчивую реплику итальянца о том, что они, вообще-то, за срезание грибов еще не брались, а в кустах задержались из-за жука, который рыл себе убежище в лесной подстилке. Но Кристиан, нисколько не смягчась, произнес фразу, которая моментально воскресила в душе Франческо все прежние его страхи и опасения, неразрывно связанные у него с учебными буднями в Академии Деви:

— Молодой человек, проследуйте за мной, у меня к вам разговор.

— Где-то я уже это слышал, — буркнул в сторону Росси и угрюмо поплелся за профессором.

Извинительно улыбнувшись и отряхнув с колен иголки, Джейн предстала перед Джулией в несколько потрепанном виде.

— Представляешь, выволок меня за ограду лишь затем, чтобы за вами пошпионить!

— Он неисправим! — со смехом воскликнула Венто. — Но ты уж постарайся, подруга, его отвадить. Подглядывать в замочную скважину дело недостойное.

Джейн вздохнула, и в ее сокрушенном вздохе всякий усмотрел бы многое множество безрезультатных попыток воспитать своего сердечного друга.

— Может, он и дуралей, каких мало, но я верю, что внутри у него теплится искорка, которую если раздуть, непременно зажжется пламя.

— Теперь, когда он в надежных руках, из него действительно выйдет толк, — кивнула Джулия. — Он как слепок из податливой глины.

— Ага, из очень вредной глины, которая мнется, как ей заблагорассудится. А как у вас... с синьором Кимура? — опасливо полюбопытствовала та.

— Прежде я не встречала никого, кто был бы мне столь близок по духу, — с чувством отозвалась Джулия.

Сама не ведая почему, Джейн вдруг завела речь о Люси, упомянув, что у нее-то, у белокурой, шансов не было никогда.

— Слишком уж она импульсивна и непоследовательна... Вылитая ты! — добавила англичанка, посмеявшись над противоречивостью собственных рассуждений.

А Люси, пошатавшись по острову Авго да хорошенько пораздумав над дилеммой — завладеть ли ей немедленно документами покойного Актеона или же попытать счастья у дверей в сокровищницу Дезастро, — остановилась, в итоге, на мысли, что Моррис и сам с великою охотой поделился бы с нею награбленным добром. А поскольку он в данную минуту занят щепетильным вопросом, как бы объявить своей банде, что она уж больше не банда, драгоценности переходят в ее непосредственное распоряжение. Так полагала она, проплывая по анфиладам, где, за арками, одни агенты Морриса миролюбиво играли в триктрак или мафию, другие хлестали пиво из огромных кружек, а третьи, на которых излучение Джулии не подействовало, грызлись из-за какого-нибудь пустяка. Потом она шагала по сырым коридорам подземелья, где, оправляясь после удара Клеопатры, плутал полубезжизненный Туоно. И, наконец, предстала перед неохраняемою «пещерой сорока разбойников». Она уже полезла в карман за отмычкой, как вдруг из дверей вышеупомянутой пещеры, утробно хохоча, вылетел пулей субъект с туго набитым за спиною мешком. От неожиданности Люси посторонилась, но очень скоро пожалела, что не бросилась этому сумасшедшему поперек дороги. Больно уж знакомым показалось его лицо в неверном свете керосиновых ламп. И уносил он, вероятнее всего, те сокровища, на какие претендовала она.

Федерико — а драгоценностями завладел именно он — лишь слегка вздрогнул, когда знаменитый кинжал Люси воткнулся в мешковину где-то на уровне лопаток, тогда как целилась она воришке в шею.

«И вновь удача!» — подумал он, выбегая на вольный простор острова Авго. Убежище рядом с мусорной кучей да неаппетитные отбросы вместо обедов и ужинов — это всё-таки не номер люкс, а наблюдать, когда над тобою вьются полчища мух, — вещь из малоприятных. Но, тем не менее, Федерико вовремя почувал перемену погоды в Моррисовой берлоге, куда и поспешил со всех ног, едва забрезжила заря. Он был в восторге от собственной находчивости и, мчась теперь к припрятанной в кустах лодчонке, мысленно поздравлял себя с победой. Жалел же лишь о том, что, по неразумию, отдал бриллиант кузине, тогда как мог зарыть его в каком-нибудь секретном месте. Впоследствии, когда Моррис удалится от дел, за него можно было бы выручить весьма приличные деньги. Но кто

ж знал, что Дезастро сложит с себя полномочия столь скоро?!

Конец мафии! Что она такое без главаря и «золотого фонда», который перенесен был по частям в лодку Федерико и остатки которого призывно звенели в его карманах да похрустывали в мешке. Скоро он разживется, разбогатеет, сделается крупным бизнесменом или просто прожигателем жизни. С утра до полудня будет катать мяч по гольфовым полям, по вечерам — играть в казино и не скупиться на выпивку таким же, как он, празднующим. А в один прекрасный день нагрянет к Джулии, чтобы просить ее руки. Да, недурен был план, однако следовало учитывать и настоящие обстоятельства, вернее, одно то обстоятельство, что Люси нагоняла беглеца быстрыми темпами. А всё потому, что сам беглец, замечтавшись, темп основательно сбавил.

— Эй, ты, кинжальчик-то отдай! — крикнула она ему вдогонку. — Во второй раз я уж, будь покоен, не промахнусь!

Федерико хотел в ответ бросить поддразнивающее «А ты догони!», но потом вспомнил, что ему еще грузеную лодку на воду спускать, и передумал, припустив от Люси, как молодая лань. Просвистел рядом с ухом перочинный ножик (ничего себе метательный снаряд!), донеслась издали неразборчивая ругань преследовательницы, после чего проныра ловко перемахнул через высокую зеленую изгородь — ни монетки не уронил, ни алмазика — и был таков.

Как моторчик, греб он веслами, разрезая морскую гладь, пока не почувствовал, что предел выносливости его превзойден, и не свесил в бессилии голову. Есть ли за ним погоня? Можно ли, наконец, спокойно вздохнуть? Он огляделся: на горизонте чисто, вода сверкает, с острова — ни дымка, ни выстрела. Стало быть, порядок. Его мысль вновь свернула к пикантной теме.

«Стоит мне объявиться в чертогах Академии Деви, — с хитрой улыбкой размышлял он, не подозревая, что объявиться ему позволят, в лучшем случае, у наружных ворот под башенками часовых, — стоит поманить Джулию пальцем, как она даст азиатку отставку и опрометью ринется ко мне. Непременно ринется, — рисовалось у него в воображении. — Этакая красotka, да с «королевской слезой» в придачу... Как узнает, что я обзавелся наследством от дядюшки (а об имени «дядюшки», пожалуй, умолчим), что у меня денег как морской гальки, сама умолять примется, чтоб я ее замуж взял».

Однако к чему торопиться? Прежде чем подбивать клинья к симпатичной кузине, неплохо бы хорошенько отмыться и отведать муската.

«Да, мускат шестьдесят седьмого года в самый раз», — облизнулся Федерико, думая уж больше не о том, как он будет преклонять колени перед Джулией Венто, но о том, какой ему достанется номер в отеле и как распределить ворованное, чтобы хватило на остаток жизни.

Франческо безучастно глядел в сторону окутанных дымкою гор, когда сзади его окликнула Джейн.

— Туман рассеялся! — радостно сообщила она. — А ты чего пригорюнился? Хмурый какой-то... Пропесочили тебя, небось? Нечего было в шпионов играть.

— Мой мозг атрофировался, — чётко и монотонно произнес тот, не соизволив даже обернуться.

— А? — оторопела англичанка. — Мозг?

— Я говорю, за всё то время, пока мы слонялись по Криту, мой коэффициент интеллекта снизился до уровня шимпанзе. И при чем тут пропесочивание? Нет! Мне

втолковывали суть будущей научной работы, и в суть эту я сумел вникнуть лишь с пятой попытки. С пятой! Позор мне и всему моему роду!

— Значит, тебя не отчитывали? — разочарованно протянула Джейн.

— Боюсь, в Академии я буду выглядеть полным дураком, — пробормотал тот. — Когда портал распахнется и извергнет нас, так сказать, вон...

— Ой, а я ведь с новостями! — спохватилась Джейн. — Портал должен распахнуться с минуты на минуту. Я встретила Лизу: хранительница колдует над своим прибором и напевает японские мотивчики. А это значит, что работа спорится и скоро будет завершена.

Проигнорировав сей новостной репортаж, Росси всё бубнил и бубнил что-то про свою безголовость и был, как никогда, озабочен мнением Кристиана Кимура о том, насколько он, то есть Франческо, отличается от обезьяны.

Кристиан же, исполнив обязанности научного руководителя по отношению к своему подопечному, возвратился за Джулией. Та заметила просвет в тучах и стояла теперь лицом к морю, задрал голову и любуясь голубой прорехой.

— Как отрадны иной раз бывают незначительные изменения, — тихо произнесла она, ощутив его прикосновение. — Казалось бы, такая мелочь, но как спокойно на душе!

— Ты права, радость моя. Единственный лучик света способен вывести человека из тьмы.

Любопытно, что сказал бы Кимура об огромном снопе искр, который в этот момент взметнулся из-за леса и рассыпался по небу мерцающими огнями. Джулия вздрогнула и оглянулась, поймав на секунду пронзающий взгляд учителя. После чего оба поглощены были уже зрелищем на востоке.

А на востоке полыхали небеса. Они переливались голубыми и зелеными трепещущими лентами, как если бы какой-нибудь портной раскатывал по столу свертки материи, будучи не в состоянии определиться с выбором... с выбором ткани для костюма Донеро. Джулии на память почему-то пришел именно щеголь-географ, и, сочтя это сравнение более чем забавным, она не придумала ничего лучше, чем заразить Кристиана своим смехом. Тучки жались друг к дружке, норовя ускользнуть от «северного сияния», и на их месте постепенно проступала свежесть лазури. Потеплел ветер с моря, отчетливее сделались тени на песке.

— Получилось! Получилось! Аризу превзошла саму себя! — ликовала итальянка. — То-то будет довольна детвора! То-то обрадуется Клео! Кстати, где она? Надо ее разыскать.

У Клеопатры не укладывалось в голове, как простой камешек, пускай и многогранный, и прозрачный, мог сотворить такое чудо. Она задумчиво ходила по зазеленевшей вдоль ручья травке, заглядывала в синеву вод, изредка омачивала ноги — и всё это с сосредоточенностью, какой позавидовал бы сам Алексис Кагаме. [58] Потом мысль ее от бриллианта перенеслась к вещи более прозаической: что станет с нею, с дочерью саванн, когда опустеет сад? Не за кем будет присматривать, некого укрощать. Зачем хранительнице балласт? Она препроводит Клеопатру в племя масаев — и, как говорится, амба, вот и весь сказ!

— А я не хочу в племя! — топнула ногою кенийка, переча воображаемому собеседнику. — Не хочу, не хочу!

— Чего ты не хочешь, милая? — осведомилась Джулия, которая точно из воздуха материализовалась и взирала теперь на африканку с неподдельным изумлением. — Не время киснуть: соловьи заливаются, почки набухают, а вон, гляди, цветочек на сакуре раскрылся!

— Душу не трави, — буркнула Клеопатра. — А о птичках и цветочках пой кому-нибудь

другому.

Помолчав, она испустила горестный вздох.

— Выдворят меня, понимаешь? Какой от меня прок в обновившемся саду? Там, где не мусорят и не шумят, надзиратель нужен, как летошний снег. Лишний он.

— Ты не лишняя! Ты никогда, слышишь, никогда не будешь лишней! — крикнула итальянка, спугнув стайку суетливых воробьев, облюбовавших куст черешни. — Кто внушил тебе эту вопиющую глупость?!

Чего греха таить, Клеопатра гораздо забивать свою светлую головку вопиющими глупостями, в чем она тут же и созналась, не желая возводить напраслину ни на хранительницу, ни на кого-либо еще. Однако Джулия пообещала, что с японкой на всякий случай переговорит.

— Твоя судьба устроится наилучшим образом, верь слову. А пока отложи попечение и лови момент. *Carpe diem*, моя дорогая! Весна в волшебном саду событие редкое и по размаху может поспорить разве с рождением звезды во вселенной.

Не сказать, чтобы Клеопатра моментально ободрилась, но краски и ароматы она определенно начала воспринимать острее. Включилось на полную мощность и без того усердствующее солнце, накатили отрезвляющей волною соловьиные серенады; как по команде, полопались на деревьях почки. И кенийке показалось, будто она до сей минуты находилась в глухом бункере и только теперь выбралась на свет, чтобы созерцать торжество пробуждающейся природы.

А Джулия убежала куда-то вглубь насаждений, напевая Моцарта и воодушевленно посвечиваясь. Каждый таинственный шорох, каждая призывная трель находили в ее душе живейший отклик. То и дело попадался на пути крупный благоухающий цветок, или полосатая свита пчел во главе с пчелиным предводителем, или облаченные в порфиру подрастающие вишни. И всякий раз девушка вздрагивала, издавая невесомое «ах!», а на лице безотчетно расцветала улыбка.

Аризу Кей уже давно как отложила инструменты и чертежи и вместе с Елизаветой предавалась заслуженному отдыху за чашкой крепкого чая. По румянцу на щеках японки да по умиротворенным ее чертам читалось выздоровление, какое, вполне естественно, должно было наступить с возрождением сада.

— Когда я занимаюсь каллиграфией, — говорила она, — я крайне серьезна. Но цель моя не в том, чтобы заткнуть за пояс выдающихся мастеров. Это лишь стезя духовного усовершенствования. [59]

— А-а-а, — отзывалась Лиза, желая произвести впечатление благодарной слушательницы, и потому слушая в оба. — Но что же, в таком случае, ваши вычисления и проекты?..

— Тренировка ума, мой друг. Ум также требует пищи.

— Пищи требует не только ум! — ввернула Венто, сунув голову в окошко беседки. — По дороге сюда я видела детишек, и они сдирали кору с молодого деревца, намереваясь, судя по их словам, добыть древесного сока.

— Ах, я разиня! — всплеснула руками та. — Совсем о них, бедняжках, запомнотвала! Поглядим, выйдет ли у меня с доставкой порций, как в эру перед декадансом, — Она хитро подмигнула Елизавете и отставила чашку, чтобы с опекунской расторопностью покинуть беседку.

— Когда я сказала, что дети терзают ее деревья, она даже бровью не повела. Вот что я

называю железной выдержкой! — хихикнула Джулия, усевшись напротив Лизы и проведя пальцем по выпуклому рисунку на блюде.

— А по-моему, тут не в выдержке дело, — философски изрекла та. — По-моему, незлобивость — нормальное состояние каждого человека. И меня ничуть не удивляет, что данное качество присуще Аризу-сан.

Итальянка пожалала плечами, заметив, что даже Лиза, в чьих патриотических чувствах не приходилось сомневаться, переняла у детей манеру адресоваться к хранительнице, используя суффикс «сан».

Кристиан непременно решил, что от нареченной своей сестры не будет отдаляться ни на шаг, но в последнее время обстоятельства складывались явно не в его пользу. Только он окружит Джулию заботой и лаской, как она тотчас же испаряется под каким-нибудь маловажным предлогом: для того, якобы, чтоб не пропустить цветение главного дерева в центре сада, или с тем, чтобы повидаться с Клеопатрой. Вот и сейчас его черный силуэт мелькал на фоне зеленеющих кустарников и розовых, низко опущенных шапок сакур; его черные туфли без особого проку попирали блистающую росой траву; от его звучного голоса взвивались в воздух золотистые щурки да лимонные канарейки. А Джулии словно след простыл. Зато Кимура без труда различил среди стволов гибкий стан африканки, к которой и поспешил, не теряя ни минуты. Клеопатра возилась с гирляндами, развешивая их по ветвям в честь праздника с непроговариваемым названием. Этот праздник был назначен сегодня на послезакатный час.

Человек-в-черном немало смутил ее своим внезапным появлением, резкими интонациями и чеканным слогом. Он, видите ли, хочет знать, где носит Джулию Венто и отчего ее нет с кенийкой. Он будет весьма признателен, если Клеопатра укажет точные координаты ее местопребывания, и сочтет за любезность, если ответ последует без проволочек. Чернокожая блюстительница порядка немедленно насупилась и напустила на себя неприступную строгость. Так что ответа от нее теперь можно было дожидаться с тем же успехом, что и от монолитной скалы. В общем, Кристиан попал впросак, однако задабривать ее улыбками, чтобы вновь снискать расположение, даже и не думал. А направился вместо этого к белой пагоде, где, по его разумению, итальянку и хранительницу можно было запросто застать за чаёвничаньем. Раздражение его с каждым шагом нарастало, хотя причин к тому практически не имелось. Разве Джулия не сама себе госпожа? Разве он тщился завоевать ее, чтобы затем отнять у нее свободу?

«Нет, — остановился он вдруг, глянув ввысь, сквозь переплетенья молодых ветвей. — Настоящая любовь, любовь ангельская, зиждется отнюдь не на превосходстве и подчинении. И я не вправе посягать на независимость Джулии, как не вправе и распорядиться ее досугом. Не то нашей пылкой дружбе вскорости придет конец».

[58] Первый африканский философ

[59] Переиначенное изречение философа 11 века, Мин Тао

Глава 31. Из огня да в полымя

Шествуя по пронизанному солнцем саду, Аризун Кей нашла Кристиана сидящим под сакурой и задумчиво покручивающим в руке лиловую маргаритку. До белой пагоды он так и не дошел, завернув на полпути в древние насаждения, где и обрушилась на него лавина всевозможных дум. Распознать в нем душевную смуту было для хранительницы делом двух секунд.

— А, вот ты где, друг мой любезный! С тех пор, как я врачевала твои «боевые раны», мне так и не выпало случая поговорить с тобой тет-а-тет. Вижу, ты не настроен вести сейчас пространные беседы, поэтому пытаться расспросами я тебя не буду. Однако на один мой вопрос ты можешь ответить односложно: вы с Джулией...

— Да-да-да, — с легким нетерпением отозвался Кристиан. — У нас штить, причем без намека на бурю. Тишь и безветрие. Ты это хотела услышать?

— А теперь прошу убраться с глаз долой, не так ли, господин Черный плащ? — с колючей насмешкою продолжила за него японка.

— Ничего подобного и в уме не было, — сдержанно заметил тот. — Просто я пытался собраться с мыслями.

— А я тебе помешала. Что ж, извини, если срываю ваше «собрание».

Она уже приготовилась двинуться прочь, но Кимура, прищурившись и выдавив полуулыбку, потянул хранительницу за рукав.

— Пстой, к чему весь этот фарс? Давай поговорим, как старые друзья. И не вздумай на меня обижаться. Еще один мой старый друг был сражен неприятельской пулей, и, хотя Джулия отчасти осветляет мою грусть, отбросить прошлое мне не под силу.

— Соболезную от всего сердца, — присаживаясь на траву и расправляя кимоно, сказала Аризун Кей. — После всего, что произошло, солнечный Крит уж не будет манить тебя, как прежде...

Она замолчала, подбирая слова, и, судя по тому, сколько длилось ее молчание, слова проходили кастинг весьма суровый. Улучив момент, соловей, который выдавал сперва лишь робкие трели в надежде привлечь внимание аудитории, теперь окончательно обнаглел и приступил к исполнению арий, какие не снились даже Верди.

— Должна поведать тебе одну историю, — прочистив горло, сказала хранительница. — Но прежде обещай, что с Джулией ты о ней не обмолвишься ни словом. Не хочу ее расстраивать.

Кристиан сосредоточенно кивнул, и она продолжала:

— Все мы внесли лепту в восстановление сада, но мало кто знаком с причиной, по которой он увял...

Ее пафосное «к нам пришло зло» Кимура беспечно пропустил мимо ушей, однако насторожился, когда затем она намекнула, что Джулии, вернее, ее старому телепортатору — вишневой ветви — в сей драме отведено ключевое место.

— Возможно, ветвь была потеряна, но я не исключаю и кражи. Особа, которая вторглась в мои владения, имела весьма крутой нрав, и сладить с нею оказалось не так-то просто.

— Опиши-ка мне ее, — попросил человек-в-черном, подперев рукою подбородок и устремив в заросли невидящий взгляд.

— Короткие светлые волосы, близко посаженные глаза, высокий лоб... — Аризу Кей еще долго выуживала из памяти отличительные черты Люси, пока Кристиан не прервал этот поток определений своим экспрессивным «Она, шельма!».

— Вы, стало быть, знакомы? — спросила японка. — Вот уж не подумала бы, что ты водишь дружбу с подобными личностями!

— Водил, — поправил ее тот. — Водил дружбу. Теперь это уже не важно.

— Ах, вот как! Не важно?! — Брови хранительницы поползли вверх. — Если б ты предупредил меня, с какими особами знаешься, я была бы предусмотрительней и не сыпала бы советами направо и налево.

Когда Кристиан невинно поинтересовался, что подразумевается под словосочетанием «сыпала советами», собеседница его изрекла такое, отчего гладко зачесанные назад, глянцевого его волосы чуть было не встали дыбом.

— Твоя Люси, — сказала она с укоризной, — просклоняв нас с Елизаветой на все лады, пожаловалась затем, что страдает от неразделенной любви к человеку, который увлекся другою. Пожаловалась, не называя имен. Упомянуты были лишь Моррис, Актеон да Джулия. И то, с каким раздражением отзывалась Люси об Актеоне, навело меня на мысль, что он-то и есть властитель ее дум, а раздражена она постольку, поскольку он не обращает на нее внимания. Когда же я полюбопытствовала, кто такой Моррис, то получила довольно четкое представление о нем как о главаре мафиозного клана. И тогда всё, казалось, встало на свои места. Некая безымянная соперница, Джулия в стороне, Актеон...

— Именно его-то и убили, — пробормотал Кристиан, и Аризу Кей вспыхнула, как маков цвет. — А властителем, как ты выразилась, ее дум, был твой покорный слуга.

— Ох, я не могла даже допустить, что эта ужасная особа влюблена в тебя! Она ведь ни разу не произнесла твоего имени!

— А как же ее связь с Джулией? — нахмурился Кимура, которого такое объяснение отнюдь не устроило. — Если она жила с Джулией под одною крышей, не следовало ли из этого заключить, что я также вхожу в число ее приближенных?

— Оно-то, конечно, так, но... — Хранительница озадаченно потерла переносицу. — Но в тот момент меня занимало иное: свечение Джулии давно сделалось предметом моих размышлений, и я гадала, как бы употребить его во благо вашей операции. Тогда я решила, что на меня снизошло озарение, но, к несчастью, я обманулась. К несчастью для тебя и твоего друга Актеона... Я посоветовала Люси представить Джулию Моррису.

— Не подозревая, что она и есть та самая соперница, — подытожил Кимура. — Ну и удружила же ты, Аризу, нечего сказать! В какой водоворот нас всех втянула!

— Вероятно, я уже тогда утратила свою проницательность... Потеряла хватку, — удрученно сказала та. — Повествование моей пленницы было не всегда последовательным и местами сумбурным, что, возможно, и сбilo меня с толку.

Кристиан лихорадочно мямл цветы в пальцах. Ясно, как день, что у Люси еще до злосчастного столкновения в саду зрел план, а советы японки этот план только упрочили.

— Как могла ты подвергать ее такому риску, зная, что я к ней испытываю?! — высказался он наконец.

— Я полагала, трудности лишь укрепят ваши отношения, — неуверенно проговорила Аризу Кей.

— А если бы Моррис лишил ее жизни? Как бы ты оправдалась?! — Он в изнурении запрокинул голову. Там, над переплетениями униженных цветами ветвей, сверкало лазоревое

небо, грело щедрое солнце и порхали юркие птички. Однако если бы кто-нибудь предположил, что Кристиан не расположен к восторгам на их счет, то попал бы в самое яблочко. Признание хранительницы поразило его до глубины души, если не сказать большего. Оно свергло хранительницу с пьедестала всеведущей и всемогущей жрицы, уравнив с простыми смертными; ее, непогрешимую, низвело до уровня тех, кто учится на своих ошибках.

— Знай, — приглушенно проговорил человек-в-черном, — что если бы Джулия погибла, то одним Кристианом Кимура в мире стало бы меньше. Нас с нею скрепляет слишком прочная нить.

— Но ведь финальный аккорд сыгран, и он мажорный, не так ли? — улыбнулась японка, положив руку ему на плечо.

Не удостоив ее ни ответом, ни взглядом, он с отрывистым вздохом поднялся на ноги, стряхнул с одежды бледно-розовые лепестки и побрел восвояси. Хранительница чувствовала себя так, словно ей на голову обрушилась арка красной пагоды.

«Вот и точка, — угнетенно подумала она, — в нашей незыблемой, многолетней дружбе».

Лиза с Джулией обнаружили в неизведанной части сада узкую, замшелую тропинку, которая вилась меж гладко отесанных валунов и заползала в самые таинственные уголки.

— А ты хоть капельку скучаешь по Криту? — спрашивала Лиза, глаза по сторонам. — Он ведь, наверное, сказочный...

— Ага, сказочный. Был бы сказочным, если бы не мафия. Мы скрывались от преследователей, чтобы, в итоге, угодить прямиком в их логово.

— Значит, они вас сцапали?

— Сцапали? Нет, — безотрадно рассмеялась Венто. — Заманили и запутали. Так вернее будет. Я доверилась кое-кому, а расплачиваться пришлось с лихвою. Ведь ничто не мешало мне повернуть назад. Дать стрекача, если что не по-моему, — это я всегда. Но только б рассудительность была... Да осторожность. В общем, засадили меня в зловонный подвал, и не подоспей вовремя Клеопатра, стала б я мишенью для стрельбы.

— Ох! — вырвалось у Лизы, которая перестала считать ворон, явственно представив себе, как корчатся при расстреле осужденные. Пространные дифирамбы в честь кенийки, последовавшие вслед за сим, ничуть ее сердца не тронули, хотя уж кто-кто, а мужественная и отважная Клеопатра заслуживала почестей больше иных. От Джулии это безразличие не укрылось, и она потребовала разъяснений.

— Бука букой, — серо отозвалась Лиза, охарактеризовав таким образом африканку. — Я еще в Академии заметила, что она с приветом. Ходит, от каждой тени шарахается. Непривычна я к таким странностям.

— А она непривычна к нашим, — припечатала та, добавив затем более кротко: — Я бы очень хотела, чтобы вы подружились. Ты ведь в некотором роде заменяла ее, исполняя в саду ее обязанности. Вы непременно должны сойтись во вкусах!

— Ладно бы она была робкой овечкой, — протянула Елизавета, — но она ведь и горы посворачивать может, если ей на ум что взбредет! К ней и подойти-то боязно — шибко уж она с виду внушительна.

Не менее внушительной показалась ей фигура Кристиана, который приближался к ним, как рассекающая воздушные слои комета. Столь же устрашающе и неотвратимо. Он был не

из тех, кто охотно расточает улыбки и комплименты, а в данную минуту выглядел так, точно ему дали отведать прогорклого масла, осушив при нем последнюю флягу с водой. По крайней мере, выражение его лица красноречиво свидетельствовало о чем-то подобном. Мало того, думал он, что чернокожая игнорирует его, словно на его месте чурбан, так еще и хранительница невесть кого из себя возомнила, распоряжаясь судьбами, как ей на душу ляжет. Беспредельное разочарование, глубоко затаенная обида. Он не настолько пока совершенство, чтобы вот так, безоговорочно, прощать. Правда, трагедии из признания японки он также делать не собирался.

— Джулия, насилу вас нашел! — воскликнул он, пронзив ее взглядом, как иглою. — Нам пора.

Лиза при его появлении вытянулась по стойке смирно, стараясь как можно реже дышать и производить, по возможности, минимальное число движений. На нее, как и на подавляющее большинство студентов Академии, один только облик человека-в-черном оказывал действие сродни красному сигналу светофора. А от звука его голоса у многих начинали трястись поджилки, как если бы этим голосом им выносили смертный приговор. Что и говорить, если даже у Джулии при одной мысли о нем по телу разливалась слабость. Она совсем недавно стала замечать, какие у Кристиана необычайно яркие черные глаза. Эти глаза сверкали, даже когда он выглядел задумчивым или отстраненным. А уж если речь заходила о чем-нибудь для него небезразличном, сияние глаз заливало всё его лицо.

— А как же праздник? — опешила она. — Через три часа, уже совсем скоро. Аризуну обещала устроить незабываемое пиршество.

— Никаких праздников, — отрезал Кристиан. — Время не терпит.

Он выжидающе умолк, хотя готов был взорваться — так у него всё кипело внутри. Однако выходить из терпения на глазах у Джулии — безумство из безумств. Она, еще чего доброго, сочтет его взбалмошным и расторгнет вгорячах «братско-сестринские» узы. Поэтому на случай неповиновения он даже заготовил сентенцию о тщетности человеческого бытия и о тех бесполезных членах общества, которые, в угоду своим порокам, предаются эпикурейской праздности, вместо того чтобы трудиться на благо науки. Но ораторствовать на сию животрепещущую тему не пришлось — девушка ни с того ни с сего учтиво склонила головку, пробормотала: «Конечно, сэнсэй», — и выразила полную готовность следовать за ним хоть в рай, хоть в пекло. Лизу, которая так и не оправилась от перенесенного при виде Кристиана шока, она настойчиво потянула за собой.

Было без пяти минут равновесие, без одной минуты — неземная благодать, и Франческо, настроение которого после встречи с учителем почти пришло в норму, сидел под вишней в позе лотоса, учась медитировать по технике Аризуну Кей. Джейн бродила рядом и, казалось, была чем-то раздосадована. Где-то среди деревьев японка умасливала пирогами Клеопатру, которая, столкнувшись в насаждениях с человеком-в-черном, сделалась замкнутой и скупой на слова. В ее помощи, несомненно, нуждались и нуждались весьма, поскольку детишки, прослышав о том, что открылся портал, бросились из пагод врассыпную, чтобы их не поймали и не отправили депешей в родное гнездо.

Черный плащ синьора Кимура наводил на Франческо ужас, и не успел он отдаться блаженству под сенью сакуры, как этот inferнальный предмет одежды вновь обнаружился у него перед носом.

— Уходим, — распорядился Кристиан, небрежно оборвав шелковую паутину, которую бедный паук-трудяга старался, плел с тех пор, как развиднелось.

Джейн подскочила к своему руководителю, словно голодающий Поволжья к трапезному столу, и поинтересовалась, не готова ли тема для нее.

— Обсудим позднее, — был ответ, и англичанка понуро отступилась, видя, что ничего толкового от него не добьется.

Ребята решительно не понимали причину столь скорого отбытия; Кристиан же упорствовал в молчании. Он был убежден, что излишняя осведомленность полезной не бывает, и отнюдь не желал оповещать своих подопечных о том, что между ним и хранительницей пробежала черная кошка.

— Я хочу попроситься с Аризу Кей, — заупрямилась Джулия. — Мы не можем просто так взять и исчезнуть.

— На это нет времени, — возразил Кристиан. В голосе его прозвучали властные нотки: — Беритесь за руки.

На фоне плаща мелькнула серебристая пластинка телепортатора.

— Так не пойдет! — воспротивилась Джулия, которая поставила себе непременною целью увидеть напоследок хранительницу сада. Но не сделала она и двух шагов, как учитель с силою сжал ее запястье, чем вызвал ее крайнее возмущение. Однако вырваться было бесполезно — она и пикнуть не успела, как свет сада для нее померк. Теперь все четверо вместе с Елизаветой стояли на мощеной камнем дорожке академического парка, где фонари еще не погасли, а небо над сторожевыми башенками уже приобрело слабую малиновую окраску. Кристиан всё так же сжимал ее руку, словно бы утверждая над нею свою власть, и глядел пристально и сурово. Он никак не мог привыкнуть к неповиновению с ее стороны.

Лиза, едва очутившись на знакомой территории, рванула к общежитию, да так резко, что без труда оставила бы за флагом лучших спринтеров Италии, вздумай они с нею состязаться. Сейчас она растолкает своих приятельниц, чтобы объявить о возвращении героев. И они, то есть приятельницы, ввиду такого события не пошлют ее куда подальше, как это бывает в обыденных ситуациях, но заразятся духом торжества и сбросят ночные сорочки, дабы облачиться в праздничные одежды и выйти навстречу победителям.

Франческо также поспешил к своим, чмокнув Джейн в губы. А Джейн, пожелав Кристиану и Джулии доброго утра, вприпрыжку убежала вглубь парка, как будто нарочно предоставив им возможность объясниться наедине.

— Что на тебя нашло?! Попроцаться с Аризу Кей!

— Что нашло на меня?! — взвилась итальянка. — Мне хочется то же самое спросить у вас. Какая муха вас укусила, сэнсэй? Что вы имеете против проводов?!

— Ровным счетом ничего, — отозвался тот. — Но едва ли хранительница одобрила бы столь скорое расставание. Я предвидел, что она примется уговаривать нас подождать, пока не окончится праздник в честь возрождения, и, в итоге, переубедит всех до одного. А наше появление в Академии после рассвета чревато долгими расспросами и подозрениями.

Джулия мрачно кивнула. Его доводы были неоспоримы. И самого стойкого хватил бы удар, когда бы они вдруг выплыли невесть откуда.

Кимура взял ее за руки и вкрадчиво прошептал:

— Давай не будем ссориться, милая. Нам ведь еще столькое предстоит.

То ли голос его, то ли нежное обращение возымели силу, но Джулия внезапно приникла к нему, и он ощутил аромат ее волос.

— Я с вами до скончания века, синьор, — страстно проговорила она и, поцеловав его в щеку, скрылась в утреннем тумане.

Он и не подозревал, сколь правдивы окажутся его последние слова, сколь много надлежит им в действительности претерпеть и выстрадать. Этот ее поцелуй, это ее пламенное обещание он остался переживать в одиночестве, на безлюдной аллее, с чемоданом в руках. И только Донеро, которому не спалось и который от нечего делать нацелил свою подзорную трубу на человека-в-черном, мог бы, наверное, разгадать, что творится у него в душе.

Рассвет принес с собою тревожное известие, которое всколыхнуло весь четвертый апартамент, а также комнату, где обитал Франческо. Итальянца выставили вон вместе с пожитками, не вдаваясь в объяснения. И он с уныло опущенной головою приплелся в гостиную к подругам, где Мирей держала совет. Вопрос стоял более чем насущный: их четверых, сиречь Франческо, Джейн, Джулию и Кристиана, уличили в предательстве, но как-то уж очень неубедительно звучат факты. Факты, изложенные, по-видимому, злоязычною Аннет. Из кабинета директора поступило распоряжение вязать всех, невзирая на лица.

— Хорошо, что меня всего-навсего выгнали, а не связали, как приказал Деви, — облегченно вздохнул Росси, за что был немедленно удостоен критического взгляда француженки, который, казалось, вопрошал: «Когда же ты, любезный, перестанешь пороть чушь?!».

— Я вам неоднократно говорила, Аннет та еще змея подколотная! Добилась-таки своего. Что у нас полагается за предательство? Расстрел или виселица? — полюбопытствовала Мирей. Франческо громко сплотнул, поднеся руку к горлу. Он даже не знал, какое из двух зол меньшее, чтобы предпочесть одно другому. Однако, переведя взгляд на даму своего сердца, понял, что плохо не только ему. Джейн сидела с лицом землистого цвета и тряслась, как бланманже. А Джулия... Минуту назад находилась подле окна — и вот: окно распахнуто, а ее точно ветром сдуло. Ищи-свищи!

— Они с синьором Кимура теперь как луна и звезды. Столь же неразлучны, — сбивчиво пояснила англичанка, уловив мысль Франческо. — Ах, что с нами со всеми станется?! — прибавила она, всплеснув руками. — И отчего ты упомянула об Аннет?

— Как?! — вскричала Мирей. — Вы до сих пор не в курсе?! Да Веку из тех особ которых хлебом не корми — дай в мутной воде порыбачить! Волчица в овечьей шкуре! Она-то ведь, пока вы отсутствовали, по части газетных объявлений и промыванию мозгов целую деятельность развернула! Деви на ее удочку попался, как доверчивая рыбешка. Студенты от нее без ума, так что их умами она властвует безраздельно.

— Значит, выхода нет?! — всхлипнула Джейн. Франческо наполовину утонул в мягкой спинке дивана и возвел очи горе.

— Быть может, синьор Кимура что-нибудь придумает? — вставил он, хотя сам подобных надежд отнюдь не питал. В гостиной четвертого апартамента повисло тягостное молчание. И если бы не Лиза, втащившая географа внутрь как нельзя более кстати, то не исключено, что члены заседания вскоре дружно превратились бы в гуттаперчевые куклы.

Донеро проплыл в комнату, спланировал в свободное кресло и с ловкостью факира извлек на белый свет курительную трубку.

— Елизавета посвятила меня в вашу проблему, — сообщил он, сосредоточенно набивая трубку табаком. — Да, Деви и впрямь затрагивал тему о какой-то казни...

При слове «казнь» Джейн с Франческо разом подскочили на дюйм к потолку, и обоих

прошиб холодный пот.

— Но я и подумать не мог, — проговорил он, пуская клубы дыма, — что в предатели запишут таких славных ребят, как вы, мои дорогие. Положение нешуточное. Я попробую урезонить Сатурниона, однако ни за что не ручаюсь, — сказал он, колеблясь. Но потом внезапно осмелел и, вспорхнув со своего уютного «насеста», дал отбой.

Первой, кого повстречал Кристиан по дороге в лабораторию, была пожилая уборщица, которая так деятельно орудовала метлой, что заметила его лишь спустя некоторое время. Она застыла на лестничной площадке, точно Лотова жена, обратившаяся соляным столбом. А Кимура принял сие бездвижие всего-то за дань уважения и прошел к себе, как ни в чем не бывало. Правда, одно обстоятельство от него все ж не укрылось: никогда еще уборщицы прежде не приветствовали его отвисшими челюстями и безумными взглядами. А у той взгляд был доподлинно безумный и какой-то остекленевший что ли. В другой раз, когда сотрудники физического отделения отшатнулись от Кристиана, точно от привидения, ему также впору было насторожиться. Однако он не придал этому значения, преспокойно погрузившись в изучение рабочего журнала, который в его отсутствие едва ли заполнялся должным образом.

Если ты не предупрежден, если пронизательность тебя подводит, ничего не стоит попасться в ловушку. Но окружение Кристиана отчего-то было не настроено брать его силой. Перешептываться — да, многозначительно жестиковать — прекрасно! Но кто из них отважится завязать его в узел?..

Вопреки стараниям Донеро, который из кожи вон лез, чтобы вразумить директора и понудить его к отмене приказа, наши друзья к вечеру уже сидели за решеткой, в сыром каземате, куда Деви обыкновенно сгружал предателей всех мастей и национальностей. Франческо без предисловий шмякнули по макушке чем-то тяжелым; Джейн затащили в уголок и усыпили, нимало не усовестившись. А Джулия подросла к человеку-в-черном как раз тогда, когда к нему в кабинет ворвалось с дюжину крепких парней в масках и комбинезонах, какими директор весьма щедро снабжал своих секьюрити...

...- Почему ее с нами нет? Что задумали эти мерзавцы?! — неистовствовал Кристиан, расхаживая из угла в угол, меж тем как Джейн содрогалась от рыданий на плече у Франческо. Речь шла, разумеется, о Джулии, которую, по неизвестной причине, поместили в одиночную камеру. Зачем? Для чего? Предположений была масса — одно другого чудовищней. Такие и вслух высказывать побоишься. Постепенно Кимура предался меланхолии, на челе его пролегли глубокие борозды, и он в задумчивости опустил на хромой табурет. Изредка давящую тишину нарушали всхлипы англичанки да робкие увещания ее кавалера. Кристиан же страдал безгласно и безутешно.

Аннет Веку упирала в свое время на то, что, если Деви не хочет остаться с носом, девчонку, то есть Джулию, следует охранять тщательнее прочих и держать, по возможности, без сознания, пока не начнется судебное разбирательство. Тогда директор с неподкупным видом заявил, что никакого разбирательства проводить не намерен. Но Аннет всё равно советовала с «этой продажной шкуры» глаз не спускать.

— Меня предостерегли, — сказала она. — Венто в сознательном состоянии представляет собой серьезную угрозу.

Об известителе, она, конечно, не заикнулась, ибо кто же поверит сообщениям такого отпетого негодяя, как Туоно?!

— Если не хотите, чтобы орудие казни обуглилось или расплавилось прямо у вас в

руках, — прибавила она сухим тоном, — примите надлежащие меры.

Директор внял сим рекомендациям с горячей готовностью, тем паче что некоторые из его мускулистой «гвардии» на собственном опыте убедились, сколь сильным действием обладает свечение Джулии Венто, и даже успели обжечься. Он послушал советов Аннет, как слушал прежде ее наговоры, поглощая и первые, и вторые с жадностью, свойственной изголодавшемуся бедняку, который внезапно предстал перед усеянным яствами столом. Он впитывал каждое ее слово, каждый намек, и недалек от правды тот, кто предположит, что двоедушная француженка испытала на нем — причем не без успеха — свои гипнотические способности. Тем злополучным днем, когда Веку прибыла в Академию, когда ум Деви еще был чист от предубеждений против Кристиана и его учеников, тем злосчастливым днем была совершена роковая ошибка, раскаиваться в которой, увы, никто не собирался.

Из-за ошибок директора и вероломства отличницы-зазнайки более прочих терзалась Мирей. Бурно приняв известие о заточении друзей, она не находила себе покоя, и разговоров было лишь об этом да об этом.

— Вот видишь, видишь?! Никогда нельзя списывать со счетов такую вещь, как периодическая печать! Пресса — рассадник зла! — скандировала она, прохаживаясь вдоль фонтана и по-соколиному взирая на беззаботных игроков в пейнтбол, которые, как угорелые, носились неподалеку, меж деревьев, и обстреливали друг дружку шарами с краской. Роза соглашалась с нею, не находя, однако, смысла в том, чтобы сотрясать воздух громкими фразами.

...- Наш бонмотист, — рассуждала Мирей, проворно дожевывая ветчину за обедом, — еще мог заслужить наказание какой-нибудь своей неудачной остротой, но остальные-то, остальные! И Деви тоже хорош! Верит всяким встречным-поперечным!

За соседними столиками шушукались, в ее сторону бросали косые взгляды, и Роза с Елизаветой вскоре стали опасаться, что ораторствующую здесь преемницу Демосфена упекут в каталажку как соучастницу преступления.

«Что проку от пустых разглагольствований? — подумала Лиза, допивая свой сок. — Надо брать быка за рога и, как говорится, к бою!»

Казнь отступников была назначена на утро следующего дня, о чем их оповестили в развязной, шутливой манере. Франческо юмора стражников не оценил — нахмурился и сделался совсем как Кристиан, который ничего с момента заключения не ел, сидел, как бронзовая статуя, да прислушивался. Зная кипучий, неунывающий дух Джулии, можно было ожидать, что она примется распевать гимны, призывать громы на головы охранников и выстукивать ритмы по чугунному кружеву решетки, но ничего этого не происходило. В ее камере стояла мертвая тишина. До нее пытались докричаться, из последних сил молотили по стене кулаками — и всё без толку. Кристиан впервые столь глубоко омрачился духом. Впервые с того торжественного момента, как они взмыли в воздух над Академией и Донерс озорно воскликнул, что теперь уж домчит их до Крита с быстротою молнии.

— А ведь вы могли бы одним махом разнести эту решетку вдребезги, — осторожно заметила Джейн, прервав чреду его воспоминаний.

— Да, синьор, с вами никто не сравнится, уж поверьте! — подхватил Франческо, который до сей поры сидел насупившись и предавался похоронным мыслям о своей недалекой будущности.

Кристиан лишь покачал головой. Капитуляция налицо.

— Клеопатру бы сюда, — пробормотала Джейн, припомнив бойкий рассказ кенийки о

вызволении Джулии из плена на острове.

— Они пичкают ее какой-то дрянью, — глухо проговорил Франческо, не отводя ладони от щеки. — Какими-то наркотиками.

Кристиан распрямился и глянул на него в упор так, что у бедняги ёкнуло в груди.

— Это единственное объяснение ее молчанию, — сбивчиво добавил Росси, с трудом подавляя в себе желание забиться в угол и прикрыться чем-нибудь от немигающего взгляда человека-в-черном.

Глава 32. Принудительная коронация

Ничто не удержало бы Лизу от похода в Зачарованный неф. И ни единой живой душе не удалось бы утаить от нее оставшиеся бутылки с чудесным кагором. Несмотря на то, что енот стоял за них горой, — гора, впрочем, получилась из него неважная — запасы спиртного в баре поредели, и он вынужден был признать, что четыре лапы, полосатый хвост да усы — оружие никудышное. Зубы в ход он пускать не стал — укусить каждый дурак может. А енот не таков, он интеллигент. Из принципа не кусает.

Он надеялся, что за него заступятся, что правосудие не замедлит. Но барную стойку взяли приступом, а Донеро, этот ферт в пиджаке от Кутюр, модных брюках и клетчатом шарфе, даже пальцем не шевельнул. Сидит, небось, в какой-нибудь камерке на уровне люстры, покуривает да посмеивается.

«Всё, — оскорбившись, решил енот, — умываю лапы!» — и, раздобыв огрызок карандаша, принялся строчить увольнительную.

А Лиза, которую судьба енота на данный момент занимала менее всего, просочилась сквозь толпу гомонящих и, по-видимому, воинственно настроенных студентов, уловив ненароком слова «Пощады заключенным!».

«У нас самодержавие, какая тут пощада!» — подумала она, плотнее прижимая к телу сумку с бутылкой кагора. Вмешательство извне было просто необходимо.

Демонстрация бурлила под окнами директорского кабинета всю ночь напролет, и когда Елизавета вынырнула на поверхность, преодолев «пороги» и «водовороты» этой бушующей массы, в небесах над Академией проклюнулась заря. Миновав небольшую группу из сторонников решительных мер, не без жара обсуждавших предстоящую отступникам казнь, россиянка с прытью ягуара ринулась к дверям общежития, за которыми народу толклось не меньше, чем на улице. И вот, наконец, долгожданная встреча: лишь она да стакан проточной воды. Пришлось, однако, повозиться с пробкой, которая ни в какую не желала выниматься и упиралась всей своей пробочной округлостью, пока за дело не взялся штопор.

Две капли рубиновой жидкости... Сработает ли на сей раз? Лиза затаила дыхание.

Тем временем перед пленниками забрезжил свет. Не спасительный свет, отнюдь. Тщедушный лучик фонарика на батарейках. Казнь должна была состояться на главной площадке в центре парка, куда уже стали стекаться любопытствующие. Палач важно точил турецкую саблю, надев на голову, как в старые времена, мешок с прорезями для глаз. Деви со своими изошренными вкусами подумал-подумал, да смекнул, что негоже разводить костер для сжигания прямо посреди парка, а то, глядишь, перекинется пламя на кроны. А там и до стен Академии недалеко. Пускай уж лучше головы с плеч. И не столь затратно, и кровожадному палачу, которого Деви выудил неведомо откуда, увеселенье. А потенциальным изменникам — наука.

Когда Кристиан увидел Джулию без сознания, ему сделалось совсем худо. Франческо рассказывал потом, что такой степени бледности, как у учителя, на своем веку не припомнит.

«Кожа на лице истончилась невообразимо — прямо просвечивала!» — под сурдинку говорил он на ухо Кианг, глядя в оба, чтобы чаровница-Джейн не метнула в его сторону ревнивый взор да не повесила на него ярлык ловеласа.

... Итак, наши друзья были приговорены, и Кристиана на подступах к эшафоту

неотступно терзала мысль, что происходящее сейчас — результат исключительно его оплошности и недалёковидности. Куда девались прежняя его уверенность, бывшая отвага? Отчего бы ему не расшвырять стражников излюбленным своим методом? Неужто так угнетает его вид безжизненной Джулии Венто, той, ради которой он и горы готов был свернуть?! Франческо, как никто другой, осознавал его горечь и смятение, однако сам он настолько нуждался в ободрении, что воодушевить Кристиана на подвиг было ему не под силу. Вот уж замаячила впереди верхушка шеста с разноцветными отметками, вот послышался смех зевак и ропот возмущенной публики. Грешно не предпринять что-нибудь сейчас!

Внезапно Кимура остановился. Застыл на месте, словно стрелой пронзенный.

— Пошевеливайся, кретин! — взревел командир стражи, толкнув его в спину. — А то мы с тебя шкуру живо спустим!

На другом конце аллеи суетился Деви:

— Что там такое? Почему медлят? Я ведь приказал, или как?! Аннет, где Аннет?! Разыщите мне ее! Она должна видеть представление из первых рядов!

Умение раздражать узколюбых стражей закона, а в данном случае беззаконья, человек-в-черном весьма успешно унаследовал от родителей, как и прочие яркие свои качества. На него сыпались оскорбления, его пинали — и хоть бы что. Даже с места не сдвинулся. Начальник охраны как раз начал соображать, что пора бы пустить в ход тяжелую артиллерию, а именно дубинки и приспособления наподобие кистеня, когда чей-то мощный кулак угодил ему под нижнее ребро. После чего конвоиры с неопишным трепетом обнаружили, что цепи, на которых особенно настаивал Деви, дали слабинку и главный предатель неожиданно обрел свободу. Одни более впечатлительные лица приписали сие освобождение колдовству, другие — разгильдяйству и недобросовестности младших подчиненных... Лиха вдоволь хлебнули, впрочем, и те, кто был за магию, и те, кто за рассеянность. Когда Кристиан, сосредоточившись и погрузившись в себя, повторил подвиг китайских мастеров кунг-фу, мало не показалось никому. В пылу драки расхрабрилась даже Джейн и, невзирая на путы, сумела наподдать вовремя подвернувшемуся под руку, незадачливому преторианцу. Носилки с Джулией бросили где-то под деревом — тогда-то она и очнулась. Передозировка сделала свое дело: пейзаж перед глазами плыл довольно-таки прытко — не то брасом, не то кролем. Мимо Джулии к куче-мале просеменил, извиваясь угрем, директор, хотя на деле он, весьма крепко сбитый, с испугу еще и шею втянул, поэтому извиваться там было нечему. От учебного корпуса, странно подпрыгивая и меняясь в размерах, семимильными шагами спешило на выручку подкрепление. И следовало протереть глаза, чтобы убедиться в наличии у этого подкрепления карабинов и прочей, весьма внушительной, амуниции. Вооруженному до зубов, вновь прибывшему эскадрону было бы, как дважды два, отправить бунтарей в колонку некрологов... Если бы не одно происшествие.

События разворачивались столь стремительно, что Кианг, которая влезла на дерево, чтобы наблюдать за потасовкой, едва ли смогла бы поведать журналистам из студенческой газеты хоть что-нибудь мало-мальски вразумительное. Вслед за появлением в поле зрения экипированной «группы поддержки» случилось нечто такое, что привело в движение значительную часть ротозеев и согнало заплечных дел мастера с возвышения, на котором он тихо-мирно потачивал саблю. Вспышка на полнеба, а то и на всё небо целиком — лично директору некогда было вдаваться в детали. Он приготовился услышать гром, ибо, по его разумению, вспыхнуло не что иное, как синяя струя небывалой по силе грозы. Однако он

напрасно зажимал уши — барабанной дробы не последовало. Зато волосы его наэлектризовались и стали как щетка.

— Вот это я понимаю! Вот это высший класс! Такой мощности с избытком хватило бы для казни на электрическом стуле! — вырвалось у него, и он проворно упал на траву, чтобы его не испепелило ненароком следующей молнией. Со стороны же могло показаться, будто директора свалил сердечный приступ.

Как и предполагалось, Аризу Кей — а в Академию явилась именно она — одной молнией решила не ограничиваться. То тут, то там порасцветали голубые и желтые вспышки, однако на Кристиана, Джейн и Франческо, которые, войдя в раж, колотили противников с возросшим воодушевлением, эти вспышки не произвели ровным счетом никакого эффекта.

— Аризу! — пролепетала Джулия, в чьем взгляде засветилось безмерное обожание. Да и сама она вдруг засветилась. — Аризу! Спасительница наша!

Деви бегал вокруг свалки, комично размахивал руками, издавал нечленораздельные возгласы и издали шибко напоминал рассерженного скотч-терьера. Однако наконец он притормозил, оценил обстановку, насколько позволяла ему близорукость, и, указав трясущейся пятерней в сторону мерцающего пятна над эшафотом, крикнул не своим, но весьма убедительным голосом:

— В нее стреляйте, в нее!

Кое-кто отреагировал на призыв и даже занял позиции за ближайшими к площадке деревьями. О безрезультатности краткого залпа возвестили недоуменные лица стрелков да сдавленный хрип директора. А мерцающее пятно рассмеялось звонким, пронзительным смехом. И в этот момент Деви, который успел покрыться гусиной кожей и проблеять своим людям, чтобы они не отступали, заметил, как к первому пятну движется второе, не уступающее по яркости Альфа-Центавре. В этом пятне он распознал Джулию Венто.

— Стреляйте в них обеих! — с пеной у рта заорал он. — Не дайте им вас одурачить!

В светящихся оболочках Джулии и хранительницы пули сторали, как спички (или таяли, как воск, — тут уж любое сравнение сгодится), так что новый залп если и не вызвал в рядах паники, то наверняка заставил задуматься. Деви крякнул, схватился за голову и напропалую помчался к главному корпусу, за бинтами и аптечкой, предвидя, что из его подчиненных при таком жаре получится если не бифштекс, то отменное рагу.

Меж тем бои на передовой принимали довольно курьезный оборот, и те, кто делал ставки на стражников, рисковали остаться в проигрыше. Кристиан и Франческо определенно брали верх, хотя силы были неравны. Вымещая свое негодование на спинах и ляжках бывших притеснителей, Джейн быстро освоила хук слева и на практике ознакомилась с приемом «икке осаете» [60], которому во время короткой заминки ее обучил Кимура. Охранники, они же атакующие, они же терпящие поражение, чуть ли не кадрили перед Франческо отплясывали, и он тешил себя надеждой, что вскоре заставит их ходить по струнке. Небывалый прилив сил он приписывал, разумеется, только себе, хотя на школьных уроках физкультуры слыл лодырем, и в те годы к нему крепко-накрепко приклеилась унижительная кличка «Тэфтеля». Однокурсники тоже что-то не замечали за ним особого рвения к атлетизму, а частота, с которой он посещал тренажерный зал, говорила сама за себя. Так что богатырская силища, какую проявил он в драке, явилась открытием как для него, так и для его товарищей. Всею же этой силищей он был обязан исключительно хранительнице (ну, и, может, чуть-чуть — собственному усердию). Ему, если так

выразиться, из кладезя Аризун Кей перепал немалый потенциал, с каким не только в сражении победить, но и страну при желании завоевать можно. Итак, пока Франческо самозабвенно отправлял в нокаут любителей помахать кулаками, пока Кристиан и Джейн, также не лишённые поддержки хранительницы, придавали охранникам ускорение, сама хранительница сердечно приветствовала Джулию.

— Ваша Елизавета предупредила меня как раз вовремя. Похоже, сражение в разгаре, — улыбнулась японка. — Я ничего не пропустила?

— О, уверяю тебя, ты подросла в самую пору, — со столь же сладкой улыбкой ответила Венто. — Жаль, у меня ещё в глазах двоится, а то могла бы и я кого-нибудь поколотить...

— У нас с тобой другая задача, — Заведя руки за голову, Аризун Кей изящно вынула из пучка палочки-канзаши, и волосы её иссиня-чёрным каскадом ниспали на плечи.

— Это ещё зачем? — удивилась Джулия. — Чтобы облегчить путь потокам энергии? Активизировать биополе?

— Да нет, просто надоели мне эти шпильки, — сказала та. — Пора уже что-то менять.

— Когда всё закончится, приходи к нам в четвёртый апартамент, — предложила Джулия, взявшись с нею за руки. — Мы тебя приоденем, новый имидж придумаем. А то ты вечно в кимоно да в кимоно.

— Идет, — кивнула хранительница. — Ну а теперь давай-ка замутим здесь генеральную уборку!

Обстреливаемые со всех сторон, они, тем не менее, были неуязвимы. Вокруг творился невообразимый хаос, шум — что грохотание прибоёв в бурю, а им ни жарко ни холодно.

— Эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! Ты пахни в лицо, ветер с полудня! [61] — задорно крикнула Аризун Кей, заблестав столь ослепительно, что шаровые молнии и звезды галактики вместе взятые не дерзнули бы с нею тягаться и непременно сняли бы перед нею шляпу.

Джулия от японки не отставала, и вскоре вся Академия, начиная от макушек сторожевых башен и кончая глубокими, мрачными подвалами, сияла, что новогодняя елка. Люди из вооруженного отряда на проверку оказались не прочнее едва оперившихся птенцов — все, как один, попадали замертво. А Деви — на того и смотреть было больно — скорчился, точно его скрутило кишечным спазмом, глаза вылупил (тогда как их следовало бы зажмурить) и давай кудахтать, как наседка!

— Совсем, бедняга, из ума выжил, — пренебрежительно заметил Франческо, когда фейерверк наконец погас. — Как такому управление Академией доверить? — и, недолго думая: — Нам нужен новый директор!

— Эка прыть, а! — рассмеялся кто-то из галерки. Росси вздрогнул и почти машинально задрал голову. На дереве, как ни в чем не бывало, сидела Кианг и, болтая ногами, покатывалась со смеху. — Ловко вы их всех отутюжили! — сказала она, поведя рукою в воздухе. — Повеселили меня на славу!

Франческо бы ей ответил, уж он-то за словом в карман не полезет. Но появление двух прекрасных дев, словно сошедших с вершины Олимпа, лишило его дара речи.

— Ого! — только и пробормотал он.

— Джулия, Аризун Кей! Вас не узнать! — Разрумянившаяся и вспотевшая Джейн шагнула им навстречу. Ее правая щека была ободрана, из губы сочилась кровь, однако это лишь делало ей честь. И Франческо, который уже обрел способность соображать,

поинтересовался, не пересекается ли ее род со славным родом Жанны д'Арк.

Кианг вновь дала о себе знать, но на сей раз громким фырканьем.

— Вместо того чтобы рассусоливать, лучше б делом занялись! — надменно сказала она.

— А ты сама слезай, — предложил Кимура, который стоял, прислонившись к дереву, и придирчиво осматривал дыру на своем плаще. — Зрители пусть тоже подключаются. На казнь не поглядели, так хоть первую медицинскую помощь научатся оказывать. Вон сколько тел на поле сражения!

— Точно! А то разважничалась, понимаешь! — поддакнул Франческо и, чтобы как-то ускорить процесс, потянул китаянку за штанину.

— Эй! Эй-эй, ты чего творишь! — заверещала Кианг и скатилась кубарем напрямик к ногам хранительницы.

— С-скажите, а как у вас получается так лихо управлять собственной энергией? — с запинкой спросила она, взглядевшись в ее озаренное лицо.

— Помни, что ты один из многих, и ты станешь одним из лучших, — загадочно молвила та, и у Кианг вдруг проснулась совесть. Вылезла из запыленного закутка, потянулась — и понукать! Минуту спустя никто уже не мог отозваться о китаянке как о бездельнице и лежебоке — так резво она побежала за носилками, так организованно распределила обязанности. Одно слово — загляденье! Через час парк был приведен в полный порядок, вычищен и вылизан. Ровно подстриженные кустики, ухоженные деревья — хранительница тоже сложа руки не сидела. Сатурниона Деви на время поместили в изоляционную камеру — что-то уж очень он разошелся, развопился. А палача разжаловали и велели ему, пока суд да дело, подготовить сцену для торжественного момента, когда будет объявлено о новом директоре Академии. Острая до невозможности, добросовестно заточенная турецкая сабля нашла свой приют в музее общежития, который до сего дня особой популярностью не пользовался. Теперь же туда студенты просто валом валили — на саблю поглазеть да с нею рядом, по возможности, запечатлеться. Роза со своим скромным карандашом была там просто нарасхват.

Грех не упомянуть об Аннет. Случившееся повергло ее в столь сильное смятение и столь разбередило душу, что поначалу она даже готова была свести счеты с жизнью. Как?! Ее враги не пострадали?! Главного управителя запрятали в камеру для буйнопомешанных?! Запершись в своей душной комнатке, она начала с того, что стала биться головой о стену, изрыгая хулу и проклятия. На долю Кристиана проклятий досталось с ушат и еще ведро. Потом, поутихнув, подползла на четвереньках к батарее и осторожно выглянула из окна. Оттуда, как на ладони, виднелся парк: лужайки с фонтанами, аккуратные дорожки, беседка с четырьмя арками и круглый постамент, куда Деви частенько забирался для произнесения своих пространных и запутанных речей. Деви... Аннет вспомнила, как однажды встретила этого чудаковатого старика в шлафроке и ночном колпаке посреди парка, как он бормотал что-то о сверчках, которые мешают спать, и грозился, что уволит их всех до единого. Неужто он пал жертвой ее обмана, ее клеветы? Неужто план ее дал течь? «Поразмысли-ка, — сказала она себе. — Кимура празднует победу, а Деви вот-вот поставят на учет к психиатру. Венто ликует, а ты... Ты исходишь желчью. Так кто же в выигрыше?»

Она еще раз обвела глазами идиллическую картину и внезапно ахнула, чуть подавшись назад: прямо на нее, на нее одну устремлен был ясный, пронзительный взгляд Аризу Кей. Цепкий и притягательный, как россыпи звезд в теплую летнюю ночь... Поглощенные разговором Кристиан и Джулия, рьяно спорящие о чем-то Франческо и Джейн,

хозяйничающая Кианг да палач с метлой — всё померкло перед нею, смазалось, точно сюжет на холсте экспрессиониста. Существовал для нее только этот гипнотический взгляд.

«Отчего же, милая, изводить себя понапрасну? — прозвучал у нее в голове тихий голос. — Не нужна ведь тебе его смерть. Ты скорей неумной злостью загонишь с-е-б-я в могилу! Зависть гложет? Но зависть — язва. А ведь ты могла всё это время пить из полного кубка жизни!»

К лицу прихлынула кровь, и Аннет разразилась слезами. Мало того, что ее усилия пошли насмарку, так еще и столько счастливых дней непоправимо загублено! Дней, которые могли бы быть счастливыми. Целительные и освежающие слезы — редкое явление для Аннет, которая ожесточилась не без участия темных сил. Но вот колдовство аргентинского шамана пошло на убыль, истончилось, прохудилось, как изношенная одежда, и с судорожным предсмертным хрипом вылетело за пределы обессиленного тела. Шаман, который в этот момент пожевывал куриную ножку у очага своей хижины, ощутил отток энергии, забеспокоился и заварил себе трав.

А Аннет, полежав немного на полу под окном, — после такого стресса отлежаться никогда нелишне — вернулась к действительности, которая вдруг показалась ей радужной и весьма многообещающей. Она открыла левый глаз — и подивилась голубому небу, открыла правый — и испытала восторг оттого, что находится в столь дивно обустроенной, опрятной комнате.

«Ну, всё, — решила она, едва сдерживаясь, чтобы не запеть от радости, — пускай другие, если им хочется, тратят время на зависть и месть. А у меня времени не так уж и много. Оставим его для созидających чувств».

Чтобы назначить директора, у которого и винтики в голове на месте, и характер предприимчивый, мало ограничиться собственным мнением. Нужно созывать совет, устраивать демократические выборы, заниматься подсчетом голосов. На новую должность претенденты объявились не сразу. Двое, правда, вскользь признались, что не прочь ввести в местную систему образования кое-какие реформы. Признались — и прикусили язык, но было уже поздно — их вписали в бюллетени. А третьего пришлось вытаскивать из Гватемалы и чуть ли не за шиворот. Этот третий страшно не желал известности, а потому на уговоры поддавался с трудом. Но всё-таки поддался и предстал перед избирательной комиссией, нервно теребя свой клетчатый шарф.

— До-не-ро? — по слогам прочитал представитель совета. — А как будет ваше полное имя?

— Полное имя? — обидчиво переспросил географ. — Мне и этого вполне достаточно. И вообще, я на директорский трон не напрашивался!

— Не трон, а всего лишь кресло, — уточнил председатель.

— Трон, кресло... Невелика разница! — раздраженно припечатал Донеро. — Меня в Гватемале друзья ждут, а на следующей неделе — в Индии. А потом — в Китае и Шри-Ланке. Некогда мне тут с вами лясы точить!

— А можно о ваших друзьях поподробнее?

— Да пожалуйста! С превеликим удовольствием!

И ничего не подозревающий Донеро без опаски поведал избирательной комиссии о некоем Пьере-французе, заправляющем компанией высоких технологий, с которым они по субботам играют в гольф на полях Сент-Эмильон. О Ли Чене, с которым в бытность свок

желторотыми юнцами они вместе удили рыбу на озере Цинхай и который теперь руководит крупным предприятием по изготовлению электронной техники. О Роберте Уикхеме из Великобритании, в пух и прах разгромившем конкурентов на мировом рынке.

— У нас очень схожие предпочтения, и он нередко увязывается за мною в странствия, — прибавил географ, весьма польщенный вниманием, с каким комиссия выслушала его рассказ. Потом он припомнил еще двух-трех своих знакомых, личностей весьма неординарного склада, и члены комиссии были сражены наповал.

«Человек с такими связями — просто ценность для Академии!» — шептались они.

«Спросите, спросите его, что бы он посулил нашим избирателям!» — нашелся кто-то.

— Посулил?! — с нескрываемым презрением отозвался Донеро. — Я ничего и никому не собираюсь сулить! Вы, видно, неправильно меня поняли. Я не претендую на директорский пост!

— А вы представьте, просто представьте, — вкрадчиво предложил глава совета. — Будь вы директором, что бы вы сделали?

— Что бы я сделал? Хм, — задумался тот. — Ну, перво-наперво я бы упразднил смертную казнь.

Географа избрали решительно и единогласно, невзирая на его ярые протесты и обещание развалить Академию, едва он заступит на должность. Всякий знал, что привести угрозу в исполнение у него не останется духу.

— Ваши друзья, как я понял, — обратился к нему по окончании выборов профессор лингвистики, — птицы высокого полета; вы с ними на короткой ноге. Пара верных фраз — и проблема с финансированием улажена.

— Да-да, конечно, — сердито буркнул Донеро. — Но я вовсе не хочу пользоваться своим положением, чтобы выуживать из них деньги, как из дойных коров. Это... Это против правил! Вот вы бы поступили так со своими друзьями?!

— Если наши исследования пойдут на пользу их бизнесу, то почему бы и нет? — примирительно сказал невесть откуда выплывший Кристиан. Он оттеснил лингвиста, чтобы пожать географу руку. — Вы же не станете отрицать, дорогой коллега, что разработки Академии были приняты и одобрены многими из зарубежных партнеров Деви? Еще неизвестно, чья прибыль больше.

Донеро согласно закивал, вдруг обнаружив, что на сей довод возразить ему абсолютно нечем.

— Я вас сердечно поздравляю со столь знаменательной победой, — продолжал тем временем Кристиан. — И уверен, что под новым знаменем Академия расцветет пуще прежнего... Кстати, насчет цветения. Аризу Кей приглашает вас в сад, полюбоваться на окрепшие деревца и пропустить стаканчик лимонада.

— Очень любезно с ее стороны! — воспрянул Донеро. — Знаете, а я, наверное, брошу всё, прямо сейчас брошу — и к ней! Суэта просто замучила, а ведь то лишь начало! Ох-ох-ох! — повздыхал он и припустил через парк, к пожарной лестнице, приговаривая, что теперь ему придется переезжать из географического домика в неудобный офис, где, небось, ни одной подушки. А вместо подушек — громоздкий стол с не менее громоздким стулом.

«Отвыкну от качки, — бормотал он, — от завываний ветра, от скрипа капризных пружин... Разучусь читать по звездам. Ах, мои лишения не восполнить никакой прибавкой к зарплате!»

Весьма проницательным можно было бы назвать того, кто, ограничившись лишь шапочным знакомством, охарактеризовал бы Мирей как особу вечно недоумевающую и вечно с чем-то несогласную.

— Как ты можешь? Нет, как вы можете так жить? Я не понимаю! Отказываюсь понимать! Ведь ни в какие рамки не лезет! — разорвалась она, с досадой наблюдая, как ее подруга упаковывает вещи. — Вздумала, видите ли, перебраться под крылышко к своему наставнику. И вместо того, чтобы сообщить заранее, провести краткий экскурс в историю ваших с Кристианом отношений, ты просто берешь — и с моста в воду, точно от варварского набега спасаешься!

Мирей, хоть и не великая охотница до пикантных подробностей, предпочитала быть в курсе событий, особенно если события происходили от нее в непосредственной близости.

— Жить как? Как брат и сестра? — вежливо уточнила Джулия. Француженка всплеснула руками.

— Ну, объясни мне, пожалуйста, какой здравомыслящий человек отважится на такое... — Она хотела сказать «преступление». — Где ж это видано?! Да если бы я была на твоём месте, я бы... ах! Чтобы удержать такого, как он, я бы на всё пошла! Стала бы ему не только сестрой, но и подругой, и, не побоюсь этого слова, любовницей!

— Удержать? — изумленно вскинула брови Джулия. — Никогда не думала, что человека нужно удерживать.

— Тогда зачем, по-твоему, было изобретено столько хитроумных способов приручить мужчину?

— Понятия не имею, — передернула плечами та. — Твоя философия для меня непостижима.

— Зачем, — с апломбом продолжала Мирей, желая, по-видимому, произвести впечатление умудренной опытом матроны, — зачем нам украшения, наряды, косметика, в конце концов? Моя философия, как ты выразилась, берет начало с пещерных времен, и уж кому-кому, а тебе стоило бы ее изучить. Это я всё к чему веду? Вот поселитесь вы вместе, темы для разговоров исчерпаются, фильмы и музыка наскучат, и настанет день, когда вы с удивлением взглянете друг на друга и осознаете, что нуждаетесь в свежем вливании.

— Потребность в «свежем вливании» может возникнуть даже у кактуса, — с оттенком сарказма заметила Джулия.

— Я тебе про что толкую?! Нужна страсть, понимаешь, всепоглощающая, неистовая страсть!

— Но ведь именно страсть и калечит любовь. В истинной любви нет и не должно быть места страсти, — с горячностью возразила Джулия.

— А я считаю, что без страсти нет любви! — топнула ногою француженка, которая уж никак не предполагала встретить отпор там, где иные соглашаются беспрекословно.

— Любить со страстью, — раздумчиво сказала Джулия, отставляя чемодан с вещами и присаживаясь на кровать, — значит убивать и растлевать саму любовь. Пойми же, сладострастные мысли — как острые крючья. Они впиваются в душу, а потом рвут ее на куски, причиняя невыносимую муку.

Мирей открыла было рот, чтобы вмешаться со своей отповедью, но слова застряли у нее в горле.

— Страсть подобна всплеску волны в луже, — беззлобно рассуждала Джулия, — а любовь — это покой безбрежного моря, покой, который длится вечно. Знаешь, я хотела бы

любить так, чтобы не иметь привязанности...

— Ну, ничего себе! — воскликнула Мирей, которая до сего момента пребывала в твердом убеждении, что разговаривает с человеком более или менее вменяемым. — По моему, ты еще не отошла от наркотиков, которыми тебя накачали в тюрьме, — Тут она осеклась, потому что в комнату вошел Кристиан. Как всегда, статен, полон достоинства и безукоризненно обходителен. Галантный поклон вместо тысячи извинений за вторжение — и лед на сердце Мирей растоплен, она тает, она удаляется, стараясь не шуметь. Страх и восхищение владеют ею.

— Ты готова, радость моя? — проговорил Кристиан, опускаясь на корточки перед Джулией. — Аризу Кей ждет не дождется, когда мы обоснуемся в белой пагоде. Представляешь, засыпать и просыпаться под птичьи трели, вдыхать чистейший, прозрачный воздух и бродить по усеянному солнечными пятнами саду!

— Да, но вы кое-что путаете, сэнсэй, — с застенчивой улыбкой сказала девушка. — В усеянном солнечными пятнами саду мы с вами будем спать, потому что с наступлением сумерек начинается рабочий день в Академии. Чур, гамак мой! — тут же добавила она, засмеявшись.

— А меня вполне устроит мягкая травка и одеяло из лепестков сакуры, — шутливо отозвался Кимура. — Где твои вещи? Всё должно выглядеть так, будто ты и вправду ко мне переезжаешь.

— К чему теперь осторожности?! Ведь кто-нибудь обязательно да разболтает, и у меня почему-то стойкое предчувствие, что это будет наш пустозвон Франческо... Но раз вы настаиваете, синьор, я к вашим услугам.

Миновав кучку студентов-первокурсников в холле общежития и довольно приличное скопление учеников возле кабинета химии, где проходил экзамен, Джулия и Кристиан уединились в каком-то кабинете с забрызганной реактивами таблицей Менделеева и множеством грязной лабораторной посуды, чтобы перевести дух и достать свои таблички-телепортаторы.

— Сейчас, как никогда, — сказала с придыханием Джулия, — меня тянет в небо. Нестерпимо хочется улететь.

— Но ты уж потерпи чуть-чуть, пока не закончится сессия. Кстати, вам с Франческо и Джейн предстоит двойная порция экзаменов. Из-за греческих каникул.

— Ах! Не сыпьте соль на рану!

Обменявшись искристыми, жгучими взглядами, они звонко рассмеялись и в едином порыве заключили друг друга в объятия. Когда же несколько секунд спустя в кабинет заглянул обескураженный смехом молодой преподаватель, то не обнаружил ничего, за вычетом означенной горы немых склянок и пробирок. Утерев со лба крупные капли пота, он с минуту постоял, рассеянно моргая, после чего взял столь резвый старт по направлению к подсобным помещениям, что в команду по футболу, который каждый год проводился между сборными факультетов, его приняли бы безоговорочно.

— Швабру, срочно швабру! — бормотал он, пролетая перед ошеломленными студентами. — И побольше тряпок! Ведь полтергейст не заводится без причины. Полтергейст приходит туда, где забывают про уборку.

[60] удержание на полу воздействием на локоть (в айкидо)

[61] А. Кольцов

Глава 33. Точка отсчета

После происшествия с «полтергейстом», слух о котором немедленно разлетелся по всем уголкам и закоулкам Академии, Кристиана часто замечали у внутренних ворот. Эти ворота прежний директор отворять без причины строго-настрого запрещал. Любопытные Варвары умудрились подглядеть, что Кимура использует собственный ключ, позолоченный и на большом медном кольце. А те, кто боялся следить за ним в открытую, с замиранием сердца заглядывали в цитрусовый сад сквозь запотевшие окна учебных аудиторий. В том, что Кристиан Кимура зачастил на испытательный полигон, сомнений не оставалось. Его частная жизнь вообще оказалась богатой нивой для сплетен, особенно после того, как утвердился факт их с Джулией отношений. Старые и совсем уж архаичные профессора диву давались, как мог их коллега позволить себе столь возмутительную вольность, если не сказать «крайность», и усердно прочили им с итальянкой скорый разрыв. Молодое же поколение преподавателей, хоть и не честило наших героев на все корки, также не было настроено в их пользу. Но если ученые мужи еще как-то мирились с этой первой новостью, то история с ключом и свободным доступом к полигону вызывала у них зубовой скрежет. Новый директор жалуется Кристиана, с этим не поспоришь. Но не надо же доходить до откровенного потворства! Сперва полигон, потом — секретные архивы, а там и до тайного хранилища недалеко. Никто ведь не поручится, что человек-в-черном чист, как стеклышко!

На Джулию тоже посматривали косо. Мирей, которая нередко нападала на нее с претензиями да нравочениями, иной раз приходилось даже силой оттаскивать. Ибо рвения, с каким она пыталась навязать Джулии свою точку зрения, с избытком хватило бы и на дюжину бурлаков. Поставьте ее волочить расшиву вдоль берега — и результат превзошел бы все ваши ожидания.

Постепенно, однако, эта горячка прошла, уступив место холодному, сдержанному почтению. Как не уважать подругу, с возлюбленным которой тебе вскоре предстоит тет-а-тет на экзамене?

Подготовка к сессии шла полным ходом. Франческо и Джейн, по обыкновению, учили конспекты, читая друг другу вслух. Кианг заняла свой полуразрушенный домик на дереве, посчитав, что голова ее быстрее наводнится знаниями, если будет возвышаться над остальными, заурядными «котелками» хотя бы на метр. Мирей оккупировала гостиную четвертого апартамента, никого к себе не подпуская и бурно реагируя на малейший звук. Поэтому Роза с Елизаветой ходили вокруг нее на цыпочках и старались поменьше шуршать пакетами. Им неплохо запоминалось и в Зачарованном нефе, где Донеро специально установил галогенные лампы, наказав скрипкам не шалить и вести себя тихо.

А Джулия готовилась в волшебном саду. Правда, не сказать, чтобы атмосфера сада располагала к учебе. Ранним утром, когда солнце стояло уже достаточно высоко, чтобы трава могла вволю поискриться росой, они с Кристианом вступали в цветущие чертоги, где над розовой кипенью вишен вздымались изумрудные кроны эвкалиптов и тонкоствольных безымянных великанов. У моста их ждала улыбчивая и умиротворенная хранительница, прибежала из пагоды Клеопатра с циновками под мышкой. Усаживаясь в кружок на теплой земле, все пили изысканный чай. Повсюду, в зеленой траве, густо горели самоцветы росы, ласково щебетали пташки, тень перемежалась со светом, и на всём почивала благодать.

В неожиданных гостях недостатка у японки не было: то белка прискачет к вязаной

скатерти, то синичка прилетит крошек поклевать. А иногда на трапезу запархивал любознательный яркоперый ара, и Клеопатра с удовольствием кормила его печеньем.

Точно как когда-то в эпоху до перерождения, Аризу Кей мелодично живописала друзьям, какие сегодня распустились на сакурах бутоны и сколько листочков проклюнулось у недавно посаженного деревца. И ничуть не обижалась она, что Кристиан отвлекается, ибо если раньше привилегия услаждать его слух безраздельно принадлежала ей одной, то теперь в сем таланте нельзя было отказать и его ученице. Сколь упоительна и глубока была их с Джулией беседа, сколь многозначительно их молчание! И когда они уже не замечали за разговором ничего и никого вокруг, хранительница делала знак Клеопатре, и обе покидали поляну с чувством, что оставляют цвести и благоухать два редких, прекрасных цветка. Но вот тень на солнечных часах в саду подступала к роковой отметке «двенадцать» — и у редкого цветка под номером один начинали слипаться глаза.

— Синьор Кимура, я бы вас еще послушала, — зевая, говорила Джулия. — Но, боюсь, головы не удержу. Где тут у нас гамак?

Гамак висел в тенистой части сада, неподалеку от белой пагоды, и услужливо заскрипел, когда на него с горем пополам забралась итальянка.

— Еще один бесплодный день, — глухо, из-под одеяла заключила она. — Экзамены... о-о-ох!.. провалю.

— Через шесть часов я тебя разбужу, — сурово пообещал Кристиан. — На завтрак вместо риса — учебник по квантовой физике.

Нет, у квантовой физики определенно не было шансов завоевать ее внимание. Только садилась она под дерево, чтобы прошгудировать главу-другую, как в ветвях запевал вечернюю песнь соловей, и мысли в спешном порядке улетучивались. Учебник выпадал из рук на траву, кварки и лептоны обрекались на неизвестность, а безмятежно счастливая Джулия с приоткрытым ртом слушала концерт. Слушала до тех пор, пока на противоположной стороне поляны не появился человек-в-черном. Привлеченная неотразимой силой его взгляда, она тотчас вскакивала с места и пристыжено следовала за ним.

— Похоже, мне придется подкупить всех твоих экзаменаторов, — раздосадовано говорил он, пока они шли к горбтому мостику. — Но едва ли это спасет положение.

На горизонте вставал еще один напряженный, блеклый день лекций и практических занятий в Академии. Блеклый по сравнению с мирком Аризу Кей. Ни той тишины, ни тех разливистых трелей, ни того чистого, эмалевого неба... Академия Деви (или правильнее сказать, Академия Донеро?) заявляла о себе как о мощной цитадели науки, как о колоссе из колоссов. Но разве мог сей колосс похвастать мерцающим морем на западе или горной грядой с недостижимыми, холодными вершинами, из-за которых выныривает поутру радостное солнце?.. Очень тянуло Джулию за эти вершины, загадочные дали манили ее. Стоило ветру волною пробежаться по ее волосам, приласкать ее теплым порывом — и в ней оживал дух путешествий. Мирей назвала бы такое бессознательное стремление болезнью, манией или чем-нибудь еще. Но, как бы то ни было, хворь эта с каждым днем всё чаще давала о себе знать. Кристиан замечал странный блеск в глазах Джулии, когда она смотрела на небо или когда заговаривали при ней о кругосветных плаваниях и о смелых полетах вокруг земного шара.

«Ничего, — думал он, — совсем скоро и мы с тобой двинемся в путь. Пересечем Атлантику, продрейфуем над теплыми пассатными течениями, увидим с высоты птичьего

полета Большие Зондские острова...». Он и сам заразился тягой к странствиям. Вдруг, без всякой причины начинал он мечтать о караванах в желтых пустынях, о кишаших судами многолюдных портах и железных дорогах с быстро мчащимися поездами. Посреди безоблачного дня просыпался от собственного смеха, и, чувствуя необъяснимую легкость, потягивался на циновке. Рядом, в гамаке, положив руку под подушку, сладко дремала Джулия. И Кристиан, волшебный сон которого сметало тотчас по пробуждении, заботливо укрывал ее сбившейся набок шелковой простынею, после чего отправлялся на экскурсию по окропленному солнцем саду.

У кого-то первый день сессии неизменно ассоциировался с днем Страшного суда, а кто-то и в ус не дул, полагая, что удача улыбнется ему ослепительной улыбкой и пошлет вдобавок пару воздушных поцелуев. На радостях пересмотрев все вестерны в кинозале общежития, Франческо возомнил о себе невесть что и, раздобыв ковбойские сапоги, десятигалонную фетровую шляпу да кожаный плащ, при всем параде явился на экзамен по климатологии. Закинул ноги на стол и, сунув в рот сигару, заявил:

— Ну что, будем ставить мне высший балл?

Донеро, который этот экзамен принимал, напыжился, как индюк, посчитав, что ему брошен вызов. Ладно, нахальничают сейчас все, кому не лень. Но чтобы какой-то недотепа Росси перещеголял самого главного щеголя? Вот что задело гордость географа.

— Не бывать тому! — отрезал он, справившись с оторопью. — Идите, переоденьтесь, молодой человек, а уж после и поглядим, как вы знаете предмет.

Он взял столь невозмутимый и бескомпромиссный тон, что скисшему Франческо ничего не оставалось, кроме как убрать со стола свои сапожищи да проследовать к выходу.

— Нет, ты представь: Донеро, с которым мы не один пуд соли съели, указал мне на дверь! — возмущенно рассказывал он потом Джулии. — Заставил меня испить стакан желчи с полынью! Да уж лучше б то и взаправду была полынь. Я б не отказался, только бы в зачетке его роспись стояла.

— Ведешь себя, как шут гороховый, — и еще хочешь, чтоб тебя уважали? — изумлялась та, отбирая у него сигару, которую он так и не удосужился вынуть изо рта. — Ты сперва прекрати паясничать. Вот станешь пай-мальчиком — тебе в зачетку десятки так и посыплются!

Перед экзаменом по математике Роза тряслась, как овечий хвост. Прислонившись к холодной стенке рядом с кабинетом, она судорожно припоминала формулы и доказательства, которые скакали в ее бедной, измученной голове не хуже акробатов на цирковой арене. В общем, неразбериха полная. Первая пятерка отважных «камикадзе» уже зашла внутрь, и коридор гудел, как растревоженный улей. С минуты на минуту должен был появиться претендент на звание чемпиона года, выжившего в неравной схватке с накачанным мозгом мадам Кэпп. Что-то подсказывало Розе, что выживших будет немного. Сама она мысленно обрекла себя на пересдачу.

Но вот дверная ручка дрогнула, пошевелилась, по ту сторону прозвучало льстивое «Спасибо, до свидания!» — и счастливчик, не осознавший пока своего счастья, с перекошенным лицом выскользнул из кабинета. Рой однокурсников окружил его в мгновение ока, чтобы услышать, что мадам Кэпп выбросила белый флаг и что, если ты знаком с теоремой Виета, то ничего не стоит уложить эту узурпаторшу на лопатки.

Роза старалась сдерживать волнение, как могла, но сердце то и дело пускалось в пляс, а

зубы выбивали чечетку.

— Кто следующий? Следующий кто? — зашшукалились между тем. Никому не хотелось добровольно лезть в бетономешалку. Пусть у нее перво-наперво поизотрутятся механизмы, поубавятся обороты — тогда можно и попытать удачу.

Роза как раз старалась слиться с окружающей средой, когда из дверей высунулась разгоряченная мадам Кэпп. Этакая фурия с жестоко измалеванной физиономией, наподобие боевой раскраски апачей: ярко-красная помада, фиолетовые тени и очень уж густой слой румян. Она, видимо, разукрасилась так в честь праздника, ибо что студентам мука, то для нее потеха.

— Ну, кто там на очереди? Не тяните резину! — гаркнула она могучим басом, от которого затрепетали все до единого. Не дожидаясь, пока кто-нибудь выдвинет свою кандидатуру, она схватила первого, кто попался на глаза. На глаза попалась Роза. Не успела она опомниться, как очутилась за партой, перед веером билетов, из которых надлежало выбрать один-единственный. Роза подошла к этому делу весьма серьезно и осмотрительно, ведь, если ее хилых знаний вдруг окажется недостаточно, от ворот поворот гарантирован. И тогда добро пожаловать на пересдачу! А там и до отчисления рукой подать. Сколько бравых студентов скосило серпом великой и ужасной математики!

Мизинцем левой руки, под издевательским взглядом мадам Кэпп, она осторожно выудила билет и с похолодевшим сердцем прочла первые строки вопроса. Испуг на ее лице сменился тенью довольства, и, на ощупь нашарив ручку, она принялась строчить. Скептическое «Хм!» мадам Кэпп вместе со всеми посторонними шорохами и шепотками отодвинулось на второй план перед теоремой, доказательство которой вызрело у Розы в мозгу, как наливное яблоко. Этому яблочку оставалось только скатиться на чистый лист.

Где-то в углу мадам Кэпп пыталась очередного бедолагу, задавая ему каверзные вопросы. Роза была уверена: уж ее-то подводными камнями с курса не собьешь. И, пока малость остервеневшая фурия с незадачливой своею жертвой толкла воду в ступе, перемежая сие занятие с переливанием из пустого в порожнее, мысли Розы, связные и лаконичные, обретали новую жизнь на бумаге.

...Мадам Кэпп была приятно поражена и даже приспустила очки с переносицы, чтобы взглядеться в это прелестное, осмысленное личико, обрамленное огненной шевелюрой.

— Вы, надо признаться, первая, — сказала она, прочистив горло, — кто изложил доказательство этой теоремы в такой доступной и внятной форме.

На щеках Розы загорелся румянец скромного торжества, и она, потупившись, несколько долгих мгновений наблюдала, как «узурпаторша» что-то чиркает у нее в зачетке.

— Следующий! — громоподобно возгласила Кэпп. Обладательница огненной шевелюры расшаркалась перед нею, точно перед папой римским, и только тогда отдала себе отчет в происходящем, когда с уст ее слетело подобострастное и столь ею презируемое «Спасибо, до свидания!». Угодливый и раболепный тон. Тьфу! Выбравшись на вольный воздух, где броуновское движение в студенческих массах не ослабевало ни на минуту, она с превеликим трудом прорвалась сквозь тенета любопытных и нетерпеливых своих товарищей, чтобы со всех ног рвануть в уборную и прополоскать, как следует, рот от застрявших на языке, липких слов благодарности.

Мысль о том, что мадам Кэпп была сражена, и судя по всему, наповал, как нельзя более грела душу и подхлестывала самолюбие, однако с этой поры Роза твердо решила, что покидать поле боя — покидать, разумеется, со щитом — будет достойно и молчаливо.

У Клеопатры не было другой заботы, кроме как развлекать маленьких гостей-беженцев, число которых в саду неуклонно уменьшалось и близилось к заветному «нулю». День за днем всё реже раздувались стволы деревьев, всё чаще слышались прощальные фразы и утешительные речи. Аризу Кей отправляла детей в их родные места целыми группами, и после очередного расставания Клеопатра строго-настрого запретила себе привязываться к кому-либо из них. Ей надолго запомнится девочка-полинезийка лет шести со смешными косичками и озорным взглядом, которая, как некогда Джейн, нырнула в ручей, чтобы добыть сверкающих капелек чистейшего золота, и, не рассчитав глубины, ударилась головой о каменистое дно. Клеопатра подросла на подмогу как раз в ту самую минуту, когда девочку подхватило течением, и ловко выловив ее, опустила на твердую землю, чтобы высушить ее платице и приложить к шишке лед, которым изобилдовал холодильник в белой пагоде. Так, слово за слово, они познакомились поближе и поделились своими историями. Историями бегства и спасения...

Грустно и тоскливо стало африканке без маленькой подружки с Маркизских островов.

— Аризу-сан, не спеши ты так, — уговаривала она хранительницу, окутанную ароматными парами из духовки, где пеклось печенье. — Их ведь уже по пальцам сосчитать можно.

— Кого? Детишек? — спрашивала та, орудуя ложкой для замешивания теста. — Но мы разве не хотим, чтобы в саду поскорее установились тишина и покой? Разве тебе не надоело с ними возиться?

— О, что ты, напротив! Мне очень, очень нравится с ними возиться! — страстно возразила Клеопатра, с силой сомкнув пальцы на спинке деревянного стула. Мне всё еще... — Она замялась. — Мне по-прежнему кажется, что я недостойна даже былинки из волшебного сада. А забота о детях помогает мне почувствовать себя хоть капельку нужной.

— Быть нужной! — воскликнула в сердцах Аризу Кей. — Люди не могут без того, чтобы их везде почитали нужными. А как бы упростилась жизнь, если бы никто не гнался за признанием! Если бы мы находили уют в самих себе, то отпала бы потребность замещать чем-то вечную пустоту внутри нас.

Кенийка виновато склонила голову.

— Ты мастерица, ты умеешь быть счастливой, оставаясь одна. Я так не могу. Понимаешь, не могу я утвердиться в самой себе! Слишком... слишком это сложно, — всхлипнула она.

Хранительница любовно потрепала ее по щеке:

— Ну-ну, не распускай нюни! Найдется тебе работа и без детишек. В тебе сидит страх за будущее, но хитрость в том, что будущего нет. Его не существует. Избавься от страхов, покажи им язык — и плыви, плыви в том, что называют «сейчас»! — сказала она, улыбнувшись. — Кое-чем я могу тебя обнадежить: ты всегда будешь нужна мне. Мне и моему саду.

— П-правда? — недоверчиво спросила та.

— Ну а как же? Кто будет поливать ряды подрастающих деревьев? Кому наводить порядок в библиотеке? Кто, как веселая Лян Сян [62], будет собирать чайные листья у подножия гор? Мне скучновато здесь одной, — покривила душой хранительница. — С кем коротать мне долгие закатные вечера?

Клеопатра воспрянула духом.

— Раз так, — сказала она, расправив плечи, — я, пожалуй, пойду к детям. Как бы они без меня чего не натворили, — И скрылась за раздвижной кухонной дверцей.

«Иди, иди, — проникшись состраданием к этой бедной, истерзанной душе, подумала Аризу Кей. — Я сделаю всё, чтобы ты не чувствовала себя неполноценной. В конце концов, разобью грядку или небольшую клумбу. Или посажу бамбук... Кстати! — спохватилась она. — Отчего у меня в саду до сих пор не растёт бамбук? Экое упущение, а? Полезное ведь растение! Сколько из него дельных вещей смастерить можно!

Полная решимости обзавестись бамбуковой рощей, она вынула из духовки последний противень с выпечкой, сняла фартук и, охваченная порывом вдохновения, умчалась на второй этаж. Там она до самой ночи что-то чертила в своих бумагах, рассуждала вполголоса и изредка посмеивалась, намечая расположение будущего «шедевра» природы.

Экзамен по биофизике обещал затянуться, ибо экзаменатор, как ни странно, витал в облаках и пропускал половину ответов мимо ушей.

— На него это не похоже, — шушукались ученики за дверью. — Чтобы синьор Кимура да страдал рассеянностью!

— А вы припомните, какая о нем недавно ходила молва, — шептали другие. — Если его подстрелил Амур, то ничего удивительного, что у него в голове каша.

То и дело поглядывали на Джулию, которая скромно сидела в уголке и без устали повторяла материал. Под боком, как назло, зудел Франческо (в последнее время он читал почти исключительно одну беллетристику и не воспринимал никакой научной литературы), да бормотала мантры Кианг. Каждый грезил о том, как бы вылавировать из разливанного моря дополнительных заданий и так называемых подсказок, которые лишь сбивают с толку и ставят тебя в глупое положение.

Джулия решила идти последней, рассчитывая на то, что скудость знаний ей удастся подретушировать, если Кристиан немного утомится. Однако на «последний билет» отыскились и другие претенденты: в возможность отсрочить момент позора Мирей вцепилась мертвой хваткой. Следующим очередь с конца занял Франческо и ни в какую не желал идти на уступки. Между ним и Джулией попыталась было втесаться Кианг, но ей быстро пообломали амбиции.

...Франческо и Мирей просидели под кабинетом биофизики до петухов. Злые и голодные, сна у обоих ни в одном глазу. Джулия в их богатом воображении подверглась всевозможным пыткам и истязаниям и, в итоге, была брошена в море с мельничным жерновом на шее.

— Она это нарочно! — ныл Росси, подглядывая в замочную скважину. — Нам в отместку. Прения вон у них полным ходом!

— Спроси лучше, как она умудряется удерживать нить разговора, когда любой нормальный человек сполз бы под парту с оглушительным храпом! — процедила Мирей. — Никак за полночь уже!

... - Два часа ночи, — загробным голосом сообщила она, в очередной раз переменяя позу.

— У меня нога затекла, — пожаловался Франческо. — И рука!

Мирей вяло поднялась со скамейки и припала к отверстию в замке.

— Если бы я знала, что оно вот так будет, не стала бы поперек дороги лезть. Получила бы законную четверку — и на боковую.

— А я еще почитал себя везунчиком, — безнадежно вздохнул Росси.

— Э! Да она светится! — воскликнула Мирей в гулкой тишине коридора.

— Ну, теперь мне всё ясно, — угрюмо отозвался Франческо. — Небось, смотрят друг на дружку, как два замороженных окуня.

— Так и есть, — кисло подтвердила француженка. — Я сыта по горло! Пора нам вмешаться.

— Повремени часок-другой, — зевнул тот. — Просльвем мучениками. Представь, влепят нам по десятке ни за что ни про что, лишь потому, что мы тут до зари прокуковали.

Со стороны Мирей послышалось глухое рычание.

— Я ей эту выходку еще припомню! Узнает у меня, почем сотня гребешков!

А у Джулии при взгляде на учителя попросту улетучилась всякая способность к рассуждению. Любая попытка Кристиана направить ее мысли в нужное русло была заранее обречена на провал. Девушка и думать забыла, где находится. Вероятно, то сказались однообразные часы ожидания, но она не могла отвести глаз от его лица, от строгих, точеных его черт и выразительной линии бровей. Словно в некоем трансе, она не отличала сна от яви. То же ощущение мало-помалу передалось и ему. Окруженные диском магического сияния, овеваемые океанскими бризами и легким ароматом древесной смолы, они неотрывно взирали друг на друга, точно виделись после многих лет разлуки.

«Как это чудесно просто быть вместе! — думалось Джулии. — Сколь защищенною и желанною чувствую я себя с вами, сэнсэй!»

«О, как хотел бы я заботиться о тебе, не возлагая на тебя ответственности за мою привязанность!» — говорил его горящий взгляд.

«Уметь прощаться с вами, не боясь утратить нечто важное...» — пели ее глаза.

«Обогащать твой разум, не поучая тебя...»

«Дарить вам радость, не ожидая ничего взамен...»

«Любить тебя, не посягая на твою свободу...»

Кристиана покинула усталость, у Джулии пропало желание спать. Они готовы были провести в кабинете целую вечность, без пищи и питья, в молчании, стоящем любых сакраментальных слов.

Мирей правильно сделала, что прервала их задушевное безмолвие. Так, по крайней мере, считала она сама. Франческо же был глубоко тронут тем, что увидел в замочную щель. Он впервые отнесся к человеку-в-черном без осуждения.

— Теперь я понял, какого вида у них любовь, — восхищенно говорил он наутро, шагая вдоль корпуса Академии. — Нетленная, непорочная, чистая! Ах, какой я был дурак, когда считал, будто они как все!

— Я тоже была не права, — призналась Мирей, которая шла рядом, стараясь не ступать в росистую траву. — А ведь житья ей не давала со своими нелепыми нравоучениями! Неудивительно, что она сбежала от нас к синьору Кимура. Он ее не третировал.

— Эй, давай-ка повеселее! — сказал Франческо. — Мы прошли воду, огонь и медные трубы, а значит, положено веселиться! Экзамен-то сдан!

— Действительно, — ободрилась Мирей. — Будем веселиться, во что бы то ни стало! — И рассмеявшись, шлепнула его по спине. Если раньше Росси был у нее не в фаворе из-за своих плоских, как подошва, острот, то после ночного бдения неприязнь испарилась без следа. Индугенция была ему теперь обеспечена если не на сотню, то на десяток лет вперед так точно.

— Скоро на чьей-то свадьбе попляшем, — мечтательно проговорила француженка.
— О, нет! — махнул рукой тот. — От них не дождешься! Не того они роду-племени.

Джулия сгорала от любопытства:

— Ну, можно уже? Можно? — спрашивала она, норовя стянуть с глаз повязку.

— Потерпи, радость моя, — говорил Кристиан, заговорщически улыбаясь тяжелым кованым воротам и своему золоченому ключу на большом кольце. Скрипнули петли, и Джулия вздрогнула, сиюсь определить, куда ее завел учитель. Он сказал, что это сюрприз. Но ведь сюрприз сюрпризу рознь! Не отправляться же за сюрпризом на ночь глядя и, судя по зловещему скрипу, в запретную часть Академии!

Девушка втянула носом воздух. Такое обилие цветочных ароматов встречается лишь у Аризу Кей да...

— Цитрусовая аллея! — воскликнула она. — Почему мы на цитрусовой аллее?!

По взмаху палочки ветра-дирижера удивленно зашептались деревья. Кристиан же оставался нем, как рыба. Лишь направил Джулию к полигону, мягко обхватив за плечи.

— Цветы разошлись не на шутку. Ни дать ни взять парфюмерный салон! — отнюдь не восторженно прокомментировала она. — Как будто хотят показать, на что способны.

— Так уж они сотворены, — отозвался Кимура. — Благоухать нам на радость. Цвести для тех, кому обязаны жизнью.

— Цветение как благодарность?

— Некоторым из людей тоже свойственно цвести и творить с благодарным сердцем...

Листья цепкого винограда, сообщая с вечерней мглой, совершенно скрыли их от глаз праздных наблюдателей, и вскоре Кристиан уже зажигал низкие масляные фонари на полигоне, перед обнесенной ограждением площадкой.

— Вот, что я хотел тебе показать, — сказал он, проведя рукой по ротанговой корзине теплового аэростата.

— Ух, ты! Какая красота! — воскликнула Джулия, избавляясь от повязки. — Воздушный шар! Вы собираетесь на нем полететь?

— Это подарок тебе, — тонко улыбнулся Кристиан, и в глазах его, Джулия могла бы поклясться, блеснул огонек.

— Мне? Но... — протянула она, обходя гондолу. — Я с ним в одиночку не управлюсь. Я ведь никогда не летала на воздушном шаре.

Потом она посмотрела на купол — белый, с изображениями старых разлинованных карт, компасов и чернильных перьев. В тусклом, дремотном свете фонарей он выглядел просто фантастически.

— У меня нет слов, — призналась она, трепеща от счастья. — Никак не верится.

— Я знал, как ты хочешь улететь... — Кристиан вынужден был прерваться, поскольку Джулия с приглушенным «Ах, спасибо, спасибо!» повисла у него на шее.

Федерико долго и упорно барабанил в ворота окаймлявшей Академию «крепостной стены», прежде чем стража соизволила справиться о цели его прихода.

— Мне надо увидеться с Джулией! С Джулией Венто! — потребовал тот и почти сразу же был под руки доставлен к дверям лаборатории, где его кузина на пару с Кристианом готовила реактивы. В испачканном халате, резиновых перчатках и с заколотыми волосами. Именно в таком виде она и предстала перед двоюродным братом, вкусы которого уже успели

утончиться, а манеры — облагородиться настолько, насколько требовалось в элитном обществе богачей Флоренции. Во Флоренцию он укатил вскоре после того, как обчистил Моррисовы закрома.

— Выходи за меня! — выпалил он, сияя, точно медный пятак.

Охранники, сопровождавшие его как личность подозрительную и неблагонадежную, скромно топтались в сторонке, пока Джулия не отослала их прочь.

— За тебя?! Что ты такое о себе возомнил?! — нахмурилась она, сняв перчатки и прикрыв локтем дверь.

— У меня дом во Флоренции, прямо напротив базилики Санта-Кроче, а денег что палой листвы! Со мною нищенствовать не будешь!

— И откуда у тебя, позволь спросить, всё это состояние? Ведь не из бочки же со дна морского? Украл?

Федерико набычился:

— Украл, скажешь тоже! В наследство досталось.

— Врешь, — отрезала Джулия. — Смотри, на языке типун вскочит. И выкинь из головы бредни про свадьбу. Ни за тебя, ни за кого другого я не пойду, будь у него хоть небоскреб, хоть синагога, хоть вигвам! Ясно тебе? — Она ткнула пальцем ему промеж ребер. — А несметные богатства мне нужны, как рыбе зонтик.

— Гордячка, — буркнул тот. — Все вы, женщины, носом крутите. Одумаешься — а поезд-то ушел.

— Сдался мне твой поезд! — издевательски бросила Джулия. — У меня есть воздушный шар и синьор Ки... — Она прикусила язык, но было уже поздно. Ее братцу словно затрещину вlepили: он побагровел, как закат над Персидским заливом, и, очертя голову, кинулся к лаборатории. Девушка попыталась преградить ему дорогу, но он отмел ее одним движением руки.

Склонившись над штативом и прищуриw левый глаз, человек-в-черном кропотливо отмерял объем какой-то бесцветной, и, судя по всему, едкой жидкости, когда в обитель химикатов и пробирок ворвался разъяренный Федерико. Кристиан проворно и, надо сказать, весьма кстати переместил реагенты под тягу, ибо ревнивец, чей пылкий нрав не укротить было никакими предписаниями и условностями, мог запросто опрокинуть склянки, как нередко случается с отдельными импульсивными личностями.

— Похоже, нам придется вновь скрестить шпаги, сударь! — выкрикнул Федерико ему в лицо, обхватив столешницу за края.

— Что ж, ничего не имею против, — сдержанно отозвался Кимура, вешая халат на спинку стула.

Они вышли из лаборатории с неподвижными, мрачными лицами, и Джулии стало не по себе.

— Драться из-за меня будете?! — Брови ее взлетели вверх. Кристиан сказал, что разберется с этим задирой, чтоб не очень-то выпендривался.

— Сэнсэй, а можно, лучше я его побью? — предложила она. — У меня и опыт кое-какой имеется. Не заставляйте меня краснеть. Куда? В парк?! Перед всей Академией?! Я сгорю со стыда! — пообещала Джулия, чувствуя себя героиней какого-то бразильского сериала.

Схватка на рапирах, позаимствованных по такому поводу из музейной коллекции, проходила довольно бойко и собрала столько зрителей, сколько не собирал ни один из

назидательных монологов Сатурниона Деви. Кристиан легко парировал выпады соперника, который, быстро выдыхаясь, подкреплял свои движения выразительной мимикой да яростными выкриками. Кимура же был хладнокровен, как удав.

Джулия стояла в сторонке, нервно топая ногой. Да, несомненно, ее наставник перца любому задаст. А как держится безупречно! Картинка в рамке. Многие прибежали с фотоаппаратами — Донеро с момента своей «коронации» несколько ослабил узду и позволил студентам пользоваться техникой. Затрещали, защелкали затворы, замигали тут и там вспышки. Хотелось провалиться сквозь землю. Рядом, откуда ни возьмись, материализовалась Мирей.

— Quel avantageux! [63]Загляденье! Как он ловко владеет шпагой!

Джулия фыркнула, но ничего не ответила.

— Ты это... Прости меня за сентенции. Я думала, у вас как у большинства... Ну, любовь, — виновато проговорила Мирей. — Думала, что знаю жизнь, и всё опошляла.

— Да я и не обижаюсь, — отмахнулась Джулия, которая беседы по душам переваривала еще хуже, чем дуэли.

— Красиво дерется! — снова сказала Мирей. — Глаз не оторвать!

— Я не люблю, когда из-за меня проливают кровь, — сухо заметила Джулия. — Ни кровь, ни пот, ни другие физиологические жидкости.

— А я очень даже! — восторженно пискнула та. — Вот бы мой Жан так за меня сразился! Через две недели приезжает, — прибавила она, зардевшись.

— Никаких проблем! Я вам его уступаю, хоть на веки вечные! — съязвила Венто.

— Кого?!

— Моего кузена. Если уцелеет, конечно. Насовсем забирайте и деритесь с ним до умопомрачения! Только тут уж без нас.

— А вы что, куда-то собрались?! — удивилась Мирей.

Вот надо было Джулии ляпнуть!

Назавтра она всех известила о том, что улетает.

— Я проконсультировалась с Донеро, — говорила она, — и теперь я специалист по воздушным шарам!

Ее двоюродного брата дуэль вымотала совершенно. Он отдувался, прыгал с кочки на кочку, импровизировал, но под конец не выдержал и, обозвав Кристиана выхолощенным аристократом, бросил рапиру к его ногам.

— Неужто и правда улетаешь? — тоненьким голоском спросила Джейн. На глазах у нее выступили слезы.

— Повидаю мир... — мечтательно проговорила та.

— Крита тебе, выходит, мало, — буркнул Франческо. — Эдак ты никогда не угомонишься — станешь постоянно с места на место перепархивать. Как бы синьору Кимура не надоело...

Кристиан отдавал последние указания своему заместителю по кафедре, выверяя исследовательские проекты и уточняя координаты поставщиков. Затем кто-то из студентов видел его черную, величественную фигуру, которая со скоростью света пересекла парк и направилась ко входу в директорский корпус.

Донеро пожелал ему приятного пути и полюбопытствовал, будут ли они с Джулией пользоваться телепортатором.

— Нет, я считаю, путешествие ускорять незачем, — сказал Кимура.

— Да-да, согласен с вами! — подхватил географ. — Мгновения прекрасны! Каждое мгновение что капля золота. Так, говорите, отпуск на остаток лета?

— Если будет позволено, я бы отхватил еще кусочек осени, — прокашлялся Кимура.

— Ах, вот оно что! Бархатный сезон! Конечно, конечно! А не посвятите своего старого друга в план маршрута?

— Для меня это полная тайна, — признался человек-в-черном. — Картой и компасом распоряжается Джулия. Как и моей жизнью.

— Сильно сказано! — подмигнул Донеро.

— Да нет, вы неправильно поняли! — рассмеялся тот. — Она будет управлять шаром!

Когда Франческо, наконец, постиг, что Джулия имела в виду под словами «специалист по воздухоплаванию», глаза его вылезли из орбит.

— Ты нашего учителя в могилу сведешь!

— А вот и нет! Из меня навигатор вполне даже сносный!

— Но вы уж там поосторожней, — вставила Джейн, содрогаясь при мысли, что она могла бы оказаться с подругой в одной корзине.

— Не скучай! — ввернула неугомонная и вечно деятельная Роза, водя кисточкой по холсту.

Погода стояла теплая, солнечная; шныряли туда-сюда стайки птичек, клокотала в фонтане вода... Роза была в ударе: купидоны из окружившего фонтан скульптурного ансамбля выходили у нее на редкость складными. Только вот разве лица. С лицами творилось что-то неладное: первому — амуру с лютней — достались шевелюра и ухмылка Франческо, второму — строгая мина Мирей, третий заполучил кудряшки и личико Джулии. А когда Лиза случайно увидела, что сотворила художница с четвертым, то залилась краской и потребовала всё немедленно стереть.

— Оттянитесь, как следует, — хихикнула Кианг, заглядывая к Розе в холст.

— Да, но смотрите, не перегните палку. И с напитками поумеренней, — менторским тоном сказала Мирей. Ох уж эта Мирей! Ничем из нее морализма не выбьешь!

— Что-то затянулся наш обмен напутствиями, — заметила Джулия, поправляя свою длинную, до пят юбку из темно-зеленого крепдешина. Она сшила эту юбку и жакет — тон в тон — специально для путешествия и ужасно гордилась шляпкой, опоясанной широкой бежевой лентой и превосходно гармонирующей с остальным нарядом. Такие шляпки носили модницы Викторианской эпохи. Нечто подобное наверняка надевала Мэри Монтэгю [64], пускаясь в круиз вдоль берегов Африки, намереваясь завоевать Азию или покорить Европу. Как и Мэри, Джулия решила составлять путевые заметки. Через три или четыре месяца она вернется, чтобы покорить Академию.

Подобрав подол, она несколько неуклюже забралась в корзину.

— Руби канат! — скомандовала Венто топчущемуся на месте Рафаэлю, который до сих пор не соизволил вымолвить ни слова. Его попросили, а вернее, он сам напросился охранять шар, чем был весьма доволен, так как дежурить у книги предсказаний ему стало по-настоящему невыносимо. Стереги ее денно и нощно, в мрачной камерке с зарешеченным окном. На дворе лето, а ты стереги! В лучшем случае тебе разрешат погреться на солнышке, рядом с громадной черной дверью. Точно улитка, ты, делая шаг, неизменно остаешься при панцире. Приятного мало. Куда больше привлекала Рафаэля перспектива обходить дозором площадку сорок на сорок, карауля безмолвного гиганта высотой под тридцать метров.

— Рубить? — переспросил он. — Но ведь тогда шар взлетит!

— Ох, ну, разумеется, взлетит! — передразнила его Джулия. — А мне того и надо!

— Но как же синьор Кимура? — воскликнула Елизавета. — Вы разве не вместе отправляетесь?

Кристиан как раз спускался по ступенькам директорского корпуса, когда взгляд его случайно задержался на светлой верхушке купола. Аэростат как-то подозрительно покачивался и подрагивал. Не иначе, Джулия уже на взлетной площадке. Как бы чего не вышло!

Привычный к ее эскападам, Кимура, тем не менее, забеспокоился. Они ведь договаривались лететь вдвоем!

Со всех ног бросился он к полигону. На всякий случай Кристиан держал наготове ключ, но и ворота, и калитка оказались незапертыми.

На полигоне его поджидал неприятный сюрприз. Джулия уже почти избавилась от груза, и шар плавно поднимался в небо. Сбрасывая мешки с песком, девушка заливалась смехом, а в перерывах между приступами хохота снабжала друзей «дельными» советами:

— Ты, Франческо, гоголем не ходи! — кричала она сверху. Обрубок каната, по счастью, всё еще волочился по земле. — Да острог поменьше! Мужчину красит молчание.

В ответ ей, однако, сыпались прежние остроги, причем в двойном объеме, ибо Джейн, заступаясь за своего избранника, разошлась по-настоящему.

— А тебе, Кианг, лишний раз лучше не наводить тень на плетень да не распускать языка! Сплетни рождаются быстрее, чем дует ветер!

Тут Джулия заметила Кристиана, который был явно не в духе и что-то выкрикивал на бегу. Сделавшись от стыда пунцовой, она пригнулась, так что теперь из-за борта виднелась одна только ее шляпка. Взгляд метнулся к оставшемуся в углу гондолы грузу. А что если и его тоже сбросить? Кристиан ее, конечно, нагонит. На каком-нибудь летательном аппарате из коллекции Сатурниона Деви...

— Стой, Джулия! Стой! — донеслось до нее, и она вздрогнула, осторожно выглянув из корзины.

«Даже при всём желании, — подумала она, — я не смогла бы остановиться. Нет, сэнсэй. Если ветер подул, его уже ничем не сдержать».

Аризуну Кей подозвала Клеопатру, когда та удила в ручье рыбу. Поспешно смотав самодельную удочку, африканка вскочила с колен.

— Что это? Какая-то грядка? — Она вопросительно взглянула на хранительницу. Та показала ей обширный участок чернозема с только-только проклюнувшимися ростками. — Если нужно помочь, я к твоим услугам.

Японка лукаво прищурилась.

— Помню, как ты говорила, что считаешь себя обузой. Тебя одолевали опасения. Посмотри: отныне ты не будешь страдать от безделья. Как насчет небольшой бамбуковой рощи в нашем саду?

— Значит, грядка... То есть, участок, — поправились Клеопатра. — Значит, он...

— Да, он твой, твой! — закивала Аризуну Кей. — Бамбук особой заботы не требует — поливай его, как следует, да не забывай любоваться. А там, если придется тебе по нраву, можно еще что-нибудь посадить.

— Роща Клеопатры, — распробовав эти слова на вкус, кенийка засмеялась. — Звучит гордо!

И вдруг, охваченная чувством щемящей грусти и невыразимой, безграничной признательности, она прижалась к своей благодетельнице, чем немало ее удивила. — Спасибо тебе, Аризу-сан! Ты подарила мне новый дом и новую жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[62] Лян Сян — так звали веселую молодую девушку, которая каждое утро до рассвета выходила в чайные сады на сбор свежего чая, росшего на крутых склонах гор, и каждое утро туманы напитывали его своим мягким дыханием. Собирая чай, девушка настолько пропитывалась ароматом чая и влажного горного воздуха, что и сама начинала благоухать.

[63] Какой представительный! (фр.)

[64] Мэри Уортли Монтегю — английская писательница и путешественница. Известна научно ценными «Турецкими письмами», первым произведением светской женщины о мусульманском Востоке.